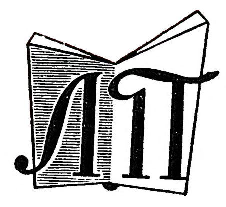
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Литературные Памятники

Н. В. ГОГОЛЬ

ТАРАС БУЛЬБА

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ
Е. И. ПРОХОРОВ
Н. Л. СТЕПАНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА
1963

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Н. Л. СТЕПАНОВ

Н. Гоголь

I

— А поворотись-ка, сын! Экой ты смешной какой! Что это на вас за поповские подрясники? И этак все ходят в академии [1]? — Такими словами встретил старый Бульба двух сыновей своих, учившихся в киевской бурсе и приехавших домой к отцу.

Сыновья его только что слезли с коней. Это были два дюжие молодца, еще смотревшие исподлобья, как недавно выпущенные семинаристы. Крепкие, здоровые лица их были покрыты первым пухом волос, которого еще не касалась бритва. Они были очень смущены таким приемом отца и стояли неподвижно, потупив глаза в землю.

— Стойте, стойте! дайте мне разглядеть вас хорошенько, — продолжал он, поворачивая их, — какие же длинные на вас свитки! экие свитки! таких свиток еще и на свете не было. А побеги который-нибудь из вас! я посмотрю, не шлепнется ли он на землю, запутавшись в полы.

— Не смейся, не смейся, батько! — сказал наконец старший из них.

— Смотри ты, какой пышный! а отчего ж бы не смеяться?

— Да так; хоть ты мне и батька, а как будешь смеяться, то, ей-богу, поколочу!

— Ах ты, сякой-такой сын! как, батьку? — сказал Тарас Бульба, отступивши с удивлением несколько шагов назад.

— Да хоть и батьку. За обиду не посмотрю и не уважу никого.

— Как же хочешь ты со мною биться, разве на кулаки?

— Да уж на чем бы то ни было.

— Ну, давай на кулаки! — говорил Тарас Бульба, засучив рукава, — посмотрю я, что за человек ты в кулаке!

И отец с сыном, вместо приветствия после давней отлучки, начали насаживать друг другу тумаки и в бока, и в поясницу, и в грудь, то отступая и оглядываясь, то вновь наступая.

— Смотрите, добрые люди: одурел старый! совсем спятил с ума! — говорила бледная, худощавая и добрая мать их, стоявшая у порога и не успевшая еще обнять ненаглядных детей своих. — Дети приехали домой, больше года их не видали, а он задумал невесть что: на кулаки биться!

— Да он славно бьется! — говорил Бульба, остановившись, — ей-богу, хорошо! — продолжал он, немного оправляясь, — так, хоть бы даже и не пробовать. Добрый будет казак! Ну, здорово, сынку! почеломкаемся! — И отец с сыном стали целоваться. — Добре, сынку! Вот так колоти всякого, как меня тузил: никому не спускай! а все-таки на тебе смешное убранство: что это за веревка висит? А ты, бейбас[2], что стоишь и руки опустил? — говорил он, обращаясь к младшему, — что ж ты, собачий сын, не поколотишь меня?

— Вот еще что выдумал! — говорила мать, обнимавшая между тем младшего, — и придет же в голову этакое, чтобы дитя родное било отца. Да будто и до того теперь: дитя молодое, проехало столько пути, утомилось... (это дитя было двадцати с лишком лет и ровно в сажень ростом), ему бы теперь нужно опочить и поесть чего-нибудь, а он заставляет его биться!

— Э, да ты мазунчик, как я вижу! — говорил Бульба. — Не слушай, сынку, матери: она баба, она ничего не знает. Какая вам нежба? Ваша нежба — чистое поле да добрый конь: вот ваша нежба! А видите вот эту саблю — вот ваша матерь! Это все дрянь, чем набивают головы ваши: и академии, и все те книжки, буквари, и философия, и все это *ка зна що,* — я плевать на все это! — Здесь Бульба пригнал в строку такое слово, которое даже не употребляется в печати. — А вот, лучше, я вас на той же неделе отправлю на Запорожье. Вот где наука! Там вам школа; там только наберетесь разуму.

— И всего только одну неделю быть им дома? — говорила жалостно, со слезами на глазах, худощавая старуха-мать. — И погулять им, бедным, не удастся, не удастся и дому родного узнать, и мне не удастся наглядеться на них!

— Полно, полно выть, старуха! Казак не на то, чтобы возиться с бабами. Ты бы спрятала их обоих себе под юбку, да и сидела бы на них, как на куриных яйцах. Ступай, ступай, да ставь нам скорее на стол все, что есть. Не нужно пампушек, медовиков, маковников и других пундиков[3]; тащи нам всего барана, козу давай, меды сорокалетние! да горелки побольше, не с выдумками горелки, не с изюмом и всякими вытребеньками, а чистой пенной горелки, чтоб играла и шипела, как бешеная.

Бульба повел сыновей своих в светлицу, откуда проворно выбежали две красивые девки-прислужницы в червонных монистах, прибиравшие комнаты. Они, как видно, испугались приезда паничей, не любивших спускать

никому, или же просто хотели соблюсти свой женский обычай: вскрикнуть и броситься опрометью, увидевши мужчину, и потом долго закрываться от сильного стыда рукавом. Светлица была убрана во вкусе того времени, — о котором живые намеки остались только в песнях да в народных думах, уже не поющихся больше на Украйне бородатыми старцами-слепцами в сопровождении тихого треньканья бандуры, в виду обступившего народа, — во вкусе того бранного, трудного времени, когда начались разыгрываться схватки и битвы на Украйне за унию[4]. Все было чисто, вымазано цветной глиною. На стенах — сабли, нагайки, сетки для птиц, невода и ружья, хитро обделанный рог для пороху, золотая уздечка на коня и путы с серебряными бляхами. Окна в светлице были маленькие, с круглыми тусклыми стеклами, какие встречаются ныне только в старинных церквах, сквозь которые иначе нельзя было глядеть, как приподняв надвижное стекло. Вокруг окон и дверей были красные отводы. На полках по углам стояли кувшины, бутыли и фляжки зеленого и синего стекла, резные серебряные кубки, позолоченные чарки всякой работы: венецейской, турецкой, черкесской, зашедшие в светлицу Бульбы всякими путями через третьи и четвертые руки, что было весьма обыкновенно в те удалые времена. Берестовые скамьи вокруг всей комнаты; огромный стол под образами в переднем углу; широкая печь с запечьями, уступами и выступами, покрытая цветными пестрыми изразцами. Все это было очень знакомо нашим двум молодцам, приходившим каждый год домой на каникулярное время, приходившим потому, что у них не было еще коней, и потому, что не в обычае было позволять школярам ездить верхом. У них были только длинные чубы, за которые мог выдрать их всякий казак, носивший оружие. Бульба только при выпуске их послал им из табуна своего пару молодых жеребцов.

Бульба по случаю приезда сыновей велел созвать всех сотников и весь полковой чин, кто только был налицо; и когда пришли двое из них и есаул Дмитро Товкач, старый его товарищ, он им тот же час представил сыновей, говоря: «Вот, смотрите, какие молодцы! на Сечь их скоро пошлю». Гости поздравили и Бульбу и обоих юношей и сказали им, что доброе дело делают и что нет лучшей науки для молодого человека, как Запорожская Сечь.

— Ну ж, паны-браты, садись всякий, где кому лучше, за стол. Ну, сынки! прежде всего выпьем горелки! — так говорил Бульба. — Боже, благослови! Будьте здоровы, сынки: и ты, Остап, и ты, Андрий! Дай же боже, чтоб вы на войне всегда были удачливы! чтоб бусурманов били, и турков бы били, и татаров били бы, когда и ляхи начнут что против веры нашей чинить, то и ляхов бы били. Ну, подставляй свою чарку; что, хороша горелка? А как по-латини горелка? То-то, сынку, дурни были латинцы: они и не знали, есть ли на свете горелка. Как, бишь, того звали, что латинские вирши писал? Я грамоте разумею не сильно, а потому и не знаю: Гораций, что ли?

«Вишь, какой батька! — подумал про себя старший сын, Остап. — Все, старая собака, знает, а еще и прикидывается».

— Я думаю, архимандрит не давал вам и понюхать горелки, — продолжал Тарас. — А признайтесь, сынки, крепко стегали вас березовыми и свежим вишняком по спине и по всему, что ни есть у казака? А может, так как вы сделались уже слишком разумные, так, может, и плетюганами пороли; чай, не только по субботам, а доставалось и в среду и в четверг?

— Нечего, батько, вспоминать, что было, — отвечал Остап, — что было, то прошло!

— Пусть теперь попробует! — сказал Андрий, — пускай теперь кто-нибудь только зацепит; вот пусть только подвернется теперь какая-нибудь татарва, будет знать она, что за вещь казацкая сабля!

— Добре, сынку! ей-богу, добре! Да когда на то пошло, то и я с вами еду! ей-богу, еду. Какого дьявола мне здесь ждать? чтоб я стал гречкосеем,[5] домоводом, глядеть за овцами да за свиньями да бабиться с женой? Да пропади они: я казак, не хочу! Так что же, что нет войны? я так поеду с вами на Запорожье, погулять; ей-богу, поеду! — И старый Бульба мало-помалу горячился, горячился, наконец рассердился совсем, встал из-за стола, и, приосанившись, топнул ногою. — Завтра же едем! зачем откладывать? какого врага мы можем здесь высидеть? на что нам эта хата? к чему нам все это? на что эти горшки? — Сказавши это, он начал колотить и швырять горшки и фляжки.

Бедная старушка, привыкшая уже к таким поступкам своего мужа, печально глядела, сидя на лавке. Она не смела ничего говорить; но, услыша о таком страшном для нее решении, она не могла удержаться от слез; взглянула на детей своих, с которыми угрожала ей такая скорая разлука, — и никто бы не мог описать всей безмолвной силы ее горести, которая, казалось, трепетала в глазах ее и в судорожно сжатых губах.

Бульба был упрям страшно. Это был один из тех характеров, которые могли возникнуть только в тяжелый XV век на полукочующем углу Европы, когда вся южная первобытная Россия, оставленная своими князьями, была опустошена, выжжена дотла неукротимыми набегами монгольских хищников; когда, лишившись дома и кровли, стал здесь отважен человек; когда на пожарищах, в виду грозных соседей и вечной опасности, селился он и привыкал глядеть им прямо в очи, разучившись знать, существует ли какая боязнь на свете; когда бранным пламенем объялся древлемирный славянский дух и завелось казачество — широкая, разгульная замашка русской природы, и когда все поречья, перевозы, прибрежные пологие и удобные места усеялись казаками, которым и счету никто не ведал, и смелые товарищи их были вправе отвечать султану, пожелавшему знать о числе их: «Кто их знает! у нас их раскидано по всему степу: что

байрак [6], то казак» (где маленький пригорок, там уж и казак). Это было, точно, необыкновенное явленье русской силы: его вышибло из народной груди огниво бед. Вместо прежних уделов, мелких городков, наполненных псарями и ловчими, вместо враждующих и торгующих городами мелких князей возникли грозные селения, курени и околицы, связанные общей опасностью и ненавистью против нехристианских хищников. Уже известно всем из истории, как их вечная борьба и беспокойная жизнь спасли Европу от неукротимых набегов, грозивших ее опрокинуть. Короли польские, очутившиеся, наместо удельных князей, властителями этих пространных земель, хотя отдаленными и слабыми, поняли значение казаков и выгоды такой бранной сторожевой жизни. Они поощряли их и льстили этому расположению. Под их отдаленною властью гетманы, избранные из среды самих же казаков, преобразовали околицы и курени в полки и правильные округи. Это не было строевое собранное войско, его бы никто не увидал; но в случае войны и общего движенья, в восемь дней, не больше, всякий являлся на коне во всем своем вооружении, получа один только червонец платы от короля, и в две недели набиралось такое войско, какого бы не в силах были набрать никакие рекрутские наборы. Кончился поход — воин уходил в луга и пашни, на днепровские перевозы, ловил рыбу, торговал, варил пиво и был вольный казак. Современные иноземцы справедливо дивились тогда необыкновенным способностям его. Не было ремесла, которого бы не знал казак: накурить вина, снарядить телегу, намолоть пороху, справить кузнецкую, слесарную работу и, в прибавку к тому, — гулять напропалую, пить и бражничать, как только может один русский, — все это было ему по плечу. Кроме рейстровых казаков [7], считавших обязанностью являться во время войны, можно было во всякое время, в случае большой потребности, набрать целые толпы охочекомонных [8]: стоило только есаулам пройти по рынкам и площадям всех сел и местечек и прокричать во весь голос, ставши на телегу: «Эй вы, пивники [9], броварники [10], полно вам пиво варить, да валяться по запечьям, да кормить своим жирным телом мух! Ступайте славы рыцарской и чести добиваться! Вы, плугари, гречкосеи, овцеводы, баболюбы, полно вам за плугом ходить да пачкать в земле свои желтые чоботы, да подбираться к жинкам и губить силу рыцарскую! пора доставать казацкой славы!» И слова эти были как искры, падающие на сухое дерево. Пахарь ломал свой плуг, бровары и пивовары кидали свои кадки и разбивали бочки, ремесленник и торгаш посылал к черту и ремесло и лавку, бил горшки в доме — и все, что ни было, садилось на коня. Словом, русский характер получил здесь могучий, широкий размах, крепкую наружность.

Тарас был один из числа коренных, старых полковников: весь был он создан для бранной тревоги и отличался грубой прямотой своего нрава. Тогда влияние Польши начинало уже оказываться на русском дворянстве.

Многие перенимали уже польские обычаи, заводили роскошь, великолепные прислуги, соколов, ловчих, обеды, дворы. Тарасу было это не по сердцу. Он любил простую жизнь казаков и перессорился с теми из своих товарищей, которые были наклонны к варшавской стороне, называя их холопьями польских панов. Вечно неугомонный, он считал себя законным защитником православия. Самоуправно входил в села, где только жаловались на притеснения арендаторов и на прибавку новых пошлин с дыма. Сам с своими казаками производил над ними расправу и положил себе правилом, что в трех случаях всегда следует взяться за саблю, именно: когда комиссары не уважали в чем старшин и стояли перед ними в шапках, когда глумились над православием и не чтили обычая предков и, наконец, когда враги были бусурманы и турки, против которых он считал во всяком случае позволительным поднять оружие во славу христианства. Теперь он тешил себя заранее мыслию, как он явится с двумя сыновьями своими в Сечь и скажет: «Вот посмотрите, каких я молодцов привел к вам!»; как представит их всем старым, закаленным в битвах товарищам; как поглядит на первые подвиги их в ратной науке и бражничестве, которое почиталось тоже одним из главных достоинств рыцаря. Он сначала хотел было отправить их одних; но при виде их свежести, рослости, могучей телесной красоты вспыхнул воинский дух его, и он на другой же день решился ехать с ними сам, хотя необходимостью этого была одна упрямая воля. Он уже хлопотал и отдавал приказы, выбирал коней и сбрую для молодых сыновей, наведывался и в конюшни и в амбары, отобрал слуг, которые должны были завтра с ними ехать. Есаулу Товкачу передал свою власть вместе с крепким наказом явиться сей же час со всем полком, если только он подаст из Сечи какую-нибудь весть. Хотя он был и навеселе и в голове его еще бродил хмель, однако ж не забыл ничего; даже отдал приказ напоить коней и всыпать им в ясли крупной и лучшей пшеницы, и пришел усталый от своих забот.

— Ну, дети, теперь надобно спать, а завтра будем делать то, что бог даст. Да не стели нам постель! нам не нужна постель: мы будем спать на дворе.

Ночь еще только что обняла небо, но Бульба всегда ложился рано. Он развалился на ковре, накрылся бараньим тулупом, потому что ночной воздух был довольно свеж и потому что Бульба любил укрыться потеплее, когда был дома. Он вскоре захрапел, и за ним последовал весь двор; все, что ни лежало в разных его углах, захрапело и запело; прежде всего заснул сторож, потому что более всех напился для приезда паничей.

Одна бедная мать не спала; она приникла к изголовью дорогих сыновей своих, лежавших рядом; она расчесывала гребнем их молодые, небрежно всклоченные кудри и смачивала их слезами; она глядела на них вся, глядела всеми чувствами, вся превратилась в одно зрение и не могла на-

глядеться. Она вскормила их собственною грудью; она возрастила, взлелеяла их — и только на один миг видит их перед собою! «Сыны мои, сыны мои милые! что будет с вами? что ждет вас?» — говорила она, и слезы остановились в морщинах, изменивших прекрасное когда-то лицо ее. В самом деле, она была жалка, как всякая женщина того удалого века. Она миг только жила любовью, только в первую горячку страсти, в первую горячку юности, и уже суровый прельститель ее покидал ее для сабли, для товарищей, для бражничества. Она видела мужа в год два-три дня, и потом несколько лет о нем не бывало слуху. Да и когда виделась с ним, когда они жили вместе, что за жизнь ее была? Она терпела оскорбления, даже побои; она видела ласки, оказываемые только из милости; она была какое-то странное существо в этом сборище безженных рыцарей, на которых разгульное Запорожье набрасывало суровый колорит свой. Молодость без наслаждения мелькнула перед нею, и ее прекрасные свежие щеки и перси без лобзаний отцвели и покрылись преждевременными морщинами. Вся любовь, все чувства, все, что есть нежного и страстного в женщине, все обратилось у нее в одно материнское чувство. Она с жаром, с страстью, со слезами, как степная чайка, вилась над детьми своими. Ее сыновей, ее милых сыновей берут от нее; берут для того, чтобы не увидеть их никогда! Кто знает, может быть при первой битве татарин срубит им головы и она не будет знать, где лежат брошенные тела их, которые расклюет хищная подорожная птица, а за каждую каплю крови их она отдала бы себя всю. Рыдая, глядела она им в очи, когда всемогущий сон начинал уже смыкать их, и думала: «Авось-либо Бульба, проснувшись, отсрочит денька на два отъезд; может быть, он задумал оттого так скоро ехать, что много выпил».

Месяц с вышины неба давно уже озарял весь двор, наполненный спящими, густую кучу верб и высокий бурьян, в котором потонул частокол, окружавший двор. Она все сидела в головах милых сыновей своих, ни на минуту не сводила с них глаз и не думала о сне. Уже кони, чуя рассвет, все полегли на траву и перестали есть; верхние листья верб начали лепетать, и мало-помалу лепечущая струя спустилась по ним до самого низу. Она просидела до света, вовсе не утомилась и внутренне желала, чтобы ночь протянулась как можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржание жеребенка; красные полосы ясно сверкнули на небе.

Бульба вдруг проснулся и вскочил; он очень хорошо помнил все, что приказывал вчера.

— Ну, хлопцы, полно спать! пора, пора! Напойте коней! А где стара̀? (так он обыкновенно называл жену свою). Живее, стара, готовь нам есть: путь лежит великий!

Бедная старушка, лишенная последней надежды, уныло поплелась в хату. Между тем как она со слезами готовила все, что нужно к завтраку,

Бульба раздавал свои приказания, возился на конюшне и сам выбирал для детей своих лучшие убранства. Бурсаки вдруг преобразились; на них явились, вместо прежних запачканных сапогов, сафьянные красные с серебряными подковами; шаровары шириною в Черное море, с тысячью складок и со сборами, перетянулись золотым очкуром [11]; к очкуру прицеплены были длинные ремешки, с кистями и прочими побрякушками для трубки. Казакин алого цвета, сукна яркого, как огонь, опоясался узорчатым поясом; чеканные турецкие пистолеты были засунуты за пояс; сабля брякала по ногам. Их лица, еще мало загоревшие, казалось, похорошели и побелели; молодые черные усы теперь как-то ярче оттеняли белизну их и здоровый, мощный цвет юности; они были хороши под черными бараньими шапками с золотым верхом. Бедная мать как увидела их, и слова не могла промолвить, и слезы остановились в глазах ее.

— Ну, сыны, все готово! нечего мешкать! — произнес, наконец, Бульба. — Теперь, по обычаю христианскому, нужно перед дорогою всем присесть.

Все сели, не выключая даже и хлопцев, стоявших почтительно у дверей.

— Теперь благослови, мать, детей своих! — сказал Бульба, — моли бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь лыцарскую *, чтобы стояли всегда за веру Христову, а не то пусть лучше пропадут, чтобы и духу их не было на свете! Подойдите, дети, к матери: молитва материнская и на воде и на земле спасает!

Мать, слабая как мать, обняла их, вынула две небольшие иконы, надела им, рыдая, на шею.

— Пусть хранит вас... божья матерь... не забывайте, сынки, мать вашу... пришлите хоть весточку о себе... — далее она не могла говорить.

— Ну, пойдем, дети! — сказал Бульба.

У крыльца стояли оседланные кони. Бульба вскочил на своего Черта, который бешено отшатнулся, почувствовав на себе двадцатипудовое бремя, потому что Тарас был чрезвычайно тяжел и толст.

Когда увидела мать, что уже и сыны ее сели на коней, она кинулась к меньшому, у которого в чертах лица выражалось более какой-то нежности; она схватила его за стремя, она прилипла к седлу его и с отчаяньем в глазах не выпускала его из рук своих. Два дюжих казака взяли ее бережно и унесли в хату. Но когда выехали они за ворота, со всею легкостию дикой козы, несообразно летам, выбежала она за ворота, с непостижимою силою остановила лошадь и обняла одного из сыновей с какою-то помешанною, бесчувственною горячностию; ее опять увели.

Молодые казаки ехали смутно и удерживали слезы, боясь отца, который, с своей стороны, был тоже несколько смущен, хотя старался этого не

---

* Рыцарскую.

показывать. День был серый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали как-то вразлад. Они, проехавши, оглянулись назад: хутор их как будто ушел в землю; только видны были над землей две трубы скромного их домика, да вершины дерев, по сучьям которых они лазили, как белки; еще стлался перед ними тот луг, по которому они могли припомнить всю историю своей жизни, от лет, когда валялись по росистой траве его, до лет, когда поджидали на нем чернобровую казачку, боязливо перелетавшую через него с помощию своих свежих, быстрых ног. Вот уже один только шест над колодцем с привязанным вверху колесом от телеги одиноко торчит в небе; уже равнина, которую они проехали, кажется издали горою и все собою закрыла... Прощайте и детство, и игры, и все, и все!

II

Все три всадника ехали молчаливо. Старый Тарас думал о давнем: перед ним проходила его молодость, его лета, его протекшие лета, о которых всегда плачет казак, желавший бы, чтобы вся жизнь его была молодость. Он думал о том, кого он встретит на Сечи из своих прежних сотоварищей. Он вычислял, какие уже перемерли, какие живут еще. Слеза тихо круглилась на его зенице, и поседевшая голова его уныло понурилась.

Сыновья его были заняты другими мыслями. Но нужно сказать поболее о сыновьях его. Они были отданы по двенадцатому году в Киевскую академию, потому что все почетные сановники тогдашнего времени считали необходимостью дать воспитание своим детям, хотя это делалось с тем, чтобы после совершенно позабыть его. Они тогда были, как все поступавшие в бурсу [12], дики, воспитаны на свободе, и там уже обыкновенно они несколько шлифовались и получали что-то общее, делавшее их похожими друг на друга. Старший, Остап, начал с того свое поприще, что в первый еще год бежал. Его возвратили, высекли страшно и засадили за книгу. Четыре раза закапывал он свой букварь в землю, и четыре раза, отодравши его бесчеловечно, покупали ему новый. Но без сомнения, он повторил бы и в пятый, если бы отец не дал ему торжественного обещания продержать его в монастырских служках целые двадцать лет и не поклялся наперед, что он не увидит Запорожья вовеки, если не выучится в академии всем наукам. Любопытно, что это говорил тот же самый Тарас Бульба, который бранил всю ученость и советовал, как мы уже видели, детям вовсе не заниматься ею. С этого времени Остап начал с необыкновенным старанием сидеть за скучною книгою и скоро стал наряду с лучшими. Тогдашний род учения страшно расходился с образом жизни: эти схоластические, грамматические, реторические и логические тонкости решительно не прикасались ко времени, никогда не применялись и не повторялись

в жизни. Учившиеся им ни к чему не могли привязать своих познаний, хотя бы даже менее схоластических. Самые тогдашние ученые более других были невежды, потому что вовсе были удалены от опыта. Притом же это республиканское устройство бурсы, это ужасное множество молодых, дюжих, здоровых людей — все это должно было им внушить деятельность совершенно вне их учебного занятия. Иногда плохое содержание, иногда частые наказания голодом, иногда многие потребности, возбуждающиеся в свежем, здоровом, крепком юноше, — все это, соединившись, рождало в них ту предприимчивость, которая после развивалась на Запорожье. Голодная бурса рыскала по улицам Киева и заставляла всех быть осторожными. Торговки, сидевшие на базаре, всегда закрывали руками своими пироги, бублики, семечки из тыкв, как орлицы детей своих, если только видели проходившего бурсака. Консул [13], долженствовавший, по обязанности своей, наблюдать над подведомственными ему сотоварищами, имел такие страшные карманы в своих шароварах, что мог поместить туда всю лавку зазевавшейся торговки. Эти бурсаки составляли совершенно отдельный мир: в круг высший, состоявший из польских и русских дворян, они не допускались. Сам воевода, Адам Кисель [14], несмотря на оказываемое покровительство академии, не вводил их в общество и приказывал держать их построже. Впрочем, это наставление было вовсе излишне, потому что ректор и профессоры-монахи не жалели лоз и плетей, и часто ликторы [15] по их приказанию пороли своих консулов так жестоко, что те несколько недель почесывали свои шаровары. Многим из них это было вовсе ничего и казалось немного чем крепче хорошей водки с перцем; другим, наконец, сильно надоедали такие беспрестанные припарки, и они убегали на Запорожье, если умели найти дорогу и если не были перехватываемы на пути. Остап Бульба, несмотря на то, что начал с большим старанием учить логику и даже богословие, никак не избавлялся неумолимых розог. Естественно, что все это должно было как-то ожесточить характер и сообщить ему твердость, всегда отличавшую казаков. Остап считался всегда одним из лучших товарищей. Он редко предводительствовал другими в дерзких предприятиях — обобрать чужой сад или огород, но зато он был всегда одним из первых, приходивших под знамена предприимчивого бурсака, и никогда, ни в каком случае, не выдавал своих товарищей; никакие плети и розги не могли заставить его это сделать. Он был суров к другим побуждениям, кроме войны и разгульной пирушки; по крайней мере никогда почти о другом не думал. Он был прямодушен с равными. Он имел доброту в таком виде, в каком она могла только существовать при таком характере и в тогдашнее время. Он душевно был тронут слезами бедной матери, и это одно только его смущало и заставляло задумчиво опустить голову.

Меньшой брат его, Андрий, имел чувства несколько живее и как-то бо-

лее развитые. Он учился охотнее и без напряжения, с каким обыкновенно принимается тяжелый и сильный характер. Он был изобретательнее своего брата; чаще являлся предводителем довольно опасного предприятия и иногда, с помощию изобретательного ума своего, умел увертываться от наказания, тогда как брат его, Остап, отложивши всякое попечение, скидал с себя свитку и ложился на пол, вовсе не думая просить о помиловании. Он также кипел жаждою подвига, но вместе с нею душа его была доступна и другим чувствам. Потребность любви вспыхнула в нем живо, когда он перешел за восьмнадцать лет; женщина чаще стала представляться горячим мечтам его; он, слушая философские диспуты, видел ее поминутно, свежую, черноокую, нежную; пред ним беспрерывно мелькали ее сверкающие, упругие перси, нежная, прекрасная, вся обнаженная рука; самое платье, облипавшее вокруг ее девственных и вместе мощных членов, дышало в мечтах его каким-то невыразимым сладострастием. Он тщательно скрывал от своих товарищей эти движения страстной юношеской души, потому что в тогдашний век было стыдно и бесчестно думать казаку о женщине и любви, не отведав битвы. Вообще в последние годы он реже являлся предводителем какой-нибудь ватаги, но чаще бродил один где-нибудь в уединенном закоулке Киева, потопленном в вишневых садах, среди низеньких домиков, заманчиво глядевших на улицу. Иногда он забирался и в улицу аристократов, в нынешнем старом Киеве, где жили малороссийские и польские дворяне и где домы были выстроены с некоторою прихотливостию. Один раз, когда он зазевался, на него почти наехала колымага какого-то польского пана, и сидевший на козлах возница с престрашными усами хлыстнул его довольно исправно бичом. Молодой бурсак вскипел: с безумною смелостию схватил он мощною рукою своею за заднее колесо и остановил колымагу. Но кучер, опасаясь разделки, ударил по лошадям, они рванули — и Андрий, к счастию успевший отхватить руку, шлепнулся на землю прямо лицом в грязь. Самый звонкий и гармонический смех раздался над ним. Он поднял глаза и увидел стоявшую у окна красавицу, какой еще не видывал отроду: черноглазую и белую, как снег, озаренный утренним румянцем солнца. Она смеялась от всей души, и смех придавал сверкающую силу ее ослепительной красоте. Он оторопел. Он глядел на нее, совсем потерявшись, рассеянно обтирая с лица своего грязь, которою еще более замазывался. Кто бы была эта красавица? Он хотел было узнать от дворни, которая толпою, в богатом убранстве, стояла за воротами, окружив игравшего молодого бандуриста. Но дворня подняла смех, увидевши его запачканную рожу, и не удостоила его ответом. Наконец он узнал, что это была дочь приехавшего на время ковенского воеводы. В следующую же ночь, с свойственною одним бурсакам дерзостию, он пролез через частокол в сад, взлез на дерево, которое раскидывалось ветвями на самую крышу дома; с дерева перелез он на крышу и через трубу камина

пробрался прямо в спальню красавицы, которая в это время сидела перед свечою и вынимала из ушей своих дорогие серьги. Прекрасная полячка так испугалась, увидевши вдруг перед собою незнакомого человека, что не могла произнести ни одного слова; но когда приметила, что бурсак стоял, потупив глаза и не смея от робости пошевелить рукою, когда узнала в нем того же самого, который хлопнулся перед ее глазами на улице, смех вновь овладел ею. Притом в чертах Андрия ничего не было страшного: он был очень хорош собою. Она от души смеялась и долго забавлялась над ним. Красавица была ветрена, как полячка; но глаза ее, глаза чудесные, пронзительно-ясные, бросали взгляд долгий, как постоянство. Бурсак не мог пошевелить рукою и был связан, как в мешке, когда дочь воеводы смело подошла к нему, надела ему на голову свою блистательную диадему, повесила на губы ему серьги и накинула на него кисейную прозрачную шемизетку[16] с фестонами, вышитыми золотом. Она убирала его и делала с ним тысячу разных глупостей с развязностию дитяти, которою отличаются ветреные полячки и которая повергла бедного бурсака в большее еще смущение. Он представлял смешную фигуру, раскрывши рот и глядя неподвижно в ее ослепительные очи. Раздавшийся в это время у дверей стук испугал ее. Она велела ему спрятаться под кровать, и, как только беспокойство прошло, кликнула свою горничную, пленную татарку, и дала ей приказание осторожно вывесть его в сад и оттуда отправить через забор. Но на этот раз бурсак наш не так счастливо перебрался через забор: проснувшийся сторож хватил его порядочно по ногам, и собравшаяся дворня долго колотила его уже на улице, покамест быстрые ноги не спасли его. После этого проходить мимо дома было очень опасно, потому что дворня у воеводы была многочисленна. Он встретил ее еще раз в костеле: она заметила его и очень приятно усмехнулась, как давнему знакомому; он видел ее вскользь еще один раз, и после этого воевода ковенский скоро уехал, и вместо прекрасной черноглазой полячки выглядывало из окон какое-то толстое лицо. Вот о чем думал Андрий, повесив голову и потупив глаза в гриву коня своего.

А между тем степь уже давно приняла их всех в свои зеленые объятия, и высокая трава, обступивши, скрыла их, и только черные казачьи шапки одни мелькали между ее колосьями.

— Э, э! что же это вы, хлопцы, так притихли? — сказал, наконец, Бульба, очнувшись от своей задумчивости, — как будто какие-нибудь чернецы! Ну, разом все думки к нечистому! Берите в зубы люльки, да закурим, да пришпорим коней, да полетим так, чтобы и птица не угналась за нами!

И казаки, принагнувшись к коням, пропали в траве. Уже и черных шапок нельзя было видеть; одна только струя сжимаемой травы показывала след их быстрого бега.

Солнце выглянуло давно на расчищенном небе и живительным, тепло-

творным светом своим облило степь. Все, что смутно и сонно было на душе у казаков, вмиг слетело; сердца их встрепенулись, как птицы.

Степь, чем далее, тем становилась прекраснее. Тогда весь юг, все то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию, до самого Черного моря, было зеленою, девственною пустынею. Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений; одни только кони, скрывавшиеся в них, как в лесу, вытаптывали их. Ничего в природе не могло быть лучше: вся поверхность земли представлялась зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов. Сквозь тонкие, высокие стебли травы сквозили голубые, синие и лиловые волошки [17]; желтый дрок [18] выскакивал вверх своею пирамидальною верхушкою; белая кашка зонтикообразными шапками пестрела на поверхности; занесенный бог знает откуда колос пшеницы наливался в гуще. Под тонкими их корнями шныряли куропатки, вытянув свои шеи. Воздух был наполнен тысячью разных птичьих свистов. В небе неподвижно стояли ястребы, распластав свои крылья и неподвижно устремив глаза свои в траву. Крик двигавшейся в стороне тучи диких гусей отдавался бог весть в каком дальнем озере. Из травы подымалась мерными взмахами чайка и роскошно купалась в синих волнах воздуха; вон она пропала в вышине и только мелькает одною черною точкою! вон она перевернулась крылами и блеснула перед солнцем!.. Черт вас возьми, степи, как вы хороши!..

Наши путешественники останавливались только на несколько минут для обеда, причем ехавший с ними отряд, состоявший из десяти казаков, слезал с лошадей, отвязывал деревянные баклажки с горелкою и тыквы, употребляемые вместо сосудов. Ели только хлеб с салом или коржи, пили только по одной чарке, единственно для подкрепления, потому что Тарас Бульба не позволял никогда напиваться в дороге, и продолжали путь до вечера.

Вечером вся степь совершенно переменялась: все пестрое пространство ее охватывалось последним ярким отблеском солнца и постепенно темнело, так что видно было, как тень перебегала по нем, и она становилась темно-зеленою; испарения подымались гуще; каждый цветок, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовонием. По небу, изголуба-темному, как будто исполинскою кистью наляпаны были широкие полосы из розового золота; изредка белели клоками легкие и прозрачные облака, и самый свежий, обольстительный, как морские волны, ветерок едва колыхался по верхушкам травы и чуть дотрогивался до щек. Вся музыка, звучавшая днем, утихала и сменялась другою. Пестрые суслики выпалзывали из нор своих, становились на задние лапки и оглашали степь свистом. Трещание кузнечиков становилось слышнее. Иногда слышался из какого-нибудь уединенного озера крик лебедя и, как серебро, отдавался в воздухе. Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлег,

раскладывали огонь и ставили на него котел, в котором варили себе кулиш; пар отделялся и косвенно дымился на воздухе. Поужинав, казаки ложились спать, пустивши по траве спутанных коней своих. Они раскидывались на свитках. На них прямо глядели ночные звезды. Они слышали своим ухом весь бесчисленный мир насекомых, наполнявших траву: весь их треск, свист, стрекотанье, — все это звучно раздавалось среди ночи, очищалось в свежем воздухе и убаюкивало дремлющий слух. Если же кто-нибудь из них подымался и вставал на время, то ему представлялась степь усеянною блестящими искрами светящихся червей. Иногда ночное небо в разных местах освещалось дальним заревом от выжигаемого по лугам и рекам сухого тростника, и темная вереница лебедей, летевших на север, вдруг освещалась серебряно-розовым светом, и тогда казалось, что красные платки летели по темному небу.

Путешественники ехали без всяких приключений. Нигде не попадались им деревья: все та же бесконечная, вольная, прекрасная степь. По временам только в стороне синели верхушки отдаленного леса, тянувшегося по берегам Днепра. Один только раз Тарас указал сыновьям на маленькую, черневшую в дальней траве точку, сказавши: «Смотрите, детки, вон скачет татарин!» Маленькая головка с усами уставила издали прямо на них узенькие глаза свои, понюхала воздух, как гончая собака, и, как серна, пропала, увидевши, что казаков было тринадцать человек. «А ну, дети, попробуйте догнать татарина! и не пробуйте; вовеки не поймаете: у него конь быстрее моего Черта». Однако ж Бульба взял предосторожность, опасаясь где-нибудь скрывшейся засады. Они прискакали к небольшой речке, называвшейся Татаркою, впадающей в Днепр, кинулись в воду с конями своими и долго плыли по ней, чтобы скрыть свой след, и тогда уже, выбравшись на берег, они продолжали путь. Чрез три дня после этого они были уже недалеко от места, бывшего предметом их поездки. В воздухе вдруг захолодело: они почувствовали близость Днепра. Вот он сверкает вдали и темною полосою отделился от горизонта. Он веял холодными волнами и расстилался ближе, ближе и, наконец, обхватил половину всей поверхности земли. Это было то место Днепра, где он, дотоле спертый порогами, брал наконец свое и шумел, как море, разлившись по воле, где брошенные в средину его острова вытесняли его еще далее из берегов и волны его стлались широко по земле, не встречая ни утесов, ни возвышений. Казаки сошли с коней своих, взошли на паром и через три часа плавания были уже у берегов острова Хортицы, где была тогда Сечь, так часто переменявшая свое жилище.

Куча народу бранилась на берегу с перевозчиками. Казаки оправили коней. Тарас приосанился, стянул на себе покрепче пояс и гордо провел рукою по усам. Молодые сыны его тоже осмотрели себя с ног до головы с каким-то страхом и неопределенным удовольствием, — и все вместе

въехали в предместье, находившееся за полверсты от Сечи. При въезде их оглушили пятьдесят кузнецких молотов, ударявших в двадцати пяти кузницах, покрытых дерном и вырытых в земле. Сильные кожевники сидели под навесом крылец на улице и мяли своими дюжими руками бычачьи кожи; крамари[19] под ятками[20] сидели с кучами кремней, огнивами и порохом; армянин развесил дорогие платки; татарин ворочал на рожнах бараньи катки с тестом; жид, выставив вперед свою голову, цедил из бочки горелку. Но первый, кто попался им навстречу, это был запорожец, спавший на самой средине дороги, раскинув руки и ноги. Тарас Бульба не мог не остановиться и не полюбоваться на него.

— Эх, как важно развернулся! Фу ты, какая пышная фигура! — говорил он, остановивши коня.

В самом деле, это была картина довольно смелая: запорожец, как лев, растянулся на дороге; закинутый гордо чуб его захватывал на пол-аршина земли; шаровары алого дорогого сукна были запачканы дегтем для показания полного к ним презрения. Полюбовавшись, Бульба пробирался далее по тесной улице, которая была загромождена мастеровыми, тут же отправлявшими ремесло свое, и людьми всех наций, наполнявшими это предместие Сечи, которое было похоже на ярмарку и которое одевало и кормило Сечь, умевшую только гулять да палить из ружей.

Наконец они миновали предместие и увидели несколько разбросанных куреней, покрытых дерном или, по-татарски, войлоком. Иные уставлены были пушками. Нигде не видно было забора или тех низеньких домиков с навесами на низеньких деревянных столбиках, какие были в предместье. Небольшой вал и засека, не хранимые решительно никем, показывали страшную беспечность. Несколько дюжих запорожцев, лежавших с трубками в зубах на самой дороге, посмотрели на них довольно равнодушно и не сдвинулись с места. Тарас осторожно проехал с сыновьями между них, сказавши: «Здравствуйте, панове!» — «Здравствуйте и вы!» — отвечали запорожцы. Везде, по всему полю, живописными кучами пестрел народ. По смуглым лицам видно было, что все были закалены в битвах, испробовали всяких невзгод. Так вот она, Сечь! Вот то гнездо, откуда вылетают все те гордые и крепкие, как львы! вот откуда разливается воля и казачество на всю Украйну!

Путники выехали на обширную площадь, где обыкновенно собиралась рада. На большой опрокинутой бочке сидел запорожец без рубашки; он держал ее в руках и медленно зашивал на ней дыры. Им опять перегородила дорогу целая толпа музыкантов, в середине которых отплясывал молодой запорожец, заломивши шапку чертом и вскинувши руками. Он кричал только: «Живее играйте, музыканты! не жалей, Фома, горелки православным христианам!» И Фома, с подбитым глазом, мерял без счету каждому пристававшему по огромнейшей кружке. Около молодого запорожца

четверо старых выработывали довольно мелко ногами, вскидывались, как вихорь, на сторону, почти на голову музыкантам, и вдруг, опустившись, неслися вприсядку и били круто и крепко своими серебряными подковами плотно убитую землю. Земля глухо гудела на всю окружность, и в воздухе далече отдавались гопаки и тропаки, выбиваемые звонкими подковами сапогов. Но один всех живее вскрикивал и летел вслед за другими в танце. Чуприна развевалась по ветру, вся открыта была сильная грудь; теплый зимний кожух был надет в рукава, и пот градом лил с него, как из ведра. «Да сними хоть кожух! — сказал, наконец, Тарас, — видишь, как парит!» — «Не можно!» — кричал запорожец. «Отчего?» — «Не можно; у меня уж такой нрав: что скину, то пропью». А шапки уж давно не было на молодце, ни пояса на кафтане, ни шитого платка: все пошло куда следует. Толпа росла; к танцующим приставали другие, и нельзя было видеть без внутреннего движенья, как все отдирало танец самый вольный, самый бешеный, какой только видел когда-либо свет и который, по своим мощным изобретателям, назван казачком.

— Эх, если бы не конь! — вскрикнул Тарас, — пустился бы, право, пустился бы сам в танец!

А между тем в народе стали попадаться и уваженные по заслугам всею Сечью, седые, старые чубы, бывавшие не раз старшинами. Тарас скоро встретил множество знакомых лиц. Остап и Андрий слышали только приветствия: «А, это ты, Печерица! Здравствуй, Козолуп!» — «Откуда бог несет тебя, Тарас?» — «Ты как сюда зашел, Долото? Здорово, Кирдяга! Здорово, Густый! Думал ли я видеть тебя, Ремень?» И витязи, собравшиеся со всего разгульного мира восточной России, целовались взаимно, и тут понеслись вопросы: «А что Касьян? что Бородавка? что Колопер? что Пидсыток?» И слышал только в ответ Тарас Бульба, что Бородавка повешен в Толопане, что с Колопера содрали кожу под Кизикирменом, что Пидсыткова голова посолена в бочке и отправлена в самый Царьград. Понурил голову старый Бульба и раздумчиво говорил: «Добрые были казаки!»

III

Уже около недели Тарас Бульба жил с сыновьями своими на Сечи. Остап и Андрий мало занимались военною школою. Сечь не любила затруднять себя военными упражнениями и терять время; юношество воспитывалось и образовывалось в ней одним опытом, в самом пылу битв, которые оттого были почти беспрерывны. Казаки почитали скучным занимать промежутки изучением какой-нибудь дисциплины, кроме разве стрельбы в цель да изредка конной скачки и гоньбы за зверем в степях и лугах; все прочее время отдавалось гульбе — признаку широкого размета душевной

воли. Вся Сечь представляла необыкновенное явление: это было какое-то беспрерывное пиршество, бал, начавшийся шумно и потерявший конец свой. Некоторые занимались ремеслами, иные держали лавочки и торговали, но большая часть гуляла с утра до вечера, если в карманах звучала возможность и добытое добро не перешло еще в руки торгашей и шинкарей. Это общее пиршество имело в себе что-то околдовывающее. Оно не было сборищем бражников, напивавшихся с горя, но было просто бешеное разгулье веселости. Всякий приходящий сюда позабывал и бросал все, что дотоле его занимало. Он, можно сказать, плевал на свое прошедшее и беззаботно предавался воле и товариществу таких же, как сам, гуляк, не имевших ни родных, ни угла, ни семейства, кроме вольного неба и вечного пира души своей. Это производило ту бешеную веселость, которая не могла бы родиться ни из какого другого источника. Рассказы и болтовня среди собравшейся толпы, лениво отдыхавшей на земле, часто так были смешны и дышали такою силою живого рассказа, что нужно было иметь всю хладнокровную наружность запорожца, чтобы сохранять неподвижное выражение лица, не моргнув даже усом, — резкая черта, которою отличается доныне от других братьев своих южный россиянин. Веселость была пьяна, шумна, но при всем том это не был черный кабак, где мрачно-искажающим весельем забывается человек; это был тесный круг школьных товарищей. Разница была только в том, что вместо сидения за указкой и пошлых толков учителя они производили набег на пяти тысячах коней; вместо луга, где играют в мяч, у них были неохраняемые, беспечные границы, в виду которых татарин выказывал быструю свою голову и неподвижно, сурово глядел турок в зеленой чалме своей. Разница та, что вместо насильной воли, соединившей их в школе, они сами собою кинули отцов и матерей и бежали из родительских домов; что здесь были те, у которых уже моталась около шеи веревка и которые вместо бледной смерти увидели жизнь, и жизнь во всем разгуле; что здесь были те, которые по благородному обычаю, не могли удержать в кармане своем копейки; что здесь были те, которые дотоле червонец считали богатством, у которых, по милости арендаторов-жидов, карманы можно было выворотить без всякого опасения что-нибудь выронить. Здесь были все бурсаки, не вытерпевшие академических лоз и не вынесшие из школы ни одной буквы; но вместе с ними здесь были и те, которые знали, что такое Гораций, Цицерон и Римская республика. Тут было много тех офицеров, которые потом отличались в королевских войсках; тут было множество образовавшихся опытных партизанов, которые имели благородное убеждение мыслить, что все равно, где бы ни воевать, только бы воевать, потому что неприлично благородному человеку быть без битвы. Много было и таких, которые пришли на Сечь с тем, чтобы потом сказать, что они были на Сечи и уже закаленные рыцари. Но кого тут не было? Эта странная республика была именно

потребностию того века. Охотники до военной жизни, до золотых кубков, богатых парчей, дукатов и реалов во всякое время могли найти здесь работу. Одни только обожатели женщин не могли найти здесь ничего, потому что даже в предместье Сечи не смела показываться ни одна женщина. Остапу и Андрию казалось чрезвычайно странным, что при них же приходила на Сечь бездна народу, и хоть бы кто-нибудь спросил: откуда эти люди, кто они и как их зовут? Они приходили сюда, как будто бы возвращаясь в свой собственный дом, откуда только за час перед тем вышли. Пришедший являлся только к кошевому, который обыкновенно говорил:

— Здравствуй! во Христа веруешь?

— Верую! — отвечал приходивший.

— И в троицу святую веруешь?

— Верую!

— И в церковь ходишь?

— Хожу.

— А ну, перекрестись!

Пришедший крестился.

— Ну, хорошо, — отвечал кошевой, — ступай же в который сам знаешь курень.

Этим оканчивалась вся церемония. И вся Сечь молилась в одной церкви и готова была защищать ее до последней капли крови, хотя и слышать не хотела о посте и воздержании. Только побуждаемые сильною корыстию жиды, армяне и татары осмеливались жить и торговать в предместье, потому что запорожцы никогда не любили торговаться, а сколько рука вынула из кармана денег, столько и платили. Впрочем, участь этих корыстолюбивых торгашей была очень жалка: они походили на тех, которые селились у подошвы Везувия, потому что, как только у запорожцев недоставало денег, то удалые разбивали их лавочки и брали всегда даром. Сечь состояла из шестидесяти с лишком куреней, которые очень похожи были на отдельные, независимые республики, а еще более на школу и бурсу детей, живущих на всем готовом. Никто ничем не заводился и ничего не держал у себя; все было на руках у куренного атамана, который за это обыкновенно носил название «батьки». У него были на руках деньги, платья, весь харч, саламата[21], каша и даже топливо; ему отдавали деньги под сохран. Нередко происходила ссора у куреней с куренями: в таком случае дело тот же час доходило до драки. Курени покрывали площадь и кулаками ломали друг другу бока, покамест одни не пересиливали наконец и не брали верх, и тогда начиналась гульня. Такова была эта Сечь, имевшая столько приманок для молодых людей.

Остап и Андрий кинулись со всею пылкостию юношей в это разгульное море и забыли вмиг и отцовский дом, и бурсу, и все, что волновало

прежде душу, и предались новой жизни. Все занимало их: разгульные обычаи Сечи, и немногосложная управа, и законы, которые казались им даже слишком строгими среди такой своевольной республики. Если казак проворовался, украл какую-нибудь безделицу, это считалось уже поношением всему казачеству: его, как бесчестного, привязывали к позорному столбу и клали возле него дубину, которою всякий проходящий обязан был нанести ему удар, пока таким образом не забивали его до смерти. Не платившего должника приковывали цепью к пушке, где должен был он сидеть до тех пор, пока кто-нибудь из товарищей не решался его выкупить, заплативши за него долг. Но более всего произвела впечатление на Андрия страшная казнь, определенная за смертоубийство. Тут же, при нем, вырыли яму, опустили туда живого убийцу и сверх него поставили гроб, заключавший тело им убиенного, и потом обоих засыпали землею. Долго потом все чудился ему страшный обряд казни и все представлялся этот заживо засыпанный человек вместе с ужасным гробом.

Скоро оба молодые казака стали на хорошем счету у казаков. Часто вместе с другими товарищами своего куреня, а иногда со всем куренем и с соседними куренями выступали они в степи для стрельбы несметного числа всех возможных степных птиц, оленей и коз, или же выходили на озера, реки и протоки, отведенные по жребию каждому куреню, закидывать невода, сети и тащить богатые тони на продовольствие всего куреня. Хотя и не было тут науки, на которой пробуется казак, но они стали уже заметны между другими молодыми прямою удалью и удачливостью во всем. Бойко и метко стреляли в цель, переплывали Днепр против течения — дело, за которое новичок принимался торжественно в казацкие круги.

Но старый Тарас готовил им другую деятельность. Ему не по душе была такая праздная жизнь — настоящего дела хотел он. Он все придумывал, как бы поднять Сечь на отважное предприятие, где бы можно было разгуляться как следует рыцарю; наконец в один день пришел к кошевому и сказал ему прямо:

— Что, кошевой? пора бы погулять запорожцам.

— Негде погулять, — отвечал кошевой, вынувши изо рту маленькую трубку и сплюнув на сторону.

— Как негде? можно пойти на турещину или на татарву.

— Не можно ни в турещину, ни на татарву, — отвечал кошевой, взявши опять хладнокровно в рот свою трубку.

— Как не можно?

— Так; мы обещали султану мир.

— Да ведь он бусурман: и бог и святое писание велит бить бусурманов.

— Не имеем права. Если б не клялись еще нашею верою, то, может быть, и можно было бы; а теперь нет, не можно.

— Как не можно? Как же ты говоришь: не имеем права? Вот у меня два сына, оба молодые люди. Еще ни разу ни тот, ни другой не был на войне, а ты говоришь — не имеем права; а ты говоришь — не нужно идти запорожцам.

— Ну, уж не следует так.

— Так, стало быть, следует, чтобы пропадала даром казацкая сила, чтобы человек сгинул, как собака, без доброго дела, чтобы ни отчизне, ни всему христианству не было от него никакой пользы? Так на что же мы живем, на какого черта мы живем? растолкуй ты мне это. Ты человек умный, тебя недаром выбрали в кошевые, растолкуй мне, на что мы живем?

Кошевой не дал ответа на этот запрос. Это был упрямый казак. Он немного помолчал и потом сказал:

— А войне все-таки не бывать.

— Так не бывать войне? — спросил опять Тарас.

— Нет.

— Так уж и думать об этом нечего?

— И думать об этом нечего.

«Постой же ты, чертов кулак! — сказал Бульба про себя, — ты у меня будешь знать!» И положил тут же отомстить кошевому.

Сговорившись с тем и другим, задал он всем попойку, и хмельные казаки в числе нескольких человек повалили прямо на площадь, где стояли привязанные к столбу литавры, в которые обыкновенно били сбор на раду; не нашедши палок, хранившихся всегда у довбиша[22], они схватили по полену в руки и начали колотить в них. На бой прежде всего прибежал довбиш, высокий человек с одним только глазом, однако ж, несмотря на то, страшно заспанным.

— Кто смеет бить в литавры? — закричал он.

— Молчи! возьми свои палки, да и колоти, когда тебе велят! — отвечали подгулявшие старшины.

Довбиш вынул тотчас из кармана палки, которые он взял с собою, очень хорошо зная окончание подобных происшествий. Литавры грянули, — и скоро на площадь, как шмели, стали собираться черные кучи запорожцев. Все собрались в кружок, и после третьего боя показались, наконец, старшины: кошевой с палицей в руке, знаком своего достоинства, судья с войсковою печатью, писарь с чернильницею и есаул с жезлом. Кошевой и старшины сняли шапки и раскланялись на все стороны казакам, которые гордо стояли, подпершись руками в бока.

— Что значит это собранье, чего хотите, панове? — сказал кошевой. Брань и крики не дали ему говорить.

— Клади палицу! клади, чертов сын, сей же час палицу! не хотим тебя больше! — кричали из толпы казаки.

Некоторые из трезвых куреней хотели, как казалось, противиться; но курени, и пьяные и трезвые, пошли на кулаки. Крик и шум сделались общими.

Кошевой хотел было говорить, но, зная, что разъярившаяся, своевольная толпа может за это прибить его насмерть, что всегда почти бывает в подобных случаях, поклонился очень низко, положил палицу и скрылся в толпе.

— Прикажете, панове, и нам положить знаки достоинства? — сказали судья, писарь и есаул и готовились тут же положить чернильницу, войсковую печать и жезл.

— Нет, вы оставайтесь, — закричали из толпы, — нам нужно было только прогнать кошевого, потому что он баба, а нам нужно человека в кошевые.

— Кого же выберете теперь в кошевые? — сказали старшины.

— Кукубенка выбрать! — кричала часть.

— Не хотим Кукубенка! — кричала другая, — рано ему: еще молоко на губах не обсохло.

— Шило пусть будет атаманом! — кричали одни. — Шила посадить в кошевые!

— В спину тебе шило! — кричала с бранью толпа, — что он за казак, когда проворовался, собачий сын, как татарин? К черту в мешок пьяницу Шила!

— Бородатого, Бородатого посадим в кошевые!

— Не хотим Бородатого! к нечистой матери Бородатого!

— Кричите Кирдягу! — шепнул Тарас Бульба некоторым.

— Кирдягу! Кирдягу! — кричала толпа. — Бородатого, Бородатого! Кирдягу, Кирдягу! Шила! к черту с Шилом! Кирдягу!

Все кандидаты, услышав произнесенными свои имена, тотчас же вышли из толпы, чтобы не подать никакого повода думать, будто бы они помогали личным участьем своим в избрании.

— Кирдягу! Кирдягу! — раздавалось сильнее прочих. — Бородатого!

Дело принялись доказывать кулаками, и Кирдяга восторжествовал.

— Ступайте за Кирдягою! — закричали.

Человек десяток казаков отделилось тут же из толпы; некоторые из них едва держались на ногах — до такой степени успели нагрузиться, и отправились прямо к Кирдяге, объявить ему о его избрании.

Кирдяга, хотя престарелый, но умный казак, давно уже сидел в своем курене и как будто бы не ведал ни о чем происходившем.

— Что, панове, что вам нужно? — спросил он.

— Иди, тебя выбрали в кошевые!

— Помилосердствуйте, панове! — сказал Кирдяга, — где мне быть достойну такой чести! где мне быть кошевым! Да у меня и разума не хватит

к отправлению такой должности. Будто уже никого лучшего не нашлось в целом войске?

— Ступай же, говорят тебе! — кричали запорожцы. Двое из них схватили его под руки, и как он ни упирался ногами, но был, наконец, притащен на площадь, сопровождаемый бранью, подталкиваньем сзади кулаками, пинками и увещаньями: — Не пяться же, чертов сын! принимай же честь, собака, когда тебе дают ее!

Таким образом введен был Кирдяга в казачий круг.

— Что, панове, — провозгласили во весь народ приведшие его, — согласны ли вы, чтобы сей казак был у нас кошевым?

— Все согласны! — закричала толпа, и от крику долго гремело все поле.

Один из старшин взял палицу и поднес ее новоизбранному кошевому. Кирдяга, по обычаю, тотчас же отказался. Старшина поднес в другой раз; Кирдяга отказался и в другой раз и потом уже, за третьим разом, взял палицу. Одобрительный крик раздался по всей толпе, и вновь далеко загудело от казацкого крику все поле. Тогда выступило из средины народа четверо самых старых, седоусых и седочупрынных казаков (слишком старых не было на Сечи, ибо никто из запорожцев не умирал своею смертью) и, взявши каждый в руки земли, которая на ту пору от бывшего дождя растворилась в грязь, положили ее ему на голову. Мокрая земля стекла с его головы, потекла по усам и по щекам и все лицо замарала ему грязью. Но Кирдяга стоял, не двигаясь с места, и благодарил казаков за оказанную честь.

Таким образом кончилось шумное избрание, которому, неизвестно, были ли так рады другие, как рад был Бульба: этим он отомстил прежнему кошевому; к тому же и Кирдяга был старый его товарищ и бывал с ним в одних и тех же сухопутных и морских походах, деля суровости и труды боевой жизни. Толпа разбрелась тут же праздновать избранье, и поднялась гульня, какой еще не видывали дотоле Остап и Андрий. Винные шинки были разбиты; мед, горелка и пиво забирались просто, без денег; шинкари были уже рады и тому, что сами остались целы. Вся ночь прошла в криках и песнях, славивших подвиги, — и взошедший месяц долго еще видел толпы музыкантов, проходивших по улицам с бандурами, турбанами[23], круглыми балалайками, и церковных песельников, которых держали на Сечи для пенья в церкви и для восхваления запорожских дел. Наконец хмель и утомленье стали одолевать крепкие головы. И видно было, как то там, то в другом месте падал на землю казак; как товарищ, обнявши товарища, расчувствовавшись и даже заплакавши, валился вместе с ним. Там гурьбою улегалась целая куча; там выбирал иной, как бы получше ему улечься, и лег прямо на деревянную колоду. Последний, который был покрепче, еще выводил какие-то бессвязные речи; наконец и того подкосила хмельная сила, повалился и тот, — и заснула вся Сечь.

V

А на другой день Тарас Бульба уже совещался с новым кошевым, как поднять запорожцев на какое-нибудь дело. Кошевой был умный и хитрый казак, знал вдоль и поперек запорожцев и сначала сказал: «Не можно клятвы преступить, никак не можно». А потом, помолчавши, прибавил: «Ничего, можно; клятвы мы не преступим, а так кое-что придумаем. Пусть только соберется народ, да не то чтобы по моему приказу, а просто своею охотою. Вы уж знаете, как это сделать. А мы со старшинами тотчас и прибежим на площадь, будто бы ничего не знаем».

Не прошло часу после их разговора, как уже грянули в литавры. Нашлись вдруг и хмельные и неразумные казаки. Миллион казацких шапок высыпал на площадь. Поднялся говор: «что? зачем? из какого дела пробили сбор?» Никто не отвечал. Наконец в том и другом углу стало раздаваться: «Вот пропадает даром казацкая сила: нет войны! Вот старшины забайбачились наповал, заплыли жиром очи! Нет, видно, правды на свете!» Другие казаки слушали сначала, а потом и сами стали говорить: «А и вправду нет никакой правды на свете!» Старшины казались изумленными от таких речей. Наконец кошевой вышел вперед и сказал:

— Позвольте, панове запорожцы, речь держать!

— Держи!

— Вот в рассуждении того теперь идет речь, панове добродийство, да вы, может быть, и сами лучше это знаете, что многие запорожцы позадолжали в шинки жидам и своим братьям столько, что ни один черт теперь и веры неймет. Потом опять в рассуждении того пойдет речь, что есть много таких хлопцев, которые еще и в глаза не видали, что такое война, тогда как молодому человеку, и сами знаете, панове, без войны не можно пробыть. Какой и запорожец из него, если он еще ни разу не бил бусурмана?

«Он хорошо говорит», — подумал Бульба.

— Не думайте, панове, чтобы я, впрочем, говорил это для того, чтобы нарушить мир; сохрани бог! я только так это говорю. Притом же у нас храм божий, грех сказать, что такое: вот сколько лет уже, как, по милости божией, стоит Сечь, а до сих пор не то уже чтобы снаружи церковь, но даже образа без всякого убранства; хотя бы серебряную ризу кто догадался им выковать; они только то и получили, что отказали в духовной иные казаки; да и даяние было бедное, потому что почти все пропили еще при жизни своей. Так я веду речь эту не к тому, чтобы начать войну с бусурманами: мы обещали султану мир, и нам бы великий был грех, потому что мы клялись по закону нашему.

«Что ж он путает такое?» — сказал про себя Бульба.

— Да, так видите, панове, что войны не можно начать: рыцарская честь не велит. А по своему бедному разуму вот что я думаю: пустить

с челнами одних молодых; пусть немного пошарпают берега Натолии[24]. Как думаете, панове?

— Веди, веди всех! — закричала со всех сторон толпа. — За веру готовы положить головы.

Кошевой испугался; он ничуть не хотел подымать всего Запорожья: разорвать мир ему казалось в этом случае делом неправым.

— Позвольте, панове, еще одну речь держать!

— Довольно! — кричали запорожцы. — лучше не скажешь!

— Когда так, то пусть будет так. Я слуга вашей воли. Уж дело известное, и по писанью известно, что глас народа — глас божий. Уж умнее того нельзя выдумать, что весь народ выдумал. Только вот что: вам известно, панове, что султан не оставит безнаказанно то удовольствие, которым потешатся молодцы. А мы тем временем были бы наготове, и силы у нас были бы свежие, и никого б не побоялись. А во время отлучки и татарва может напасть: они, турецкие собаки, в глаза не кинутся и к хозяину на дом не посмеют прийти, а сзади укусят за пятки, да и больно укусят. Да если уж пошло на то, чтобы говорить правду, у нас и челнов нет столько в запасе, да и пороху не намолото в таком количестве, чтобы можно было всем отправиться. А я, пожалуй, я рад, я слуга вашей воли.

Хитрый атаман замолчал. Кучи начали переговариваться, куренные атаманы совещаться; пьяных, к счастию, было немного, и потому решились послушаться благоразумного совета.

В тот же час отправилось несколько человек на противуположный берег Днепра, в войсковую скарбницу, где, в неприступных тайниках, под водою и в камышах, скрывалась войсковая казна и часть добытых у неприятеля оружий. Другие все бросились к челнам, осматривать их и снаряжать в дорогу. Вмиг толпою народа наполнился берег. Несколько плотников явилось с топорами в руках. Старые, загорелые, широкоплечие, дюженогие запорожцы, с проседью в усах и черноусые, засучив шаровары, стояли по колена в воде и стягивали челны крепким канатом с берега. Другие таскали готовые сухие бревна и всякие деревья. Там обшивали досками челн; там, переворотивши его вверх дном, конопатили и смолили; там привязывали к бокам других челнов, по казацкому обычаю, связки длинных камышей, чтобы не затопило челнов морскою волною; там, дальше по всему прибрежью, разложили костры и кипятили в медных казанах смолу на заливанье судов. Бывалые и старые поучали молодых. Стук и рабочий крик подымался по всей окружности; весь колебался и двигался живой берег.

В это время большой паром начал причаливать к берегу. Стоявшая на нем толпа людей еще издали махала руками. Это были казаки в оборванных свитках. Беспорядочный наряд (у многих ничего не было, кроме рубашки и коротенькой трубки в зубах) показывал, что они или избегнули

какой-нибудь беды, или же до того загулялись, что прогуляли все, что ни было на теле. Из среды их отделился и стал впереди приземистый, плечистый казак лет пятидесяти. Он кричал и махал рукою сильнее всех; но за стуком и криком рабочих не было слышно его слов.

— А с чем приехали? — спросил кошевой, когда паром приворотил к берегу.

Все рабочие, остановив свои работы и подняв топоры и долота, смотрели в ожидании.

— С бедою! — кричал с парома приземистый казак.

— С какою?

— Позвольте, панове запорожцы, речь держать!

— Говори!

— Или хотите, может быть, собрать раду?

— Говори, мы все тут.

Народ весь стеснился в одну кучу.

— А вы разве ничего не слыхали о том, что делается в гетманщине?

— А что? — спросил один из куренных атаманов.

— Э! что? Видно, вам татарин заткнул клейтухом [25] уши, что вы ничего не слыхали.

— Говори же, что там делается?

— А то делается, что и родились и крестились, еще не видали такого.

— Да говори нам, что делается, собачий сын! — закричал один из толпы, как видно, потеряв терпение.

— Такая пора теперь завелась, что уж церкви святые теперь не наши.

— Как не наши?

— Теперь у жидов они на аренде [26]. Если жиду вперед не заплатишь, то и обедни нельзя править.

— Что ты толкуешь?

— И если рассобачий жид не положит значка нечистою своею рукою на святой пасхе, то и святить пасхи нельзя.

— Врет он, паны-браты, не может быть того, чтобы нечистый жид клал значок на святой пасхе.

— Слушайте! еще не то расскажу: и ксендзы ездят теперь по всей Украйне в таратайках. Да не то беда, что в таратайках, а то беда, что запрягают уже не коней, а православных христиан. Слушайте! еще не то расскажу: уже, говорят, жидовки шьют себе юбки из поповских риз. Вот какие дела водятся на Украйне, панове! А вы тут сидите на Запорожье да гуляете, да, видно, татарин такого задал вам страху, что у вас уже ни глаз, ни ушей, ничего нет, и вы не слышите, что делается на свете.

— Стой, стой! — прервал кошевой, дотоле стоявший, потупив глаза в землю, как и все запорожцы, которые в важных делах никогда не отдавались первому порыву, но молчали и между тем в тишине совокупляли

грозную силу негодования. — Стой! и я скажу слово: а что ж вы, так бы и этак поколотил черт вашего батьку, что ж вы делали сами? разве у вас сабель не было, что ли? Как же вы попустили такому беззаконию?

— Э, как попустили такому беззаконию? а попробовали бы вы, когда пятьдесят тысяч было одних ляхов, да и, нечего греха таить, были тоже собаки и между нашими — уж приняли их веру.

— А гетман ваш, а полковники что делали?

— Наделали полковники таких дел, что не приведи бог никому.

— Как?

— А так, что уж теперь гетман, зажаренный в медном быке, лежит в Варшаве, а полковничьи руки и головы развозят по ярмаркам напоказ всему народу. Вот что наделали полковники!

Всколебалась вся толпа. Сначала пронеслось по всему берегу молчание, подобное тому, как бывает перед свирепою бурею, а потом вдруг поднялись речи, и весь заговорил берег:

— Как! чтобы жиды держали на аренде христианские церкви! чтобы ксендзы запрягали в оглобли православных христиан! Как! чтобы попустить такие мучения на русской земле от проклятых недоверков! чтобы вот так поступали с полковниками и гетманом! Да не будет же сего, не будет!

Такие слова перелетали по всем концам. Зашумели запорожцы и почуяли свои силы. Тут уже не было волнений легкомысленного народа: волновались всё характеры тяжелые и крепкие, которые не скоро накалялись, но, накалившись, упорно и долго хранили в себе внутренний жар.

— Перевешать всю жидову! — раздалось из толпы, — пусть же не шьют из поповских риз юбок своим жидовкам! пусть же не ставят значков на святых пасхах! Перетопить их всех, поганцев, в Днепре!

Слова эти, произнесенные кем-то из толпы, пролетели молнией по всем головам, и толпа ринулась на предместье с желанием перерезать всех жидов.

Бедные сыны Израиля, растерявши все присутствие своего и без того мелкого духа, прятались в пустых горелочных бочках, в печках и даже запалзывали под юбки своих жидовок; но казаки везде их находили.

— Ясновельможные паны! — кричал один, высокий и длинный, как палка, жид, высунувши из кучи своих товарищей жалкую свою рожу, исковерканную страхом, — ясновельможные паны! слово только дайте нам сказать, одно слово; мы такое объявим вам, что еще никогда не слышали, такое важное, что не можно сказать, какое важное!

— Ну, пусть скажут! — сказал Бульба, который всегда любил выслушать обвиняемого.

— Ясные паны! — произнес жид, — таких панов еще никогда не видывано, ей-богу, никогда! таких добрых, хороших и храбрых не было еще на свете! — Голос его замирал и дрожал от страха. — Как можно, чтобы мы думали про запорожцев что-нибудь нехорошее! Те совсем не наши, те,

что арендаторствуют на Украйне! ей-богу, не наши! то совсем не жиды, то черт знает что; то такое, что только поплевать на него, да и бросить! Вот и они скажут то же. Не правда ли, Шлема, или ты, Шмуль?

— Ей-богу, правда! — отвечали из толпы Шлема и Шмуль в изодранных ермолках, оба бледные, как глина.

— Мы никогда еще, — продолжал длинный жид, — не снюхивались с неприятелями, а католиков мы и знать не хотим: пусть им черт приснится! мы с запорожцами как братья родные...

— Как? чтобы запорожцы были с вами братья? — произнес один из толпы. — Не дождетесь, проклятые жиды! В Днепр их, панове, всех потопить, поганцев!

Эти слова были сигналом. Жидов расхватали по рукам и начали швырять в волны. Жалобный крик раздался со всех сторон; но суровые запорожцы только смеялись, видя, как жидовские ноги в башмаках и чулках болтались на воздухе. Бедный оратор, накликавший сам на свою шею беду, выскочил из кафтана, за который было его ухватили, в одном пегом, узком камзоле, схватил за ноги Бульбу и жалким голосом молил:

— Великий господин, ясновельможный пан! я знал и брата вашего, покойного Дороша! был воин на украшенье всему рыцарству. Я ему восемьсот цехинов дал, когда нужно было выкупиться из плена у турка.

— Ты знал брата? — спросил Тарас.

— Ей-богу, знал! великодушный был пан.

— А как тебя зовут?

— Янкель.

— Хорошо, — сказал Тарас и потом, подумав, обратился к казакам и говорил так: — Повесить жида будет всегда время, когда будет нужно, а на сегодня отдайте его мне. — Сказавши это, Тарас повел его к своему обозу, возле которого стояли казаки его. — Ну, полезай под телегу, лежи там и не шевелись; а вы, братцы, не выпускайте жида.

Сказавши это, он отправился на площадь, потому что давно уже собиралась туда вся толпа. Все бросили вмиг берег и снарядку челнов, ибо предстоял теперь сухопутный, а не морской поход, и не суда да казацкие чайки, а понадобились телеги и кони. Теперь уже все хотели в поход, и старые и молодые, все, с совета старшин, куренных, кошевого и с воли всего запорожского войска, положили идти прямо на Польшу, отмстить все зло и посрамленье веры и казацкой славы, набрать добычи с городов, зажечь пожар по деревням и хлебам, пустить далеко по степи о себе славу. Все тут же опоясывалось и вооружалось. Кошевой вырос на целый аршин. Это уже не был тот робкий исполнитель ветреных желаний вольного народа: это был неограниченный повелитель, это был деспот, умевший только повелевать. Все своевольные и гульливые рыцари стройно стояли в рядах, почтительно опустив головы, не смея поднять глаз, когда кошевой разда-

вал повеления: раздавал он их тихо, не вскрикивая, не торопясь, но с расстановкою, как старый, глубоко опытный в деле казак, приводивший не в первый раз в исполненье разумно задуманные предприятия.

— Осмотритесь, все осмотритесь хорошенько, — так говорил он. — Исправьте возы и мазницы, испробуйте оружье. Не забирайте много с собой одежды: по сорочке и по двое шаровар на казака да по горшку саламаты и толченого проса — больше чтоб и не было ни у кого! Про запас будет в возах все, что нужно. По паре коней чтоб было у каждого казака! Да пар двести взять волов, потому что на переправах и топких местах нужны будут волы. Да порядку держитесь, панове, больше всего. Я знаю, есть между вас такие, что, чуть бог пошлет какую корысть, — пошли тот же час драть китайку [27] и дорогие оксамиты [28] себе на онучи. Бросьте такую чертову повадку, прочь кидайте всякие юбки, берите одно только оружье, коли попадется доброе, да червонцы или серебро, потому что они емкого свойства и пригодятся во всяком случае. Да вот вам, панове, вперед говорю: если кто в походе напьется, то никакого нет на него суда: как собаку, за шеяку повелю его присмыкнуть до обозу, кто бы он ни был, хоть бы наидоблестнейший казак из всего войска; как собака, будет он застрелен на месте и кинут без всякого погребенья на поклев птицам, потому что пьяница в походе недостоин христианского погребенья. Молодые, слушайте во всем старых! Если цапнет пуля или царапнет саблей по голове или по чему-нибудь иному, не давайте большого уваженья такому делу: размешайте заряд пороху в чарке сивухи, духом выпейте, и все пройдет — не будет и лихорадки; а на рану, если она не слишком велика, приложите просто земли, замесивши ее прежде слюною на ладони, то и присохнет рана. Нуте же, за дело, за дело, хлопцы, да не торопясь, хорошенько принимайтесь за дело!

Так говорил кошевой, и, как только окончил он речь свою, все казаки принялись тот же час за дело. Вся Сечь отрезвилась, и нигде нельзя было сыскать ни одного пьяного, как будто бы их не было никогда между казаками. Те исправляли ободья колес и переменяли оси в телегах; те сносили на возы мешки с провиантом, на другие валили оружье; те пригоняли коней и волов. Со всех сторон раздавались топот коней, пробная стрельба из ружей, бряканье сабель, мычанье быков, скрып поворачиваемых возов, говор и яркий крик и понуканье — и скоро далеко-далеко вытянулся казачий табор по всему полю. И много досталось бы бежать тому, кто бы захотел пробежать от головы и до хвоста его. В деревянной небольшой церкви служил священник молебен, окропил всех святою водою; все целовали крест. Когда тронулся табор и потянулся из Сечи, все запорожцы обратили головы назад:

— Прощай, наша мать! — сказали они почти в одно слово, — пусть же тебя хранит бог от всякого несчастья!

Проезжая предместье, Тарас Бульба увидел, что жидок его, Янкель, уже разбил какую-то ятку с навесом и продавал кремни, завертки, порох и всякие войсковые снадобья, нужные на дорогу, даже калачи и хлебы. «Каков чертов жид!» — подумал про себя Тарас и, подъехав к нему на коне, сказал:

— Дурень, что ты здесь сидишь? разве хочешь, чтобы тебя застрелили, как воробья?

Янкель в ответ на это подошел к нему поближе и, сделав знак обеими руками, как будто хотел объявить что-то таинственное, сказал:

— Пусть пан только молчит и никому не говорит, между казацкими возами есть один мой воз; я везу всякий нужный запас для казаков и по дороге буду доставлять всякий провиант по такой дешевой цене, по какой еще ни один жид не продавал; ей-богу, так, ей-богу, так.

Пожал плечами Тарас Бульба, подивившись жидовской натуре, и отъехал к табору.

V

Скоро весь польский юго-запад сделался добычею страха. Всюду пронеслись слухи: «Запорожцы! показались запорожцы!» Все, что могло спасаться, спасалось, все подымалось и разбегалось по обычаю этого нестройного, беспечного века, когда не воздвигали ни крепостей, ни замков, а как попало становил на время соломенное жилище свое человек. Он думал: «Не тратить же на избу работу и деньги, когда и без того будет она снесена татарским набегом!» Все всполошилось: кто менял волов и плуг на коня и ружье и отправлялся в полки; кто прятался, угоняя скот и унося, что только можно было унесть. Попадались иногда по дороге и такие, которые вооруженною рукою встречали гостей; но больше было таких, которые бежали заранее. Все знали, что трудно иметь дело с буйной и бранной толпой, известной под именем запорожского войска, которое в наружном своевольном неустройстве своем заключало устройство обдуманное для времени битвы. Конные ехали, не отягчая и не горяча коней, пешие шли трезво за возами, и весь табор подвигался только по ночам, отдыхая днем и выбирая для того пустыри, незаселенные места и леса, которых было тогда еще вдоволь. Засылаемы были вперед лазутчики и рассыльные узнавать и выведывать: где, что и как. И часто в тех местах, где менее всего могли ожидать их, они появлялись вдруг, — и все тогда прощалось с жизнью: пожары обхватывали деревни; скот и лошади, которые не угонялись за войском, были избиваемы тут же на месте. Казалось, больше пировали они, чем совершали поход свой. Дыбом стал бы ныне волос от тех страшных знаков свирепства полудикого века, которые пронесли везде запорожцы. Избитые младенцы, обрезанные груди у женщин, содранная

кожа с ног по колена у выпущенных на свободу, — словом, крупною монетою отплачивали казаки прежние долги. Прелат одного монастыря, услышав о приближении их, прислал от себя двух монахов, чтобы сказать, что они не так ведут себя, как следует, что между запорожцами и правительством стоит согласие, что они нарушают свою обязанность к королю, а с тем вместе и всякое народное право.

— Скажи епископу от меня и от всех запорожцев, — сказал кошевой, — чтобы он ничего не боялся: это казаки еще только зажигают и раскуривают свои трубки.

И скоро величественное аббатство обхватилось сокрушительным пламенем, и колоссальные готические окна его сурово глядели сквозь разделявшиеся волны огня. Бегущие толпы монахов, жидов, женщин вдруг омноголюдили те города, где какая-нибудь была надежда на гарнизон и городовое рушение[29]. Высылаемая по временам правительством запоздалая помощь, состоявшая из небольших полков, или не могла найти их, или же робела, обращала тыл при первой встрече и улетала на лихих конях своих. Случалось, что многие военачальники королевские, торжествовавшие дотоле в прежних битвах, решались, соединя свои силы, стать грудью против запорожцев. И тут-то более всего пробовали себя наши молодые казаки, чуждавшиеся грабительства, корысти и бессильного неприятеля, горевшие желанием показать себя перед старыми, померяться один на один с бойким и хвастливым ляхом, красовавшимся на горделивом коне, с летавшими по ветру откидными рукавами епанчи. Потешна была наука; много уже они добыли себе конной сбруи, дорогих сабель и ружей. В один месяц возмужали и совершенно переродились только что оперившиеся птенцы и стали мужами; черты лица их, в которых доселе видна была какая-то юношеская мягкость, стали теперь грозны и сильны. А старому Тарасу любо было видеть, как оба сына его были одни из первых. Остапу, казалось, был на роду написан битвенный путь и трудное знанье вершить ратные дела. Ни разу не растерявшись и не смутившись ни от какого случая, с хладнокровием, почти неестественным для двадцатидвухлетнего, он в один миг мог вымерять всю опасность и все положение дела, тут же мог найти средство, как уклониться от нее, но уклониться с тем, чтобы потом верней преодолеть ее. Уже испытанной уверенностью стали теперь означаться его движения, и в них не могли не быть заметны наклонности будущего вождя. Крепостью дышало его тело, и рыцарские его качества уже приобрели широкую силу льва.

— О, да этот будет со временем добрый полковник! — говорил старый Тарас, — ей-ей, будет добрый полковник, да еще такой, что и батьку за пояс заткнет!

Андрий весь погрузился в очаровательную музыку пуль и мечей. Он не знал, что такое значит обдумывать, или рассчитывать, или измерять

заране свои и чужие силы. Бешеную негу и упоенье он видел в битве: что-то пиршественное зрелось ему в те минуты, когда разгорится у человека голова, в глазах все мелькает и мешается, летят головы, с громом падают на землю кони, а он несется, как пьяный, в свисте пуль, в сабельном блеске, и наносит всем удары, и не слышит нанесенных. Не раз дивился отец также и Андрию, видя, как он, понуждаемый одним только запальчивым увлечением, устремлялся на то, на что бы никогда не отважился хладнокровный и разумный, и одним бешеным натиском своим производил такие чудеса, которым не могли не изумиться старые в боях. Дивился старый Тарас и говорил:

— И это добрый (враг бы не взял его) вояка! не Остап, а добрый, добрый также вояка!

Войско решилось идти прямо на город Дубно, где, носились слухи, было много казны и богатых обывателей. В полтора дня поход был сделан, и запорожцы показались перед городом. Жители решились защищаться до последних сил и крайности и лучше хотели умереть на площадях и улицах перед своими порогами, чем пустить неприятеля в домы. Высокий земляной вал окружал город; где вал был ниже, там высовывалась каменная стена или дом, служивший батареей, или, наконец, дубовый частокол. Гарнизон был силен и чувствовал важность своего дела. Запорожцы жарко полезли было на вал, но были встречены сильною картечью. Мещане и городские обыватели, как видно, тоже не хотели быть праздными и стояли кучею на городском валу. В глазах их можно было читать отчаянное сопротивление; женщины тоже решились участвовать, и на головы запорожцам полетели камни, бочки, горшки, вар и, наконец, мешки песку, слепившего им очи. Запорожцы не любили иметь дело с крепостями; вести осады была не их часть. Кошевой повелел отступить и сказал:

— Ничего, паны-братья, мы отступим, — но будь я поганый татарин, а не христианин, если мы выпустим их хоть одного из города! пусть их, собаки, все передохнут с голоду!

Войско, отступив, облегло весь город и от нечего делать занялось опустошеньем окрестностей, выжигая окружные деревни, скирды неубранного хлеба и напуская табуны коней на нивы, еще не тронутые серпом, где, как нарочно, колебались тучные колосья, плод необыкновенного урожая, наградившего в ту пору щедро всех земледельцев. С ужасом видели из города, как истреблялись средства их существования. А между тем запорожцы, протянув вокруг всего города в два ряда свои телеги, расположились так же, как и на Сечи, куренями, курили свои люльки, менялись добытым оружием, играли в чехарду, в чет и нечет и посматривали с убийственным хладнокровием на город. Ночью зажигались костры; кашевары варили в каждом курене кашу в огромных медных казанах; у горевших всю ночь огней стояла бессонная стража. Но скоро запорожцы начали понемногу

скучать бездействием и продолжительною трезвостью, не сопряженною ни с каким делом. Кошевой велел удвоить даже порцию вина, что иногда водилось в войске, если не было трудных подвигов и движений. Молодым, и особенно сынам Тараса Бульбы, не нравилась такая жизнь. Андрий заметно скучал.

— Неразумная голова, — говорил ему Тарас, — терпи, казак, атаман будешь! Не тот еще добрый воин, кто не потерял духа в важном деле, а тот добрый воин, кто и на безделье не соскучит, все вытерпит, и хоть ты ему что хошь, — а он все-таки поставит на своем.

Но не сойтись пылкому юноше с старцем: другая натура у обоих, и другими очами глядят они на то же дело.

А между тем подоспел Тарасов полк, приведенный Товкачем; с ним было еще два есаула, писарь и другие полковые чины; всех казаков набралось больше четырех тысяч. Было между ними немало и охочекомонных, которые сами поднялись, своею волею, без всякого призыва, как только услышали, в чем дело. Есаулы привезли сыновьям Тараса благословенье от старухи матери и каждому по кипарисному образу из Межигорского киевского монастыря. Надели на себя святые образа оба брата и невольно задумались, припомнив старую мать. Что-то пророчит им и говорит это благословенье? Благословенье ли на победу над врагом и потом веселый возврат в отчизну с добычей и славой, на вечные песни бандуристам, или же? .. Но неизвестно будущее, и стоит оно пред человеком подобно осеннему туману, поднявшемуся из болот: безумно летают в нем вверх и вниз, черкая крыльями, птицы, не распознавая в очи друг друга, голубка — не видя ястреба, ястреб — не видя голубки, и никто не знает, как далеко летает от своей погибели. . .

Остап уже занялся своим делом и давно отошел к куреням; Андрий же, сам не зная отчего, чувствовал какую-то духоту на сердце. Уже казаки окончили свою вечерю; вечер давно потухнул, июльская чудная ночь обняла воздух; но он не отходил к куреням, не ложился спать и глядел невольно на всю бывшую перед ним картину. На небе бесчисленно мелькали тонким и острым блеском звезды. Поле далеко было занято раскиданными по нем возами с висячими мазницами, облитыми дегтем, со всяким добром и провиантом, набранным у врага. Возле телег, под телегами и подальше от телег, везде были видны разметавшиеся на траве запорожцы — все они спали в картинных положениях: кто подмостив себе под голову куль, кто шапку, кто употребивши просто бок своего товарища. Сабля, ружье-самопал, короткочубучная трубка с медными бляхами, железными провертками и огнивом были неотлучно при каждом казаке. Тяжелые волы лежали, подвернувши под себя ноги, большими беловатыми массами и казались издали серыми камнями, раскиданными по отлогостям поля. Со всех сторон из травы уже стал подниматься густой храп спящего воинства, на который

отзывались с поля звонкими ржаниями жеребцы, негодующие на свои спутанные ноги. А между тем что-то величественное и грозное примешалось к красоте июльской ночи. Это было зарево вдали догоравших окрестностей. В одном месте пламя спокойно и величественно стлалось по небу, в другом, встретив что-то горючее и вдруг вырвавшись вихрем, оно свистело и летело вверх, под самые звезды, и оторванные охлопья его гаснули под самыми дальними небесами; там обгорелый черный монастырь, как суровый картезианский монах [30], стоял грозно, выказывая при каждом отблеске мрачное свое величие; там горел монастырский сад; казалось, слышно было, как деревья шипели, обвиваясь дымом, и когда выскакивал огонь, он вдруг освещал фосфорическим, лилово-огненным светом спелые грозды слив или обращал в червонное золото там и там желтевшие груши, и тут же среди их чернело висевшее на стене здания или на древесном суку тело бедного жида или монаха, погибавшее вместе с строением в огне. Над огнем вились вдали птицы, казавшиеся кучею темных мелких крестиков на огненном поле. Обложенный город, казалось, уснул; шпицы, и кровли, и частокол, и стены его тихо вспыхивали отблесками отдаленных пожаров. Андрий обошел казацкие ряды. Костры, у которых сидели сторожа, готовились ежеминутно погаснуть, и самые сторожа спали, перекусивши саламаты и галушек во весь казацкий аппетит. Он подивился такой беспечности, подумавши: «Хорошо, что нет близко никакого сильного неприятеля и некого опасаться». Наконец и сам подошел он к одному из возов, взлез на него и лег на спину, подложивши себе под голову сложенные назад руки; но не мог заснуть и долго глядел на небо: оно все было открыто перед ним; чисто и прозрачно было в воздухе; густота звезд, составлявшая Млечный Путь и поясом переходившая по небу, вся была залита светом. Временами Андрий как будто позабывался, и какой-то легкий туман дремоты заслонял на миг перед ним небо, и потом оно опять очищалось и вновь становилось видно.

В это время, показалось ему, мелькнул перед ним какой-то странный образ человеческого лица. Думая, что это было простое обаяние сна, которое сей же час рассеется, он открыл больше глаза свои и увидел, что к нему, точно, наклонилось какое-то изможденное, высохшее лицо и смотрело прямо ему в очи. Длинные и черные, как уголь, волосы, неприбранные, растрепанные, лезли из-под темного, наброшенного на голову покрывала; и странный блеск взгляда, и мертвенная смуглота лица, выступавшего резкими чертами, заставляли скорее думать, что это был призрак. Он схватился невольно рукой за пищаль и произнес почти судорожно:

— Кто ты? коли дух нечистый, сгинь с глаз; коли живой человек, не в пору завел шутку, — убью с одного прицела!

В ответ на это привидение приложило палец к губам и, казалось, молило о молчании. Он опустил руку и стал вглядываться внимательней. По

длинным волосам, шее и полуобнаженной смуглой груди узнал он женщину. Но она была не здешняя уроженка: все лицо ее было смугло, изнурено недугом; широкие скулы выступали сильно над опавшими под ними щеками; узкие очи подымались дугообразным разрезом кверху. Чем более он всматривался в черты ее, тем более находил в них что-то знакомое. Наконец он не вытерпел и спросил:

— Скажи, кто ты? Мне кажется, как будто я знал тебя или видел где-нибудь?

— Два года назад тому, в Киеве.

— Два года назад, в Киеве! — повторил Андрий, стараясь перебрать все, что уцелело в его памяти от прежней бурсацкой жизни. Он посмотрел еще раз на нее пристально и вдруг вскрикнул во весь голос:

— Ты — татарка! служанка панночки, воеводиной дочки! ..

— Чшш! — произнесла татарка, сложив с умоляющим видом руки, дрожа всем телом и оборотя в то же время голову назад, чтобы видеть, не проснулся ли кто-нибудь от такого сильного вскрика, произведенного Андрием.

— Скажи, скажи, отчего, как ты здесь? — говорил Андрий, почти задыхаясь, шепотом, прерывавшимся всякую минуту от внутреннего волнения, — где панночка, жива ли еще она?

— Она теперь в городе.

— В городе? — произнес он, опять едва не вскрикнувши, и почувствовал, что вся кровь вдруг прихлынула к сердцу, — отчего ж она в городе?

— Оттого, что сам старый пан в городе: он уже полтора года как сидит воеводой в Дубне.

— Что ж она, замужем? Да говори же, какая ты странная, что она теперь? ..

— Она другой день ничего не ела.

— Как?

— Ни у кого из городских жителей нет уже давно куска хлеба, все давно едят одну землю.

Андрий остолбенел.

— Панночка видела тебя с городского валу вместе с запорожцами. Она сказала мне: «Ступай, скажи рыцарю: если он помнит меня, чтобы пришел ко мне; а не помнит, чтобы дал тебе кусок хлеба для старухи, моей матери, потому что я не хочу видеть, как при мне умрет мать. Пусть лучше я прежде, а она после меня; проси и хватай его за колена и ноги: у него также есть старая мать, чтоб ради ее дал хлеба!»

Много всяких чувств пробудилось и вспыхнуло в молодой груди казака.

— Но как же ты здесь? как ты пришла?

— Подземным ходом.

— Разве есть подземный ход?

— Есть.
— Где?
— Ты не выдашь, рыцарь?
— Клянусь крестом святым!
— Спустясь в яр и перейдя проток, там, где тростник.
— И выходит в самый город?
— Прямо к городскому монастырю.
— Пойдем, пойдем сейчас!
— Но, ради Христа и святой Марии, кусок хлеба!
— Хорошо, будет. Стой здесь, возле воза, или, лучше, ложись на него: тебя никто не увидит, все спят; я сейчас ворочусь.

И он отошел к возам, где хранились запасы, принадлежавшие их куреню. Сердце его билось. Все минувшее, все, что было заглушено нынешними казацкими биваками, суровой бранною жизнью, — все всплыло разом на поверхность, потопивши, в свою очередь, настоящее. Опять вынырнула перед ним, как бы из темной морской пучины, гордая женщина; вновь сверкнули в его памяти прекрасные руки, очи, смеющиеся уста, густые темно-ореховые волосы, курчаво распавшиеся по грудям, и все упругие, в согласном сочетанье созданные члены девического стана. Нет, они не погасали, не исчезали из груди его, они посторонились только, чтобы дать на время простор другим могучим движеньям; но часто, часто смущался ими глубокий сон молодого казака, и часто, проснувшись, лежал он без сна на одре, не умея истолковать тому причины.

Он шел, а биение сердца становилось сильнее при одной мысли, что увидит ее опять, и дрожали молодые его колена. Пришедши к возам, он совершенно позабыл, зачем пришел: поднес руку ко лбу и долго тер его, стараясь припомнить, что ему нужно делать. Наконец вздрогнул и весь исполнился испуга: ему вдруг пришло на мысль, что она умирает с голода. Он бросился к возу и схватил несколько больших черных хлебов под руку; но тут же подумал: не будет ли эта пища, годная для дюжего, неприхотливого запорожца, груба и неприлична ее нежному сложению? Тут вспомнил он, что вчера кошевой попрекал кашеваров за то, что сварили в один раз всю гречневую муку на саламату, тогда как бы ее стало на добрых три раза. В полной уверенности, что он найдет вдоволь саламаты в казанах, он вытащил отцовский походный казанок и с ним отправился к кашевару их куреня, спавшему у двух десятиведерных казанов, под которыми еще тлелась зола. Заглянувши в них, он изумился, увидя, что оба пусты. Нужно было нечеловеческих сил, чтобы все это съесть, тем более, что в их курене считалось меньше людей, чем в других. Он заглянул в казаны других куреней — нигде ничего. Поневоле пришла ему в голову поговорка: «Запорожцы как дети: коли мало — съедят, коли много — тоже ничего не оставят». Что делать? Был, однако же, где-то, кажется на возу отцовского

полка, мешок с белым хлебом, который нашли, ограбивши монастырскую пекарню. Он прямо подошел к отцовскому возу, но на возу его не было: Остап взял его себе под головы и, растянувшись на земле, храпел на все поле. Андрий схватил мешок одной рукой и дернул его вдруг так, что голова Остапа упала на землю, а он сам вскочил впросонках и, сидя с закрытыми глазами, закричал что было мочи:

— Держите, держите чертова ляха! да ловите коня, коня ловите!

— Замолчи, я тебя убью! — закричал в испуге Андрий, замахнувшись на него мешком. Но Остап и без того уже не продолжал речи, присмирел и пустил такой храп, что от дыхания шевелилась трава, на которой он лежал. Андрий робко оглянулся на все стороны, чтобы узнать, не пробудил ли кого-нибудь из казаков сонный бред Остапа. Одна чубатая голова, точно, приподнялась в ближнем курене и, поведя очами, скоро опустилась опять на землю. Переждав минуты две, он наконец отправился с своею ношею; татарка лежала, едва дыша.

— Вставай, идем! все спят, не бойся! Подымешь ли ты хоть один из этих хлебов, если мне будет несподручно захватить все?

Сказав это, он взвалил себе на спину мешки, стащил, проходя мимо одного воза, еще один мешок с просом, взял даже в руки те хлебы, которые хотел было отдать нести татарке, и, несколько понагнувшись под тяжестью, шел отважно между рядами спавших запорожцев.

— Андрий? — сказал старый Бульба в то время, когда он проходил мимо его.

Сердце его замерло; он остановился и, весь дрожа, тихо произнес:

— А что?

— С тобою баба! ей, отдеру тебя, вставши, на все бока! Не доведут тебя бабы до добра! — Сказавши это, он оперся головою на локоть и стал пристально рассматривать закутанную в покрывало татарку.

Андрий стоял ни жив ни мертв, не имея духу взглянуть в лицо отцу. И потом, когда поднял глаза и посмотрел на него, увидел, что старый Бульба уже спал, положив голову на ладонь.

Он перекрестился. Вдруг отхлынул от сердца испуг еще скорее, чем прихлынул. Когда же поворотился он, чтобы взглянуть на татарку, она стояла перед ним, подобно темной гранитной статуе, вся закутанная в покрывало, и отблеск отдаленного зарева, вспыхнув, озарил только одни ее очи, помутившиеся, как у мертвеца. Он дернул ее за рукав, и оба пошли вместе, беспрестанно оглядываясь назад, и наконец опустились отлогостью в низменную лощину — почти яр, называемый в некоторых местах балками, — по дну которой лениво пресмыкался проток, поросший осокою и усеянный кочками. Опустясь в эту лощину, они скрылись совершенно из виду всего поля, занятого запорожским табором. По крайней мере когда Андрий оглянулся, то увидел, что позади его крутою стеной, более чем

в рост человека, вознеслась покатость; на вершине ее покачивалось несколько стебельков полевого былья, и над ними поднималась в небе луна в виде косвенно обращенного серпа из яркого червонного золота. Сорвавшийся со степи ветерок давал знать, что уже немного оставалось времени до рассвета. Но нигде не слышно было отдаленного петушьего крика: ни в городе, ни в разоренных окрестностях не оставалось давно ни одного петуха. По небольшому бревну перебрались они через проток, за которым возносился противоположный берег, казавшийся выше бывшего у них назади и выступавший совершенным обрывом. Казалось, в этом месте был крепкий и надежный сам собою пункт городской крепости; по крайней мере земляной вал был тут ниже и не выглядывал из-за него гарнизон. Но зато подальше подымалась толстая монастырская стена. Обрывистый берег весь оброс бурьяном, и по небольшой лощине между им и протоком рос высокий тростник, почти в вышину человека. На вершине обрыва видны были остатки плетня, обличавшие когда-то бывший огород; перед ним широкие листы лопуха, из-за которого торчала лебеда, дикий колючий бодяк[31] и подсолнечник, подымавший выше всех свою голову. Здесь татарка скинула с себя черевики и пошла босиком, подобрав осторожно свое платье, потому что место было топко и наполнено водою. Пробираясь меж тростником, остановились они перед наваленным хворостом и фашинником. Отклонив хворост, нашли они род земляного свода — отверстие, мало чем большее отверстия в хлебной печи. Татарка, наклонив голову, вошла первая; вслед за нею Андрий, нагнувшись сколько можно ниже, чтобы можно было пробраться с своими мешками, и скоро очутились оба в совершенной темноте.

VI

Андрий едва двигался в темном и узком земляном коридоре, следуя за татаркою и таща на себе мешки хлеба.

— Скоро нам будет светло, — сказала проводница, — мы подходим к месту, где поставила я светильник.

И точно, темные земляные стены начали понемногу озаряться. Они достигли небольшой площадки, где, казалось, была часовня, по крайней мере к стене был приставлен узенький столик в виде алтарного престола, и над ним виден был почти совершенно изгладившийся, полинявший образ католической мадонны. Небольшая серебряная лампадка, перед ним висевшая, чуть-чуть озаряла его. Татарка наклонилась и подняла с земли оставленный медный светильник на тонкой высокой ножке, с висевшими вокруг ее на цепочках щипцами, шпилькой для поправления огня и гасильником. Взявши его, она зажгла огнем от лампады. Свет усилился, и они, идя вместе, то освещаясь сильно огнем, то набрасываясь темною, как уголь,

тенью, напоминали собою картины Герардо della notte[32]. Свежее, кипящее здоровьем и юностию, прекрасное лицо рыцаря представляло сильную противоположность с изнуренным и бледным лицом его спутницы. Проход стал несколько шире, так что Андрию можно было пораспрямиться. Он с любопытством рассматривал эти земляные стены. Так же как и в пещерах киевских, тут видны были углубления в стенах и стояли кое-где гробы; местами даже попадались просто человеческие кости, от сырости сделавшиеся мягкими и рассыпавшиеся в муку. Видно, и здесь также были святые люди и укрывались также от мирских бурь, горя и обольщений. Сырость местами была очень сильна; под ногами их иногда была совершенная вода. Андрий должен был часто останавливаться, чтобы дать отдохнуть своей спутнице, которой усталость возобновлялась беспрестанно. Небольшой кусок хлеба, проглоченный ею, произвел только боль в желудке, отвыкшем от пищи, и она оставалась часто без движения по нескольку минут на одном месте. Наконец перед ними показалась маленькая железная дверь.

— Ну, слава богу, мы пришли, — сказала слабым голосом татарка, приподняла было руку, чтобы постучаться, и не имела сил.

Андрий ударил вместо ее сильно в дверь; раздался гул, показавший, что за дверью был большой простор. Гул этот изменялся, встретив, как казалось, высокие своды. Минуты через две загремели ключи, и кто-то, казалось, сходил по лестнице. Наконец дверь отперлась; их впустил монах, стоявший на узенькой лестнице, с ключом и свечой в руках. Андрий невольно остановился при виде католического монаха, возбуждавшего такое ненавистное презрение в казаках, поступавших с ними бесчеловечней, чем с жидами. Монах тоже несколько отступил назад, увидев запорожского казака; но слово, невнятно произнесенное татаркою, его успокоило. Он посветил им, запер за ними дверь, ввел их по лестнице вверх, и они очутились под высокими темными сводами монастырской церкви. У одного из алтарей, уставленного высокими подсвечниками и свечами, стоял на коленах священник и тихо молился. Около него с обеих сторон стояли также на коленах два молодые клирошанина в лиловых мантиях, с белыми кружевными шемизетками и с кадилами в руках. Он молился о ниспослании чуда: о спасении города, о подкреплении падающего духа, о ниспослании терпения, об удалении искусителя, нашептывающего ропот и малодушный, робкий плач на земные несчастия. Несколько женщин, похожих на привидения, стояло на коленах, опершись и совершенно положив изнеможенные головы на спинки стоявших перед ними стульев и темных деревянных лавок; несколько мужчин, прислонясь у колонн, на которых возлегали боковые своды, печально стояли тоже на коленах. Окно с цветными стеклами, бывшее над алтарем, озарилось розовым румянцем утра, и упали от него на пол голубые, желтые

и других цветов кружки света, осветившие внезапно темную церковь. Весь алтарь в своем далеком углублении показался вдруг в сиянии; кадильный дым остановился в воздухе радужно освещенным облаком. Андрий не без изумления глядел из своего темного угла на чудо, произведенное светом. В это время величественный стон органа наполнил вдруг всю церковь; он становился гуще и гуще, разрастался, перешел в тяжелые раскаты грома и потом вдруг, обратившись в небесную музыку, понесся высоко под сводами своими поющими звуками, напоминавшими тонкие девичьи голоса, и потом опять обратился он в густой рев и гром и затих. И долго еще громовые рокоты носились, дрожа, под сводами, и дивился Андрий с полуоткрытым ртом величественной музыке.

В это время, почувствовал он, что кто-то дернул его за полу кафтана. «Пора» — сказала татарка. Они перешли через церковь, не замеченные никем, и вышли потом на площадь, бывшую перед нею. Заря уже давно румянилась на небе; все возвещало восхождение солнца. Площадь, имевшая квадратную фигуру, была совершенно пуста; посредине ее оставались еще деревянные столики, показывавшие, что здесь был еще, может быть, только неделю назад рынок съестных припасов. Улица, которых тогда не мостили, была просто засохшая груда грязи. Площадь обступали кругом небольшие каменные и глиняные, в один этаж, домы с видными в стенах деревянными сваями и столбами во всю их высоту, косвенно перекрещенные деревянными же брусьями, как вообще строили домы тогдашние обыватели, что можно видеть и поныне еще в некоторых местах Литвы и Польши. Все они были покрыты непомерно высокими крышами со множеством слуховых окон и отдушин. На одной стороне, почти близ церкви, выше других возносилось совершенно отличное от прочих здание, вероятно, городовой магистрат или какое-нибудь правительственное место. Оно было в два этажа, и над ним вверху надстроен был в две арки бельведер, где стоял часовой; большой циферблат вделан был в крышу. Площадь казалась мертвою; но Андрию почудилось какое-то слабое стенание. Рассматривая, он заметил на другой ее стороне группу из двух-трех человек, лежавших почти без всякого движения на земле. Он вперил глаза внимательней, чтобы рассмотреть, заснувшие ли это были, или умершие, и в это время наткнулся на что-то, лежавшее у ног его. Это было мертвое тело женщины, по-видимому, жидовки. Казалось, она была еще молода, хотя в искаженных, изможденных чертах ее нельзя было того видеть. На голове ее был красный шелковый платок; жемчуги или бусы в два ряда украшали ее наушники; две-три длинные, все в завитках, кудри выпадали из-под них на ее высохшую шею с натянувшимися жилами. Возле нее лежал ребенок, судорожно схвативший рукою за тощую грудь ее и скрутивший ее своими пальцами от невольной злости, не нашед в ней молока. Он уже не плакал и не кричал, и только по тихо опускавшемуся и подымавшемуся животу его

можно было думать, что он еще не умер или по крайней мере еще только готовился испустить последнее дыхание. Они поворотили в улицы и были остановлены вдруг каким-то беснующимся, который, увидев у Андрия драгоценную ношу, кинулся на него, как тигр, вцепился в него, крича: «Хлеба!» Но сил не было у него, равных бешенству; Андрий оттолкнул его: он полетел на землю. Движимый состраданием, он швырнул ему один хлеб, на который тот бросился, подобно бешеной собаке, изгрыз, искусал его и тут же, на улице, в страшных судорогах испустил дух от долгой отвычки принимать пищу. Почти на каждом шагу поражали их страшные жертвы голода. Казалось, как будто, не вынося мучений в домах, многие нарочно выбежали на улицу: не ниспошлется ли в воздухе чего-нибудь, питающего силы. У ворот одного дома сидела старуха, и нельзя сказать, заснула ли она, умерла, или просто позабылась; по крайней мере она уже не слышала и не видела ничего и, опустив голову на грудь, сидела недвижима на одном и том же месте. С крыши другого дома висело вниз на веревочной петле вытянувшееся и иссохшее тело. Бедняк не мог вынести до конца страданий голода и захотел лучше произвольным самоубийством ускорить конец свой.

При виде таких поражающих свидетельств голода Андрий не вытерпел не спросить татарку:

— Неужели они, однако ж, совсем не нашли, чем пробавить жизнь? если человеку приходит последняя крайность, тогда, делать нечего, он должен питаться тем, чем дотоле брезгал: он может питаться теми тварями, которые запрещены законом, все может тогда пойти в снедь.

— Все переели, — сказала татарка, — всю скотину: ни коня, ни собаки, ни даже мыши не найдешь во всем городе. У нас в городе никогда не водилось никаких запасов: все привозилось из деревень.

— Но как же вы, умирая такою лютою смертью, все еще думаете оборонить город?

— Может быть, воевода и сдал бы, но вчера утром полковник, который в Бужанах, пустил в город ястреба с запиской, чтобы не отдавали города: что он идет на выручку с полком, да ожидает только другого полковника, чтоб идти обоим вместе. И теперь всякую минуту ждут их... но вот мы пришли к дому.

Андрий уже издали видел дом, непохожий на другие и, как казалось, строенный каким-нибудь архитектором итальянским: он был сложен из красивых тонких кирпичей в два этажа. Окна нижнего этажа были заключены в высоко выдавшиеся гранитные карнизы; верхний этаж состоял весь из небольших арок, образовавших галерею; между ними были видны решетки с гербами; на углах дома тоже были гербы. Наружная широкая лестница из крашенных кирпичей выходила на самую площадь. Внизу лестницы сидело по одному часовому, которые картинно и симметрически

держались одной рукой за стоявшие подле них алебарды, а другою подпирали наклоненные свои головы и, казалось, таким образом, более походили на изваяния, чем на живые существа. Они не спали и не дремали, но, казалось, были нечувствительны ко всему; они не обратили даже внимания на то, кто всходил по лестнице. На верху лестницы они нашли богато убранного, всего с ног до головы вооруженного воина, державшего в руке молитвенник. Он было возвел на них истомленные очи, но татарка сказала ему одно слово, и он опустил их вновь в открытые страницы своего молитвенника. Они вступили в первую комнату, довольно просторную, служившую приемною или просто переднею; она была наполнена вся сидевшими в разных положениях у стен солдатами, слугами, псарями, виночерпиями и прочей дворней, необходимою для показания сана польского вельможи. Слышен был чад погаснувшей свечи; две другие еще горели в двух огромных, почти в рост человека, подсвечниках, стоявших посредине, несмотря на то, что уже давно в решетчатое широкое окно глядело утро. Андрий уже было хотел идти прямо в широкую дубовую дверь, украшенную гербом и множеством резных украшений, но татарка дернула его за рукав и указала маленькую дверь в боковой стене. Этою вышли они в коридор и потом в комнату, которую он начал внимательно рассматривать. Свет, проходивший сквозь щель ставня, тронул кое-что: малиновый занавес, позолоченный карниз и живопись на стене. Здесь татарка указала Андрию остаться, отворила дверь в другую комнату, из которой блеснул свет огня. Он услышал шепот и тихий голос, от которого все потряслось у него. Он видел сквозь растворившуюся дверь, как мелькнула быстро стройная женская фигура с длинною роскошною косою, упадавшею на поднятую кверху руку. Татарка возвратилась и сказала, чтобы он вошел. Он не помнил, как вошел и как затворилась за ним дверь. В комнате горели две свечи, лампада теплилась перед образом; под ним стоял высокий столик, по обычаю католическому, со ступеньками для преклонения колен во время молитвы. Но не того искали глаза его. Он повернулся в другую сторону и увидел женщину, казалось, застывшую и окаменевшую в каком-то быстром движенье. Казалось, как будто вся фигура ее хотела броситься к нему и вдруг остановилась. И он остался также изумленным пред нею. Не такою воображал он ее видеть: это была не она, не та, которую он знал прежде; ничего не было в ней похожего на ту; но вдвое прекраснее и чудеснее была она теперь, чем прежде; тогда было в ней что-то неконченное, недовершенное; теперь это было произведение, которому художник дал последний удар кисти. То была прелестная, ветреная девушка; эта была красавица, женщина во всей развившейся красе своей. Полное чувство выражалось в ее поднятых глазах, не отрывки, не намеки на чувство, но все чувство. Еще слезы не успели в них высохнуть и облекли их блистающею влагою, проходившею в душу; грудь, шея и плечи заключились в те прекрасные

границы, которые назначены вполне развившейся красоте; волосы, которые прежде разносились легкими кудрями по лицу ее, теперь обратились в густую роскошную косу, часть которой была подобрана, а часть разбросалась по всей длине руки и тонкими, длинными, прекрасно согнутыми волосами упадала на грудь: казалось, все до одной изменились черты ее. Напрасно силился он отыскать в них хоть одну из тех, которые носились в его памяти, — ни одной. Как ни велика была ее бледность, но она не помрачала чудесной красы ее, напротив, как будто придала ей что-то стремительное, неотразимо победоносное. И ощутил Андрий в своей душе благоговейную боязнь и стал неподвижен перед нею. Она, казалось, также была поражена видом казака, представшего во всей красе и силе юношеского мужества, который и в самой неподвижности своих членов уже обличал развязную вольность движений; ясною твердостью сверкал глаз его, смелою дугою выгнулась бархатная бровь, загорелые щеки блистали всею яркостью девственного огня, и, как шелк, лоснился молодой черный ус.

— Нет, я не в силах ничем возблагодарить тебя, великодушный рыцарь, — сказала она, и весь колебался серебряный звук ее голоса. — Один бог может вознаградить тебя, не мне, слабой женщине. . .

Она потупила свои очи; прекрасными снежными полукружьями надвинулись на них веки, охраненные длинными, как стрелы, ресницами; наклонилося все чудесное лицо ее, и тонкий румянец оттенил его снизу. Не знал, что сказать на это Андрий; он хотел бы выговорить все, что ни есть на душе, выговорить его так же горячо, как оно было на душе, — и не мог. Почувствовал он что-то заградившее ему уста; звук отнялся у слова; почувствовал он, что не ему, воспитанному в бурсе и в бранной кочевой жизни, отвечать на такие речи, и вознегодовал на свою казацкую натуру.

В это время вошла в комнату татарка. Она уже успела нарезать ломтями принесенный рыцарем хлеб, несла его на золотом блюде и поставила перед своею панною. Красавица взглянула на нее, на хлеб и возвела очи на Андрия, — и много было в очах тех. Этот умиленный взор, выказавший изнеможенье и бессилье выразить обнявшие ее чувства, был более доступен Андрию, чем все речи. Его душе вдруг стало легко; казалось, все развязалось у него. Душевные движенья и чувства, которые дотоле как будто кто-то удерживал тяжкою уздою, теперь почувствовали себя освобожденными, на воле, и уже хотели излиться в неукротимые потоки слов, как вдруг красавица, обратясь к татарке, беспокойно спросила:

— А мать? ты отнесла ей?

— Она спит.

— А отцу?

— Отнесла; он сказал, что придет сам благодарить рыцаря.

Она взяла хлеб и поднесла его ко рту. С неизъяснимым наслаждением глядел Андрий, как она ломала его блистающими пальцами своими и ела;

и вдруг вспомнил о бесновавшемся от голода, который испустил дух в глазах его, проглотивши кусок хлеба. Он побледнел и, схватив ее за руку, закричал:

— Довольно, не ешь больше! ты так долго не ела, тебе хлеб будет теперь ядовит.

И она опустила тут же свою руку; положила хлеб на блюдо и, как покорный ребенок, смотрела ему в очи. И пусть бы выразило чье-нибудь слово... но не властны выразить ни резец, ни кисть, ни высоко-могучее слово того, что видится иной раз во взорах девы, ниже́ того умиленного чувства, которым объемлется глядящий в такие взоры девы.

— Царица! — вскрикнул Андрий, полный и сердечных, и душевных, и всяких избытков, — что тебе нужно, чего ты хочешь? — прикажи мне! задай мне службу самую невозможную, какая только есть на свете, — я побегу исполнить ее! Скажи мне сделать то, чего не в силах сделать ни один человек, — я исполню, я погублю себя. Погублю, погублю! и погубить себя для тебя, клянусь святым крестом, мне так сладко... но нет, нельзя сказать того! У меня три хутора, половина табунов отцовских — мои, все, что принесла отцу мать моя, что даже от него скрывает она, — все мое! Нет ни у кого теперь из казаков наших такого оружия, как у меня: за одну рукоять моей сабли дают мне лучший табун и три тысячи овец. И от всего этого откажусь, кину, брошу, сожгу, затоплю, если только ты вымолвишь одно слово или хотя только шевельнешь своею тонкою черною бровью! но знаю, что, может быть, несу глупые речи, и некстати, и нейдет все это сюда, что не мне, проведшему жизнь в бурсе и на Запорожье, говорить так, как в обычае говорить там, где бывают короли, князья и все, что ни есть лучшего в вельможном рыцарстве. Вижу, что ты иное творенье бога, нежели все мы, и далеки пред тобою другие боярские жены и дочери-девы.

С возрастающим изумлением, вся превратившись в слух, не проронив ни одного слова, слушала дева открытую, сердечную речь, в которой, как в зеркале, отражалась молодая, полная сил душа, и каждое простое слово этой речи, выговоренное голосом, летевшим прямо с сердечного дна, облечено было в силу. И выдалось вперед все прекрасное лицо ее, отбросила она далеко назад досадные волосы, открыла уста и долго глядела с открытыми устами; потом хотела что-то сказать и вдруг остановилась и вспомнила, что другим назначеньем ведется рыцарь, что отец, братья и вся отчизна его стоят позади суровыми мстителями, что страшны облегшие город запорожцы, что лютой смерти обречены все они с своим городом... и глаза ее вдруг наполнились слезами; она схватила платок, шитый шелками, набросила его себе на лицо, и он в минуту стал весь влажен; и долго сидела, забросив назад свою прекрасную голову, сжав белоснежными зубами свою прекрасную нижнюю губу, как бы внезапно почувство-

вав какое укушение ядовитого гада, и не снимая с лица платка, чтобы *он* не видел ее сокрушительной грусти.

— Скажи мне одно слово! — сказал Андрий и взял ее за атласную руку. Сверкающий огонь пробежал по жилам его от этого прикосновенья, и жал он руку, лежавшую бесчувственно в руке его.

Но она молчала, не отнимала платка от лица своего и оставалась неподвижна.

— Отчего же ты так печальна? скажи мне, отчего ты так печальна?

Бросила прочь она от себя платок, отдернула падающие на очи длинные волосы свои и вся разлилася в жалостных речах, выговаривая их тихим голосом, подобно тому, как ветер, поднявшись в прекрасный вечер, пробежит вдруг по густой чаще приво́дного тростника, — зашелестят, зазвучат и понесутся вдруг унывно-тонкие звуки, и ловит их с непонятной грустью остановившийся путник, не чуя ни погасающего вечера, ни несущихся веселых песен народа, бредущего от полевых работ и жнив, ни отдаленного стука где-то проезжающей телеги.

— Не достойна ли я вечных сожалений? не несчастна ли мать, родившая меня на свет? не горькая ли доля пришлась на часть мне? не лютый ли ты палач мой, моя свирепая судьба? Всех ты привела к ногам моим: лучших дворян изо всего шляхетства, богатейших панов, графов и иноземных баронов и все, что ни есть цвет нашего рыцарства. Всем им было вольно любить меня, и за великое благо всякий из них почел бы любовь мою. Стоило мне только махнуть рукой, и любой из них, красивейший, прекраснейший лицом и породою, стал бы моим супругом. И ни к одному из них не причаровала ты моего сердца, свирепая судьба моя; а причаровала мое сердце, мимо лучших витязей земли нашей, к чуждому, ко врагу нашему. За что же ты, пречистая божья матерь, за какие грехи, за какие тяжкие преступленья так неумолимо и беспощадно гонишь меня? В изобилии и роскошном избытке всего текли дни мои; лучшие, дорогие блюда и сладкие вина были мне снедью. И на что все это было? к чему оно все было? к тому ли, чтобы наконец умереть лютою смертью, какой не умирает последний нищий в королевстве. И мало того, что осуждена я на такую страшную участь, мало того, что перед концом своим должна видеть, как станут умирать в невыносимых муках отец и мать, для спасенья которых двадцать раз готова была бы отдать жизнь свою, мало всего этого; нужно, чтобы перед концом своим мне довелось увидеть и услышать слова и любовь, какой не видала я. Нужно, чтобы он речами своими разодрал на части мое сердце, чтобы горькая моя часть была еще горше, чтобы еще жалче было мне моей молодой жизни, чтобы еще страшнее казалась мне смерть моя и чтобы еще больше, умирая, попрекала я тебя, свирепая судьба моя, и тебя, прости мое прегрешение, святая божья матерь!

И когда затихла она, безнадежное, безнадежное чувство отразилось в лице ее; ноющею грустью заговорила всякая черта его, и все, от печально поникшего лба и опустившихся очей до слез, застывших и засохнувших по тихо пламеневшим щекам ее, все, казалось, говорило: «Нет счастья на лице этом!»

— Не слыхано на свете, не можно, не быть тому, — говорил Андрий, — чтобы красивейшая и лучшая из жен понесла такую горькую часть, когда она рождена на то, чтобы пред ней, как пред святыней, преклонилось все, что ни есть лучшего на свете. Нет, ты не умрешь, не тебе умирать, клянусь моим рождением и всем, что мне мило на свете, ты не умрешь! Если же будет уже так и ничем, ни силой, ни молитвой, ни мужеством, нельзя будет отклонить горькой судьбы, то мы умрем вместе, и прежде умру я, умру перед тобой, у твоих прекрасных колен, и разве уже мертвого меня разлучат с тобою.

— Не обманывай, рыцарь, и себя и меня, — говорила она, качая тихо прекрасной головой своей, — знаю и, к великому моему горю, знаю слишком хорошо, что тебе нельзя любить меня, знаю я, какой долг и завет твой: тебя зовут отец, товарищи, отчизна, — а мы враги тебе.

— А что мне отец, товарищи, отчизна? — сказал Андрий, встряхнув быстро головою и выпрямив весь прямой, как надречная осокорь, стан свой. — Так если ж так, так вот что: нет у меня никого! Никого, никого! — повторил он тем же голосом и с тем движеньем руки, с каким упругий, несокрушимый казак выражает решимость на дело, неслыханное и невозможное для другого. — Кто сказал, что моя отчизна Украйна? кто дал мне ее в отчизны? Отчизна есть то, чего ищет душа наша, что милее для нее всего. Отчизна моя — ты! Вот моя отчизна! И понесу я отчизну эту в сердце моем, понесу ее, пока станет моего веку, и посмотрю, пусть кто-нибудь из казаков вырвет ее оттуда! и все, что ни есть, продам, отдам, погублю за такую отчизну!

На миг остолбенев, как прекрасная статуя, смотрела она ему в очи и вдруг зарыдала, и с чудною женскою стремительностию, на какую бывает только способна одна безрасчетно великодушная женщина, созданная на прекрасное сердечное движение, кинулась она к нему на шею, обхватив его снегоподобными, чудными руками, и зарыдала. В это время раздались на улице неясные крики, сопровождаемые трубным и литаврным звуком; но он не слышал их; он слышал только, как чудные уста обдавали его благовонной теплотой своего дыхания, как слезы ее текли ручьями к нему на лицо и все спустившиеся с головы пахучие ее волосы опутали его всего своим темным и блестящим шелком.

В это время вбежала к ним с радостным криком татарка.

— Спасены, спасены! — кричала она, не помня себя, — наши вошли в город, привезли хлеба, пшена, муки и связанных запорожцев.

Но не слышал никто из них, какие «наши» вошли в город, что привезли с собою и каких связали запорожцев. Полный чувств, вкушаемых не на земле, Андрий поцеловал в благовонные уста, прильнувшие к щеке его, и небезответны были благовонные уста. Они отозвались тем же, и в этом обоюдно слиянном поцелуе ощутилось то, что один только раз в жизни дается чувствовать человеку.

И погиб казак! пропал для всего казацкого рыцарства! не видать ему больше ни Запорожья, ни отцовских хуторов своих, ни церкви божией. Украйне не видать тоже храбрейшего из своих детей, взявшихся защищать ее. Вырвет старый Тарас седой клок волос из своей чупрыны и проклянет и день и час, в который породил на позор себе такого сына.

VII

Шум и движение происходили в запорожском таборе. Сначала никто не мог дать верного отчета, как случилось, что войска прошли в город. Потом уже оказалось, что весь Переяславский курень, расположившийся перед боковыми городскими воротами, был пьян мертвецки; стало быть, дивиться нечего, что половина была перебита, а другая перевязана еще прежде, чем все могли узнать, в чем дело. Покамест ближние курени, разбуженные шумом, успели схватиться за оружие, войско уже уходило в ворота, и последние ряды отстреливались от устремившихся на них в беспорядке сонных и полупротрезвившихся запорожцев. Кошевой дал приказ собраться всем, и когда все стали в круг и, снявши шапки, затихли, он сказал:

— Так вот что, панове-братове, случилось в эту ночь; вот до чего довел хмель! вот какое поруганье оказал нам неприятель! У вас, видно, уже такое заведение: коли позволишь удвоить порцию, так вы готовы так натянуться, что враг Христова воинства не только снимет с вас шаровары, но в самое лицо вам начхает, так вы того не услышите.

Казаки все стояли понурив головы, зная вину; один незамайковский куренной атаман Кукубенко отозвался.

— Постой, батько! — сказал он, — хоть оно и не в законе, чтобы сказать какое возражение, когда говорит кошевой пред лицом всего войска, да дело не так было, так нужно сказать. Ты не совсем справедливо попрекнул. Казаки были бы повинны и достойны смерти, если бы напились в походе, на войне, на трудной, тяжкой работе; но мы сидели без дела, маячились попусту перед городом. Ни поста, ни другого христианского воздержанья не было; как же может статься, чтобы на безделье не напился человек? Греха тут нет. А мы вот лучше покажем им, что такое

нападать на безвинных людей. Прежде били добре, а уж теперь побьем так, что и пят не унесут домой.

Речь куренного атамана понравилась казакам. Они приподняли уже совсем было понурившиеся головы, и многие одобрительно кивнули головой, примолвивши: «Добре сказал Кукубенко!» А Тарас Бульба, стоявший недалеко от кошевого, сказал:

— А что, кошевой, видно Кукубенко правду сказал! что ты скажешь на это?

— А что скажу? скажу: блажен и отец, родивший такого сына: еще не большая мудрость сказать укорительное слово, но бо́льшая мудрость сказать такое слово, которое, не поругавшись над бедою человека, ободрило бы его, придало бы духу ему, как шпоры придают духу коню, освеженному водопоем. Я сам хотел вам сказать потом утешительное слово, да Кукубенко догадался прежде.

«Добре сказал и кошевой!» — отозвалось в рядах запорожцев. «Доброе слово!» — повторили другие. И самые седые, стоявшие, как сизые голуби, и те кивнули головою и, моргнувши седым усом, тихо сказали: «Добре сказанное слово!»

— Теперь слушайте же, панове! — продолжал кошевой, — брать крепость, карабкаться и подкапываться, как делают чужеземные немецкие мастера, — пусть ей враг прикинется! — и неприлично, и не казацкое дело. А судя по тому, что есть, неприятель вошел в город не с большим запасом; телег что-то было с ним немного; народ в городе голодный, стало быть, все съест духом, да и коням тоже сена... уж я не знаю, разве с неба кинет им на вилы какой-нибудь их святой... только про это еще бог знает; а ксендзы-то их горазды на одни слова. За тем или за другим, а уж они выйдут из города. Разделяйся же на три кучи и становись на три дороги перед тремя воротами. Перед главными воротами пять куреней, перед другими по три куреня. Дядькивский и Корсунский курень на засаду; полковник Тарас с полком на засаду; Тытаревский и Тымошевский курень на запас с правого боку обоза, Щербиновский и Стебликивский верхний, с левого боку! Да выбирайтесь из ряду молодцы, которые позубастей на слово, задирать неприятеля! У ляха пустоголовая натура, брани не вытерпит, и, может быть, сегодня же все они выйдут из ворот. Куренные атаманы, всякий перегляди курень свой: у кого недочет, пополни его остатками Переяславского. Перегляди все снова! Дать на опохмел всем по чарке и по хлебу на казака! Только, верно, всякий еще вчерашним сыт, ибо, некуда деть правды, поначадились все так, что дивлюсь, как ночью никто не лопнул. Да вот еще один наказ: если кто-нибудь, шинкарь-жид, продаст казаку хоть один кухоль [33] сивухи, то я прибью ему на самый лоб свиное ухо, собаке, и повешу ногами вверх! За работу же, братцы, за работу!

Так распоряжался кошевой, и все поклонились ему в пояс и, не надевая шапок, отправились к своим возам и таборам и, когда уже совсем далеко отошли, тогда только надели шапки. Все начали снаряжаться: пробовали сабли и палаши, насыпали порох из мешков в пороховницы, откатывали и становили возы и выбирали коней.

Уходя к своему полку, Тарас думал и не мог придумать, куда бы девался Андрий; полонили ли его вместе с другими и связали сонного; только нет, не таков Андрий, чтобы отдался живым в плен. Между убитыми казаками тоже не было его видно. Задумался крепко Тарас и шел перед полком, не слыша, что его давно называл кто-то по имени.

— Кому нужно меня? — сказал он, наконец очнувшись.

Перед ним стоял жид Янкель.

— Пан полковник, пан полковник! — говорил жид поспешным и прерывистым голосом, как будто бы хотел объявить дело не совсем пустое, — я был в городе, пан полковник!

Тарас посмотрел на жида и подивился тому, что он уже успел побывать в городе.

— Какой же враг тебя занес туда?

— Я тотчас расскажу, — сказал Янкель, — как только услышал я на заре шум и казаки стали стрелять, я ухватил кафтан и, не надевая его, побежал туда бегом, дорогою уже надел его в рукава, потому что хотел поскорей узнать, отчего шум, отчего казаки на самой заре стали стрелять. Я взял и прибежал к самым городским воротам в то время, когда последнее войско входило в город. Гляжу, впереди отряда пан хорунжий Галяндович. Он человек мне знакомый: еще с третьего года задолжал сто червонных; я за ним, будто бы затем, чтобы выправить с него долг, и вошел вместе с ним в город.

— Как же ты вошел в город, да еще и долг хотел выправить! — сказал Бульба, — и не велел он тебя тут же повесить, как собаку?

— А ей-богу, хотел повесить, — отвечал жид, — уже было его слуги совсем схватили меня и закинули веревку на шею, но я взмолился пану, сказал, что подожду долгу, сколько пан хочет, и пообещал еще дать взаймы, как только поможет мне собрать долги с других рыцарей; ибо у пана хорунжего, я все скажу пану, нет ни одного червонного в кармане, хоть у него есть и хутора, и усадьбы, и четыре замка, и степовой земли до самого Шклова, а грошей у него так, как у казака, ничего нет. И теперь, если бы не вооружили его бреславские жиды, не в чем было бы ему на войну выехать. Он и на сейме оттого не был...

— Что ж ты делал в городе? видел наших?

— Как же, наших там много: Ицка, Рахум, Самуйло, Хайвалох, еврей-арендатор...

— Пропади они, собаки! — вскрикнул, рассердившись, Тарас, — что ты мне тычешь свое жидовское племя! я тебя спрашиваю про наших запорожцев.

— Наших запорожцев не видал, а видел одного пана Андрия.

— Андрия видел? — вскрикнул Бульба, — что ж он? где видел его? в подвале? в яме? обесчещен? связан?

— Кто же бы смел связать пана Андрия? теперь он такой важный рыцарь... далибуг,[34] я не узнал. И наплечники в золоте, и на поясе золото, и везде золото, и все золото; так, как солнце взглянет весною, когда в огороде всякая пташка пищит и поет и всякая травка пахнет, так и он весь сияет в золоте, и коня ему дал воевода самого лучшего под верх: два ста червонных стоит один конь.

Бульба остолбенел.

— Зачем же он надел чужое одеянье?

— Потому что лучше, потому и надел. И сам разъезжает, и другие разъезжают, и он учит, и его учат: как наибогатейший польский пан!

— Кто ж его принудил?

— Я ж не говорю, чтобы его кто принудил. Разве пан не знает, что он по своей воле перешел к ним?

— Кто перешел?

— А пан Андрий.

— Куда перешел?

— Перешел на их сторону; он уже теперь совсем ихний.

— Врешь, свиное ухо!

— Как же можно, чтобы я врал? дурак я разве, чтобы врал? на свою бы голову я врал? Разве я не знаю, что жида повесят, как собаку, коли он соврет перед паном.

— Так это выходит, он, по-твоему, продал отчизну и веру?

— Я же не говорю этого, чтобы он продал что, я сказал только, что он перешел к ним.

— Врешь, чертов жид! такого дела не было на христианской земле! ты путаешь, собака!

— Пусть трава порастет на пороге моего дома, если я путаю! Пусть всякий наплюет на могилу отца, матери, свекра, и отца отца моего, и отца матери моей, если я путаю. Если пан хочет, я даже скажу, и отчего он перешел к ним.

— Отчего?

— У воеводы есть дочка-красавица, святой боже! какая красавица! — Здесь жид постарался, как только мог, выразить в лице своем красоту, расставив руки, прищурив глаз и покрививши набок рот, как будто чего-нибудь отведавши.

— Ну, так что же из того?

— Он для нее и сделал все и перешел. Коли человек влюбится, то он все равно что подошва, которую, коли размочишь в воде, возьми согни — она и согнется.

Крепко задумался Бульба. Вспомнил он, что велика власть слабой женщины, что многих сильных погубляла она, что податлива с этой стороны природа Андрия, и стоял он долго как вкопанный на одном и том же месте.

— Слушай, пан, я все расскажу пану, — говорил жид, — а как только услышал я шум и увидел, что проходят в городские ворота, я схватил на всякий случай с собой нитку жемчугу, потому что в городе есть красавицы и дворянки; а коли есть красавицы и дворянки, сказал я себе, то им хоть и есть нечего, а жемчуг все-таки купят. И как только хорунжего слуги пустили меня, я побежал на воеводин двор продавать жемчуг. Расспросил все у служанки-татарки: «Будет свадьба сейчас, как только прогонят запорожцев. Пан Андрий обещался прогнать запорожцев».

— И ты не убил тут же на месте его, чертова сына? — вскрикнул Бульба.

— За что же убить? он перешел по доброй воле. Чем человек виноват: там ему лучше, туда и перешел.

— И ты видел его в самое лицо?

— Ей-богу, в самое лицо! такой славный вояка! всех взрачней. Дай ему бог здоровья, меня тотчас узнал; и когда я подошел к нему, тотчас сказал...

— Что ж он сказал?

— Он сказал, прежде кивнул пальцем, а потом уже сказал: «Янкель!» А я: «Пан Андрий!» — говорю. «Янкель, скажи отцу, скажи брату, скажи казакам, скажи запорожцам, скажи всем, что отец — теперь не отец мне, брат — не брат, товарищ — не товарищ, и что я с ними буду биться со всеми, со всеми буду биться!»

— Врешь, чертов Иуда! — закричал, вышед из себя, Тарас, — врешь, собака! Ты и Христа распял, проклятый богом человек! Я тебя убью, сатана! утекай отсюда, не то тут же тебе и смерть! — И сказавши это, Тарас выхватил свою саблю.

Испуганный жид припустился тут же во все лопатки, как только могли вынести его тонкие, сухие икры. Долго еще бежал он без оглядки между казацким табором и потом далеко по всему чистому полю, хотя Тарас вовсе не гнался за ним, размыслив, что неразумно вымещать запальчивость на первом подвернувшемся.

Теперь припомнил он, что видел в прошлую ночь Андрия, проходившего по табору с какой-то женщиною, и поник седою головою, а все еще не хотел верить, чтобы могло случиться такое позорное дело и чтобы собственный сын его продал веру и душу.

Наконец повел он свой полк в засаду и скрылся с ним за лесом, который один был не выжжен еще казаками. А запорожцы, и пешие и конные, выступали на три дороги к трем воротам. Один за другим валили курени: Уманский, Поповичевский, Каневский, Стебликивский, Незамайковский, Гургизив, Тытаревский, Тымошевский. Одного только Переяславского не было. Крепко курнули казаки его и прокурили свою долю. Кто проснулся связанным во вражьих руках, кто, и совсем не просыпаясь, сонный перешел в сырую землю, и сам атаман Хлиб, без шаровар и верхнего убранства, очутился в ляшском стане.

В городе услышали казацкое движенье. Все высыпали на вал, и предстала пред казаков живая картина: польские витязи, один другого красивей, стояли на валу. Медные шапки сияли, как солнца, оперенные белыми, как лебедь, перьями. На других были легкие шапочки, розовые и голубые, с перегнутыми набекрень верхами. Кафтаны с откидными рукавами, шитые золотом и просто выложенные шнурками. У тех сабля и ружья в дорогих оправах, за которые дорого приплачивались паны, и много было всяких других убранств. Напереди стоял спесиво, в красной шапке, убранной золотом, буджаковский полковник. Грузен был полковник, всех выше и толще, и широкий дорогой кафтан насилу облекал его. На другой стороне, почти к боковым воротам, стоял другой полковник, небольшой человек, весь высохший; но малые зоркие очи глядели живо из-под густо наросших бровей, и оборачивался он скоро на все стороны, указывая бойко тонкою, сухою рукою своею, раздавая приказанья; видно было, что, несмотря на малое тело свое, знал он хорошо ратную науку. Недалеко от него стоял хорунжий, длинный-длинный, с густыми усами, и, казалось, не было у него недостатка в краске на лице: любил пан крепкие меды и добрую пирушку. И много было видно за ними всякой шляхты, вооружившейся кто на свои червонцы, кто на королевскую казну, кто на жидовские деньги, заложив все, что ни нашлось в дедовских за́мках. Немало было и всяких сенаторских нахлебников, которых брали с собою сенаторы на обеды для почета, которые крали со стола и из буфетов серебряные кубки и после сегодняшнего почета на другой день садились на козлы править конями у какого-нибудь пана. Много всяких было там. Иной раз и выпить было не на что, а на войну все принарядилось.

Казацкие ряды стояли тихо перед стенами. Не было из них ни на ком золота; только разве кое-где блестело оно на сабельных рукоятях и ружейных оправах. Не любили казаки богато наряжаться на битвах: простые были на них кольчуги и свиты, и далеко чернели и червонели черные, червоноверхие бараньи их шапки.

Два казака выехали вперед из запорожских рядов. Один еще совсем молодой, другой постарее, оба зубастые на слова, на деле тоже не плохие

казаки: Охрим Наш и Мыкыта Голокопытенко. Следом за ними выехал и Демид Попович, коренастый казак, уже давно маячивший на Сече, бывший под Адрианополем и много потерпевший на веку своем: горел в огне и прибежал на Сечь с обсмаленною, почерневшею головою и сгоревшими усами. Но раздобрел вновь Попович, пустил за ухо оселедец, вырастил усы, густые и черные как смоль, и крепок был на едкое слово Попович.

— А, красные жупаны на всем войске, да хотел бы я знать, красная ли сила у войска?

— Вот я вас! — кричал сверху дюжий полковник. — Всех перевяжу! отдавайте, холопы, ружья и коней. Видели, как перевязал я ваших? Выведите им на вал запорожцев!

И вывели на вал скрученных веревками запорожцев; впереди их был куренной атаман Хлиб, без шаровар и верхнего убранства, так, как схватили его хмельного. И потупил в землю голову атаман, стыдясь наготы своей перед своими же казаками и того, что попал в плен, как собака, сонный. В одну ночь поседела крепкая голова его.

— Не печалься, Хлиб! выручим! — кричали ему снизу казаки.

— Не печалься, друзьяка! — отозвался куренной атаман Бородатый, — в том нет вины твоей, что схватили тебя нагого: беда может быть со всяким человеком; но стыдно им, что выставили тебя на позор, не прикрывши прилично наготы твоей.

— Вы, видно, на сонных людей храброе войско! — говорил, поглядывая на вал, Голокопытенко.

— Вот погодите, обрежем мы вам чубы! — кричали им сверху.

— А хотел бы я поглядеть, как они нам обрежут чубы! — говорил Попович, поворотившись перед ними на коне, и потом, поглядевши на своих, сказал: — А что ж? может быть, ляхи и правду говорят; коли выведет их вон тот, пузатый, им всем будет добрая защита.

— Отчего ж, ты думаешь, будет им добрая защита? — сказали казаки, зная, что Попович, верно, уже готовился что-нибудь отпустить.

— А оттого, что позади его упрячется все войско, и уж черта с два из-за его пуза достанешь которого-нибудь копьем!

Все засмеялись казаки; и долго многие из них еще покачивали головою, говоря: «Ну уж Попович! уж коли кому закрутит слово, так только ну. . .» — Да уж и не сказали казаки, что такое «ну».

— Отступайте, отступайте скорей от стен! — закричал кошевой, ибо ляхи, казалось, не выдержали едкого слова, и полковник махнул рукой.

Едва только посторонились казаки, как грянули с вала картечью. На валу засуетились, показался сам седой воевода на коне. Ворота отворились, и выступило войско. Впереди выехали ровным конным строем гусары, за ними кольчужники, потом латники с копьями, потом все в мед-

ных шапках, потом ехали особняком лучшие шляхтичи, каждый одетый по-своему. Не хотели гордые шляхтичи вмешаться в ряды с другими, и у которого не было команды, тот ехал один с своими слугами. Потом опять ряды, и за ними выехал хорунжий, за ним опять ряды, и выехал дюжий полковник, а позади всего уже войска выехал последним низенький полковник.

— Не давать им! не давать им строиться и становиться в ряды! — кричал кошевой, — разом напирайте на них все курени! Оставляйте же прочие ворота! Тытаревский курень, нападай сбоку! Дядькивский курень, нападай с другого! Напирайте на тыл, Кукубенко и Палывода! Мешайте, мешайте и розните их!

И ударили со всех сторон казаки, сбили и смешали ляхов, и сами смешались. Не дали даже и стрельбы произвесть; пошло дело на мечи да на копья. Все сбились в кучу, и каждому привел случай показать себя. Демид Попович трех заколол простых и двух лучших шляхтичей сбил с коней, говоря: «Вот добрые кони! таких коней я давно хотел достать». И выгнал коней далеко в поле, крича стоявшим казакам перенять их. Потом вновь пробился в кучу, напал опять на сбитых с коней шляхтичей, одного убил, а другому накинул аркан на шею, привязал к седлу и поволок его по всему полю, сняв с него саблю с дорогою рукоятью и отвязав от пояса целый черенок с червонцами. Кобита, добрый казак и молодой еще, схватился тоже с одним из храбрейших в польским войске, и долго бились они. Сошлись уже в рукопашный, одолел было уже казак и, сломивши, ударил острым турецким ножом в грудь. Но не уберегся сам: тут же в висок хлопнула его горячая пуля. Свалил его знатнейший из панов, красивейший и древнего княжеского рода рыцарь. Как стройный тополь, носился он на буланом коне своем. И много уже показал боярской богатырской удали: двух запорожцев разрубил надвое, Федора Коржа, доброго казака, опрокинул вместе с конем, выстрелил по коню, а казака достал из-за коня копьем; многим отнял головы и руки, повалил казака Кобиту, вогнавши ему пулю в висок.

— Вот с кем бы я хотел попробовать силы! — закричал незамайковский куренной атаман Кукубенко. Припустив коня, налетел прямо ему в тыл и сильно вскрикнул, так что вздрогнули все близ стоявшие от нечеловеческого крика. Хотел было поворотить вдруг своего коня лях и стать ему в лицо; но не послушался конь; испуганный страшным криком, метнулся на сторону, и достал его ружейною пулею Кукубенко. Вошла в спинные лопатки ему горячая пуля, и свалился он с коня. Но и тут не поддался лях, все еще силился нанести врагу удар, но ослабела упавшая вместе с саблею рука. А Кукубенко, взяв в обе руки свой тяжелый палаш, вогнал его ему в самые побледневшие уста. Вышиб два сахарные зуба палаш, рассек надвое язык, разбил горловой позвонок и вошел далеко

в землю; так и пригвоздил он его там навеки к сырой земле. Ключом хлынула вверх алая, как надречная калина, высокая дворянская кровь и выкрасила весь обшитый золотом желтый кафтан. А Кукубенко уже кинул его и пробился с своими незамайковцами в другую кучу.

— Эх, оставил неприбранным такое дорогое убранство! — сказал уманский куренной Бородатый, отъезжая от своих к месту, где лежал убитый Кукубенком шляхтич. — Я семерых убил шляхтичей своею рукою, а такого убранства еще не видел ни на ком.

И польстился корыстью Бородатый, нагнулся, чтобы снять с него дорогие доспехи, вынул уже турецкий нож в оправе из самоцветных каменьев, отвязал от пояса черенок с червонцами, снял с груди сумку с тонким бельем, дорогим серебром и девическою кудрею, сохранно сберегавшеюся на память. И не услышал Бородатый, как налетел на него сзади красноносый хорунжий, уже раз сбитый им с седла и получивший добрую зазубрину на память. Размахнулся он со всего плеча и ударил его саблей по нагнувшейся шее. Не к добру повела корысть: отскочила могучая голова, и упал обезглавленный труп, далеко оросивши землю. Понеслась к вышинам суровая казацкая душа, хмурясь и негодуя, и вместе с тем дивуясь, что так рано вылетела из такого крепкого тела. Не успел хорунжий ухватить за чуб атаманскую голову, чтобы привязать ее к седлу, а уж был тут суровый мститель.

Как плавающий в небе ястреб, давши много кругов сильными крылами, вдруг останавливается распластанный среди воздуха на одном месте и бьет оттуда стрелой на раскричавшегося у самой дороги самца-перепела, — так Тарасов сын, Остап, налетел вдруг на хорунжего и сразу накинул ему на шею веревку. Побагровело еще сильнее красное лицо хорунжего, когда затянула ему горло жестокая петля; схватился он было за пистолет, но судорожно сведенная рука не могла направить выстрела, и пуля даром полетела в поле. Остап тут же, у его же седла, отвязал шелковый шнур, который возил с собою хорунжий для вязания пленных, и его же шнуром связал его по рукам и по ногам, прицепил конец веревки к седлу и поволок его через поле, сзывая громко всех казаков Уманского куреня, чтобы шли отдать последнюю честь атаману.

Как услышали уманцы, что куренного их атамана Бородатого нет уже в живых, бросили поле битвы и прибежали прибирать его тело, и тут же стали совещаться, кого выбрать в куренные. Наконец сказали:

— Да на что совещаться? лучше не можно поставить в куренные, как Бульбенка Остапа: он, правда, младший всех нас, но разум у него, как у старого человека.

Остап, сняв шапку, всех поблагодарил казаков-товарищей за честь, не стал отговариваться ни молодостью, ни молодым разумом, зная, что время военное и не до того теперь; а тут же повел их прямо на кучу и уж

показал им всем, что недаром выбрали его в атаманы. Почувствовали ляхи, что уже становилось дело слишком жарко, отступили и перебежали поле, чтоб собраться на другом конце его. А низенький полковник махнул на стоявшие отдельно у самых ворот четыре свежие сотни, и грянули оттуда картечью в казацкие кучи; но мало кого достали: пули хватали по быкам казацким, дико глядевшим на битву. Взревели испуганные быки, поворотили на казацкие таборы, переломали возы и многих перетоптали. Но Тарас, в это время вырвавшись из засады с своим полком, с криком бросился наперейму. Поворотило назад все бешеное стадо, испуганное криком, и метнулось на ляшские полки, опрокинуло конницу, всех смяло и рассыпало.

— О, спасибо вам, волы! — кричали запорожцы, — служили всё походную службу, а теперь и военную сослужили! — И ударили с новыми силами на неприятеля.

Много тогда перебили врагов. Многие показали себя: Метелыця, Шило, оба Писаренки, Вовтузенко, и немало было всяких. Увидели ляхи, что плохо наконец приходит, выкинули хоругвь и закричали отворять городские ворота. Со скрипом отворились обитые железом ворота и приняли толпившихся, как овец в овчарню, изнуренных и покрытых пылью всадников. Многие из запорожцев погнались было за ними, но Остап своих уманцев остановил, сказавши:

— Подальше, подальше, паны-братья, от стен! не годится близко подходить к ним. — И правду сказал, потому что со стен грянуло и посыпали всем чем ни попало, и многим досталось. В это время подъехал кошевой и похвалил Остапа, сказавши:

— Вот и новый атаман, а ведет войско так, как бы и старый! — Оглянулся старый Бульба поглядеть, какой там новый атаман, и увидел, что впереди всех уманцев сидел на коне Остап, и шапка заломлена набекрень, и атаманская палица в руке.

— Вишь ты какой! — сказал он, глядя на него, и обрадовался старый, и стал благодарить всех уманцев за честь, оказанную сыну.

Казаки вновь отступили, готовясь идти к таборам, а на городском валу вновь показались ляхи уже с изорванными епанчами. Запеклася кровь на многих дорогих кафтанах, и пылью покрылись красивые медные шапки.

— Что, перевязали? — кричали им снизу запорожцы.

— Вот я вас! — кричал все так же сверху толстый полковник, показывая веревку; и все еще не переставали грозить запыленные, изнуренные воины, и все, бывшие позадорнее, перекинулись с обеих сторон бойкими словами.

Наконец разошлись все. Кто расположился отдыхать, утомившись от боя; кто присыпал землей свои раны и драл на перевязки платки и

дорогие одежды, снятые с убитого неприятеля. Другие же, которые были посвежее, стали прибирать тела и отдавать им последнюю почесть. Палашами, копьями копали могилы, шапками, полами выносили землю; сложили честно казацкие тела и засыпали их свежею землею, чтобы не досталось вóронам и хищным орлам выклевать им очи. А ляшские тела, привязавши как попало десятками к хвостам диких коней, пустили их по всему полю и долго потом гнались за ними и хлестали их по бокам. Летели бешеные кони по бороздам, буграм, через рвы и протоки, и бились о землю покрытые кровью и прахом ляшские трупы.

Потом сели кругами все курени вечерять и долго говорили о делах и подвигах, доставшихся в удел каждому, на вечный рассказ пришельцам и потомству. Долго не ложились они; а долее всех не ложился старый Тарас, все размышляя, что бы значило, что Андрия не было между вражьих воев. Посовестился ли Иуда выйти противу своих, или обманул жид и попался он просто в неволю. Но тут же вспомнил он, что не в меру было наклончиво сердце Андрия на женские речи, почувствовал скорбь и заклялся сильно в душе против полячки, причаровавшей его сына. И выполнил бы он свою клятву: не поглядел бы на ее красоту, вытащил бы ее за густую, пышную косу, поволок бы ее за собою по всему полю, между всех казаков. Избились бы о землю, окровавившись и покрывшись пылью, ее чудные груди и плечи, блеском равные нетающим снегам, что покрывают горные вершины. Разнес бы по частям он ее пышное, прекрасное тело. Но не ведал Бульба того, что готовит бог человеку завтра, и стал позабываться сном, и наконец заснул.

А казаки все еще говорили промеж собой, и всю ночь стояла у огней, приглядываясь пристально во все концы, трезвая, не смыкавшая очей стража.

VIII

Еще солнце не дошло до половины неба, как все запорожцы собрались в круги. Из Сечи пришла весть, что татары во время отлучки казаков ограбили в ней все, вырыли скарб, который втайне держали казаки под землей, избили и забрали в плен всех, которые оставались, и со всеми забранными стадами и табунами направили путь прямо к Перекопу. Один только казак, Максим Голодуха, вырвался дорогою из татарских рук, заколол мирзу, отвязал у него мешок с цехинами и на татарском коне, в татарской одежде полтора дня и две ночи уходил от погони, загнал насмерть коня, пересел на другого, загнал и того, и уже на третьем приехал в запорожский табор, разведав на дороге, что запорожцы были под Дубном. Только и успел объявить он, что случилось такое зло; но отчего оно случилось, курнули ли оставшиеся запорожцы,

по казацкому обычаю, и пьяными отдались в плен, и как узнали татары место, где был зарыт войсковой скарб, — этого ничего не сказал он. Сильно истомился казак, распух весь, лицо пожгло и опалило ему ветром; упал он тут же и заснул крепким сном.

В подобных случаях водилось у запорожцев гнаться в ту ж минуту за похитителями, стараясь настигнуть их на дороге, потому что пленные как раз могли очутиться на базарах Малой Азии, в Смирне, на Критском острове, и бог знает в каких местах не показались бы чубатые запорожские головы. Вот отчего собрались запорожцы. Все до единого стояли они в шапках, потому что пришли не с тем, чтобы слушать по начальству атаманский приказ, но совещаться, как равные между собою.

— Давай совет прежде старшие! — закричали в толпе.

— Давай совет кошевой! — говорили другие.

И кошевой, сняв шапку, уж не так, как начальник, а как товарищ, благодарил всех казаков за честь и сказал:

— Много между нами есть старших и советом умнейших; но коли меня почтили, то мой совет: не терять, товарищи, времени и гнаться за татарином; ибо вы сами знаете, что за человек татарин: он не станет с награбленным добром ожидать нашего прихода, а мигом размытарит его, так что и следов не найдешь. Так мой совет: идти. Мы здесь уже погуляли. Ляхи знают, что такое казаки; за веру, сколько было по силам, отмстили; корысти же с голодного города не много. Итак, мой совет: идти.

— Идти! — раздалось громко в запорожских куренях.

Но Тарасу Бульбе не пришлись по душе такие слова, и навесил он еще ниже на очи свои хмурные, исчерна-белые брови, подобные кустам, выросшим по высокому темени горы, которых верхушки вплоть занес иглистый северный иней.

— Нет, не прав совет твой, кошевой! — сказал он, — ты не так говоришь: ты позабыл, видно, что в плену остаются наши, захваченные ляхами? Ты хочешь, видно, чтобы мы не уважили первого, святого закона товарищества, оставили бы собратьев своих на то, чтобы с них с живых содрали кожу или, исчетвертовав на части казацкое их тело, развозили бы их по городам и селам, как уже сделали они с гетманом и лучшими русскими витязями на Украйне. Разве мало они поругались и без того над святынею? Что ж мы такое? спрашиваю я всех вас: что ж за казак тот, который кинул в беде товарища, кинул его, как собаку, пропасть на чужбине? Коли уж на то пошло, что всякий ни во что ставит казацкую честь, позволив себе плюнуть в седые усы свои и попрекать себя обидным словом, так не укорит же никто меня. Один остаюсь.

Поколебались все стоявшие запорожцы.

— А разве ты позабыл, бравый полковник, — сказал тогда кошевой, — что у татар в руках тоже наши товарищи, что если мы теперь их

не выручим, то жизнь их будет продана на вечное невольничество язычникам, что хуже всякой лютой смерти; позабыл разве, что у них теперь вся казна наша, добытая христианскою кровью?

Задумались все казаки и не знали, что сказать. Никому не хотелось из них заслужить обидную славу. Тогда вышел вперед всех старейший годами во всем запорожском войске Касьян Бовдюг. В чести был он у всех казаков; два раза уже был избираем кошевым и на войнах тоже был сильно добрый казак, но уже давно состарелся и не бывал ни в каких походах, не любил тоже и советов давать никому, а любил старый вечно лежать на боку у казацких кругов, слушая рассказы про всякие бывалые случаи и казацкие походы. Никогда не вмешивался он в их речи, а все только слушал да прижимал пальцем золу в своей коротенькой трубке, которой не выпускал изо рта, и долго сидел он потом, прижмурив слегка очи, и не знали казаки, спал ли он, или все еще слушал. Все походы оставался он дома; на сей раз разобрало старого. Махнул рукою по-казацки и сказал:

— А, не куды пошла! пойду и я, может, в чем-нибудь буду пригоден казачеству!

Все казаки притихли, когда выступил он теперь перед собрание, ибо давно не слышали от него никакого слова. Всякий хотел знать, что скажет Бовдюг.

— Пришла очередь мне сказать слово, паны-братья, — так он начал, — послушайте, дети, старого. Мудро сказал кошевой, и, как голова казацкого войска, обязанный приберегать его и пещись о войсковом скарбе, мудрее ничего он не мог сказать. Вот что! Это пусть будет первая моя речь; а теперь послушайте, что скажет моя другая речь. А вот что скажет моя другая речь: большую правду сказал и Тарас-полковник, дай бог ему побольше веку и чтоб таких полковников было побольше на Украйне! Первый долг и первая честь казака есть соблюсти товарищество. Сколько ни живу я на веку, не слышал я, паны-братья, чтобы казак покинул где или продал как-нибудь своего товарища. И те и другие нам товарищи — меньше их или больше, — все равно, все товарищи. все нам дороги. Так вот какая моя речь: те, которым милы захваченные татарами, пусть отправляются за татарами, а которым милы полоненные ляхами и которым не хочется оставлять правого дела, пусть остаются. Кошевой по долгу пойдет с одною половиною за татарами, а другая половина выберет себе наказного атамана. А наказным атаманом, коли хотите послушать белой головы, не пригоже быть никому другому, как только одному Тарасу Бульбе. Нет из нас никого, равного ему в доблести.

Так сказал Бовдюг и затих; и обрадовались все казаки, что навел их таким образом на ум старый. Все вскинули вверх шапки и закричали:

— Спасибо тебе, батько! молчал, молчал, долго молчал, да вот наконец и сказал; недаром говорил, когда собирался в поход, что будет пригоден казачеству: так и сделалось.

— Что, согласны вы на то? — спросил кошевой.

— Все согласны! — закричали казаки.

— Стало быть, раде конец?

— Конец раде! — кричали казаки.

— Слушайте ж теперь войскового приказа, дети, — сказал кошевой, выступил вперед и надел шапку, а все запорожцы, сколько их ни было, сняли свои шапки и остались с непокрытыми головами, потупив очи в землю, как бывало всегда между казаками, когда собирался что говорить старший.

— Теперь отделяйтесь, паны-братья! кто хочет идти, ступай на правую сторону, кто остается, отходи на левую; куда бóльшая часть куреня переходит, туда и атаман; коли меньшая часть переходит, приставай к другим куреням.

И вот стали переходить, кто на правую, кто на левую сторону. Которого куреня бóльшая часть переходила, туда и куренной атаман переходил, которого малая часть, та приставала к другим куреням; и вышло без малого не поровну на всякой стороне. Захотели остаться: весь почти Незамайковский курень, бóльшая половина Поповичевского куреня, весь Уманский курень, весь Каневский курень, бóльшая половина Стебликивского куреня, бóльшая половина Тымошевского куреня. Все остальные вызвались идти вдогон за татарами. Много было на обеих сторонах дюжих и храбрых казаков. Между теми, которые решились идти вслед за татарами, был Череватый, добрый старый казак Покотыполе, Лемиш, Прокопович Хома; Демид Попович тоже перешел туда, потому что был сильно завзятого нрава казак, — не мог долго высидеть на месте: с ляхами попробовал он уже дела, захотелось попробовать еще с татарами. Куренные были: Ностюган, Покрышка, Невылычкий, и много еще других славных и храбрых казаков захотело попробовать меча и могучего плеча в схватке с татарином. Немало было также сильно и сильно добрых казаков между теми, которые захотели остаться: куренные Демытрович, Кукубенко, Вертыхвист, Балабан, Бульбенко Остап. Потом много было еще других именитых и дюжих казаков: Вовтузенко, Черевыченко, Степан Гуска, Охрим Гуска, Мыкола Густый, Задорожний, Метелыця, Иван Закрутыгуба, Мосий Шило, Дёгтяренко, Сыдоренко, Писаренко, потом другой Писаренко, потом еще Писаренко, и много было других добрых казаков. Все были хожалые, езжалые; ходили по анатольским берегам, по крымским солончакам и степям, по всем речкам большим и малым, которые впадали в Днепр, по всем заходам и днепровским островам; бывали в молдавской, волошской, в турецкой земле; изъездили все Черное море

двухрульными казацкими челнами; нападали в пятьдесят челнов в ряд на богатейшие и превысокие корабли; перетопили немало турецких галер и много-много выстреляли пороху на своем веку; не раз драли на онучи дорогие паволоки[35] и оксамиты; не раз череши[36] у штанных очкуров набивали все чистыми цехинами. А сколько всякий из них пропил и прогулял добра, ставшему бы другому на всю жизнь, того и счета не было. Все спустили по-казацки, угощая весь мир и нанимая музыку, чтобы все веселилось, что ни есть на свете. Еще и теперь у редкого из них не было закопано добра: кружек, серебряных ковшей и запястьев, под камышами на днепровских островах, чтобы не довелось татарину найти его, если бы, в случае несчастья, удалось ему напасть врасплох на Сечь; но трудно было бы татарину найти, потому что и сам хозяин уже стал забывать, в котором месте закопал его. Такие-то были казаки, захотевшие остаться и отмстить ляхам за верных товарищей и Христову веру! Старый казак Бовдюг захотел также остаться с ними, сказавши: «Теперь не такие мои лета, чтобы гоняться за татарами; а тут есть место, где опочить доброю казацкою смертью. Давно уже просил я бога, чтобы если придется кончить жизнь, то чтобы кончить ее на войне за святое и христианское дело. Так оно и случилось. Славнейшей кончины уже не будет в другом месте для старого казака».

Когда отделились все и стали на две стороны в два ряда куренями, кошевой прошел промеж рядов и сказал:

— А что, панове-братове, довольны одна сторона другою?

— Все довольны, батько! — отвечали казаки.

— Ну, так поцелуйтесь же и дайте друг другу прощанье, ибо, бог знает, приведется ли в жизни еще увидеться. Слушайте своего атамана, а исполняйте то, что сами знаете: сами знаете, что велит казацкая честь.

И все казаки, сколько их ни было, перецеловались между собою. Начали первые атаманы и, поведши рукою седые усы свои, поцеловались навкрест и потом взяв за руки и крепко держа руки, хотел один другого спросить: «Что, пане-брате, увидимся или не увидимся?» — да и не спросили, замолчали, и загадались обе седые головы. А казаки все до одного прощались, зная, что много будет работы тем и другим, но не повершили, однако ж, тотчас разлучиться, а повершили дождаться темной ночной поры, чтоб не дать неприятелю увидеть убыль в казацком войске. Потом все отправились по куреням обедать.

После обеда все, которым предстояла дорога, легли отдыхать и спали крепко и долгим сном, как будто чуя, что, может, последний сон доведется им вкусить на такой свободе. Спали до самого солнечного захода, а как зашло солнце и немного стемнело, стали мазать телеги. Снарядясь, пустили вперед возы, а сами, пошапковавшись еще раз с товарищами, тихо пошли вслед за возами, конница чинно, без покрика и посвиста на

лошадей, слегка затопотала вслед за пешими, и вскоре стало их не видно в темноте. Глухо отдавался только конский топот да скрып иного колеса, которое еще не расходилось или не было хорошо подмазано за ночною темнотою.

Долго еще оставшиеся товарищи махали им издали руками, хотя не было ничего видно. А когда сошли и воротились по своим местам, когда увидели при высветившихся ясно звездах, что половины телег уже не было на месте, что многих, многих нет, невесело стало у всякого на сердце, и все задумались против воли, потупив в землю гульливые свои головы.

Тарас видел, как смутны стали казацкие ряды и как уныние, неприличное храбрым, стало тихо обнимать казацкие головы; но молчал: он хотел дать время всему, чтобы свыклись они и с уныньем, наведенным прощаньем с товарищами; а между тем в тишине готовился разом и вдруг разбудить их всех, гикнувши по-казацки, чтобы вновь и с большею силою, чем прежде, воротилась бодрость каждому в душу, на что способна одна только славянская порода, широкая, могучая порода, перед другими, что море перед мелководными реками. Коли время бурно, все превращается оно в рев и гром, бугря и подымая валы, как не поднять их бессильным рекам. Коли же безветренно и тихо, яснее всех рек расстилает оно свою неоглядную стеклянную поверхность, вечную негу очей.

И повелел Тарас распаковать своим слугам один из возов, стоявший особняком. Больше и крепче всех других он был в казацком стане; двойною крепкою шиною были обтянуты дебелые колеса его, грузно был он навьючен, укрыт попонами, крепкими воловьими кожами и увязан туго засмоленными веревками. В возе были все баклаги и бочонки старого доброго вина, которое долго лежало у Тараса в погребах. Взял он его про запас на торжественный случай, чтобы, если случится великая минута и будет всем предстоять дело, достойное на передачу потомкам, то чтобы всякому казаку, до единого, досталось выпить заповедного вина, чтобы в великую минуту великое чувство овладело бы человеком. Услышав полковничий приказ, слуги бросились к возам, палашами перерезывали крепкие веревки, снимали толстые воловьи кожи и попоны и стаскивали с воза баклаги и бочонки.

— А берите все, — сказал Бульба, — все, сколько ни есть, берите, что у кого есть: ковш или черпак, которым поит коня, рукавицу или шапку, а коли что, то и просто подставляй обе горсти.

И казаки все, сколько ни было, брали, у кого был ковш, у кого черпак, которым поил коня, у кого рукавица, у кого шапка, а кто подставлял и так обе горсти. Всем им слуги Тарасовы, расхаживая промеж рядами, наливали из баклаг и бочонков. Но не приказал Тарас пить, пока не даст знака, чтобы выпить им всем разом. Видно было, что он хотел

что-то сказать. Знал Тарас, что как ни сильно само по себе старое доброе вино и как ни способно оно укрепить дух человека, но если к нему да присоединится еще приличное слово, то вдвое крепче будет сила и вина и духа.

— Я угощаю вас, паны-братья, — так сказал Бульба, — не в честь того, что вы сделали меня своим атаманом, как ни велика подобная честь, не в честь также прощанья с нашими товарищами: нет, в другое время прилично то и другое; не такая теперь перед нами минута. Перед нами дело великого поту, великой казацкой доблести! Итак, выпьем, товарищи, разом, выпьем наперед всего за святую православную веру, чтобы пришло наконец такое время, чтоб по всему свету разошлась и везде была бы одна святая вера, и все, сколько ни есть бусурманов, все бы сделались христианами! Да за одним уже разом выпьем и за Сечь, чтобы долго она стояла на погибель всему бусурманству, чтобы с каждым годом выходили из нее молодцы один другого лучше, один другого краше. Да уже вместе выпьем и за нашу собственную славу, чтобы сказали внуки и сыны тех внуков, что были когда-то такие, которые не постыдили товарищества и не выдали своих. Так за веру, пане-братове, за веру.

— За веру! — загомонели все, стоявшие в ближних рядах, густыми голосами.

— За веру! — подхватили дальние — и все, что ни было, и старое и молодое, выпило за веру.

— За Сечь! — сказал Тарас и высоко поднял над головою руку.

— За Сечь! — отдалося густо в передних рядах.

— За Сечь! — сказали тихо старые, моргнувши седым усом; и, встрепенувшись, как молодые соколы, повторили молодые: — За Сечь!

И слышало далече поле, как поминали казаки свою Сечь.

— Теперь последний глоток, товарищи, за славу и всех христиан, какие живут на свете!

И все казаки, до последнего, выпили последний глоток за славу и всех христиан, какие ни есть на свете. И долго еще повторялось по всем рядам промеж всеми куренями:

— За всех христиан, какие ни есть на свете!

Уже пусто было в ковшах, а все еще стояли казаки, поднявши руки; хоть весело глядели очи их всех, просиявшие вином, но сильно задумались они. Не о корысти и военном прибытке теперь думали они, не о том, кому посчастливится набрать червонцев, дорогого оружья, шитых кафтанов и черкесских коней; но задумались они, как орлы, севшие на вершинах каменистых гор, обрывистых, высоких гор, с которых далеко видно расстилающееся беспредельное море, усыпанное, как мелкими птицами, галерами, кораблями и всякими судами, огражденное по сторонам чуть видными тонкими поморьями, с прибрежными, как мошки, городами и

склонившимися, как мелкая травка, лесами. Как орлы, озирали они вокруг себя очами все поле и чернеющую вдали судьбу свою. Будет, будет все поле с облогами и дорогами покрыто их белыми торчащими костями, щедро обмывшись казацкою их кровью и покрывшись разбитыми возами, расколотыми саблями и копьями; далече раскинутся чубатые головы с перекрученными книзу усами; будут орлы, налетев, выдирать и выдергивать из них казацкие очи. Но добро великое в таком широко и вольно разметавшемся смертном ночлеге! не погибнет ни одно великодушное дело, и не пропадет, как малая порошинка с ружейного дула, казацкая слава. Будет, будет бандурист с седою по грудь бородою, а может быть, полный зрелого мужества, но белоголовый старец, вещий духом, и скажет он про них свое густое, могучее слово. И пойдет дыбом по всему свету о них слава, и все, что ни народится потом, заговорит о них; ибо далеко разносится могучее слово, будучи подобно гудящей колокольной меди, в которую мастер много повергнул дорогого чистого серебра, чтобы далече по городам, лачугам, палатам и весям разносился красный звон, сзывая равно всех на святую молитву.

IX

В городе не узнал никто, что половина запорожцев выступила в погоню за татарами. С магистратской башни приметили только часовые, что потянулась часть возов за лес; но подумали, что казаки готовились сделать засаду; то же думал и французский инженер; а между тем слова кошевого не прошли даром, и в городе оказался недостаток в съестных припасах: по обычаю прошедших веков, войска не разочли, сколько им было нужно. Попробовали сделать вылазку, но половина смельчаков была тут же перебита казаками, а половина прогнана в город ни с чем. Жиды, однако же, воспользовались вылазкою и пронюхали все: куда и зачем отправились запорожцы, и с какими военачальниками, и какие именно курени, и сколько их числом, и сколько было оставшихся на месте, и что они думают делать, — словом, чрез несколько уже минут в городе все узнали. Полковники ободрились и готовились дать сражение. Тарас уже видел то по движенью и шуму в городе и расторопно хлопотал, строил, раздавал приказы и наказы, уставил в три табора курени, обнесши их возами в виде крепостей, — род битвы, в которой бывали непобедимы запорожцы; двум куреням повелел забраться в засаду; убил часть поля острыми кольями, изломанным оружием, обломками копьев, чтобы при случае загнать туда неприятельскую конницу. И когда все было сделано как нужно, сказал речь казакам, не для того, чтобы

ободрить и освежить их, — знал, что и без того крепки они духом, — а просто самому хотелось высказать все, что было на сердце.

— Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество. Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести у всех была земля наша: и грекам дала знать себя, и с Царьграда брала червонцы, и города были пышные, и храмы, и князья, князья русского рода, свои князья, а не католические недоверки. Все взяли бусурманы, все пропало; только остались мы, сирые, да, как вдовица после крепкого мужа, сирая, так же как и мы, земля наша! Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство; вот на чем стоит наше товарищество! нет уз святее товарищества! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать; но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя! но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей. Вам случалось не одному помногу пропадать на чужбине; видишь — и там люди! также божий человек, и разговоришься с ним, как с своим; а как дойдет до того, чтобы поведать сердечное слово, — видишь: нет! умные люди, да не те; такие же люди, да не те! нет, братцы; так любить, как русская душа, любить не то чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал бог, что ни есть в тебе, а! .. — сказал Тарас, и махнул рукой, и потряс седою головою, и усом моргнул, и сказал: — Нет, так любить никто не может! Знаю, подло завелось теперь в земле нашей: думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды, да конные табуны их, да были бы целы в погребах запечатанные меды их; перенимают черт знает какие бусурманские обычаи; гнушаются языком своим; свой с своим не хочет говорить; свой своего продает, как продают бездушную тварь на торговом рынке. Милость чужого короля, да и не короля, а паскудная милость польского магната, который желтым чеботом своим бьет их в морду, дороже для них всякого братства; но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства; и проснется он когда-нибудь, и ударится он, горемычный, об полы руками; схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело. Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество. Уже если на то пошло, чтобы умирать, так никому ж из них не доведется так умирать! никому, никому! не хватит у них на то мышиной натуры их!

Так говорил атаман и, когда кончил речь, все еще потрясал посеребрившеюся в казацких делах головою; всех, кто ни стоял, разобрала сильно такая речь, дошед далеко, до самого сердца; самые старейшие в рядах стали неподвижны, потупив седые головы в землю; слеза тихо накатывалась в старых очах; медленно отирали они ее рукавом, и потом

все, как будто сговорившись, махнули в одно время рукою и потрясли бывалыми головами. Знать, видно, много напомнил им старый Тарас знакомого и лучшего, что бывает на сердце у человека, умудренного горем, трудом, удалью и всяким невзгодьем жизни, или хотя и не познавшего их, но много почуявшего молодою жемчужною душою на вечную радость старцам родителям, родившим их.

А из города уже выступало неприятельское войско, гремя в литавры и трубы, и, подбоченившись, выезжали паны, окруженные несметными слугами. Толстый полковник отдавал приказы. И стали наступать они быстро на казацкие таборы, грозя, нацеливаясь пищалями, сверкая очами и блеща медными доспехами. Как только увидели казаки, что подошли они на ружейный выстрел, все разом грянули в семипядные пищали, и, не прерывая, все палили из пищалей. Далеко понеслось громкое хлопанье по всем окрестным полям и нивам, сливаясь в беспрерывный гул; дымом затянуло все поле; а запорожцы все палили, не переводя духу: задние только заряжали да передавали передним, наводя изумление на неприятеля, не могшего понять, как стреляли казаки, не заряжая ружей. Уже не видно было за великим дымом, обнявшим то и другое воинство, не видно было, как то одного, то другого не ставало в рядах; но чувствовали ляхи, что густо летели пули и жарко становилось дело; и когда попятились назад, чтобы посторониться от дыму и оглядеться, то многих недосчитались в рядах своих; а у казаков, может быть, другой-третий был убит на всю сотню. И все продолжали палить казаки из пищалей, ни на минуту не давая промежутка. Сам иноземный инженер подивился такой, никогда им не виданной тактике, сказавши тут же, при всех: «Вот бравые молодцы-запорожцы! вот как нужно биться и другим в других землях!» И дал совет поворотить тут же на табор пушки. Тяжело ревнули широкими горлами чугунные пушки; дрогнула, далеко загудевши, земля, и вдвое больше затянуло дымом все поле. Почуяли запах пороха среди площадей и улиц в дальних и ближних городах. Но целившие взяли слишком высоко, раскаленные ядра выгнули слишком высокую дугу; страшно завизжав по воздуху, перелетели они через головы всего табора и углубились далеко в землю, взорвав и взметнув высоко на воздух черную землю. Ухватил себя за волосы французский инженер при виде такого неискусства и сам принялся наводить пушки, не глядя на то, что жарили и сыпали пулями беспрерывно казаки.

Тарас видел еще издали, что беда будет всему Незамайковскому и Стебликивскому куреню, и вскрикнул зычно: «Выбирайтесь скорей из-за возов, и садись всякий на коня!» Но не поспели бы сделать то и другое казаки, если бы Остап не ударил в самую середину: выбил фитили у шести пушкарей; у четырех только не мог выбить: отогнали его назад ляхи. А тем временем иноземный капитан сам взял в руку фитиль,

чтобы выпалить из величайшей пушки, какой никто из казаков не видывал дотоле. Страшно глядела она широкою пастью, и тысяча смертей глядело оттуда. И как грянула она, а за нею следом три другие, четырекратно потрясши глухо-ответную землю, — много нанесли они горя! Не по одному казаку взрыдает старая мать, ударяя себя костистыми руками в дряхлые перси; не одна останется вдова в Глухове, Немирове, Чернигове и других городах. Будет, сердечная, выбегать всякий день на базар, хватаясь за всех проходящих, распознавая каждого из них в очи, нет ли между них одного, милейшего всех: но много пройдет через город всякого войска, и вечно не будет между ними одного, милейшего всех.

Так, как будто и не бывало половины Незамайковского куреня! как градом выбивает вдруг всю ниву, где, что полновесный червонец, красуется всякий колос, так их выбило и положило.

Как же вскинулись казаки! как схватились все! как закипел куренной атаман Кукубенко, увидевши, что лучшей половины куреня его нет! Вбился он с остальными своими незамайковцами в самую средину, в гневе иссек в капусту первого попавшегося, многих конников сбил с коня, доставши копьем и конника и коня, пробрался к пушкарям и уже отбил одну пушку; а уж там, видит, хлопочет уманский куренной атаман и Степан Гуска уже отбил главную пушку. Оставил он тех казаков и поворотил с своими в другую неприятельскую гущу: так, где прошли незамайковцы — так там и улица! где поворотили — так уж там и переулок! Так и видно, как редели ряды и снопами валились ляхи! А у самых возов Вовтузенко, а спереди Черевиченко, а у дальних возов Дёгтяренко, а за ним куренной атаман Вертыхвист. Двух уже шляхтичей поднял на копье Дёгтяренко, да напал наконец на неподатливого третьего. Увертлив и крепок был лях, пышной сбруей украшен и пятьдесят одних слуг привел с собою. Погнул он крепко Дёгтяренка, сбил его на землю и уже, замахнувшись на него саблей, кричал:

— Нет из вас, собак-казаков, ни одного, кто бы посмел противустать мне!

— А вот есть же! — сказал и выступил вперед Мосий Шило. Сильный был он казак, не раз атаманствовал на море и много натерпелся всяких бед. Схватили их турки у самого Трапезонта [37] и всех забрали невольниками на галеры, взяли их по рукам и ногам в железные цепи, не давали по целым неделям пшена и поили противной морской водою. Все вынесли и вытерпели бедные невольники, лишь бы не переменять православной веры. Не вытерпел атаман Мосий Шило, истоптал ногами святой закон, скверною чалмой обвил грешную голову, вошел в доверенность к паше, стал ключником на корабле и старшим над всеми невольниками. Много опечалились оттого бедные невольники; ибо знали, что если свой продаст веру и пристанет к угнетателям, то тяжелей и горше быть под его

рукой: так и сбылось. Всех посадил Мосий Шило в новые цепи по три в ряд, прикрутил им до самых белых костей жесткие веревки; всех перебил по шеям, угощая подзатыльниками. И когда турки, обрадовавшись, что достали себе такого слугу, стали пировать и, позабыв закон свой, все перепились, он принес все шестьдесят четыре ключа и роздал невольникам, чтобы отмыкали себя, бросали бы цепи и кандалы в море, а брали бы наместо того сабли да рубили турков. Много тогда набрали казаки добычи и воротились со славою в отчизну, и долго бандуристы прославляли Мосия Шила. Выбрали бы его в кошевые, да был совсем чудной казак. Иной раз повершал такое дело, какого и мудрейшему не придумать, а в другой просто дурь одолевала казака. Пропил и прогулял все, всем задолжал на Сече и, в прибавку к тому, прокрался, как уличный вор: ночью утащил из чужого куреня всю казацкую сбрую и заложил шинкарю. За такое позорное дело привязали его на базаре к столбу и положили возле дубину, чтобы всякий по мере сил своих отвесил ему по удару; но не нашлось такого из всех запорожцев, кто бы поднял на него дубину, помня прежние его заслуги. Таков был казак Мосий Шило.

«Так есть же такие, которые бьют вас, собак!» — сказал он, кинувшись на него. И уже там-то рубились они! и наплечники и зерцала погнулись у обоих от ударов. Разрубил на нем вражий лях железную рубашку, достав лезвеем самого тела: зачервонила казацкая рубашка; но не поглядел на то Шило, а замахнулся всей жилистой рукою (тяжела была коренастая рука) и оглушил его внезапно по голове. Разлетелась медная шапка, зашатался и грянулся лях; а Шило принялся рубить и крестить оглушенного. Не добивай, казак, врага, а лучше поворотись назад! Не поворотился казак назад, и тут же один из слуг убитого хватил его ножом в шею. Поворотился Шило и уже достал бы смельчака, но он пропал в пороховом дыме. Со всех сторон поднялось хлопанье из самопалов. Пошатнулся Шило и почуял, что рана была смертельна. Упал он, наложил руку на свою рану и сказал, оборотившись к товарищам: «Прощайте, паны-братья, товарищи! пусть же стоит на вечные времена православная Русская земля и будет ей вечная честь!» И зажмурил ослабшие свои очи, и вынеслась казацкая душа из сурового тела. А там уже выезжал Задорожний с своими, ломил ряды куренной Вертыхвист и выступал Балабан.

— А что, паны, — сказал Тарас, перекликнувшись с куренными, — есть еще порох в пороховницах? не ослабела ли казацкая сила? не гнутся ли казаки?

— Есть еще, батько, порох в пороховницах; не ослабела еще казацкая сила; еще не гнутся казаки!

И наперли сильно казаки: совсем смешали все ряды. Низкорослый полковник ударил сбор и велел выкинуть восемь малеванных знамен,

чтобы собрать своих, рассыпавшихся далеко по всему полю. Все бежали ляхи к знаменам; но не успели они еще выстроиться, как уже куренной атаман Кукубенко ударил вновь с своими незамайковцами в средину и напал прямо на толстопузого полковника. Не выдержал полковник и, поворотив коня, пустился вскачь; а Кукубенко далеко гнал его через все поле, не дав ему соединиться с полком. Завидев то с бокового куреня, Степан Гуска пустился за ним в погоню, с арканом в руке, пригнувши голову к лошадиной шее, и, улучивши время, с одного раза накинул аркан ему на шею: весь побагровел полковник, ухватясь за веревку обеими руками и силясь разорвать ее; но уже дюжий размах вогнал ему в самый живот гибельную пику. Там и остался он, пригвожденный к земле. Но не сдобровать и Гуске! Не успели оглянуться казаки, как уже увидели Степана Гуску, поднятого на четыре копья. Только и успел сказать бедняк: «Пусть же пропадут все враги и ликует вечные веки Русская земля!» И там же испустил дух свой.

Оглянулись казаки, а уж там, сбоку, казак Метелыця угощает ляхов, шеломя того и другого; а уж там, с другого, напирает с своими атаман Невылычкий; а у возов ворочает врага и бьет Закрутыгуба; а у дальних возов третий Писаренко отогнал уже целую ватагу; а уж там, у других возов, схватились и бьются на самых возах.

— Что, паны! — перекликнулся атаман Тарас, проехавши впереди всех, — есть ли еще порох в пороховницах? крепка ли еще казацкая сила? не гнутся ли уже казаки?

— Есть еще, батько, порох в пороховницах; еще крепка казацкая сила; еще не гнутся казаки!

А уж упал с воза Бовдюг; прямо под самое сердце пришлась ему пуля; но собрал старый весь дух свой и сказал: «Не жаль расстаться с светом! дай бог и всякому такой кончины! пусть же славится до конца века Русская земля!» И понеслась к вышинам Бовдюгова душа рассказать давно отшедшим старцам, как умеют биться на Русской земле и, еще лучше того, как умеют умирать в ней за святую веру.

Балабан, куренной атаман, скоро после того грянулся также на землю. Три смертельные раны достались ему от копья, от пули и от тяжелого палаша; а был один из доблестнейших казаков, много совершил он под своим атаманством морских походов; но славнее всех был поход к анатольским берегам. Много набрали они тогда цехинов, дорогой турецкой габы [38], киндяков [39] и всяких убранств. Но мыкнули горе на обратном пути: попались, сердечные, под турецкие ядра. Как хватило их с корабля — половина челнов закружилась и перевернулась, потопивши не одного в воде; но привязанные к бокам камыши спасли челны от потопления. Балабан отплыл на всех веслах, стал прямо к солнцу и чрез то сделался невиден турецкому кораблю. Всю ночь потом черпаками и шапками

выбирали они воду, чиня пробитые места; из казацких штанов нарезали парусов, понеслись и убежали от быстрейшего турецкого корабля. И мало того, что прибыли безбедно на Сечь, привезли еще златошвейную ризу архимандриту Межигорского киевского монастыря и на Покров, что на Запорожье, оклад из чистого серебра. И славили долго потом бандуристы удачливость казаков. Поникнул он теперь головою, почуяв предсмертные муки, и тихо сказал: «Сдается мне, паны-браты, умираю хорошею смертью: семерых изрубил, девятерых копьем исколол, истоптал конем вдоволь, а уж не припомню, скольких достал пулею. Пусть же цветет вечно Русская земля!» И отлетела его душа.

Казаки, казаки! не выдавайте лучшего цвета вашего войска! Уже обступили Кукубенка, уже семь человек только осталось изо всего Незамайковского куреня, уже и те отбиваются через силу; уже окровавилась на нем одежда. Сам Тарас, увидя беду его, поспешил на выручку. Но поздно подоспели казаки: уже успело ему углубиться под сердце копье прежде, чем были отогнаны обступившие его враги. Тихо склонился он на руки подхвативших его казаков, и хлынула ручьем молодая кровь, подобно дорогому вину, которое несли в стеклянном сосуде из погреба неосторожные слуги и, поскользнувшись тут же у входа, разбили дорогую сулею; разлилось на землю вино, и схватил себя за голову прибежавший хозяин, сберегавший его про лучший случай жизни, чтобы, если приведет бог, на старости лет встретиться с товарищем юности, то чтобы помянуть бы вместе с ним прежнее, иное время, когда иначе и лучше веселился человек. Повел Кукубенко вокруг себя очами и проговорил: «Благодарю бога, что довелось мне умереть при глазах ваших, товарищи! пусть же после нас живут лучше, чем мы, и красуется вечно любимая Христом Русская земля!» И вылетела молодая душа. Подняли ее ангелы под руки и понесли к небесам; хорошо будет ему там. «Садись, Кукубенко, одесную[40] меня! — скажет ему Христос. — Ты не изменил товариществу, бесчестного дела не сделал, не выдал в беде человека, хранил и сберегал мою церковь». Всех опечалила смерть Кукубенка. Уже редели сильно казацкие ряды; многих храбрых недосчитывались; но стояли и держались еще казаки.

— А что, паны! — перекликнулся Тарас с оставшимися куренями, — есть ли еще порох в пороховницах? не иступились ли сабли? не утомилась ли казацкая сила? не погнулись ли казаки?

— Достанет еще, батько, пороху; годятся еще сабли; не утомилась казацкая сила; не погнулись еще казаки!

И рванулись снова казаки так, как бы и потерь никаких не понесли. Уже три только куренных атамана осталось в живых; червонели уже всюду красные реки; высоко гатились мосты из казацких и вражьих тел. Взглянул Тарас на небо, а уж по небу потянулась вереница кречетов.

Ну, будет кому-то пожива! А уж там подняли на копье Метелыцю; уже голова другого Писаренка, завертевшись, захлопала очами; уже подломился и бухнулся о землю начетверо изрубленный Охрим Гуска. «Ну!» — сказал Тарас и махнул платком. Понял тот знак Остап и ударил сильно, вырвавшись из засады, в конницу. Не выдержали сильного напора ляхи, а он их гнал и нагнал прямо на место, где были вбиты в землю колья и обломки копьев. Пошли спотыкаться и падать кони и лететь чрез их головы ляхи. А в это время корсунцы, стоявшие последние за возами, увидели, что уже достанет ружейная пуля, грянули вдруг из самопалов. Все сбились и растерялись ляхи, и приободрились казаки.

— Вот и наша победа! — раздались со всех сторон запорожские голоса, затрубили в трубы и выкинули победную хоругвь. Везде бежали и крылись разбитые ляхи.

— Ну, нет, еще не совсем победа! — сказал Тарас, глядя на городские ворота, и сказал он правду.

Отворились ворота, и вылетел оттуда гусарский полк, краса всех конных полков. Под всеми всадниками были все как один бурые аргамаки; впереди других понесся витязь всех бойче, всех красивее; так и летели черные волосы из-под медной его шапки; вился завязанный на руке дорогой шарф, шитый руками первой красавицы. Так и оторопел Тарас, когда увидел, что это был Андрий. А он между тем, объятый пылом и жаром битвы, жадный заслужить навязанный на руку подарок, понесся, как молодой борзой пес, красивейший, быстрейший и младший всех в стае. Атукнул на него опытный охотник — и он понесся, пустив прямой чертой по воздуху свои ноги, весь покосившись набок всем телом, взрывая снег и десять раз выпереживая самого зайца в жару своего бега. Остановился старый Тарас и глядел на то, как он чистил перед собою дорогу, разгонял, рубил и сыпал удары направо и налево. Не вытерпел Тарас и закричал: «Как? своих? своих? чертов сын, своих бьешь?» Но Андрий не различал, кто перед ним был, свои или другие какие: ничего не видел он. Кудри, кудри он видел, длинные, длинные кудри, и подобную речному лебедю грудь, и снежную шею, и плечи, и все, что создано для безумных поцелуев.

«Эй, хлопьята! заманите мне только его к лесу, заманите мне только его!» — кричал Тарас. И вызвалось тот же час тридцать быстрейших казаков заманить его. И, поправив на себе высокие шапки, тут же пустились на конях прямо наперерез гусарам. Ударили сбоку на передних, сбили их, отделили от задних, дали по гостинцу тому и другому, а Голокопытенко хватил плашмя по спине Андрия, и в тот же час пустились бежать от них, сколько достало казацкой мочи. Как вскинулся Андрий! как забунтовала по всем жилкам молодая кровь! Ударив острыми шпорами коня, во весь дух полетел он за казаками, не глядя назад, не видя, что

позади только всего двадцать человек поспевало за ним; а казаки летели во всю прыть на конях и прямо поворотили к лесу. Разогнался на коне Андрий и чуть было уже не настигнул Голокопытенка, как вдруг чья-то сильная рука ухватила за повод его коня. Оглянулся Андрий: перед ним Тарас! Затрясся он всем телом и вдруг стал бледен, как школьник, неосторожно задравший своего товарища и получивший за то от него удар линейкою по лбу, вспыхивает, как огонь, бешеный вскакивает с лавки и гонится за испуганным товарищем своим, готовый разорвать его на части, и вдруг наталкивается на входящего в класс учителя: вмиг притихает бешеный порыв и упадает бессильная ярость. Подобно тому, в один миг пропал, как бы не бывал вовсе, гнев Андрия. И видел он перед собою одного только страшного отца.

— Ну, что ж теперь мы будем делать? — сказал Тарас, смотря прямо ему в очи.

Но ничего не мог на то сказать Андрий и стоял, потупивши в землю очи.

— Что, сынку! помогли тебе твои ляхи?

Андрий был безответен.

— Так продать? продать веру? продать своих? Стой же, слезай с коня!

Покорно, как ребенок, слез он с коня и остановился ни жив ни мертв перед Тарасом.

— Стой и не шевелись! Я тебя породил, я тебя и убью! — сказал Тарас и, отступивши шаг назад, снял с плеча ружье.

Бледен как полотно был Андрий; видно было, как тихо шевелились уста его и как он произносил чье-то имя; но это не было имя отчизны, или матери, или братьев — это было имя прекрасной полячки. Тарас выстрелил.

Как хлебный колос, подрезанный серпом, как молодой барашек, почуявший под сердцем смертельное железо, повис он головой и повалился на траву, не сказавши ни одного слова.

Остановился сыноубийца и глядел долго на бездыханный труп. Он был и мертвый прекрасен: мужественное лицо его, недавно исполненное силы и непобедимого для жен очарованья, все еще выражало чудную красоту; черные брови, как траурный бархат, оттеняли его побледневшие черты.

— Чем бы не казак? — сказал Тарас, — и станом высокий, и чернобровый, и лицо как у дворянина, и рука была крепка в бою! Пропал! пропал бесславно, как подлая собака!

— Батько, что ты сделал? это ты убил его? — сказал подъехавший в это время Остап.

Тарас кивнул головою.

Пристально поглядел мертвому в очи Остап. Жалко ему стало брата, и проговорил он тут же:

— Предадим же, батько, его честно земле, чтобы не наругались над ним враги и не растаскали бы его тела хищные птицы.

— Погребут его и без нас! — сказал Тарас, — будут у него плакальщики и утешницы!

И минуты две думал он: кинуть ли его на расхищенье волкам-сыромахам, или пощадить в нем рыцарскую доблесть, которую храбрый должен уважать в ком бы то ни было. Как видит, — скачет к нему на коне Голокопытенко.

— Беда, атаман, окрепли ляхи, прибыла на подмогу свежая сила!

Не успел сказать Голокопытенко, скачет Вовтузенко.

— Беда, атаман, новая валит еще сила!

Не успел сказать Вовтузенко, Писаренко бежит бегом, уже без коня.

— Где ты, батько, ищут тебя казаки. Уж убит куренной атаман Невылычкий, Задорожний убит, Черевиченко убит; но стоят казаки, не хотят умирать, не увидев тебя в очи, хотят, чтобы взглянул ты на них перед смертным часом!

— На коня, Остап! — сказал Тарас и спешил, чтобы застать еще казаков, чтобы наглядеться еще на них и чтобы они взглянули перед смертью на своего атамана.

Но не выехали они еще из лесу, а уж неприятельская сила окружила со всех сторон лес, и между деревьями везде показались всадники с саблями и копьями. «Остап, Остап! не поддавайся!» — кричал Тарас, а сам, схвативши саблю наголо, начал честить первых попавшихся на все боки. А на Остапа уже наскочило вдруг шестеро; но не в добрый час, видно, наскочило: с одного полетела голова, другой перевернулся, отступивши; угодило копьем в ребро третьего; четвертый был поотважней, уклонился головой от пули, и попала в конскую грудь горячая пуля, — вздыбил бешеный конь, грянулся о землю и задавил под собою всадника. «Добре, сынку! добре, Остап! — кричал Тарас, — вот я следом за тобою!» А сам все отбивался от наступавших. Рубится и бьется Тарас, сыплет гостинцы тому и другому на голову, а сам глядит все вперед на Остапа и видит, что уже вновь схватилось с Остапом мало не восьмеро разом. «Остап, Остап! не поддавайся!» Но уже одолевают Остапа; уже один накинул ему на шею аркан, уже вяжут, уже берут Остапа. «Эх, Остап, Остап! — кричал Тарас, пробиваясь к нему, рубя в капусту встречных и поперечных. — Эх, Остап, Остап!..» Но как тяжелым камнем хватило его самого в ту же минуту: все закружилось и перевернулось в глазах его. На миг смешанно сверкнули перед ним головы, копья, дым, блески огня, сучья с древесными листьями. И грохнулся он, как подрубленный дуб, на землю. И туман покрыл его очи.

X

— Долго же я спал! — сказал Тарас, очнувшись, как после трудного хмельного сна, и стараясь распознать окружающие его предметы. Страшная слабость одолевала его члены. Едва метались перед ним стены и углы незнакомой светлицы. Наконец заметил он, что пред ним сидел Товкач и, казалось, прислушивался ко всякому его дыханью.

«Да, — подумал про себя Товкач, — заснул бы ты, может быть, и навеки!» Но ничего не сказал, погрозил пальцем и дал знак молчать.

— Да скажи же мне, где я теперь? — спросил опять Тарас, напрягая ум и стараясь припомнить бывшее.

— Молчи ж! — прикрикнул сурово на него товарищ. — Чего тебе еще хочется знать? разве ты не видишь, что весь изрублен. Уж две недели как мы с тобою скачем не переводя духу и как ты в горячке и жару несешь и городишь чепуху. Вот в первый раз заснул спокойно. Молчи ж, если не хочешь нанести сам себе беды.

Но Тарас все старался и силился собрать свои мысли и припомнить бывшее.

— Да ведь меня же схватили и окружили было совсем ляхи? мне ж не было никакой возможности выбиться из толпы?

— Молчи ж, говорят тебе, чертова детина! — вскричал Товкач сердито, как нянька, выведенная из терпенья, кричит неугомонному повесе ребенку. — Что пользы знать тебе, как выбрался? довольно того, что выбрался. Нашлись люди, которые тебя не выдали, — ну, и будет с тебя! Нам еще немало ночей скакать вместе! Ты думаешь, что пошел за простого казака? нет, твою голову оценили в две тысячи червонных.

— А Остап? — вскричал вдруг Тарас, понатужился приподняться и вдруг вспомнил, как Остапа схватили и связали в глазах его и что он теперь уже в ляшских руках.

И обняло горе старую голову. Сорвал и сдернул он все перевязки ран своих; бросил их далеко прочь; хотел громко что-то сказать — и вместо того понес чепуху: жар и бред вновь овладели им, и понеслись без толку и связи безумные речи.

А между тем верный товарищ стоял пред ним, бранясь и рассыпая без счету жестокие укорительные слова и упреки. Наконец схватил он его за ноги и руки, спеленал, как ребенка, поправил все перевязки, увернул его в воловью кожу, увязал в лубки и, прикрепивши веревками к седлу, помчался вновь с ним в дорогу.

— Хотя не живого, да довезу тебя! не попущу, чтобы ляхи поглумились над твоей казацкою породою, на куски рвали бы твое тело да бросали бы в воду. Пусть же хотя и будет орел выклевывать из твоего лба

очи, да пусть же степовой наш орел, а не ляшский, не тот, что прилетает из польской земли. Хоть не живого, а довезу тебя до Украйны!

Так говорил верный товарищ; скакал без отдыха дни и ночи и привез его, бесчувственного, в самую Запорожскую Сечь. Там принялся он лечить его неутомимо травами и смачиваниями; нашел какую-то знающую жидовку, которая месяц поила его разными снадобьями, и наконец Тарасу стало лучше. Лекарство ли, или своя железная сила взяла верх, только он через полтора месяца стал на ноги; раны зажили, и только одни сабельные рубцы давали знать, как глубоко когда-то был ранен старый казак. Однако же заметно стал он пасмурен и печален. Три тяжелые морщины насунулись на лоб его и уже больше никогда не сходили с него. Оглянулся он теперь вокруг себя: все новое на Сече, все перемерли старые товарищи. Ни одного из тех, которые стояли за правое дело, за веру и братство. И те, которые отправились с кошевым в угон за татарами, и тех уже не было давно: все положили головы, все сгибли; кто положил в самом бою честную голову; кто от безводья и бесхлебья среди крымских солончаков; кто в плену пропал, не вынесши позора; и самого прежнего кошевого уже давно не было на свете, и никого из старых товарищей, и уже поросла травою когда-то кипевшая казацкая сила. Слышал он только, что был пир, сильный, шумный пир; вся перебита вдребезги посуда; нигде не осталось вина ни капли, расхитили гости и слуги все дорогие кубки и сосуды, — и смутный стоит хозяин дома, думая: «Лучше б и не было того пира». Напрасно старались занять и развеселить Тараса; напрасно бородатые, седые бандуристы, проходя по два и по три, расславляли его казацкие подвиги — сурово и равнодушно глядел он на все, и на неподвижном лице его выступала неугасимая горесть, и, тихо, понурив голову, говорил он: «сын мой, Остап мой!»

Запорожцы собирались на морскую экспедицию. Двести челнов спущены были в Днепр, и Малая Азия видела их, с бритыми головами и длинными чубами, предававшими мечу и огню цветущие берега ее; видела чалмы своих магометанских обитателей раскиданными, подобно ее бесчисленным цветам, на смоченных кровию полях и плававшими у берегов. Она видела немало запачканных дегтем запорожских шаровар, мускулистых рук с черными нагайками. Запорожцы переели и переломали весь виноград; в мечетях оставили целые кучи навозу; персидские дорогие шали употребляли вместо очкуров и опоясывали ими запачканные свитки. Долго еще после находили в тех местах запорожские коротенькие люльки. Они весело плыли назад; за ними гнался десятипушечный турецкий корабль и залпом из всех орудий своих разогнал, как птиц, утлые их челны. Третья часть их потонула в морских глубинах; но остальные снова собрались вместе и прибыли к устью Днепра с двенадцатью бочонками, набитыми цехинами.

Но все это уже не занимало Тараса. Он уходил в луга и степи, будто бы за охотою; но заряд его оставался невыстреленным; и, положив ружье, полный тоски, садился он на морской берег. Долго сидел он там, понурив голову и все говоря: «Остап мой, Остап мой!» Перед ним сверкало и расстилалось Черное море; в дальнем тростнике кричала чайка; белый ус его серебрился, и слеза капала одна за другою.

И не выдержал наконец Тарас. «Что бы ни было, пойду разведать, что он? жив ли он? в могиле? или уже и в самой могиле нет его? Разведаю во что бы ни стало!»

И через неделю уже очутился он в городе Умани, вооруженный, на коне, с копьем, саблей, дорожной баклагой у седла, походным горшком с саламатой, пороховыми патронами, лошадиными путами и прочим снарядом. Он прямо подъехал к нечистому, запачканному домишку, у которого небольшие окошки едва были видны, закопченные неизвестно чем; труба заткнута была тряпкою, и дыравая крыша вся была покрыта воробьями; куча всякого сору лежала пред самыми дверьми. Из окна выглядывала голова жидовки, в чепце с потемневшими жемчугами.

— Муж дома? — сказал Бульба, слезая с коня и привязывая повод к железному крючку, бывшему у самых дверей.

— Дома, — сказала жидовка и поспешила тот же час выйти с пшеницей в корчике [41] для коня и стопой пива для рыцаря.

— Где же твой жид?

— Он в другой светлице, молится, — проговорила жидовка, кланяясь и пожелав здоровья в то время, когда Бульба поднес к губам стопу.

— Оставайся здесь, накорми и напой моего коня, а я пойду поговорю с ним один. У меня до него дело.

Этот жид был известный Янкель. Он уже очутился тут арендатором и корчмарем; прибрал понемногу всех окружных панов и шляхтичей в свои руки, высосал понемногу почти все деньги и сильно означил свое жидовское присутствие в той стороне. На расстоянии трех миль во все стороны не оставалось ни одной избы в порядке: все валилось и дряхлело, все пораспивалось, и осталась бедность да лохмотья; как после пожара или чумы, выветрился весь край. И если бы десять лет еще пожил там Янкéль, то он, вероятно, выветрил бы и все воеводство. Тарас вошел в светлицу. Жид молился, накрывшись своим довольно запачканным саваном, и оборотился, чтобы в последний раз плюнуть, по обычаю своей веры, как вдруг глаза его встретили стоявшего назади Бульбу. Так и бросились жиду прежде всего в глаза две тысячи червонных, которые были обещаны за его голову; но он постыдился своей корысти и силился подавить в себе вечную мысль о золоте, которая, как червь, обвивает душу жида.

— Слушай, Янкель! — сказал Тарас жиду, который начал перед ним кланяться и запер осторожно дверь, чтобы их не видели, — я спас твою жизнь, — тебя бы разорвали, как собаку, запорожцы — теперь твоя очередь, теперь сделай мне услугу!

Лицо жида несколько поморщилось.

— Какую услугу? если такая услуга, что можно сделать, то для чего не сделать?

— Не говори ничего. Вези меня в Варшаву!

— В Варшаву? как в Варшаву? — сказал Янкель; брови и плеча его поднялись вверх от изумления.

— Не говори мне ничего. Вези меня в Варшаву. Что бы ни было, а я хочу еще раз увидеть его, сказать ему хоть одно слово.

— Кому сказать слово?

— Ему, Остапу, сыну моему.

— Разве пан не слышал, что уже...

— Знаю, знаю все: за мою голову дают две тысячи червонных. Знают же они, дурни, цену ей! Я тебе пять тысяч дам. Вот тебе две тысячи сейчас (Бульба высыпал из кожаного гамана [42] две тысячи червонных), а остальные — как ворочусь.

Жид тотчас схватил полотенце и накрыл им червонцы.

— Ай, славная монета! ай, добрая монета! — говорил он, вертя один червонец в руках и пробуя на зубах. — Я думаю, тот человек, у которого пан обобрал такие хорошие червонцы, и часу не прожил на свете, пошел тот же час в реку, да и утонул там после таких славных червонцев?

— Я бы не просил тебя; я бы сам, может быть, нашел дорогу в Варшаву; но меня могут как-нибудь узнать и захватить проклятые ляхи; ибо я не горазд на выдумки. А вы, жиды, на то уже и созданы. Вы хоть черта проведете; вы знаете все штуки: вот для чего я пришел к тебе! Да и в Варшаве я бы сам собою ничего не получил. Сейчас запрягай воз и вези меня!

— А пан думает, что так прямо взял кобылу, запряг, да и: — эй, ну пошел, сивка! — Думает пан, что можно так, как есть, не спрятавши, везти пана?

— Ну, так прячь, прячь, как знаешь; в порожнюю бочку, что ли?

— Ай, ай! а пан думает, разве можно спрятать его в бочку? Пан разве не знает, что всякий подумает, что в бочке горелка?

— Ну, так и пусть думает, что горелка.

— Как? пусть думает, что горелка? — сказал жид и схватил себя обеими руками за пейсики и потом поднял кверху обе руки.

— Ну, что ж ты так оторопел?

— А пан разве не знает, что бог на то создал горелку, чтобы ее всякий пробовал? там все лакомки, ласуны: шляхтич будет бежать верст

пять за бочкой, продолбит как раз дырочку, тотчас увидит, что не течет, и скажет: «Жид не повезет порожнюю бочку, верно, тут есть что-нибудь! Схватить жида, связать жида, отобрать все деньги у жида, посадить в тюрьму жида!» Потому что все, что ни есть недоброго, все валится на жида; потому что жида всякий принимает за собаку; потому что думают, уж и не человек, коли жид!

— Ну, так положи меня в воз с рыбою!

— Не можно, пан, ей-богу, не можно; по всей Польше люди голодны теперь, как собаки: и рыбу раскрадут, и пана нащупают.

— Так вези меня хоть на черте, только вези!

— Слушай, слушай, пан! — сказал жид, посунувши обшлага рукавов своих и подходя к нему с растопыренными руками, — вот что мы сделаем: теперь строят везде крепости и замки; из Неметчины приехали французские инженеры, а потому по дорогам везут много кирпичу и камней. Пан пусть ляжет на дне воза, а верх я закладу кирпичом. Пан здоровый и крепкий с виду, и потому ему ничего, коли будет тяжеленько; а я сделаю в возу снизу дырочку, чтобы кормить пана.

— Делай как хочешь, только вези!

И через час воз с кирпичом выехал из Умани, запряженный в две клячи. На одной из них сидел высокий Янкель, и длинные курчавые пейсики его развевались из-под жидовского яломка по мере того, как он подпрыгивал на лошади, длинный, как верста, поставленная на дороге.

XI

В то время, когда происходило описываемое событие, на пограничных местах не было еще никаких таможенных чиновников и объездчиков, этой страшной грозы предприимчивых людей, и потому всякий мог везти, что ему вздумалось. Если же кто и производил обыск и ревизовку, то делал это большею частию для своего собственного удовольствия, особливо если на возу находились заманчивые для глаз предметы и если его собственная рука имела порядочный вес и тяжесть. Но кирпич не находил охотников и въехал беспрепятственно в главные городские ворота. Бульба в своей тесной клетке мог только слышать шум, крики возниц и больше ничего. Янкель, подпрыгивая на своем коротком, запачканном пылью рысаке, поворотил, сделавши несколько кругов, в темную узенькую улицу, носившую название Грязной и вместе Жидовской, потому что здесь действительно находились жиды почти со всей Варшавы. Эта улица чрезвычайно походила на вывороченную внутренность заднего двора. Солнце, казалось, не заходило сюда вовсе. Совершенно почерневшие деревянные дома, со множеством протянутых из окон жердей, увеличивали еще более мрак. Изредка краснела между ними кирпичная стена, но и та

уже во многих местах превращалась совершенно в черную. Иногда только вверху оштукатуренный кусок стены, обхваченный солнцем, блистал нестерпимою для глаз белизною. Тут все состояло из сильных резкостей: трубы, тряпки, шелуха, выброшенные разбитые чаны. Всякий, что только было у него негодного, швырял на улицу, доставляя прохожим возможные удобства питать все чувства свои этою дрянью. Сидящий на коне всадник чуть-чуть не доставал рукою жердей, протянутых через улицу из одного дома в другой, на которых висели жидовские чулки, коротенькие панталонцы и копченый гусь. Иногда довольно смазливенькое личико еврейки, убранное потемневшими бусами, выглядывало из ветхого окошка. Куча жиденков, запачканных, оборванных, с курчавыми волосами, кричала и валялась в грязи. Рыжий жид, с веснушками по всему лицу, делавшими его похожим на воробьиное яйцо, выглянул из окна; тотчас заговорил с Янкелем на своем тарабарском наречии, и Янкель тотчас въехал в один двор. По улице шел другой жид, остановился, вступил тоже в разговор, и когда Бульба выкарабкался наконец из-под кирпича, он увидел трех жидов, говоривших с большим жаром.

Янкель обратился к нему и сказал, что все будет сделано, что его Остап сидит в городской темнице, и хотя трудно уговорить стражей, но однако ж он надеется доставить ему свидание.

Бульба вошел вместе с тремя жидами в комнату.

Жиды начали опять говорить между собою на своем непонятном языке. Тарас поглядывал на каждого из них. Что-то, казалось, сильно потрясло его: на грубом и равнодушном лице его вспыхнуло какое-то сокрушительное пламя надежды, надежды той, которая посещает иногда человека в последнем градусе отчаяния; старое сердце его начало сильно биться, как будто у юноши.

— Слушайте, жиды! — сказал он, и в словах его было что-то восторженное, — вы все на свете можете сделать, выкопаете хоть из дна морского, и пословица давно уже говорит, что жид самого себя украдет, когда только захочет украсть. Освободите мне моего Остапа! дайте случай убежать ему от дьявольских рук. Вот я этому человеку обещал двенадцать тысяч червонных, — я прибавляю еще двенадцать; все, какие у меня есть дорогие кубки и закопанное в земле золото, хату и последнюю одежду продам и заключу с вами контракт на всю жизнь, с тем чтобы все, что ни добуду на войне, делить с вами пополам!

— О, не можно, любезный пан, не можно! — сказал со вздохом Янкель.

— Нет, не можно! — сказал другой жид.

Все три жида взглянули один на другого.

— А попробовать? — сказал третий, боязливо поглядывая на двух других. — Может быть, бог даст.

Все три жида заговорили по-немецки. Бульба, как ни наострял свой

слух, ничего не мог отгадать; он слышал только часто произносимое слово «Мардохай», и больше ничего.

— Слушай, пан! — сказал Янкель, — нужно посоветоваться с таким человеком, какого еще никогда не было на свете; у-у! то такой мудрый, как Соломон, и когда он ничего не сделает, то уже никто на свете не сделает. Сиди тут! вот ключ! и не впускай никого!

Жиды вышли на улицу.

Тарас запер дверь и смотрел в маленькое окошко на этот грязный жидовский проспект. Три жида остановились посредине улицы и стали говорить довольно азартно; к ним присоединился скоро четвертый, наконец и пятый. Он слышал опять повторяемое: «Мардохай, Мардохай». Жиды беспрестанно посматривали в одну сторону улицы; наконец в конце ее из-за одного дрянного дома показалась нога в жидовском башмаке и замелькали фалды полукафтанья. «А, Мардохай! Мардохай!» — закричали все жиды в один голос. Тощий жид, несколько короче Янкеля, но гораздо более покрытый морщинами, с преогромною верхнею губою, приблизился к нетерпеливой толпе, и все жиды наперерыв спешили рассказывать ему, причем Мардохай несколько раз поглядывал на маленькое окошечко, и Тарас догадывался, что речь шла о нем. Мардохай размахивал руками, слушал, перебивал речь, часто плевал на сторону и, подымая фалды полукафтанья, засовывал в карман руку и вынимал какие-то побрякушки, причем показывал прескверные свои панталоны. Наконец все жиды подняли такой крик, что жид, стоявший на сторо̀же, должен был давать знак к молчанию, и Тарас уже начал опасаться за свою безопасность, но, вспомнивши, что жиды не могут иначе рассуждать, как на улице и что их языка сам демон не поймет, он успокоился.

Минуты две спустя жиды вместе вошли в его комнату. Мардохай приблизился к Тарасу, потрепал его по плечу и сказал: «Когда мы захочем сделать, то уже будет так, как нужно».

Тарас поглядел на этого Соломона, какого еще не было на свете, и получил некоторую надежду. Действительно, вид его мог внушить некоторое доверие: верхняя губа у него была просто страшилище; толщина ее, без сомнения, увеличилась от посторонних причин. В бороде у этого Соломона было только пятнадцать волосков, и то на левой стороне. На лице у Соломона было столько знаков побоев, полученных за удальство, что он, без сомнения, давно потерял счет им и привык их считать за родимые пятна.

Мардохай ушел вместе с товарищами, исполненными удивления к его мудрости. Бульба остался один. Он был в странном, небывалом положении: он чувствовал в первый раз в жизни беспокойство. Душа его была в лихорадочном состоянии. Он не был тот прежний, непреклонный, неколебимый, крепкий как дуб; он был малодушен; он был теперь слаб. Он

вздрагивал при каждом шорохе, при каждой новой жидовской фигуре, показывавшейся в конце улицы. В таком состоянии пробыл он, наконец, весь день; не ел, не пил, и глаза его не отрывались ни на час от небольшого окошка на улицу. Наконец, уже ввечеру поздно показался Мардохай и Янкель. Сердце Тараса замерло.

— Что? удачно? — спросил он их с нетерпением дикого коня.

Но прежде еще, нежели жиды собрались с духом отвечать, Тарас заметил, что у Мардохая уже не было последнего локона, который, хотя довольно неопрятно, но все же вился кольцами из-под яломка его. Заметно было, что он хотел что-то сказать, но наговорил такую дрянь, что Тарас ничего не понял. Да и сам Янкель прикладывал очень часто руку ко рту, как будто бы страдал простудою.

— О любезный пан, — сказал Янкель, — теперь совсем не можно! ей-богу, не можно! Такой нехороший народ, что ему надо на самую голову наплевать. Вот и Мардохай скажет; Мардохай делал такое, какого еще не делал ни один человек на свете; но бог не захотел, чтобы так было. Три тысячи войска стоят, и завтра их всех будут казнить.

Тарас глянул в глаза жидам, но уже без нетерпения и гнева.

— А если пан хочет видеться, то завтра нужно рано, так чтобы еще и солнце не всходило. Часовые соглашаются, и один левентарь[43] обещался. Только пусть им не будет на том свете счастья, ой, вей мир![44] что это за корыстный народ! и между нами таких нет: пятьдесят червонцев я дал каждому, а левентарю...

— Хорошо. Веди меня к нему! — произнес Тарас решительно, и вся твердость возвратилась в его душу.

Он согласился на предложение Янкеля переодеться иностранным графом, приехавшим из немецкой земли, для чего платье уже успел припасти дальновидный жид. Была уже ночь. Хозяин дома, известный рыжий жид с веснушками, вытащил тощий тюфяк, накрытый какою-то рогожею, и разостлал его на лавке для Бульбы. Янкель лег на полу на таком же тюфяке. Рыжий жид выпил небольшую чарочку какой-то настойки, скинул полукафтанье и, сделавшись в своих чулках и башмаках несколько похожим на цыпленка, отправился с своею жидовкой во что-то похожее на шкаф. Двое жиденков, как две домашние собачки, легли на полу возле шкафа. Но Тарас не спал; он сидел неподвижен и слегка барабанил пальцами по столу; он держал во рту люльку и пускал дым, от которого жид спросонья чихал и заворачивал в одеяло свой нос. Едва небо успело тронуться бледным предвестием зари, он уже толкнул ногою Янкеля.

— Вставай, жид, и давай твою графскую одежду!

В минуту оделся он; вычернил усы, брови, надел на темя маленькую темную шапочку, — и никто бы из самых близких к нему казаков не мог узнать его. По виду ему казалось не более тридцати пяти лет. Здоровый

румянец играл на его щеках, и самые рубцы придавали ему что-то повелительное. Одежда, убранная золотом, очень шла к нему.

Улицы еще спали. Ни одно меркантильное существо еще не показывалось в городе с коробкою в руках. Бульба и Янкель пришли к строению, имевшему вид сидящей цапли. Оно было низкое, широкое, огромное, почерневшее, и с одной стороны его выкидывалась, как шея аиста, длинная узкая башня, на верху которой торчал кусок крыши. Это строение отправляло множество разных должностей: тут были и казармы, и тюрьма, и даже уголовный суд. Наши путники вошли в ворота и очутились среди пространной залы, или крытого двора. Около тысячи человек спали вместе. Прямо шла низенькая дверь, перед которой сидевшие двое часовых играли в какую-то игру, состоявшую в том, что один другого бил двумя пальцами по ладони. Они мало обратили внимания на пришедших и поворотили головы только тогда, когда Янкель сказал:

— Это мы, слышите, паны, это мы.

— Ступайте! — говорил один из них, отворяя одною рукою дверь, а другую подставляя своему товарищу для принятия от него ударов.

Они вступили в коридор, узкий и темный, который опять привел их в такую же залу с маленькими окошками вверху.

— Кто идет? — закричало несколько голосов, и Тарас увидел порядочное количество воинов в полном вооружении. — Нам никого не велено пускать.

— Это мы! — кричал Янкель, — ей-богу, мы, ясные паны!

Но никто не хотел слушать. К счастию, в это время подошел какой-то толстяк, который по всем приметам казался начальником, потому что ругался сильнее всех.

— Пан, это ж мы; вы уже знаете нас, и пан граф еще будет благодарить.

— Пропустите, сто дьяблов чертовой матке! И больше никого не пускайте! Да саблей чтобы никто не скидал и не собачился на полу...

Продолжения красноречивого приказа уже не слышали наши путники.

— Это мы, это я, это свои! — говорил Янкель, встречаясь со всяким.

— А что, можно теперь? — спросил он одного из стражей, когда они наконец подошли к тому месту, где коридор уже оканчивался.

— Можно; только не знаю, пропустят ли вас в самую тюрьму. Теперь уже нет Яна: вместо его стоит другой, — отвечал часовой.

— Ай, ай! — произнес тихо жид, — это скверно, любезный пан!

— Веди! — произнес упрямо Тарас.

Жид повиновался.

У дверей подземелья, оканчивавшихся кверху острием, стоял гайдук с усами в три яруса. Верхний ярус усов шел назад, другой прямо вперед, третий вниз, что делало его очень похожим на кота.

Жид съежился в три погибели и почти боком подошел к нему:

— Ваша ясновельможность! ясновельможный пан!

— Ты, жид, это мне говоришь?

— Вам, ясновельможный пан.

— Гм... а я просто гайдук! —сказал трехъярусный усач с повеселевшими глазами.

— А я, ей-богу, думал, что это сам воевода. Ай, ай, ай... — При этом жид покрутил головою и расставил пальцы. — Ай, какой важный вид! Ей-богу, полковник, совсем полковник! Вот еще бы только на палец прибавить, то и полковник. Нужно бы пана посадить на жеребца, такого скорого, как муха, да и пусть муштрует полки!

Гайдук поправил нижний ярус усов своих, причем глаза его совершенно развеселились.

— Что за народ военный! — продолжал жид, — ох, вей мир, что за народ хороший! Шнуречки, бляшечки... так от них блестит, как от солнца; а цурки [45], где только увидят военных... ай, ай!

Жид опять покрутил головою.

Гайдук завил рукою верхние усы и пропустил сквозь зубы звук, несколько похожий на лошадиное ржание.

— Прошу пана оказать услугу! — произнес жид, — Вот князь приехал из чужого края, хочет посмотреть на казаков. Он еще сроду не видел, что это за народ казаки.

Появление иностранных графов и баронов было в Польше довольно обыкновенно: они часто были завлекаемы единственно любопытством посмотреть этот почти полуазиатский угол Европы. Московию и Украйну они почитали уже находящимися в Азии. И потому гайдук, поклонившись довольно низко, почел приличным прибавить несколько слов от себя:

— Я не знаю, ваша ясновельможность, — говорил он, —зачем вам хочется смотреть их. Это собаки, а не люди. И вера у них такая, что никто не уважает.

— Врешь ты, чертов сын! — сказал Бульба, — сам ты собака! Как ты смеешь говорить, что нашу веру не уважают! Это вашу еретическую веру не уважают!

— Эге-ге! — сказал гайдук, — а я знаю, приятель, ты кто: ты сам из тех, которые уже сидят у меня. Постой же, я позову сюда наших.

Тарас увидел свою неосторожность; но упрямство и досада помешали ему подумать о том, как бы исправить ее. К счастию, Янкель в ту же минуту успел подвернуться.

— Ясновельможный пан! как же можно, чтобы граф да был казак? А если бы он был казак, то где бы он достал такое платье и такой вид графский?

— Рассказывай себе! — И гайдук уже раскрыл было широкий рот свой, чтобы крикнуть.

— Ваше королевское величество! молчите! молчите, ради бога! — закричал Янкель, — молчите! мы уже вам за это заплатим так, как еще никогда и не видели: мы дадим вам два золотых червонца.

— Эге! два червонца! Два червонца мне нипочем; я цирюльнику даю два червонца за то, чтобы мне только половину бороды выбрил. Сто червонных давай, жид! — Тут гайдук закрутил верхние усы. — А как не дашь ста червонных, сейчас закричу!

— И на что бы так много? — горестно сказал побледневший жид, развязывая кожаный мешок свой. Но он счастлив был, что в его кошельке не было более и что гайдук далее ста не умел считать.

— Пан, пан! уйдем скорее! Видите, какой тут нехороший народ! — сказал Янкель, заметивши, что гайдук перебирал на руке деньги, как бы жалея о том, что не запросил более.

— Что ж ты, чертов гайдук, — сказал Бульба, — деньги взял, а показать и не думаешь? Нет, ты должен показать. Уж когда деньги получил, то ты не вправе теперь отказать.

— Ступайте, ступайте к дьяволу! а не то я сию минуту дам знать, и вас тут... Уносите скорее ноги, говорю я вам!

— Пан! пан! пойдем, ей-богу, пойдем. Цур им! Пусть им приснится такое, что плевать нужно! — кричал бедный Янкель.

Бульба медленно, потупив голову, оборотился и шел назад, преследуемый укорами Янкеля, которого ела грусть при мысли о даром потерянных червонцах.

— И на что бы трогать? Пусть бы, собака, бранился! То уже такой народ, что не может не браниться! Ох, вей мир, какое счастие посылает бог людям! Сто червонцев за то только, что прогнал нас! А наш брат: ему и пейсики оборвут, и из морды сделают такое, что и глядеть не можно, а никто не даст ста червонных. О боже мой! боже милосердый!

Но неудача эта гораздо более имела влияния на Бульбу; она выражалась пожирающим пламенем в его глазах.

— Пойдем! — сказал он вдруг, как бы встряхнувшись. — Пойдем на площадь. Я хочу посмотреть, как его будут мучить.

— Ой, пан, зачем ходить? Ведь нам этим не помочь уже.

— Пойдем! — упрямо сказал Бульба, и жид, как нянька, вздыхая, побрел вслед за ним.

Площадь, на которой долженствовала производиться казнь, нетрудно было отыскать: народ валил туда со всех сторон. В тогдашний грубый век это составляло одно из занимательнейших зрелищ не только для черни, но и для высших классов. Множество старух самых набожных, множество молодых девушек и женщин самых трусливых, которым после всю ночь

грезились окровавленные трупы, которые кричали спросонья так громко, как только может крикнуть пьяный гусар, не пропускали, однако же, случая полюбопытствовать. «Ах, какое мученье!» — кричали из них многие с истерическою лихорадкою, закрывая глаза и отворачиваясь, однако же простаивали иногда довольно времени. Иной, и рот разинув, и руки вытянув вперед, желал бы вскочить всем на головы, чтобы оттуда посмотреть повиднее. Из толпы узких, небольших и обыкновенных голов высовывал свое толстое лицо мясник, наблюдал весь процесс с видом знатока и разговаривал односложными словами с оружейным мастером, которого называл кумом, потому что в праздничный день напивался с ним в одном шинке. Иные рассуждали с жаром, другие даже держали пари; но бо̀льшая часть была таких, которые на весь мир и на все, что ни случается в свете, смотрят, ковыряя пальцем в своем носу. На переднем плане, возле самых усачей, составлявших городовую гвардию, стоял молодой шляхтич, или казавшийся шляхтичем, в военном костюме, который надел на себя решительно все, что у него ни было, так что на его квартире оставалась только изодранная рубашка да старые сапоги. Две цепочки, одна сверх другой, висели у него на шее с каким-то дукатом. Он стоял с коханкою своею, Юзысею, и беспрестанно оглядывался, чтобы кто-нибудь не замарал ее шелкового платья. Он ей растолковал совершенно все, так что уже решительно не можно было ничего прибавить. «Вот это, душечка Юзыся, — говорил он, — весь народ, что вы видите, пришел затем, чтобы посмотреть, как будут казнить преступников. А вот тот, душечка, что, вы видите, держит в руках секиру и другие инструменты, то палач, и он будет казнить. И как начнет колесовать и другие делать муки, то преступник еще будет жив; а как отрубят голову, то он, душечка, тотчас и умрет. Прежде будет кричать и двигаться, но как только отрубят голову, тогда ему не можно будет ни кричать, ни есть, ни пить, оттого что у него, душечка, уже больше не будет головы». И Юзыся все это слушала со страхом и любопытством.

Крыши домов были усеяны народом. Из слуховых окон выглядывали престранные рожи с усами и в чем-то похожем на чепчики. На балконах, под балдахинами, сидело аристократство. Хорошенькая ручка смеющейся, блистающей, как белый сахар, панны держалась за перила. Ясновельможные паны, довольно плотные, глядели с важным видом. Холоп в блестящем убранстве, с откидными назад рукавами, разносил тут же разные напитки и съестное. Часто шалунья с черными глазами, схвативши светлою ручкою своѐю пирожное и плоды, кидала в народ. Толпа голодных рыцарей подставляла наподхват свои шапки, и какой-нибудь высокий шляхтич, высунувшийся из толпы своею головою, в полинялом красном кунтуше с почерневшими золотыми шнурками, хватал первый с помощию длинных рук, целовал полученную добычу, прижимал ее к сердцу и потом клал в рот. Сокол, висевший в золотой клетке под балконом, был также зрителем:

перегнувши набок нос и поднявши лапу, он с своей стороны рассматривал также внимательно народ. Но толпа вдруг зашумела, и со всех сторон раздались голоса: «Ведут! ведут! казаки!»

Они шли с открытыми головами, с длинными чубами; бороды у них были отпущены. Они шли не боязливо, не угрюмо, но с какою-то тихою горделивостию; их платья из дорогого сукна износились и болтались на них ветхими лоскутьями, они не глядели и не кланялись народу. Впереди всех шел Остап.

Что почувствовал старый Тарас, когда увидел своего Остапа? Что было тогда в его сердце? Он глядел на него из толпы и не проронил ни одного движения его. Они приблизились уже к лобному месту. Остап остановился. Ему первому приходилось выпить эту тяжелую чашу. Он глянул на своих, поднял руку вверх и произнес громко:

— Дай же, боже, чтобы все, какие тут ни стоят еретики, не услышали, нечестивые, как мучится христианин! чтобы ни один из нас не промолвил ни одного слова!

После этого он приблизился к эшафоту.

— Добре, сынку, добре! — сказал тихо Бульба и уставил в землю свою седую голову.

Палач сдернул с него ветхие лохмотья; ему увязали руки и ноги в нарочно сделанные станки, и... не будем смущать читателей картиною адских мук, от которых дыбом поднялись бы их волосы. Они были порождение тогдашнего грубого, свирепого века, когда человек вел еще кровавую жизнь одних воинских подвигов и закалился в ней душою, не чуя человечества. Напрасно некоторые, немногие, бывшие исключениями из века, являлись противниками сих ужасных мер. Напрасно король и многие рыцари, просветленные умом и душой, представляли, что подобная жестокость наказаний может только разжечь мщение казацкой нации. Но власть короля и умных мнений была ничто пред беспорядком и дерзкой волею государственных магнатов, которые своей необдуманностью, непостижимым отсутствием всякой дальновидности, детским самолюбием и ничтожною гордостью превратили сейм в сатиру на правление.

Остап выносил терзания и пытки, как исполин. Ни крика, ни стона не было слышно даже тогда, когда стали перебивать ему на руках и ногах кости, когда ужасный хряск их послышался среди мертвой толпы отдаленными зрителями, когда панянки отворотили глаза свои, — ничто, похожее на стон, не вырвалось из уст его; не дрогнулось лицо его. Тарас стоял в толпе, потупив голову и в то же время гордо приподняв очи, одобрительно только говорил: «Добре, сынку, добре!»

Но когда подвели его к последним смертным мукам, казалось, как будто стала подаваться его сила. И повел он очами вокруг себя: боже! все неведомые, все чужие лица! Хоть бы кто-нибудь из близких присутствовал

при его смерти. Он не хотел бы слышать рыданий и сокрушения слабой матери или безумных воплей супруги, исторгающей волосы и биющей себя в белые груди; хотел бы он теперь увидеть твердого мужа, который бы разумным словом освежил его и утешил при кончине. И упал он силою и выкликнул в душевной немощи:

— Батько! где ты? слышишь ли ты все это?

— Слышу! — раздалось среди всеобщей тишины, и весь миллион народа в одно время вздрогнул. Часть военных всадников бросилась заботливо рассматривать толпы народа. Янкель побледнел как смерть, и, когда всадники немного отдалились от него, он со страхом оборотился назад, чтобы взглянуть на Тараса, но Тараса уже возле него не было: его и след простыл.

XII

Отыскался след Тарасов. Сто двадцать тысяч казацкого войска показалось на границах Украйны. Это уже не была какая-нибудь малая часть или отряд, выступивший на добычу или на угон за татарами. Нет; поднялась вся нация, ибо переполнилось терпение народа. Поднялась отомстить за посмеянье прав своих, за позорное унижение своих нравов, за оскорбление веры предков и святого обычая, за посрамление церквей, за бесчинства чужеземных панов, за угнетенье, за унию, за позорное владычество жидовства на христианской земле — за все, что копило и сугубило с давних времен суровую ненависть казаков. Молодой, но сильный духом гетман Остраница предводил всею несметной казацкой силою. Возле был виден престарелый, опытный товарищ его и советник, Гуня. Восемь полковников вели двенадцатитысячные полки. Два генеральные есаула и генеральный бунчужный ехали вслед за гетманом. Генеральный хорунжий предводил главное знамя; много других хоругвей и знамен развевалось вдали; бунчуковые товарищи несли бунчуки. Много также было других чинов полковых, обозных, войсковых товарищей, полковых писарей и с ними пеших и конных отрядов; почти столько же, сколько было рейстровых казаков, набралось охочекомонных и вольных. Отвсюду поднялись казаки: от Чигирина, от Переяслава, от Батурина, от Глухова, от низовой стороны днепровской и от всех его верховий и островов. Без счету кони и несметные таборы телег потянулись по полям. И между теми-то казаками, между теми восьмью полками отборнее всех был один полк; и полком тем предводил Тарас Бульба. Все давало ему перевес пред другими: и преклонные лета, и опытность, и уменье двигать своим войском, и сильнейшая всех ненависть к врагам. Даже самим казакам казалась чрезмерною его беспощадная свирепость и жестокость. Только огонь да виселицу определяла седая голова его, и совет его в войсковом совете дышал только одним истреблением.

Нечего описывать всех битв, где показали себя казаки, ни всего постепенного хода кампании: все это внесено в летописные страницы. Известно, какова в русской земле война, поднятая за веру. Нет силы сильнее веры. Непреоборима и грозна она, как нерукотворная скала среди бурного, вечно изменчивого моря. Из самой средины морского дна возносит она к небесам непроломные свои стены, вся созданная из одного цельного, сплошного камня. Отвсюду видна она и глядит прямо в очи мимобегущим волнам. И горе кораблю, который нанесется на нее! В щепы летят бессильные его снасти, тонет и ломится в прах все, что ни есть на нем, и жалким криком погибающих оглашается пораженный воздух.

В летописных страницах изображено подробно, как бежали польские гарнизоны из освобождаемых городов; как были перевешаны бессовестные арендаторы-жиды; как слаб был коронный гетман Николай Потоцкий с многочисленною своею армиею против этой непреодолимой силы; как, разбитый, преследуемый, перетопил он в небольшой речке лучшую часть своего войска; как облегли его в небольшом местечке Полонном грозные казацкие полки и как, приведенный в крайность, польский гетман клятвенно обещал полное удовлетворение во всем со стороны короля и государственных чинов и возвращение всех прежних прав и преимуществ. Но не такие были казаки, чтобы поддаться на то: знали они уже, что такое польская клятва. И Потоцкий не красовался бы больше на шеститысячном своем аргамаке, привлекая взоры знатных панн и зависть дворянства, не шумел бы на сеймах, задавая роскошные пиры сенаторам, если бы не спасло его находившееся в местечке русское духовенство. Когда вышли навстречу все попы в светлых золотых ризах, неся иконы и кресты, и впереди сам архиерей с крестом в руке и в пастырской митре, преклонили казаки все свои головы и сняли шапки. Никого не уважили бы они на ту пору, ниже́ самого короля; но против своей церкви христианской не посмели и уважили свое духовенство. Согласился гетман вместе с полковниками отпустить Потоцкого, взявши с него клятвенную присягу оставить на свободе все христианские церкви, забыть старую вражду и не наносить никакой обиды казацкому воинству. Один только полковник не согласился на такой мир. Тот один был Тарас. Вырвал он клок волос из головы своей и вскрикнул:

— Эй, гетман и полковники! не сделайте такого бабьего дела! не верьте ляхам: продадут, псяюхи! [46]

Когда же полковой писарь подал условие и гетман приложил свою властную руку, он снял с себя чистый булат, дорогую турецкую саблю из первейшего железа, разломил ее надвое, как трость, и кинул далеко в разные стороны оба конца, сказав:

— Прощайте же! Как двум концам сего палаша не соединиться в одно и не составить одной сабли, так и нам, товарищи, больше не видаться на этом свете! Помяните же прощальное мое слово (при сем слове голос

его вырос, поднялся выше, принял неведомую силу, — и смутились все от пророческих слов): перед смертным часом своим вы вспомните меня! Думаете, купили спокойствие и мир, думаете, пановать станете? Будете пановать другим панованьем: сдерут с твоей головы, гетман, кожу! набьют ее гречаною половою, и долго будут видеть ее по всем ярмаркам! Не удержите и вы, паны, голов своих! пропадете в сырых погребах, замурованные в каменные стены, если вас, как баранов, не сварят всех живыми в котлах!

— А вы, хлопцы! — продолжал он, оборотившись к своим. — Кто из вас хочет умирать своею смертью? Не по запечьям и бабьим лежанкам, не пьяными под забором у шинка, подобно всякой падали, а честной казацкой смертью, всем на одной постели, как жених с невестою! Или, может быть, хотите воротиться домой, да оборотиться в недоверков, да возить на своих спинах польских ксендзов?

— За тобою, пане полковнику! за тобою! — вскрикнули все, которые были в Тарасовом полку, и к ним перебежало немало других.

— А коли за мною, так за мною же! — сказал Тарас, надвинув глубже на голову себе шапку, грозно взглянул на всех остававшихся, оправился на коне своем и крикнул своим: — Не попрекнет же никто нас обидной речью! А ну, гайда, хлопцы, в гости к католикам!

И вслед за тем ударил он по коню, и потянулся за ним табор из ста телег, и с ними много было казацких конников и пехоты, и, оборотясь, грозил взором всем остававшимся, — и гневен был взор его. Никто не посмел остановить их. В виду всего воинства уходил полк, и долго еще оборачивался Тарас и все грозил.

Смутны стояли гетман и полковники; задумалися все и молчали долго, как будто теснимые каким-то тяжелым предвестием. Недаром провещал Тарас. Так все и сбылось, как он провещал. Немного времени спустя, после вероломного поступка под Каневом, вздернута была голова гетмана на кол вместе со многими из первейших сановников.

А что же Тарас? А Тарас гулял по всей Польше с своим полком, выжег восьмнадцать местечек, близ сорока костелов и уже доходил до Кракова. Много избил он всякой шляхты, разграбил богатейшие и лучшие замки, распечатали и поразливали по земле казаки вековые меды и вина, сохранно сберегавшиеся в панских погребах; изрубили и пережгли дорогие сукна, одежды и утвари, находимые в кладовых. «Ничего не жалейте!» — повторял только Тарас. Не уважили казаки чернобровых панянок, белогрудых, светлоликих девиц: у самых алтарей не могли спастись они; зажигал их Тарас вместе с алтарями. Не одни белоснежные руки подымались из огненного пламени к небесам, сопровождаемые жалкими криками, от которых бы подвигнулась самая сырая земля и степная трава поникла бы от жалости долу. Но не внимали ничему жестокие казаки и, поднимая копьями с улиц

младенцев их, кидали к ним же в пламя. «Это вам, вражьи ляхи, поминки по Остапе!» — приговаривал только Тарас. И такие поминки по Остапе отправлял он в каждом селении, пока польское правительство не увидело, что поступки Тараса были побольше, чем обыкновенное разбойничество, и тому же самому Потоцкому поручено было с пятью полками поймать непременно Тараса.

Шесть дней уходили казаки проселочными дорогами от всех преследований; едва выносили кони необыкновенное бегство и спасали казаков. Но Потоцкий на сей раз был достоин возложенного поручения: неутомимо преследовал он их и настиг на берегу Днестра, где Бульба занял для роздыха оставленную развалившуюся крепость.

Над самой кручей у Днестра-реки виднелась она своим оборванным валом и своими развалившимися останками стен. Щебнем и разбитым кирпичом усеяна была верхушка утеса, готовая всякую минуту сорваться и слететь вниз. Тут-то, с двух сторон, прилежащих к полю, обступил его коронный гетман Потоцкий. Четыре дня бились и боролись казаки, отбиваясь кирпичами и каменьями. Но истощились запасы и силы, и решился Тарас пробиться сквозь ряды. И пробились было уже казаки, и, может быть, еще раз послужили бы им верно быстрые кони, как вдруг среди самого бегу остановился Тарас и вскрикнул: «Стой! выпала люлька с табаком; не хочу, чтобы и люлька досталась вражьим ляхам!» И нагнулся старый атаман и стал отыскивать в траве свою люльку с табаком, неотлучную сопутницу на морях и на суше, и в походах, и дома. А тем временем набежала вдруг ватага и схватила его под могучие плечи. Двинулся было он всеми членами, но уже не посыпались на землю, как бывало прежде, схватившие его гайдуки. «Эх, старость, старость!» — сказал он, и заплакал дебелый старый казак. Но не старость была виною: сила одолела силу. Чуть не тридцать человек повисло у него по рукам и по ногам. «Попалась ворона! — кричали ляхи. — Теперь нужно только придумать, какую бы ему, собаке, лучшую честь воздать». И присудили, с гетманского разрешенья, сжечь его живого в виду всех. Тут же стояло голое дерево, вершину которого разбило громом. Притянули его железными цепями к древесному стволу, гвоздем прибивши ему руки и приподняв его повыше, чтобы отвсюду был виден казак, и принялись тут же раскладывать под деревом костер. Но не на костер глядел Тарас, не об огне он думал, которым собирались жечь его; глядел он, сердечный, в ту сторону, где отстреливались казаки: ему с высоты все было видно как на ладони.

— Занимайте, хлопцы, занимайте скорее, — кричал он, — горку, что за лесом: туда не подступят они!

Но ветер не донес его слов.

— Вот пропадут, пропадут ни за что! — говорил он отчаянно и взглянул вниз, где сверкал Днестр. Радость блеснула в очах его. Он увидел

выдвинувшиеся из-за кустарника четыре кормы, собрал всю силу голоса и зычно закричал:

— К берегу! к берегу, хлопцы! спускайтесь подгорной дорожкой, что налево. У берега стоят челны, все забирайте, чтобы нѐ было погони.

На этот раз ветер дунул с другой стороны, и все слова были услышаны казаками. Но за такой совет достался ему тут же удар обухом по голове, который переворотил все в глазах его.

Пустились казаки во всю прыть подгорной дорожкой; а уж погоня за плечами. Видят: путается и загибается дорожка и много дает в сторону извивов. «А, товарищи! не куда пошло!» — сказали все, остановились на миг, подняли свои нагайки, свистнули — и татарские их кони, отделившись от земли, распластавшись в воздухе, как змеи, перелетели через пропасть и бултыхнули прямо в Днестр. Двое только не попали в реку, грянулись с вышины об каменья и пропали там навеки с конями, даже не успевши издать крику. А казаки уже плыли с конями в реке и отвязывали челны. Остановились ляхи над пропастью, дивясь неслыханному казацкому делу и думая: прыгать ли им, или нет? Один молодой полковник, живая, горячая кровь, родной брат прекрасной полячки, обворожившей бедного Андрия, не подумал долго и бросился со всех сил с конем за казаками. Перевернулся три раза в воздухе с конем своим и прямо грянулся на острые утесы. В куски изорвали его острые камни, пропавшего среди пропасти, и мозг его, смешавшись с кровью, обрызгал росшие по неровным стенам провала кусты.

Когда очнулся Тарас Бульба от удара и глянул на Днестр, уже казаки были на челнах и гребли веслами; пули сыпались на них сверху, но не доставали. И вспыхнули радостные очи у старого атамана.

— Прощайте, товарищи! — кричал он им сверху. — Вспоминайте меня и будущей же весной прибывайте сюда вновь да хорошенько погуляйте! Что, взяли, чертовы ляхи? думаете, есть что-нибудь на свете, чего бы побоялся казак? Постойте же, придет время, будет время, узнаете вы, что такое православная русская вера! Уже и теперь чуют дальние и близкие народы: подымется из русской земли свой царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему!..

А уже огонь подымался над костром, захватывал его ноги и разостлался пламенем по дереву... Да разве найдутся на свете такие огни и муки и сила такая, которая бы пересилила русскую силу!

Немалая река Днестр, и много на ней заводьев, речных густых камышей, отмелей и глубокодонных мест, блестит речное зеркало, оглашенное звонким ячаньем [47] лебедей, и гордый гоголь [48] быстро несется по нем, и много куликов, краснозобых курухтанов [49] и всяких иных птиц в тростниках и на прибрежьях. Казаки быстро плыли на узких двухрульных челнах, дружно гребли веслами, осторожно миновали отмели, всполашивая подымавшихся птиц, и говорили про своего атамана.

ДОПОЛНЕНИЯ

Тарас Бульба

(Редакция 1835 г.)

1

— А поворотись, сынку! цур тебе, какой ты смешной! Что это на вас за поповские подрясники? И эдак все ходят в академии?

Такими словами встретил старый Бульба двух сыновей своих, учившихся в киевской бурсе и приехавших уже на дом к отцу.

Сыновья его только что слезли с коней. Это были два дюжие молодца, еще смотревшие исподлоба, как недавно выпущенные семинаристы. Крепкие, здоровые лица их были покрыты первым пухом волос, которого еще не касалась бритва. Они были очень оконфужены таким приемом отца и стояли неподвижно, потупив глаза в землю.

— Постойте, постойте, дети, — продолжал он, поворачивая их, — какие же длинные на вас свитки! * Вот это свитки! Ну, ну, ну! таких свиток еще никогда на свете не было. А ну, побегите оба: я посмотрю, не попадаете ли вы?

— Не смейся, не смейся, батьку! — сказал наконец старший из них.

— Фу ты, какой пышный! а отчего ж бы не смеяться?

— Да так. Хоть ты мне и батько, а как будешь смеяться, то, ей-богу, поколочу!

— Ах ты, сякой-такой сын! Как, батька? — сказал Тарас Бульба, отступивши с удивлением несколько назад.

— Да хоть и батька. За обиду не посмотрю и не уважу никого.

— Как же ты хочешь со мною биться? разве на кулаки?

— Да уж на чем бы то ни было.

---

* Свиткой называется верхняя одежда у малороссиян.

— Ну, давай на кулаки! — говорил Бульба, засучив рукава. И отец с сыном вместо приветствия после давней отлучки начали преусердно колотить друг друга.

— Вот это сдурел, старый! — говорила бледная, худощавая и добрая мать их, стоявшая у порога и не успевшая еще обнять ненаглядных детей своих. — Ей-богу, сдурел! Дети приехали домой, больше году не видели их, а он задумал бог знает что: биться на кулачки.

— Да он славно бьется! — говорил Бульба, остановившись. — Ей-богу, хорошо! так-таки, — продолжал он, немного оправляясь, — хоть бы и не пробовать. Добрый будет казак! Ну, здоров, сынку! почеломкаемся! — И отец с сыном начали целоваться. — Добре, сынку! Вот так колоти всякого, как меня тузил. Никому не спускай! А все-таки на тебе смешное убранство. Что это за веревка висит? А ты, бейбас, что стоишь и руки опустил? — говорил он, обращаясь к младшему. — Что ж ты, собачий сын, не колотишь меня?

— Вот еще выдумал что! — говорила мать, обнимавшая между тем младшего. — И придет же в голову! Как можно, чтобы дитя било родного отца? Притом будто до того теперь: дитя малое, проехало столько пути, утомилось (это дитя было двадцати с лишком лет и ровно в сажень ростом), ему бы теперь нужно отпочить и поесть чего-нибудь, а он заставляет биться!

— Э, да ты мазунчик, как я вижу! — говорил Бульба. — Не слушай, сынку, матери: она — баба. Она ничего не знает. Какая вам нежба? Ваша нежба — чистое поле да добрый конь; вот ваша нежба. А видите вот эту саблю — вот ваша матерь! Это все дрянь, чем набивают вас: и академия, и все те книжки, буквари и философия,— все это *ка зна що*, я плевать на все это! — Бульба присовокупил еще одно слово, которое в печати несколько выразительно и потому его можно пропустить. — Я вас на той же неделе отправлю на Запорожье. Вот там ваша школа! Вот там только наберетесь разуму.

— И только всего одну неделю быть им дома? — говорила жалостно, со слезами на глазах, худощавая старуха мать. — И погулять им, бедным, не удастся, и дому родного некогда будет узнать им, и мне не удастся наглядеться на них!

— Полно, полно, старуха! Казак не на то, чтобы возиться с бабами. Ступай скорее да неси нам все, что ни есть, на стол. Пампушек, маковиков, медовиков и других пундиков не нужно, а прямо так и тащи нам целого барана на стол. Да горелки, чтобы горелки было побольше! Не этой разной, что с выдумками: с изюмом, родзинками и другими вытребеньками, а чистой горелки, настоящей, такой, чтобы шипела, как бес!

Бульба повел сыновей своих в светлицу, из которой пугливо выбежали

две здоровые девки в красных монистах, увидевши приехавших паничей, которые не любили спускать никому.

Все в светлице было убрано во вкусе того времени; а время это касалось XVI века, когда еще только что начинала рождаться мысль об унии. Все было чисто, вымазано глиною. Вся стена была убрана саблями и ружьями. Окна в светлице были маленькие, с круглыми матовыми стеклами, какие встречаются ныне только в старинных церквах. На полках, занимавших углы комнаты и сделанных угольниками, стояли глиняные кувшины, синие и зеленые фляжки, серебряные кубки, позолоченные чарки венецианской, турецкой и черкесской работы, зашедшие в светлицу Бульбы разными путями, чрез третьи и четвертые руки, что было очень обыкновенно в эти удалые времена. Липовые скамьи вокруг всей комнаты и огромный стол посреди ее, печь, разъехавшаяся на полкомнаты, как толстая русская купчиха, с какими-то нарисованными петухами на изразцах, — все эти предметы были довольно знакомы нашим двум молодцам, приходившим почти каждый год домой на каникулярное время, приходившим потому, что у них не было еще коней, и потому, что не было в обычае позволять школярам ездить верхом. У них были только длинные чубы, за которые мог выдрать их всякий казак, носивший оружие. Бульба только при выпуске их послал им из табуна своего пару молодых жеребцов.

— Ну, сынки! прежде всего выпьем горелки! Боже, благослови! Будьте здоровы, сынки: и ты, Остап, и ты, Андрий! Дай же, боже, чтоб вы на войне всегда были удачливы! Чтобы бусурменов били, и турков бы били, и татарву били бы, когда и ляхи начнут что против веры нашей чинить, то и ляхов бы били. Ну, подставляй свою чарку; что, хороша горелка? А как по-латыни горелка? То-то, сынку, дурни были латынцы: они и не знали, есть ли на свете горелка. Как, бишь, того звали, что латинские вирши писал? Я грамоты-то не слишком разумею, то и не помню; Гораций, кажется?

«Вишь, какой батька, — подумал про себя старший сын, Остап, — все, собака, знает, а еще и прикидывается».

— Я думаю, архимандрит, — продолжал Бульба, — не давал вам и понюхать горелки. А что, сынки, признайтесь, порядочно вас стегали березовыми да вишневыми по спине и по всему, а может, так как вы уже слишком разумные, то и плетюгами? Я думаю, кроме субботки, драли вас и по середам, и по четвергам?

— Нечего, батько, вспоминать, — говорил Остап с обыкновенным своим флегматическим видом, — что было, то уже прошло.

— Теперь мы можем расписать всякого, — говорил Андрий, — саблями да списами [50]. Вот пусть только попадется татарва.

— Добре, сынку! ей-богу, добре! Да когда так, то и я с вами еду! ей-богу, еду. Какого дьявола мне здесь ожидать? Что, я должен разве

смотреть за хлебом да за свинарями? Или бабиться с женою? Чтоб она пропала! Чтоб я для ней оставался дома? Я казак. Я не хочу! Так что же что нет войны? Я так поеду с вами на Запорожье, погулять. Ей-богу, еду! — И старый Бульба мало-помалу горячился и наконец рассердился совсем, встал из-за стола и, приосанившись, топнул ногою. — Завтра же едем! Зачем откладывать. Какого врага мы можем здесь высидеть? На что нам эта хата? к чему нам все это? на что эти горшки? — При этом Бульба начал колотить и швырять горшки и фляжки.

Бедная старушка жена, привыкшая уже к таким поступкам своего мужа, печально глядела, сидя на лавке. Она не смела ничего говорить; но, услышавши о таком страшном для нее решении, она не могла удержаться от слез; взглянула на детей своих, с которыми угрожала такая скорая разлука, — и никто бы не мог описать всей безмолвной силы ее горести, которая, казалось, трепетала в глазах ее и в судорожно сжатых губах.

Бульба был упрям страшно. Это был один из тех характеров, которые могли только возникнуть в грубый XV век, и притом на полукочующем востоке Европы, во время правого и неправого понятия о землях, сделавшихся каким-то спорным, нерешенным владением, к каким принадлежала тогда Украйна. Вечная необходимость пограничной защиты против трех разнохарактерных наций — все это придавало какой-то вольный, широкий размер подвигам сынов ее и воспитало упрямство духа. Это упрямство духа отпечаталось во всей силе на Тарасе Бульбе. Когда Баторий устроил полки в Малороссии и облек ее в ту воинственную арматуру, которою сперва означены были одни обитатели порогов, он был из числа первых полковников. Но при первом случае перессорился со всеми другими за то, что добыча, приобретенная от татар соединенными польскими и казацкими войсками, была разделена между ими не поровну и польские войска получили более преимущества. Он, в собрании всех, сложил с себя достоинство и сказал: «Когда вы, господа полковники, сами не знаете прав своих, то пусть же вас черт водит за нос. А я наберу себе собственный полк, и кто у меня вырвет мое, тому я буду знать, как утереть губы».

Действительно, он в непродолжительное время из своего же отцовского имения составил довольно значительный отряд, который состоял вместе из хлебопашцев и воинов и совершенно покорствовался его желанию. Вообще он был большой охотник до набегов и бунтов; он носом слышал, где и в каком месте вспыхивало возмущение, и уже как снег на голову являлся на коне своем. «Ну, дети! что и как? кого и за что нужно бить?» — обыкновенно говорил он и вмешивался в дело. Однако ж прежде всего он строго разбирал обстоятельства и в таком только случае приставал, когда видел, что поднявшие оружие действительно имели право поднять его, хотя это право было, по его мнению, только в следующих случаях: если соседняя нация угоняла скот или отрезывала часть земли, или комиссары налагали

большую повинность, или не уважали старшин и говорили перед ними в шапках, или посмеивались над православною верою, — в этих случаях непременно нужно было браться за саблю; против бусурманов же, татар и турок, он почитал во всякое время справедливым поднять оружие во славу божию, христианства и казачества. Тогдашнее положение Малороссии, еще не сведенное ни в какую систему, даже не приведенное в известность, способствовало существованию многих совершенно отдельных партизанов. Жизнь вел он самую простую, и его нельзя бы было вовсе отличить от рядового казака, если бы лицо его не сохраняло какой-то повелительности и даже величия, особливо когда он решался защищать что-нибудь. Бульба заранее утешал себя мыслию о том, как он явится теперь с двумя сыновьями и скажет: «Вот посмотрите, каких я к вам молодцов привел!» Он думал о том, как повезет их на Запорожье — эту военную школу тогдашней Украйны, представит своим сотоварищам и поглядит, как при его глазах они будут подвизаться в ратной науке и бражничестве, которое он почитал тоже одним из первых достоинств рыцаря. Он вначале хотел отправить их одних, потому что считал необходимостию заняться новою сформировкою полка, требовавшей его присутствия. Но при виде своих сыновей, рослых и здоровых, в нем вдруг вспыхнул весь воинский дух его, и он решился сам с ними ехать на другой же день, хотя необходимость этого была одна только упрямая воля.

Не теряя ни минуты, он уже начал отдавать приказания своему асаулу, которого называл Товкачом, потому что тот действительно похож был на какую-то хладнокровную машину: во время битвы он равнодушно шел по неприятельским рядам, размахивая своею саблей, как будто бы месил тесто, как кулачный боец, прочищающий себе дорогу. Приказания состояли в том, чтобы оставаться ему в хуторе, покамест он даст знать ему выступить в поход. После этого пошел он сам по куреням своим, раздавая приказания некоторым ехать с собою, напоить лошадей, накормить их пшеницею и подать себе коня, которого он обыкновенно называл Чертом.

— Ну, дети, теперь надобно спать, а завтра будем делать то, что бог даст. Да не стели нам постель! Нам не нужна постель. Мы будем спать на дворе.

Ночь еще только что обняла небо, но Бульба всегда ложился рано. Он развалился на ковре, накрылся бараньим тулупом, потому что ночной воздух был довольно свеж и потому что Бульба любил укрыться потеплее, когда был дома. Он вскоре захрапел, и за ним последовал весь двор. Все, что ни лежало в разных его углах, захрапело и запело; прежде всего заснул сторож, потому что более всех напился для приезда паничей.

Одна бедная мать не спала. Она приникла к изголовью дорогих сыновей своих, лежавших рядом. Она расчесывала гребнем их молодые, небрежно всклоченные кудри и смачивала их слезами. Она глядела на них

вся, глядела всеми чувствами, вся превратилась в одно зрение и не могла наглядеться. Она вскормила их собственною грудью; она возрастила, взлелеяла их, — и только на один миг видит их перед собою. «Сыны мои, сыны мои милые! что будет с вами? что ждет вас! Хоть бы недельку мне поглядеть на вас!» — говорила она, и слезы остановились в морщинах, изменивших ее когда-то прекрасное лицо.

В самом деле, она была жалка, как всякая женщина того удалого века. Она миг только жила любовью, только в первую горячку страсти, в первую горячку юности, и уже суровый прельститель ее покидал ее для сабли, для товарищей, для бражничества. Она видела мужа в год два, три дня, и потом несколько лет о нем не бывало слуха. Да и когда виделась с ним, когда они жили вместе, что за жизнь ее была? Она терпела оскорбления, даже побои; она видела из милости только оказываемые ласки; она была какое-то странное существо в этом соборище безженных рыцарей, на которых разгульное Запорожье набрасывало суровый колорит свой. Молодость без наслаждения мелькнула перед нею, и ее прекрасные свежие щеки и перси без лобзаний отцвели и покрылись преждевременными морщинами. Вся любовь, все чувства, все, что есть нежного и страстного в женщине, — все обратилось у ней в одно материнское чувство. Она с жаром, с страстью, с слезами, как степная чайка, вилась над детьми своими. Ее сыновей, ее милых сыновей берут от нее, берут для того, чтобы не увидеть их никогда. Кто знает, может быть при первой битве татарин срубит им головы, и она не будет знать, где лежат брошенные тела их, которые расклюет хищная подорожная птица и за каждый кусочек которых, за каждую каплю крови она отдала бы все. Рыдая, глядела она им в очи, которые всемогущий сон начинал уже смыкать, и думала: «Авось-либо Бульба, проснувшись, отсрочит денька на два отъезд. Может быть, он задумал оттого так скоро ехать, что много выпил».

Месяц с вышины неба давно уже озарял весь двор, наполненный спящими, густую кучу верб и высокий бурьян, в котором потонул частокол, окружавший двор. Она все сидела в головах милых сыновей своих, ни на минуту не сводила с них глаз своих и не думала о сне. Уже кони, зачуя рассвет, все полегли на траву и перестали есть; верхние листья верб начали лепетать, и мало-помалу лепечущая струя спустилась по ним до самого низу. Она просидела до самого света, вовсе не была утомлена и внутренне желала, чтобы ночь протянулась как можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржание жеребенка. Красные полосы ясно сверкнули на небе. Бульба вдруг проснулся и вскочил. Он очень хорошо помнил все, что приказывал вчера.

— Ну, хлопцы, полно спать! Пора! пора! Напойте коней! А где ста́ра? (так он обыкновенно называл жену свою.) Живее, стара, готовь нам есть, потому что путь великий лежит!

Бедная старушка, лишенная последней надежды, уныло поплелась в хату. Между тем как она со слезами готовила все, что нужно к завтраку, Бульба раздавал свои приказания, возился на конюшне и сам выбирал для детей своих лучшие убранства. Бурсаки вдруг преобразились: на них явились вместо прежних запачканных сапогов сафьянные красные с серебряными подковами, шаровары шириною в Черное море, с тысячью складок и со сборами, перетянулись золотым очкуром. К очкуру прицеплены были длинные ремешки с кистями и прочими побрякушками для трубки. Казакин алого цвета, сукна яркого, как огонь, опоясался узорчатым поясом; чеканные турецкие пистолеты были задвинуты за пояс; сабля брякала по ногам их. Их лица, еще мало загоревшие, казалось похорошели и побелели: молодые черные усы теперь как-то ярче оттеняли белизну их и здоровый, мощный цвет юности; они были хороши под черными бараньими шапками с золотым верхом. Бедная мать! она как увидела их, она и слова не могла промолвить, и слезы остановились в глазах ее.

— Ну, сыны, все готово! нечего мешкать! — произнес наконец Бульба. — Теперь, по обычаю христианскому, нужно перед дорогою всем присесть.

Все сели, не выключая даже и хлопцев, стоявших почтительно у дверей.

— Теперь благослови, мать, детей своих! — сказал Бульба. — Моли бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь лыцарскую *, чтобы стояли всегда за веру Христову, а не то пусть лучше пропадут, чтобы и духу их не было на свете! Подойдите, дети, к матери. Молитва материнская и на воде и на земле спасает.

Мать, слабая как мать, обняла их, вынула две небольшие иконы, надела им, рыдая, на шею.

— Пусть хранит вас... божья матерь... не забывайте, сынки, мать вашу... пришлите хоть весточку о себе... — далее она не могла продолжать.

— Ну, пойдем, дети! — сказал Бульба.

У крыльца стояли оседланные кони. Бульба вскочил на своего Черта, который бешено отшатнулся, почувствовав на себе двадцатипудовое бремя, потому что Бульба был чрезвычайно тяжел и толст.

Когда увидела мать, что уже и сыны ее сели на коней, она кинулась к меньшему, у которого в чертах лица выражалось более какой-то нежности; она схватила его за стремя, она прилипнула к седлу его и, с отчаяньем во всех чертах, не выпускала его из рук своих. Два дюжих казака взяли ее бережно и унесли в хату. Но когда выехали они за ворота, она, со всею легкостию дикой козы, несообразной ее летам, выбежала за

---

* Рыцарскую.

ворота, с непостижимою силою остановила лошадь и обняла одного из них с какою-то помешанною, бесчувственною горячностию; ее опять увели.

Молодые казаки ехали смутно и удерживали слезы, боясь отца своего, который, однако же, с своей стороны тоже был несколько смущен, хотя не старался этого показывать. День был серый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали как-то вразлад. Они, проехавши, оглянулись назад: хутор их как будто ушел в землю, только стояли на земле две трубы от их скромного домика; одни только вершины дерев, дерев, по сучьям которых они лазили, как белки; один только дальний луг еще стлался перед ними, тот луг, по которому они могли припомнить всю историю жизни, от лет, когда качались по росистой траве его, до лет, когда поджидали в нем чернобровую казачку, боязливо летевшую чрез него с помощию своих свежих, быстрых ножек. Вот уже один только шест над колодцем, с привязанным вверху колесом от телеги, одиноко торчит на небе; уже равнина, которую они проехали, кажется издали горою и все собою закрыла. — Прощайте и детство, и игры, и все, и все!

2

Все три всадника ехали молчаливо. Старый Тарас думал о давнем: перед ним проходила его молодость, его лета, его протекшие лета, о которых всегда почти плачет казак, желавший бы, чтобы вся жизнь его была молодость. Он думал о том, кого он встретит на Сече из своих прежних сотоварищей. Он вычислял, какие уже перемерли, какие живут еще. Слеза тихо круглилась на его зенице, и поседевшая голова его уныло понурилась.

Сыновья его были заняты другими мыслями. Теперь кстати сказать что-нибудь о сыновьях его. Они были отданы по двенадцатому году в Киевскую академию, потому что все почетные сановники тогдашнего времени считали необходимостью дать воспитание своим детям, хотя это делалось с тем, чтобы после совершенно позабыть его. Они тогда были, как все, поступавшие в бурсу, дики, воспитаны на свободе, и там уже они обыкновенно несколько шлифовались и получали что-то общее, делавшее их похожими друг на друга. Старший, Остап, начал с того свое поприще, что в первый год еще бежал. Его возвратили, высекли страшно и засадили за книгу. Четыре раза закапывал он свой букварь в землю, и четыре раза, отодравши его бесчеловечно, покупали ему новый. Но, без сомнения, он повторил бы и в пятый, если бы отец не дал ему торжественного обещания продержать его в монастырских служках целые двадцать лет и что он не увидит Запорожья вовеки, если не выучится в академии всем наукам. Любопытно, что это говорил тот же самый Тарас Бульба, который бранил всю ученость и советовал, как мы уже видели, детям вовсе не заниматься ею.

С этого времени Остап начал с необыкновенным старанием сидеть за скучною книгою и скоро стал наряду с лучшими. Тогдашний род учения страшно расходился с образом жизни. Эти схоластические, грамматические, риторические и логические тонкости решительно не прикасались к времени, никогда не применялись и не повторялись в жизни. Ни к чему не могли привязать они своих познаний, хотя бы даже менее схоластических. Самые тогдашние ученые более других были невежды, потому что вовсе были удалены от опыта. Притом же это республиканское устройство бурсы, это ужасное множество молодых, дюжих, здоровых людей — все это должно было им внушить деятельность совершенно вне их учебного занятия. Иногда плохое содержание, иногда частые наказания голодом, иногда многие потребности, пробуждающиеся в свежем, здоровом, крепком юноше, — все это, соединившись, рождало в них ту предприимчивость, которая после развивалась на Запорожье. Голодная бурса рыскала по улицам Киева и заставляла всех быть осторожными. Торговки, сидевшие на базаре, всегда закрывали руками своими пироги, бублики, семечки из тыкв, как орлицы детей своих, если только видели проходившего бурсака. Консул, долженствовавший, по обязанности своей, наблюдать над подведомственными ему сотоварищами, имел такие страшные карманы в своих шароварах, что мог поместить туда всю лавку зазевавшейся торговки. Эта бурса составляла совершенно отдельный мир: в круг высший, состоявший из польских и русских дворян, они не допускались. Сам воевода, Адам Кисель, несмотря на оказываемое покровительство академии, не вводил их в общество и приказывал держать их построже. Впрочем, это наставление было вовсе излишне, потому что ректор и профессоры-монахи не жалели лоз и плетей, и часто ликторы по их приказанию пороли своих консулов так жестоко, что те несколько недель почесывали свои шаровары. Многим из них это было вовсе ничего и казалось немного чем крепче хорошей водки с перцем; другим, наконец, сильно надоедали такие беспрестанные припарки, и они бежали на Запорожье, если умели найти дорогу и если сами не были перехватываемы на пути. Остап Бульба, несмотря на то, что начал с большим старанием учить логику и даже богословие, но никак не избавлялся неумолимых розг. Естественно, что все это должно было как-то ожесточить характер и сообщить ему твердость, всегда отличавшую казаков. Остап считался всегда одним из лучших товарищей. Он редко предводительствовал другими в дерзких предприятиях — обобрать чужой сад или огород, но зато он был всегда одним из первых, приходивших под знамена предприимчивого бурсака, и никогда, ни в каком случае не выдавал своих товарищей. Никакие плети и розги не могли заставить его это сделать. Он был суров к другим побуждениям, кроме войны и разгульной пирушки; по крайней мере никогда почти о другом не думал. Он был прямодушен с равными. Он имел доброту в таком виде, в каком она могла только

существовать при таком характере и в тогдашнее время. Он душевно был тронут слезами бедной матери, и это одно только его смущало и заставляло задумчиво опустить голову.

Меньшой брат его, Андрий, имел чувства несколько живее и как-то более развиты. Он учился охотнее и без напряжения, с каким обыкновенно принимается тяжелый и сильный характер. Он был более изобретатель, нежели его брат; чаще являлся предводителем довольно опасного предприятия и иногда с помощию изобретательного ума своего умел увертываться от наказания, тогда как брат его, Остап, отложивши всякое попечение, скидал с себя свитку и ложился на пол, вовсе не думая просить о помиловании. Он также кипел жаждою подвига, но вместе с нею душа его была доступна и другим чувствам. Потребность любви вспыхнула в нем живо, когда он перешел за восемнадцать лет. Женщина чаще стала представляться горячим мечтам его. Он, слушая философические диспуты, видел ее поминутно, свежую, черноокую, нежную. Пред ним беспрерывно мелькали ее сверкающие, упругие перси; нежная, прекрасная, вся обнаженная рука; самое платье, облипавшее вокруг ее свежих, девственных и вместе мощных членов, дышало в мечтах его каким-то невыразимым сладострастием. Он тщательно скрывал от своих товарищей эти движения страстной юношеской души, потому что в тогдашний век было стыдно и бесчестно думать казаку о женщине и любви, не отведав битвы. Вообще в последние годы он реже являлся предводителем какой-нибудь ватаги, но чаще бродил один где-нибудь в уединенном закоулке Киева, потопленном в вишневых садах, среди низеньких домиков, заманчиво глядевших на улицу. Иногда он забирался и в улицу аристократов, в нынешнем старом Киеве, где жили малороссийские и польские дворяне и домы были выстроены с некоторою прихотливостию. Один раз, когда он зазевался, наехала почти на него колымага какого-то польского пана, и сидевший на козлах возница с престрашными усами хлыстнул его довольно исправно бичом. Молодой бурсак вскипел: с безумною смелостию схватил он мощною рукою своею за заднее колесо и остановил колымагу. Но кучер, опасаясь разделки, ударил по лошадям, они рванули — и Андрий, к счастию успевший отхватить руку, шлепнулся на землю, прямо лицом в грязь. Самый звонкий и гармонический смех раздался над ним. Он поднял глаза и увидел стоявшую у окна брюнетку, прекрасную, как не знаю что, черноглазую и белую, как снег, озаренный утренним румянцем солнца. Она смеялась от всей души, и смех придавал какую-то сверкающую силу ее ослепительной красоте. Он оторопел. Он глядел на нее совсем потерявшись, рассеянно обтирая с лица своего грязь, которою еще более замазывался. Кто бы была эта красавица? Он хотел было узнать от дворни, которая кучею, в богатом убранстве, стояла за воротами, окруживши игравшего молодого бандуриста. Но дворня подняла смех, увидевши его запачканную рожу, и не удостоила его

ответом. Наконец он узнал, что это была дочь приехавшего на время ковенского воеводы. В следующую же ночь, с свойственною одним бурсакам дерзостию, он пролез чрез частокол в сад, взлез на дерево, раскинувшееся ветвями, упиравшими в самую крышу дома; с дерева перелез на крышу и чрез трубу камина пробрался прямо в спальню красавицы, которая в это время сидела перед свечою и вынимала из ушей своих дорогие серьги. Прекрасная полячка так испугалась, увидевши вдруг перед собою незнакомого человека, что не могла произнесть ни одного слова; но когда увидела, что бурсак стоял потупив глаза и не смея от робости поворотить рукою, когда узнала в нем того же самого, который хлопнулся перед ее глазами на улице, смех вновь овладел ею. Притом в чертах Андрия ничего не было страшного: он был очень хорош собою. Она от души смеялась и долго забавлялась над ним. Красавица была ветрена, как полячка, но глаза ее, глаза чудесные, пронзительно-ясные, бросали взгляд долгий, как постоянство. Бурсак не мог поворотить рукою и был связан, как в мешке, когда дочь воеводы смело подошла к нему, надела ему на голову свою блистательную диадему, повесила на губы ему серьги и накинула на него кисейную прозрачную шемизетку с фестонами, вышитыми золотом. Она убирала его и делала с ним тысячу разных глупостей с развязностию дитяти, которою отличаются ветреные полячки и которая повергла бедного бурсака в еще большее смущение. Он представлял смешную фигуру, раскрывши рот и глядя неподвижно в ее ослепительные очи. Раздавшийся у дверей стук пробудил в ней испуг. Она велела ему спрятаться под кровать, и как только беспокойство прошло, она кликнула свою горничную, пленную татарку, и дала ей приказание осторожно вывесть его в сад и оттуда отправить через забор. Но на этот раз бурсак наш не так счастливо перебрался через забор: проснувшийся сторож хватил его порядочно по ногам, и собравшаяся дворня долго колотила его уже на улице, покамест быстрые ноги не спасли его. После этого проходить возле дома было очень опасно, потому что дворня у воеводы была очень многочисленна. Он увидел ее еще раз в костеле: она заметила его и очень приятно усмехнулась, как давнему знакомому; он видел ее вскользь еще один раз, и после этого воевода ковенский скоро уехал, и вместо прекрасной, обольстительной брюнетки выглядывало из окон какое-то толстое лицо.

Вот о чем думал Андрий, повесив голову и потупив глаза в гриву коня своего.

А между тем степь уже давно приняла их всех в свои зеленые объятия, и высокая трава, обступивши, скрыла их, и только казачьи черные шапки одни мелькали между ее колосьями.

— Э, э, э! что же это вы, хлопцы, так притихли? — сказал наконец Бульба, очнувшись от своей задумчивости, — как будто какие-нибудь чернецы! Ну, разом, разом! Все думки к нечистому! Берите в зубы люльки, да

закурим, да пришпорим коней, да полетим так, чтобы и птица не угналась за нами!

И казаки, прилегши несколько к коням, пропали в траве. Уже и черных шапок нельзя было видеть; одна только быстрая молния сжимаемой травы показывала бег их.

Солнце выглянуло давно на расчищенном небе и живительным теплотворным светом своим облило степь. Все, что смутно и сонно было на душе у казаков, вмиг слетело, сердца их встрепенулись, как птицы.

Степь, чем далее, тем становилась прекраснее. Тогда весь юг, все то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию, до самого Черного моря, было зеленою девственною пустынею. Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений. Одни только кони, скрывавшиеся в них, как в лесу, вытоптывали их. Ничто в природе не могло быть лучше их. Вся поверхность земли представлялася зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов. Сквозь тонкие, высокие стебли травы сквозили голубые, синие и лиловые волошки; желтый дрок выскакивал вверх своею пирамидальною верхушкою; белая кашка зонтикообразными шапками пестрела на поверхности; занесенный бог знает откуда, колос пшеницы наливался в гуще. Под тонкими их корнями шныряли куропатки, вытянув свои шеи. Воздух был наполнен тысячью разных птичьих свистов. В небе неподвижно стояли целою тучею ястребы, распластав свои крылья и неподвижно устремив глаза свои в траву. Крик двигавшейся в стороне тучи диких гусей отдавался бог знает в каком дальнем озере. Из травы подымалась мерными взмахами чайка и роскошно купалась в синих волнах воздуха. Вон она пропала в вышине и только мелькает одною черною точкою. Вон она перевернулась крылами и блеснула перед солнцем. Черт вас возьми, степи, как вы хороши!

Наши путешественники несколько минут только останавливались для обеда, причем ехавший с ними отряд из десяти казаков слезал с лошадей, отвязывал деревянные баклажки с горелкою и тыквы, употребляемые вместо сосудов. Ели только хлеб с салом или коржи, пили только по одной чарке, единственно для подкрепления, потому что Тарас Бульба не позволял никогда напиваться в дороге, и продолжали путь до вечера.

Вечером вся степь совершенно переменялась. Все пестрое пространство ее охватывалось последним ярким отблеском солнца и постепенно темнело, так что видно было, как тень перебегала по ним и они становились темно-зелеными; испарения подымались гуще, каждый цветок, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовонием. По небу, изголуба-темному, как будто исполинскою кистью наляпаны были широкие полосы из розового золота; изредка белели клоками легкие и прозрачные облака, и самый свежий, обольстительный, как морские волны, ветерок едва колы-

хался по верхушкам травы и чуть дотрогивался к щекам. Вся музыка, наполнявшая день, утихала и сменялась другою. Пестрые овражки[51] выползывали из нор своих, становились на задние лапки и оглашали степь свистом. Трещание кузнечиков становилось слышнее. Иногда слышался из какого-нибудь уединенного озера крик лебедя и, как серебро, отдавался в воздухе. Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлег; раскладывали огонь и ставили на него котел, в котором варили себе кулиш; пар отделялся и косвенно дымился на воздухе. Поужинав, казаки ложились спать, пустивши по траве спутанных коней своих. Они раскидывались на свитках. На них прямо глядели ночные звезды. Они слышали своим ухом весь бесчисленный мир насекомых, наполнявших траву, весь их треск, свист, краканье, — все это звучно раздавалось среди ночи, очищалось в свежем ночном воздухе и доходило до слуха гармоническим. Если же кто-нибудь из них подымался и вставал на время, то ему представлялась степь усеянною блестящими искрами светящихся червей. Иногда ночное небо в разных местах освещалось дальним заревом от выжигаемого по лугам и рекам сухого тростника, и темная вереница лебедей, летевших на север, вдруг освещалась серебряно-розовым светом, и тогда казалось, что красные платки летели по темному небу.

Путешественники ехали без всяких приключений. Нигде не попадались им деревья, все та же бесконечная, вольная, прекрасная степь. По временам только в стороне синели верхушки отдаленного леса, тянувшегося по берегам Днепра. Один только раз Тарас указал сыновьям на маленькую, черневшую в дальней траве точку, сказавши: «Смотрите, детки, вон скачет татарин!» Маленькая головка с усами уставила издали прямо на них узенькие глаза свои, понюхала воздух, как гончая собака, и, как серна, пропала, увидевши, что казаков было тринадцать человек. «А ну, дети, попробуйте догнать татарина! И не пробуйте — вовеки не поймаете: у него конь быстрее моего Черта». Однако ж Бульба взял предосторожность, опасаясь где-нибудь скрывшейся засады. Они прискакали к небольшой речке, называвшейся Татаркою, впадающею в Днепр, кинулись в воду с конями своими и долго плыли по ней, чтобы скрыть след свой, и тогда уже, выбравшись на берег, они продолжали далее путь.

Чрез три дня после этого они были уже недалеко от места, служившего предметом их поездки. В воздухе вдруг захолодело; они почувствовали близость Днепра. Вот он сверкает вдали и темною полосою отделился от горизонта. Он веял холодными волнами и расстилался ближе, ближе и наконец обхватил половину всей поверхности земли. Это было то место Днепра, где он, дотоле спертый порогами, брал наконец свое и шумел, как море, разлившись по воле, где брошенные в средину его острова вытесняли его еще далее из берегов и волны его стлались по самой земле, не встречая ни утесов, ни возвышений. Казаки сошли с коней своих, взошли на паром

и чрез три часа плавания были уже у берегов острова Хортицы, где была тогда Сеча, так часто переменявшая свое жилище.

Куча народа бранилась на берегу с перевозчиками. Казаки оправили коней; Тарас приосанился, стянул на себе покрепче пояс и гордо провел рукою по усам. Молодые сыны его тоже осмотрели себя с ног до головы с каким-то страхом и неопределенным удовольствием, и все вместе въехали в предместье, находившееся за полверсты от Сечи. При въезде их оглушили пятьдесят кузнецких молотов, ударявших в двадцати пяти кузницах, покрытых дерном и вырытых в земле. Сильные кожевники сидели под навесом крылец на улице и мяли своими дюжими руками бычачьи кожи. Крамари под ятками сидели с кучами кремней, огнивами и порохом. Армянин развесил дорогие платки. Татарин ворочал на рожнах бараньи катки с тестом. Жид, выставив вперед свою голову, точил из бочки горелку. Но первый, кто попался им навстречу, это был запорожец, спавший на самой средине дороги, раскинув руки и ноги. Тарас Бульба не мог не остановиться и не полюбоваться на него.

— Эх, как важно развернулся! Фу ты, какая пышная фигура! — говорил он, остановивши коня.

В самом деле, это была картина довольно смелая: запорожец, как лев, растянулся на дороге. Закинутый гордо чуб его захватывал на пол-аршина земли. Шаровары алого дорогого сукна были запачканы дегтем, для показания полного к ним презрения.

Полюбовавшись, Бульба пробирался далее сквозь тесную улицу, которая была загромождена мастеровыми, тут же отправлявшими ремесло свое, и людьми всех наций, наполнявших это предместие Сечи, которое было похоже на ярмарку и которое одевало и кормило Сечь, умевшую только гулять да палить из ружей.

Наконец они минули предместие и увидели несколько разбросанных куреней, покрытых дерном или, по-татарски, войлоком. Иные установлены были пушками. Нигде не видно было забора или тех низеньких домиков с навесами на низеньких деревянных столбиках, какие были в предместье. Небольшой вал и засека, не хранимые решительно никем, показывали страшную беспечность. Несколько дюжих запорожцев, лежавших с трубками в зубах на самой дороге, посмотрели на них довольно равнодушно и не сдвинулись с места. Тарас осторожно проехал с сыновьями между них, сказавши: «Здравствуйте, панове!» — «Здравствуйте и вы!» — отвечали запорожцы. На пространстве пяти верст были разбросаны толпы народа. Они все собирались в небольшие кучи. Так вот Сечь! Вот то гнездо, откуда вылетают все те гордые и крепкие, как львы! Вот откуда разливается воля и казачество на всю Украйну!

Путники выехали на обширную площадь, где обыкновенно собиралась рада. На большой опрокинутой бочке сидел запорожец без рубашки; он

держал в руках ее и медленно зашивал на ней дыры. Им опять перегородила дорогу целая толпа музыкантов, в средине которых отплясывал молодой запорожец, заломивши чертом свою шапку и вскинувши руками. Он кричал только: «Живее играйте, музыканты! Не жалей, Фома, горелки православным христианам!» И Фома с подбитым глазом мерял без счету каждому пристававшему по огромнейшей кружке. Около молодого запорожца четыре старых выработывали довольно мелко своими ногами, вскидывались, как вихорь, на сторону, почти на голову музыкантам, и вдруг, опустившись, неслися вприсядку и били круто и крепко своими серебряными подковами тесно убитую землю. Земля глухо гудела на всю округу, и в воздухе только отдавалось: тра-та-та, тра-та-та. Толпа, чем далее, росла; к танцующим приставали другие, и вся почти площадь покрылась приседающими запорожцами. Это имело в себе что-то разительно-увлекательное. Нельзя было без движения всей души видеть, как вся толпа отдирала танец, самый вольный, самый бешеный, какой только видел когда-либо мир, и который по своим мощным изобретателям носит название казачка.

Тарас Бульба крякнул от нетерпения и досадуя, что конь, на котором сидел он, мешал ему пуститься самому. Иные были чрезвычайно смешны своею важностью, с какою они работали ногами. Чресчур дряхлые, прислонившись к столбу, к которому обыкновенно на Сече привязывали преступника, топали и переминали ногами. Крики и песни, какие только могли прийти в голову человеку в разгульном веселье, раздавались свободно.

Тарас скоро встретил множество знакомых лиц. Остап и Андрий слышали только приветствия: «А, это ты, Печерица! Здравствуй, Козолуп!» — «Откуда бог несет тебя, Тарас?» — «Ты как сюда зашел, Долото? Здравствуй, Застежка! Думал ли я видеть тебя, Ремень?» И витязи, собравшиеся со всего разгульного мира восточной России, целовались взаимно, и тут понеслись вопросы: «А что Касьян? что Бородавка? что Колопер? что Пидсыток?» И слышал только в ответ Тарас Бульба, что Бородавка повешен в Толопане, что с Колопера содрали кожу под Кизикирменом, что Пидсыткова голова посолена в бочке и отправлена в самый Царьград. Понурил голову старый Бульба и раздумчиво говорил: «Добрые были казаки!»

3

Уже около недели Тарас Бульба жил с сыновьями своими на Сече. Остап и Андрий мало могли заниматься военною школою, несмотря на то, что отец их особенно просил опытных и искусных наездников быть им руководителями. Вообще можно сказать, что на Запорожье не было никакого теоретического изучения или каких-нибудь общих правил; все юношество воспитывалось и образовывалось в ней одним опытом, в самом пылу

битвы, которые оттого были почти беспрерывны. Промежутки же между ними казаки почитали скучным занимать изучением какой-нибудь дисциплины. Очень редкие имели примерные турниры. Они все время отдавали гульбе — признаку широкого размета душевной воли. Вся Сеча представляла необыкновенное явление. Это было какое-то беспрерывное пиршество, бал, начавшийся шумно и потерявший конец свой. Некоторые занимались ремеслами, иные держали лавочки и торговли; но бо́льшая часть гуляла с утра до вечера, если в карманах звучала возможность и добытое добро не перешло еще в руки торгашей и шинкарей. Это общее пиршество имело в себе что-то околдовывающее. Это не было какое-нибудь сборище бражников, напивавшихся с горя; это было просто какое-то бешеное разгулье веселости. Всякий, приходящий сюда, позабывал и бросал все, что дотоле его занимало. Он, можно сказать, плевал на все прошедшее и с жаром фанатика предавался воле и товариществу таких же, как сам, не имевших ни родных, ни угла, ни семейства, кроме вольного неба и вечного пира души своей. Это производило ту бешеную веселость, которая не могла бы родиться ни из какого другого источника. Рассказы, балагуры, которые можно было слышать среди собравшейся толпы, лежавшей на земле, так были смешны и дышали таким глубоким юмором, что нужно было иметь только флегматическую наружность запорожца, чтобы не смеяться ото всей души. Это не был какой-нибудь пьяный кабак, где бессмысленно, мрачно, искаженными чертами веселия забывается человек; это был тесный круг школьных товарищей. Вся разница была только в том, что вместо сидения за указкой и пошлых толков учителя они производили набег на пяти тысячах коней, вместо луга, на котором производилась игра в мячик, у них были неохраняемые, беспечные границы, в виду которых татарин выказывал быструю свою голову и неподвижно, сурово глядел турок в зеленой чалме своей. Разница та, что вместо насильной воли, соединившей их в школе, они сами собою кинули отцов и матерей и бежали из родительских домов своих; что здесь были те, у которых уже моталась около шеи веревка и которые вместо бледной смерти увидели жизнь, и жизнь во всем разгуле; что здесь были те, которые по благородному обычаю не могли удержать в кармане своем копейки; что здесь были те, которые дотоле червонец считали богатством, у которых, по милости арендаторов-жидов, карманы можно было выворотить без всякого опасения что-нибудь уронить. Здесь были все бурсаки, которые не вынесли академических лоз и которые не вынесли из школы ни одной буквы; но вместе с этими здесь были и те, которые знали, что такое Гораций, Цицерон и Римская республика. Тут было множество образовавшихся опытных партизанов, которые имели благородное убеждение мыслить, что все равно где бы ни воевать, только бы воевать, потому что неприлично благородному человеку быть без битвы. Здесь было много офицеров из польских войск; впрочем, из

какой нации здесь не было народа? Эта странная республика была именно потребность того века. Охотники до военной жизни, до золотых кубков, богатых парчей, дукатов и реалов во всякое время могли найти здесь себе работу. Одни только обожатели женщин не могли найти здесь ничего, потому что даже в предместье Сечи не смела показаться ни одна женщина. Остапу и Андрию показалось чрезвычайно странным, что при них же приходила на Сечу гибель народа, и хоть бы кто-нибудь спросил их, откуда они, кто они и как их зовут. Они приходили сюда, как будто бы возвращались в свой собственный дом, из которого только за час перед тем вышли. Пришедший являлся только к кошевому, который обыкновенно говорил:

— Здравствуй, что, во Христа веруешь?

— Верую! — отвечал приходивший.

— И в троицу святую веруешь?

— Верую!

— И в церковь ходишь?

— Хожу.

— А ну, перекрестись!

Пришедший крестился.

— Ну, хорошо, — отвечал кошевой, — ступай же в который сам знаешь курень.

Этим оканчивалась вся церемония. И вся Сечь молилась в одной церкви и готова была защищать ее до последней капли крови, хотя и слышать не хотела о посте и воздержании. Только побуждаемые сильною корыстию жиды, армяне и татары осмеливались жить и торговать в предместье, потому что запорожцы никогда не любили торговаться, а сколько рука вынула из кармана денег, столько и платили. Впрочем, участь этих корыстолюбивых торгашей была очень жалка. Они были похожи на тех, которые селились у подошвы Везувия, потому что как только у запорожцев не ставало денег, то удалые разбивали их лавочки и брали всегда даром. Такова была та Сечь, имевшая столько приманок для молодых людей.

Остап и Андрий кинулись со всею пылкостию юношей в это разгульное море. Они скоро позабыли и юность, и бурсу, и дом отцовский, и все, что тайно волнует еще свежую душу. Они гуляли, братались с беззаботными бездомовниками и, казалось, не желали никакого изменения такой жизни.

Между тем Тарас Бульба начинал думать о том, как бы скорее затеять какое-нибудь дело: он не мог долго оставаться в недеятельности.

— Что, кошевой, — сказал он один раз, пришедши к атаману, — может быть, пора бы погулять запорожцам?

— Негде погулять, — отвечал кошевой, вынувши изо рта маленькую трубку и сплюнув в сторону.

— Как негде? Можно пойти в Турещину или на Татарву.

— Не можно ни в Турещину, ни в Татарву, — отвечал кошевой, взявши опять в рот трубку.

— Как не можно?

— Так. Мы обещали султану мир.

— Да он ведь бусурмен: и бог и священное писание велит бить бусурменов.

— Не имеем права. Если б мы не клялись нашею верою, то, может быть, как-нибудь еще и можно было.

— Как же это, кошевой? Как же ты говоришь, что права не имеем? Вот у меня два сына, молодые люди, — им нужно приучиться и узнать, что такое война, а ты говоришь, что запорожцам не нужно на войну идти.

— Что ж делать? — отвечал кошевой с таким же хладнокровием. — Нужно подождать.

Но этим Бульба не был доволен. Он собрал кое-каких старшин и куренных атаманов и задал им пирушку на всю ночь. Загулявшись до последнего разгула, они вместе отправились на площадь, где обыкновенно собиралась рада и стояли привязанные к столбу литавры, в которые обыкновенно били сбор на раду. Не нашедши палок, хранившихся всегда у довбиша, они схватили по полену и начали колотить в них. На бой прежде всего прибежал довбиш, высокий человек, с одним только глазом, несмотря на то, страшно заспанным.

— Кто смеет бить в литавры? — закричал он.

— Молчи! возьми свои палки, да и колоти, когда тебе велят, — отвечали подгулявшие старшины.

Довбиш вынул тотчас из кармана палки, которые он взял с собою, очень хорошо зная окончание подобных происшествий. Литавры грянули, — и скоро на площадь, как шмели, начали собираться черные кучи запорожцев.

За кошевым отправились несколько человек и привели его на площадь.

— Не бойся ничего! — сказали вышедшие к нему навстречу старшины. — Говори миру речь, когда хочешь, чтобы не было худого, говори речь об том, чтобы идти запорожцам на войну против бусурманов!

Кошевой, увидевши, что дело не на шутку, вышел на середину площади, раскланялся на все четыре стороны и произнес:

— Панове запорожцы, добрые молодцы! позволит ли господарство ваше речь держать?

— Говори, говори! — зашумели запорожцы.

— Вот, в рассуждении того теперь идет речь, панове добродийство, да вы, может быть, и сами лучше это знаете, что многие запорожцы позадолжались в шинки жидам и своим братьям столько, что ни один черт теперь и веры неймет. Притом же, в рассуждении того, есть очень много таких хлопцев, которые еще и в глаза не видали, что такое война, тогда как мо-

лодому человеку, и сами знаете, панове, без войны не можно пробыть. Какой и запорожец из него, естьли он еще ни раза не бил бусурмана?

— Вишь, он хорошо говорит, — сказал писарь, толкнув локтем Бульбу. Бульба кивнул головою.

— Не думайте, панове, чтобы я, впрочем, говорил это для того, чтобы нарушить мир. Сохрани бог, я только так это говорю. Притом же у нас храм божий грех сказать, что такое. Вот сколько лет уже, как по милости божией стоит Сечь, а до сих пор не то уже чтобы наружность церкви, но даже внутренние образа без всякого убранства. Хотя бы серебряную рясу кто догадался им выковать. Они только то и получили, что отказали в духовной иные казаки. Да и даяние их было бедное, потому что они почти все еще пропили при жизни своей. Так я все веду речь эту не к тому, чтобы начать войну с бусурманами. Ибо мы обещали султану мир, и нам бы великий был грех, потому что мы клялись по закону нашему.

— Вишь, проклятый! что это он путает такое? — сказал Бульба писарю.

— Да, так видите, панове, что войны не можно начать. Честь лыцарская не велит. А по своему бедному разуму вот что я думаю: пустить с челнами одних молодых. Пусть немного пошарпают берега Анатолии. Как думаете, панове?

— Веди, веди всех! — закричала со всех сторон толпа. — За веру мы готовы положить головы!

Кошевой испугался. Он нимало не желал тревожить всего Запорожья. Притом ему казалось неправым делом разорвать мир.

— Позвольте, панове, речь держать?

— Довольно! — кричали запорожцы. — Лучшего не скажешь.

— Когда так, то пусть по-вашему, только для нас будет еще большее раздолье. Вам известно, панове, что султан не оставит безнаказанно то удовольствие, которым потешатся молодцы. А мы, вот видите, будем наготове, и силы у нас будут свежие. Притом же и татарва может напасть во время нашей отлучки. Да естьли сказать правду, то у нас и челнов нет в запасе, чтобы можно было всем отправиться. А я, пожалуй, я рад, я слуга вашей воли.

Хитрый атаман замолчал. Кучи начали переговариваться, куренные атаманы совещаться, и решили на том, чтобы отправить несколько молодых людей под руководством опытных и старых.

Таким образом, все были уверены, что они совершенно по справедливости предпринимают свое предприятие. Такое понятие о праве весьма было извинительно народу, занимавшему опасные границы среди буйных соседей. И странно, естьли бы они поступили иначе. Татары раз десять перерывали свое шаткое перемирие и служили обольстительным примером. Притом, как можно было таким гульливым рыцарям и в такой гульливый век пробыть несколько недель без войны?

Молодежь бросилась к челнам осматривать их и снаряжать в дорогу. Несколько плотников явились вмиг с топорами в руках. Старые, загорелые, широкочленистые запорожцы с проседью в усах, засучив шаровары, стояли по колени в воде и стягивали их с берега крепким канатом. Несколько человек было отправлено в скарбницу на противуположный утесистый берег Днепра, где в неприступном тайнике они скрывали часть приобретенных орудий и добычу. Бывалые поучали других с каким-то наслаждением, сохраняя при всем том степенный, суровый вид. Весь берег получил движущийся вид, и хлопотливость овладела дотоле беспечным народом.

В это время большой паром начал причаливать к берегу. Стоявшая на нем куча людей еще издали махала руками. Куча состояла из казаков в оборванных свитках. Беспорядочный костюм, у них ничего не было, кроме рубашки и трубки, показывал, что они были слишком угнетены бедою или уже чересчур гуляли и прогуляли все, что ни было на теле. Между ними отделился и стал впереди приземистый, плечистый, лет пятидесяти человек. Он кричал сильнее других и махал рукою сильнее всех.

— Бог в помощь вам, панове запорожцы!

— Здравствуйте! — отвечали работавшие в лодках, приостановив свое занятие.

— Позвольте, панове запорожцы, речь держать!

— Говори.

И толпа усеяла и обступила весь берег.

— Слышали ли вы, что делается на гетманщине?

— А что? — произнес один из куренных атаманов.

— Такие дела делаются, что и рассказывать нечего.

— Какие же дела?

— Что и говорить. И родились и крестились, еще не видали такого, — отвечал приземистый казак, поглядывая с гордостью владеющего важной тайной.

— Ну, ну, рассказывай, что такое! — кричала в один голос толпа.

— А разве вы, панове, до сих пор не слыхали?

— Нет, не слыхали.

— Как же это? что ж, вы разве за горами живете, или татарин заткнул клейтухом уши ваши?

— Рассказывай! полно толковать! — сказали несколько старшин, стоявших впереди.

— Так вы не слышали ничего про то, что жиды уже взяли церкви святые, как шинки, на аренды?

— Нет.

— Так вы не слышали и про то, что уже христианину и пасхи не можно есть, покамест рассобачий жид не положит значка нечистою своею рукою?

— Ничего не слышали! — кричала толпа, подвигаясь ближе.

— И что ксендзы ездят из села в село в таратайках, в которых запряжены пусть бы еще кони, это бы еще ничего, а то просто православные христиане. Так вы, может быть, и того не знаете, что нечистое католичество хочет, чтоб мы кинули и веру нашу христианскую? Вы, может быть, не слышали и об том, что уже из поповских риз жидовки шьют себе юбки?

— Стой, стой! — прервал кошевой, дотоле стоявший углубивши глаза в землю, как и все запорожцы, которые в важных делах никогда не отдавались первому порыву, но молчали и между тем в тишине совокупляли в себе всю железную силу негодования. — Стой! и я скажу слово: а что ж вы, враг бы поколотил вашего батька, что ж вы, разве у вас сабель не было, что ли? Как же вы попустили такому беззаконию?

— Э, как попустили такому беззаконию! — отвечал приземистый казак. — А попробовали бы вы, когда пятьдесять тысяч было одних ляхов, да еще к тому и часть гетманцев приняла их веру.

— А гетман ваш, а полковники что делали?

— Э, гетман и полковники! А знаете, где теперь гетман и полковники?

— Где?

— Полковников головы и руки развозят по ярмаркам, а гетман, зажаренный в медном быке, и до сих пор лежит еще в Варшаве.

Содрогание пробежало по всей толпе; молчание, какое обыкновенно предшествует буре, остановилось на устах всех, и, миг после того, чувства, подавляемые дотоле в душе силою дюжего характера, брызнули целым потоком речей.

— Как, чтобы нашу Христову веру гнала проклятая жидова? чтобы эдакое делать с православными христианами, чтобы так замучить наших, да еще кого? полковников и самого гетмана! Да чтобы мы стерпели все это? Нет, этого не будет!

Такие слова перелетали во всех концах обширной толпы народа. Зашумели запорожцы и разом почувствовали свои силы. Это не было похоже на волнение народа легкомысленного. Тут волновались всё характеры тяжелые и крепкие. Они раскалялись медленно, упорно, но зато раскалялись, чтобы уже долго не остыть.

— Как, чтобы жидовство над нами пановало! А ну, паны-браты, перевешаем всю жидову! Чтобы и духу ее не было! — произнес кто-то из толпы.

Эти слова пролетели молнией, и толпа ринулась на предместье, с сильным желанием перерезать всех жидов.

Бедные сыны Израиля, растерявши все присутствие своего и без того мелкого духа, прятались в пустых горелочных бочках, в печках и даже заползывали под юбки своих жидовок. Но неумолимые, беспощадные мстители везде их находили.

— Ясновельможные паны! — кричал один высокий и тощий жид, высунувши из кучи своих товарищей жалкую свою рожу, исковерканную страхом. — Ясновельможные паны! Мы такое объявим вам, чего еще никогда не слышали, такое важное, что не можно сказать, какое важное.

— Ну, пусть скажут! — сказал Бульба, который всегда любил выслушать обвиняемого.

— Ясные паны! — произнес жид. — Таких панов еще никогда не видывано. — Ей-богу! никогда. Таких добрых, хороших и храбрых не было еще на свете... — Голос его умирал и дрожал от страха. — Как можно, чтобы мы думали про запорожцев что-нибудь нехорошее. Те совсем не наши, что арендаторствуют на Украйне! Ей-богу, не наши! то совсем не жиды: то черт знает что. То такое, что только поплевать на него, да и бросить. Вот и они скажут то же. Не правда ли, Шлема, или ты, Шмуль?

— Ей-богу, правда! — отвечали из толпы Шлема и Шмуль, в изодранных яломках, оба белые, как глина.

— Мы никогда еще, — продолжал высокий жид, — не соглашались с неприятелями. А католиков мы и знать не хотим: пусть им черт приснится! Мы с запорожцами — как братья родные...

— Как? чтоб запорожцы были с вами братья? — произнес один из толпы. — Не дождетесь, проклятые жиды! В Днепр их, панове, всех потопить поганцев!

Эти слова были сигналом, жидов расхватали по рукам и начали швырять в волны, жалкий крик раздался со всех сторон; но суровые запорожцы только смеялись, видя, как жидовские ноги в башмаках и чулках болтались на воздухе. Бедный высокий оратор, накликавший сам на свою шею беду, схватил за ноги Бульбу и жалким голосом молил:

— Великий господин, ясновельможный пан. Я знал и брата вашего, покойного Дороша. Какой был славный воин! Я ему восемьсот цехинов дал, когда нужно было выкупиться из плена у турков.

— Ты знал брата? — спросил Тарас.

— Ей-богу, знал: великодушный был пан.

— А как тебя зовут?

— Янкель.

— Хорошо, я тебя проведу. — Сказавши это, Тарас повел его к своему обозу, возле которого стояли казаки его. — Ну, полезай под телегу, лежи там и не пошевелись, а вы, братцы, не выпускайте жида.

Сказавши это, он отправился на площадь, потому что раздавшийся бой литавров возвестил собрание рады. Несмотря на свою печаль и сокрушение о случившихся на Украйне несчастиях, он был несколько доволен представлявшимся широким раздольем для подвигов, и притом для подвигов таких, которые представляли ему мученический венец по смерти.

Вся Сечь, все, что было на Запорожье, собралось на площадь. Стар-

шины, куренные атаманы по коротком совещании решили на том, чтобы идти с войсками прямо на Польшу, так как оттуда произошло все зло, желая внести опустошение в землю неприятельскую и предвидя себе при этом добычу.

И вся Сечь вдруг преобразилась. Везде были только слышны пробная стрельба из ружей, бряканье саблей, скрып телег, все подпоясывалось, облачалось. Шинки были заперты; ни одного человека не было пьяного. Необыкновенная деятельность сменила вдруг необыкновенную беспечность. Кошевой вырос на целый аршин. Это уже не был тот робкий исполнитель ветреных желаний вольного народа. Это был неограниченный повелитель. Это был почти деспот, умевший только повелевать. Все своевольные и гульливые рыцари стройно стояли в рядах, почтительно опустив головы, не смея поднять глаз, когда он раздавал повеления тихо, с расстановкою, как глубоко знающий свое дело и уже не в первый раз приводивший его в исполнение. В деревянной небольшой церкве служил священник молебен, окропил всех святою водою, все целовали крест.

Когда все запорожское войско вышло из Сечи, головы всех обратились назад.

— Прощай, наша мать! — сказали почти все в одно слово. — Пусть же тебя хранит бог от всякого несчастия!

Проходя предместие, Тарас Бульба увидел с изумлением, что жидок его уже раскинул свою лавочку и продавал какие-то кремешки и всякую дрянь.

— Дурень, что ты здесь сидишь, — сказал он ему, — разве хочешь, чтобы тебя застрелили, как воробья?

— Молчите, — отвечал жид. — Я пойду за вами и войском и буду продавать провиант по такой дешевой цене, по какой еще никогда никто не продавал. Ей-богу, так! вот увидите!

Бульба пожал плечами и отъехал к своему отряду.

4

Скоро весь польский юго-запад сделался добычею страха; везде только и слышно было про запорожцев. Скудельные южные города и села были совершенно стираемы с лица земли. Арендаторы-жиды были вешаны кучами, вместе с католическим духовенством. Запорожцы, как бы пируя, протекали путь свой, оставляя за собою пустые пространства. Нигде не смел остановить их отряд польских войск: они были рассеваемы при первой схватке. Ничто не могло противиться азиатской атаке их. Прелат, находившийся тогда в Радзивилловском монастыре, прислал от себя двух монахов с представлением, что между запорожцами и правительством существует

согласие и что они явно нарушают свою обязанность к королю, а вместе с тем и народные права.

— Скажи епископу от лица всех запорожцев, — сказал кошевой, — чтобы он ничего не боялся: это казаки еще только люльки раскуривают.

И скоро величественное аббатство обхватилось сокрушительным пламенем, и колоссальные готические окна его сурово глядели сквозь разделявшиеся волны огня. Бегущие толпы монахов, солдат, жидов наводнили многолюдные города и деревни, почти оставленные на произвол неприятеля.

Один только город Дубно не сдавался. Этим были раздражены все чины, в числе которых занимал не последнее место Тарас Бульба. Они положили взять его голодом. Толпы вольных наездников облегли со всех сторон его стены, расположились вместе с своими обозами, которые всегда почти за ними следовали. Жители с небольшим числом войск решились вытерпеть возможную степень бедствия и не сдаваться ни в каком случае. Запорожцы удвоили наблюдение, чтобы никакое вспомоществование не могло прийти в город, играли в чет и нечет, курили люльки и с убийственным хладнокровием смотрели на городские стены. Прошло две недели, и, несмотря на то, что они свои вольные набеги гораздо более предпочитали осадам городов, однако ж ничто не могло преодолеть их терпения.

Молодые, попробовавшие битв и опасностей, сгорали нетерпением, и в числе их были наши герои, Остап и Андрий, вдруг приобревшие опытность в военном деле, пылкие, исполненные отваги, желавшие новых встреч, жадные узнать новые эволюции и вариации войны и показать свое умение играть опасностями. Остап, казалось, только на то и создан был, чтобы гулять в вечном пире войны. Он теперь уже казался чем-то атлетическим. колоссальным. Его движения приобрели крепкую уверенность, и все качества его, прежде незаметные, получили размер шире и казались качествами мощного льва. Андрий также погрузился весь в очаровательную музыку мечей и пуль, потому что нигде воля, забвение, смерть, наслаждение не соединяются в такой обольстительной, страшной прелести, как в битве.

Этот долгий роздых, который они имели под стенами города, им не нравился. Андрий сидел долго возле обоза своего, тогда как уже все спали, кроме некоторых, стоявших на сторо́же. Ночь, июньская прекрасная ночь, с бесчисленными звездами, обнимала опустошенную землю. Вся окрестность представляла величественное зрелище: вблизи и вдали были видны зарева горевших деревень. В одном месте пламя спокойно и величественно стлалось по небу; в другом месте оно, встретив что-то горючее, вдруг вырвавшись вихрем, свистело и летело вверх под самые звезды, и оторванные охлопья его гаснули под самыми дальними небесами. В одном месте обгорелый черный монастырь, как суровый картезианский монах, стоял грозно, выказывая при каждом отблеске мрачное свое величие. В другом месте горело новое здание, потопленное в садах. Деревья шипели и покрывались

дымом; иногда сквозь них просвечивалась лава огня, и гроздия груш, обвесивших ветви, принимали цвет червонного золота; даже видны были издали сливы, получившие фосфорический, лилово-огненный цвет; и среди этого иногда чернело висевшее на стене здания тело бедного жида или монаха, погибавшее вместе с строением в огне. Над ним вились вдали птицы, казавшиеся кучею темных мелких крапинок, в виде едва заметных крестиков на огненном поле. Среди тишины одни только спутанные кони производили шум, и звонкое их ржание отдавалось с раскатами, несколько раз повторявшимися дребезжащим эхом.

Он глядел безмолвно на эту страшную и чудную картину и вдруг почувствовал как будто присутствие чего-то; ему казалось, как будто возле него кто-то стоял. Он оглянулся и в самом деле увидел стоявшую подле себя женщину. Смуглые черты лица ее и азиатская физиогномия показались ему как-то знакомыми. Он стал глядеть пристальнее: так! это была татарка! та самая татарка, которая служила горничною при дочери ковенского воеводы. Он встрепенулся. Сердце сильным ударом стукнуло в его мощную грудь, и все минувшее, что было во глубине, что было закрыто, заглушено, подавлено настоящим вольным бытом, — все это всплыло разом на поверхность, потопивши в свою очередь настоящее, вся гордая сила юности зажглась вдруг самым томительным приливом беспокойства, нестерпимого и страстного. Вопросы потоком излились из его груди:

— Откуда? как? где твоя панна? как ты явилась здесь? что это значит? говори, не мучь меня!

— Тише, ради бога тише, — говорила татарка и закуталась в казацкий кобеняк[52], который было сбросила с себя. — Панна узнала вас между запорожцами. Она в городе.

— Милосердый Иисус! она здесь? что ты говоришь? она в городе?

Татарка кивнула утвердительно головою.

— Что ж она? говори, говори! что ж ты молчишь?

— Она другой день уже ничего не ела.

— Как!

— Ни у одного из жителей в городе нет куска хлеба. Все давно уже едят одну землю.

— Спаситель Иисус! И вы до сих пор не сделали ни одной вылазки?

— Нельзя. Запорожцы кругом облегли стены. Один только потаенный ход и есть; но на том самом месте стоят ваши обозы, и если только узнают этот ход, то город уже взят. Панна приказала мне все объявить вам, потому что вы не захотите изменить ей.

— Боже, изменить ей! И я ее увижу! О! .. когда бы мне не умереть только до того часу!

Вся грудь его была проникнута самым пронзительным острием радости. Он со всем пылом поспешности бросился из шатра своего, начал

отыскивать все, что только мог найти съестного, и скоро два небольшие мешки были нагружены пшеном и сухарями. Он дал их в руки татарке, закутал ее плащом и приказал сказать панне, что он скоро будет сам; он велел татарке, отнесши припасы, ожидать его прихода. Он теперь думал только, как бы безопаснее провести ее до места, где был скрыт подземный ход. Этот ход был под самым возом, наполненным военными снарядами. К счастию его, запорожцы, по обыкновенной своей беспечности, все спали мертвецки. Тихо шел он с нею рука об руку и, желая обойти спящих, толкнул ее нечаянно локтем, кобеняк слетел, и зарево ярким блеском осветило ее белое платье. Спаситель, она открыта! все пропало. Он со страхом и мертвою, убитою душою повел глазами вокруг: боже, какое счастие! даже зоркий сторож, стоявший на самом опасном посте, спал, склонившись на ружье. Татарка, закутавшись крепче в кобеняк, полезла под телегу, небольшой четвероугольник дерну приподнялся — и она ушла в землю.

Торопливо он воротился к своему месту, желая обсмотреть, все ли спят и все ли спокойно.

— Андрий, — сказал в это время, поднявши голову, старый Бульба. — какая это к тебе татарка приходила?

Если бы кто-нибудь в то время посмотрел на Андрия, то бы почел его за мертвеца, вставшего из могилы.

— Эй, смотри, сын, ей-богу, отделаю тебя батогом так, что до представления света будет болеть спина. Бабы не доведут тебя к добру.

Сказавши это, Бульба или был утружден заботами, или занят каким-нибудь важным планом, вовсе не полагая, чтобы эта татарка была из города, а признав ее за какую-нибудь беглянку из села, с которою сын его свел интригу; как бы то ни было, только он поворотился на другую сторону и заснул.

Андрий отдохнул.

С трепещущим сердцем бросился он к обозам, обшарил, где только было съестное, нагрузил мешки и неизмеримые шаровары свои, и во все продолжение этого сердце его млело, дух занимался и, казалось, улетал при одной мысли о той радости, которая ждала его впереди. Еще раз обсмотрелся он вокруг, не чувствуя ни сердца, ни земли, ни себя, ни мира, и пополз под телегу. Небольшое отверстие вдруг открылось перед ним и снова за ним захлопнулось.

Он вдруг очутился в совершенной темноте. Он чувствовал под ногами своими ступени, идущие вниз, кто-то схватил его за руку. Они шли долго; наконец ступени прекратились, под ним была гладкая земля. Свет фонаря блеснул в подземном мраке.

— Теперь идите прямо, — говорил ему голос: это была татарка.

Коридор шел под городской стеною и оканчивался такою же лестницею вверх. Наконец он очутился среди города, когда уже занялась заря и пе-

репархивал утренний ветер. Ни одна трvба не дымилась. Мертвый вид города прерывался слабыми, болезненными стонами, которые не могли не поразить его. На страже стояли часовые, бледные как смерть: это были больше привидения, нежели люди. Среди самой дороги попался им самый ужасный, поразительный предмет: это была женщина, страшная жертва голода, лежавшая при последнем издыхании, стиснувшая зубами иссохшую свою руку. Содрогнувшись, спешил он вслед за татаркою; он летел всеми чувствами видеть ту, за счастие которой он готов был отдать всю жизнь. Он взбежал на крыльцо; он взошел в комнату. Везде была тишина: все или спало, утомленное страданием, или безмолвно мучилось. Он вступил на порог спальни. О, как замерло его сердце! как замлел он весь, когда оно ему сказало, что через секунду, чрез молнию мига он ее увидит.

И он ее увидел, увидел ту, которая когда-то была беззаботна, весела, ветрена, шаловлива, которая когда-то надевала на него серьги и убирала его своими прекрасными, легкими, как крылья мотыльков, убранствами. Он опять увидел ее. Она сидела на диване, подвернувши под себя обворожительную, стройную ножку. Она была томна; она была бледна, но белизна ее была пронзительна, как сверкающая одежда серафима. Гебеновые брови, тонкие, прекрасные, придавали что-то стремительное ее лицу, обдающее священным трепетом сладкой боязни в первый раз взглянувшего на нее. Ресницы ее, длинные, как мечтания, были опущены и темными тонкими иглами виднелись резко на ее небесном лице. — Что это было за создание! И это создание, которое, казалось, для чуда было рождено среди мира, к ногам которого повергнуть весь мир, все сокровища казалось малою жертвою, — это небесное создание терпело голод и все, что есть горького для жителей земли. Заплесневелая корка хлеба, лежавшая на золотом блюде, как драгоценность, показывала, что еще недавно здесь было чувствуемо все свирепство голода.

Услышавши шум, она приподняла свою голову и обратила к нему взгляд долгий, сокрушительный. Он опять, казалось, исчезнул и потерялся. Лицо ее с первого раза ему показалось как будто другим: в нем были прежние черты, но в нем же заключалась бездна новых, прекрасных, как небеса. Этот признак безмолвного страдания, этот болезненный вид... О, как она была лучше прежнего! Он бросился к ногам ее, приник и глядел в ее могучие очи. Улыбка какой-то радости сверкнула на ее устах, и в то же время слеза, как бриллиант, повисла на реснице.

— Царица! — сказал он, — что для тебя сделать? чего ты хочешь?

Она смотрела на него пристально и положила на плечо его свою чудесную руку. С пожирающим пламенем страсти покрыл он ее поцелуями.

— Нет. Я не пойду от тебя. Я умру возле тебя. Пусть же у ног твоих, пожираемый голодом, я умру, как и ты, моя панна! и за смерть, за сладкую смерть у твоих ног, ничего не хочу!

— А твои товарищи, а твой отец, — ты должен идти к ним, — говорила она тихо. Уста ее еще долго шевелились без слов, и глаза ее, полные слез, не сводились с него.

— Что ты говоришь! — произнес Андрий со всею силою и крепостью воли. — Что бы тогда за любовь моя была, когда бы я бросил для тебя только то, что легко бросить. Нет, моя панна, нет, моя прекрасная. Я не так люблю: отца, брата, мать, отчизну, все, что ни есть на земле, — все отдаю за тебя, все прощай! я теперь ваш! я твой! чего еще хочешь.

Она склонилась к нему головою. Он почувствовал, как электрически-пламенная щека ее коснулась его щеки, и лобзание, — у! какое лобзание! — слило уста их, прикипевшие друг к другу.

5

— Пане! — сказал жид Янкель, высунув свой яломок в шатер, где сидел Бульба. Это был тот самый Янкель, которого он избавил от смерти и который теперь маркитанствовал и шпионничал при запорожском войске. — Пане, знаете ли, что делается?

— А что?

— Идет пятнадцать тысяч войска польского, и пушки везут.

— Били двадцатерых, побьем и пятнадцать! — отвечал Бульба.

— А знаете ли, еще что делается?

— А что?

— Ваш сын Андрий, ой, вей мир, что это за славный рыцарь!..

— Ну?

— Он теперь держит сторону Польши.

— Как? — подхватил Бульба, вскочивши, — чтобы дитя мое... чтобы мой сын... да я тебя убью, проклятый жид! врешь ты, чертово племя!

— Ай, ай! как можно, чтобы я врал! Пусть отцу моему не будет счастья на том свете, если я вру.

— Как! чтобы сын Тараса Бульбы да посягнул на такое дело?

— Далибуг, ей же богу, так.

— Чтобы он продал Христову веру и отчизну?

— Далибуг, так. Я его видел сам собственными глазами. Фай, какой важный рыцарь! Сто восемьдесят червонных сто́ят одни латы, богатые латы: все в золоте, а если бы вы увидели, как он славно муштрует солдатами.

Тарас Бульба был поражен, как будто громом.

— Ты путаешь, проклятый Иуда! Не можно, чтобы крещеное дитя продало веру. Если бы он был турок или нечистый жид... Нет, не может он так сделать! Ей-богу, не может!

Но, однако же, он вспомнил, что уже два дни, как его не видал, он

вспомнил про татарку, появлявшуюся в его ставке, — и глаза его сверкнули. Ярость, ярость железная, могучая, ярость тигра вспыхнула на его лице. «Вишь, чертова детина, ты таки свое взяла! Породил же тебя черт на позор всему роду!» С лицом, разгоревшимся от гнева, он вышел из ставки и дал приказ седлать коней. Между тем кошевой раздавал повеления от себя быть всем в готовности и не позволять никаким образом осажденным соединиться с приближавшимися польскими войсками. Неприятельских войск было, однако же, более нежели пятнадцать тысяч. Кошевой вместе с советом старшин решили на том, чтобы усилить более ту линию, которая обращена к неприятелю. Через это цепь с противуположной стороны города ослабела. И хотя польские войска были отбиты с первого раза, и притом с большим уроном, но отряд, остававшийся в городе, решился воспользоваться малочисленностью прикрытия и действительно, сделавши вылазку, прорвался через цепь и успел соединиться почти в виду запорожцев. Бульба рвал на себе волоса с досады, что уже невозможно было уморить их всех голодом. Запорожцы сдвинулись в густую непреломную стену — маневр, всегда доставлявший им существенную выгоду, потому что тактика их соединяла азиатскую стремительность с европейскою крепостию. Неприятель, несмотря на то, что был вдвое сильнее, не был в силах удержать превосходства. Битва завязалась самая жаркая и кровопролитная. Тарас Бульба занимал одно из главных начальств, и три коронные полка, не в состоянии будучи удержать его стремительной атаки, готовы были отступить и предаться бегству, как вдруг он обратил все силы свои совершенно в другую сторону.

Он завидел в стороне отряд, стоявший, по-видимому, в засаде. Он узнал среди его сына своего Андрия. Он отдал кое-какие наставления Остапу, как продолжать дело, а сам, с небольшим числом, бросился, как бешеный, на этот отряд. Андрий узнал его издали, и видно было издали, как он весь затрепетал. Он, как подлый трус, спрятался за ряды своих солдат и командовал оттуда своим войском. Силы Тараса были немногочисленны: с ним было только восемнадцать человек, но он ринулся с таким свирепством, с таким сверхъестественным стремлением, что ряды уступали со страхом перед этим разгневанным вепрем. Вряд ли тогда его можно было с чем-нибудь сравнить: шапки давно не было на его голове; волосы его развевались, как пламя, и чуб, как змея, раскидывался по воздуху; бешеный конь его грыз и кусал коней неприятельских; дорогой акшамет[53] был на нем разорван; он уже бросил и саблю и ружье и размахивал только одной ужасной, непомерной тяжести, булавой, усеянной медными иглами. Нужно было взглянуть только на лицо его, чтобы увидеть олицетворенное свирепство, чтобы извинить трусость Андрия, чувствовавшего свою душу не совсем чистою. Бледный, — он видел, как гибли и рассеивались его поляки, он видел, как последние, окружавшие его, уже готовы были бежать,

он видел, как уже некоторые, поворотивши коней своих, бросали ружья. «Спасите! — кричал он, отчаянно простирая руки. — Куда бежите вы? глядите: он один!» Опомнившиеся воины на минуту остановились и в самом деле ободрились, увидевши, что их гонит только один с тремя утомленными казаками. Но напрасно силились бы они устоять против такой отчаянной воли. «Нет, ты не уйдешь от меня!» — кричал Тарас, поражая бегущих, начинавших думать, что они имеют дело с самим дьяволом. Отчаянный Андрий сделал усилие бежать, но поздно: ужасный отец уже был перед ним. Безнадежно он остановился на одном месте. Тарас оглянулся: уже никого не было позади его, все сотоварищи его полегли в разных местах поля. Их только было двое.

— Что, сынку? — сказал Бульба, глянувши ему в очи.

Андрий был безответен.

— Что, сынку? — повторил Тарас. — Помогли тебе твои ляхи?

Андрий не произнес ни слова; он стоял, как осужденный.

— Так продать, продать веру? Проклят тот и час, в который ты родился на свет!

Сказавши это, он глянул с каким-то исступленно-сверкающим взглядом по сторонам.

— Ты думал, что я отдам кому-нибудь дитя свое? Нет! Я тебя породил, я тебя и убью. Стой и не шевелись, и не проси у господа бога отпущения, за такое дело не прощают на том свете.

Андрий, бледный как полотно, прошептал губами одно только имя, но это не было имя родины, или отца, или матери: это было имя прекрасной полячки.

Тарас отступил на несколько шагов, снял с плеча ружье, прицелился... выстрел грянул...

Как хлебный колос, подрезанный серпом, как молодой барашек, почувствовавший смертельное железо, повис он головою и повалился на траву, не сказавши ни одного слова.

Остановился сыноубийца и думал: предать ли тело изменника на расхищение и поругание, чтобы хищные птицы растрепали его и сыромахи-волки расшарпали и разнесли его желтые кости, или честно погребсти в земле?

В это время подъехал Остап.

— Батько! — сказал он.

Тарас не слышал.

— Батько, это ты убил его?

— Я, сынку!

Лицо Остапа выразило какой-то безмолвный упрек. Он бросился обнимать своего товарища и спутника, с которым двадцать лет росли вместе, жили пополам.

— Полно, сынку, довольно! Понесем мертвое тело, похороним! — сказал Тарас, который в то время сжал в груди своей подступавшее едкое чувство.

Они взяли тело и понесли на плечах в обгорелый лес, стоявший в тылу запорожских войск, и вырыли саблями и копьями яму.

Тарас оставил копье и взглянул на труп сына. Он был и мертвый прекрасен: мужественное лицо его, недавно исполненное силы и непобедимого для жен очарования, еще сохраняло в себе следы их; черные брови, как траурный бархат, оттеняли его побледневшие черты.

— Чем бы не казак был? — сказал Тарас. — И станом высокий, и чернобровый, и лицо как у дворянина, и рука была крепка в бою — пропал! пропал без славы! . .

Труп опустили, засыпали землею, и чрез минуту уже Тарас размахивал саблею в рядах неприятельских как ни в чем не бывало. Разница в том только, что он бился с бо́льшим исступлением, сгорая желанием отмстить смерть сына. Прибывший в то время его собственный полк, под начальством Товкача, доставил ему значительный перевес. Он наконец узнал, кто был виною отступничества его сына, и положил во что бы ни стало взять город. И он бы исполнил это. Свирепый, он бы протек как смерть по его улицам. Он бы вытащил ее своею железною рукою, ее, обворожительную, нежную, блистающую; свирепо повлек бы ее, схвативши за длинные, обольстительные волосы, и его кривая сабля сверкнула бы у ее голубиного горла. . . Но одно непредвиденное происшествие остановило его на пути непримиримой мести.

6

В запорожское войско пришло известие, что Сечь взята, разорена татарами и бо́льшая часть остававшихся запорожцев забрана в плен вместе с несколькими пушками. В подобных случаях обыкновенно казаки старались, не теряя времени, настигнуть хищников на возвратной их дороге и перехватить добычу, потому что тремя неделями позже уже этого сделать было невозможно и пленные казаки могли вдруг очутиться на рынках Великой Азии. Кошевой положил, и мнение его подкрепили прочие чины, идти на помощь немедленно, рассуждая, что уже довольно они отомстили за измену полякам и смерть гетманов и что опустошенные поля будут помнить, как гостили на них запорожцы. На это изъявил согласие и Бульба, хотя ему чрезвычайно хотелось взять город. Уже он отправился, чтобы отдать приказ вьючить коней и мазать телеги, как вдруг остановился и сказал:

— Я хотел спросить еще об одном у тебя, атаман! Ведь, кажется, в неприятельском войске есть наших человек тридцать в плену?

— Я посылал просить размена — не соглашаются.
— Так мы, стало быть, их и оставим так?
— Что ж делать.
— Как! чтобы они опять замучили их?
— А что ж делать! — отвечал кошевой. — Ведь помочь нельзя; хоть и останемся, то не одолеем, а между тем и свое прогуляем: татарва не станет ожидать нас.
— Так, стало быть, пусть еретичное поганство как хочет, так и ругается над христианскою верою?
Кошевой пожал плечами.
— А мне кажется, атаман, так не бывать этому.
— А отчего ж бы не бывать?
— Да так; я уже знаю.
— Ова! как важно! — сказал кошевой, прижавши пальцем золу в своей люльке.
— Слышали ли вы, панове, что кошевой хочет сделать? — сказал Бульба, выходя от кошевого и обращаясь к запорожцам. — Он хочет, чтобы мы теперь же отправились на Сечу, а товарищей, тех, что попались в плен неприятелю, так бы и оставили, чтобы их замучило поганое еретичество. Что вы скажете на это?
— Не послушаем мы кошевого! — сказала в один голос часть запорожцев, отделилась и стала на стороне. Их было около тысячи человек.
Кошевой вышел. Он уже слышал волнение, которое произвел неугомонный Бульба.
— Чего вы хотите? Из чего подняли вы такой гвалт! — закричал он грозно.
— Мы не хотим идти на Сечу! Мы остаемся здесь! — кричала толпа.
— Что вы? сдурели? Я вас, чертовы дети, перевяжу всех!
— Какую он может иметь власть? — сказал Тарас, обращаясь к запорожцам. — Мы вольные казаки!
— А что ж? мы вольные казаки! — говорили запорожцы.
— Дам я вам вольных! Вы где вольные? — на Сече. Вот там вы вольные! Там вы можете снять с меня достоинство, связать меня, и убить, и все, что хотите; а тут вы ни слова. Знаете ли вы, что такое военное право? — А ты что тут заводишь бунт? — сказал он, обращаясь к Бульбе.
— Нет, я не бунт чиню, а исполняю долг христианский! — хладнокровно отвечал Тарас. — Я стою за права наши, ибо мы должны защищать христианскую кровь.
— Я тебя, старый черт, присмыкну к обозу.
— А ну, попробуй!
— Слушайте, пане-браты! — сказал кошевой, несколько смягчивши речь. — За что же вы оставляете тех своих товарищей, которых на Сече

забрала татарва в полон? Или вы думаете, что татары поступят лучше, чем ляхи?

— То татарва, а то ляхи: другое дело, — отвечал Бульба. — Еще у бусурмена есть совесть и страх божий, а у католичества и не было и не будет. Постойте, хлопцы, и я скажу. Что, если бы вы попалися в плен да начали бы с вас живых драть кожу или жарить на сковородах? Что бы вы тогда сказали? А из ваших земляков, из товарищей, из тех, что должны до последней крови защищать, из тех товарищей ни один бы не захотел подать руку помощи, что бы вы тогда сказали?

— А что бы сказали? — произнесли некоторые, — сказали бы: вы помои, а не запорожцы! — Заметно было, что слова Тараса сильно потрясли их.

— Стойте, хлопьята! и я скажу! — кричал атаман. — Ну, скажите, панове-браты, куда ваш ум делся? Посудите сами, где вам управиться с такими неприятелями? Их больше десяти тысяч, а вас, может быть, две. Ведь пропадете все на месте!

— Пропадать так пропадать! — сказал Бульба.

— Оставайтеся же тут, если уже так захотели своей погибели! А те, которые разумнее вас, гайда в дорогу!

— Вы делайте свое, а мы будем делать свое! — сказал Бульба.

Обе стороны неподвижно стали одна против другой и минуту сохраняли мертвое молчание.

Наконец стоявшие в первых рядах поседевшие запорожцы, утупив глаза в землю, начали говорить:

— Оно, конечно, если рассудить по справедливости, то и вы исполняете честь лыцарскую, и мы поступаем по лыцарскому обычаю. На то и живет человек, чтобы защищать веру и обычай. Притом жизнь такое дело, что если о ней сожалеть, то уже не знаем, о чем не жалеть. Скоро будем жалеть, что бросили жен своих. Нужно же попробовать, что такое смерть. Ведь пробовали всякие невзгоды в жизни. В том и другом случае мы не должны питать друг против друга никакой неприязни. Мы все запорожцы, все из одного гнезда, всех нас вспоила Сечь, все мы братья родные... Спрашиваем каждого, не имеет ли против нас какого неудовольствия?

— Никакого! всегда были довольны! — закричали все в один голос.

— Ну, так пусть же на расставанье, что будет впредь, то бог один знает, может быть, ни один из нас уже не увидит дружка дружку; так поцелуемся все.

И две тысячи войска перецеловались с двумя тысячами. Кошевой обнял Тараса.

— Ну, прощайте же. паны-браты, молодцы! Дай же, боже, чтобы все было так, как богу угодно! Если мы положим головы, то вы расскажете

про нас, что такие-то гуляки недаром жили. Если же вы поляжете и примете честную смерть, то мы поведаем, чтобы знала вся Украйна, да и другие земли, что были такие молодцы, которые и веру Христову знали оборонять, да и товарищество уважали. Прощайте! пусть благословение божие будет и с вами и с нами!

Обе половины войска соединились вместе, чтобы не дать узнать неприятелю о своем разделении, и отступили к обгорелому монастырю, у подошвы которого был глубокий яр. Удалявшаяся половина с кошевым атаманом опустилась по скату горы и яром, невидимая неприятелем, пробиралась в тишине и молчании. Стоявший на высоте отряд польского войска не мог не заметить некоторого движения в войсках запорожских и уже решился было в тот же час сделать нападение, но французский артиллерист и инженер, служивший в польских войсках, большой знаток военного дела, остановил их, сказавши:

— Нет, нет, господа! это не то, что вы думаете: это больше ничего, как самая дьявольская засада. О, этот народ, запороги, — сказал он, положивши палец на свой ястребиный нос, причем голос его, дотоле хриплый, пискнул дискантом, — этот народ, запороги, хитер, как сам черт или как капитан-дьявол!

— Ну, панове молодцы! — сказал Бульба по удалении войска, — теперь пришла нам пора показать честь запорожскую. Глядите же: если придется до того, что уже не можно будет стоять против бусурменов, то, панове, чтобы все полегли на месте, чтобы ни один не остался вживе, чтобы все, как добрые товарищи, покотом улеглись в одной могиле. Теперь, перед великим часом, выпьем, паны-браты, горелки, потому что судьба наша теперь похожа на свадьбу, на которой должен веселиться всякий человек.

Пятьдесят казаков отправились к обозам и вынули баклажки, готовясь отправлять должность виночерпиев. Две тысячи казаков подставили свои рукавицы.

— Прежде всего, пане-браты, — сказал Бульба, поднявши вверх свою рукавицу, — долг велит выпить за веру Христову! Чтобы пришло наконец такое время, чтобы по всему свету разошлась она и все бусурмены поделались бы наконец христианами. Да за одним уже разом и за Сечь, чтобы долго, долго она стояла на гибель всему бусурманству, чтобы с каждым годом выходили из нее молодцы один другого лучше, один другого краше. Да уже вместе выпьем и за нашу собственную славу, чтобы сказали внуки и сыны тех внуков, что были когда-то такие, что не постыдили товарищества и не выдали своих. Итак, панове-браты, чтобы как эта горелка играет и шибает пузырями, так бы и мы шли на смерть. Нуте, разом за веру! ..

— За веру! — повторили ближние ряды, подняв вверх рукавицы.

— За веру! — подхватили дальние.
— За Сечь! — сказал Бульба, подняв снова рукавицу.
— За Сечь! — грянули ближние.
— За Сечь! — отозвалось в дальних.
— За славу и за всех христиан, какие живут на божьем свете!
— За славу и христиан! — повторили ближние.
— За славу и христиан! — повторили дальние.
— Теперь на коней, хлопьята!

Все очутились на конях и выехали вместе стройною кучею. Все дышали силою, свыше естественной. Это не был дикий энтузиазм, порожденный отчаянием: это было что-то совершенно другое. Какое-то вдохновение веселости, какой-то трепет величия ощущался в сердцах этой гульливой и храброй толпы. Их черные и седые усы величаво опускались вниз: их лица были исполнены уверенности. Каждое движение их было вольно и рисовалось. Вся конная колонна ударила на неприятеля твердо, не совокупляя всей своей силы, но как будто веселясь и играя своим положением. Под свист пуль выступали они, как под свадебную музыку. Без всякого теоретического понятия о регулярности, они шли с изумительною регулярностию, как будто бы происходившею оттого, что сердца их и страсти били в один такт единством всеобщей мысли. Ни один не отделялся; нигде не разрывалась эта масса. Польские войска, которые было приняли их стремительным упорством, начали отступать, пораженные робостию и думая, не сверхъестественная ли какая сила начала помогать казакам. Лучшие распоряжения армии были совершенно уничтожены этою разрушительною силою. Вся эта конная толпа неслась как-то вдохновенно, не изменяясь, не охлаждая, не увеличивая своего пыла. Это была картина, и нужно было живописцу схватить кисть и рисовать ее. Французский инженер, который был истинный в душе артист, бросил фитиль, которым готовился зажигать пушки, и, позабывшись, бил в ладони, крича громко: «Браво, месье запороги!»

Около двух тысяч человек неприятеля было убито и столько же рассыпалось и обратилось в бегство. Свежее новоприбывшее войско остановилось как бы в недоумении. Запорожцы, с своей стороны, не решались идти далее. В виду самого неприятеля взяли они оставленные пушки, часть обоза с провиантом и отступили так же страшно, в таком же точно порядке к обгоревшему монастырю, которого положение чрезвычайно благоприятствовало укрытию. Бульба пировал вместе с запорожцами после такой славной битвы; но, когда обсмотрел и перечел ряды свои, их оставалось всего только не больше тысячи. Между тем новые войска приходили беспрестанно на помощь, и если что спасло его от неприятельского нападения, так это глубокая догадка французского инженера, заставлявшего опасаться скрытого множества запорожцев.

Между тем Бульба узнал, что запорожские пленники отправлены с конвоем по Варшавской дороге. В голове его тотчас родилась мысль перехватить их. Объявивши об этом войску, он начал тайно готовиться к отступлению. Целый день казаки мазали дегтем свои телеги, чтобы не скрыпели; бо́льшую половину пушек закопали в землю, чтобы они не могли достаться неприятелю, и продолжали беспрестанную перестрелку. Часть запорожцев скинула с себя верхнюю одежду: из нее поделали чучел и расставили на стенах монастырских везде, где была стража. За монастырем они нашли дорогу, о которой, по всем вероятностям, ничего не знали неприятели. Она продиралась между двумя рытвинами и была совершенно завалена изрубленным лесом и пеплом. Пользуясь глубоким мраком ночи, они тронулись, потянулись гужом со всем обозом, продирались около пяти верст и наконец пробрались на чистое поле, где совершенно уже не было видно неприятеля. Запорожцы приударили коней и понеслись. Еще полчаса времени — и они бы, верно, встретили своих закованных земляков. Они бы имели еще достаточное время броситься на проселочную дорогу, и благодаря быстроте татарских коней, может быть, Сечь увидела бы вновь своих славных защитников. Но, как нарочно, польские войска вздумали сделать нападение на монастырь. Дальновидный инженер искусно зажег лес, к нему примыкавший, уверяя, что все будут иметь славное жаркое из казачьей дичи. Но глубокая тишина изумила их. Изумление еще более увеличилось, когда они увидели вместо замеченных ими издали запорожцев одни чучела. По всем признакам они видели, что запорожцев было небольшое число. Это увеличило их досаду, и начальствовавший войсками, человек запальчивый, в ту же минуту отдал приказ устремиться на преследование. Если бы Бульба не выбрался так громоздко, то он мог бы быть до сих пор гораздо далее и тем, может быть, узкользнуть от преследования. Но он пожалел оставить несколько пушек, а чрез несколько минут увидел подымавшуюся пыль от многочисленного, с двух сторон шедшего войска. «Вишь, черт побери! Ляхи пронюхали», — сказал он, выпустив изо рта люльку, которую уже начал было курить с величайшим спокойствием.

Видя невозможность дальнейшего отступления от такого множества, он, с обыкновенным своим хладнокровием, дал повеление сдвинуть обоз в кучу и окружить его несколькими рядами запорожцев. Этот маневр считался совершенством казацкой тактики и возбуждал всегда удивление даже в самых глубоких теоретиках тогдашнего военного искусства. Его цель состояла в том, чтобы скрыть тыл. Тут казаки никогда не были побеждаемы: окружая обоз непроломною стеною, они со всех сторон были обращены лицом к неприятелю. Пушки доставили им большую выгоду, не допуская их к близкой схватке и не утомляя чрез это их рядов, тем более, что неприятель, желая скорее настигнуть, отправился налегке. Войска польские,

всегда отличавшиеся нетерпеливостию, уже готовы были бросить, если бы одна оплошность со стороны запорожцев не облегчила их.

В это время Остап, выстрелявший на своей стороне все пушечные заряды, увлекаемый пылкостию и негодуя на бездейственное положение, отделился немного подалее от обоза, вступил в мелкую перестрелку, а потом и в рукопашную битву. Его свирепое мужество рассеяло часть рядов неприятельских, но скоро он был схвачен стиснувшим его множеством, и старый Тарас видел собственными глазами, как он поднят несколькими руками, связан толстыми веревками и уведен в толпу. Желание подать помощь и освободить любимого сына заставило его позабыть важность своего поста. Он отделился вместе с большею частию запорожцев от обоза и ударил в средину неприятеля, где полагал находившимся Остапа. Запорожцы совершенно затерялись в толпе, разделенные толпою. Каждый должен был действовать отдельно, и нужно было видеть, как каждый из них ворочался, как молния, на все стороны действуя и саблей, и ружейным прикладом, и нагайкою, и кием. Каждый видел перед собою смерть и старался только подороже продать свою жизнь. Бульба, как гигант какой-нибудь, отличался в общем хаосе. Свирепо наносил он свои крепкие удары, воспламеняясь более и более от сыпавшихся на него. Он сопровождал все это диким и страшным криком, и голос его, как отдаленное ржание жеребца, переносили звонкие поля. Наконец сабельные удары посыпались на него кучею; он грянулся, лишенный чувств. Толпа стиснула и смяла, кони растоптали его, покрытого прахом. Ни один из запорожцев не остался в живых: все полегли на месте. И ни один живой трофей не был свидетелем победы, одержанной польскими войсками.

7

— Долго же я спал! — говорил Бульба, осматривая углы избенки, в которой он лежал, весь израненный и избитый. — Спал ли я это, или наяву видел?

— Да, чуть было ты навеки не заснул! — отвечал сидевший возле него Товкач, лицо которого одну минуту только блеснуло живостью и опять погрузилось в обыкновенное свое хладнокровие.

— Добрая была сеча! Как же это я спасся? Ведь, кажется, я совсем был под сабельными ударами, и что было далее, я уже ничего не помню...

— Об том нечего толковать, как спасся; хорошо что спасся.

Товкач был один из тех людей, которые делают дела молча и никогда не говорят о них.

На бледном и перевязанном лице Бульбы видно было усилие припомнить обстоятельства.

— А что же сын мой?.. что Остап? И он лег также вместе с другими и заслужил честную могилу?

Товкач молчал.

— Что ж ты не говоришь? Постой! помню, помню: я видел, как скрутили назад ему руки и взяли в плен нечестивые католики, — и я не высвободил тебя, сын мой! Остап мой! изменила наконец сила! — Морщины сжались на лбу его, и раздумье крепко осенило лицо, покрытое рубцами.

— Молчи, пан Тарас. Чему быть, тому быть. Молчи да крепись; еще нам больше ста верст нужно проехать.

— Зачем?

— Затем, что тебя теперь ищет всякая дрянь. Знаешь ли ты, что за твою голову, если кто принесет ее, тому дадут две тысячи червонцев?

Но Тарас не слышал речей Товкача.

— Сын мой, Остап мой, — говорил он, — я не высвободил тебя!

И прилив тоски повергнул его в беспамятство. Товкач оставался целый день в избе; но с наступлением ночи он увез бесчувственного Тараса. Увернув его в воловую кожу, уложил в ящик наподобие койки, укрепил поперек седла и пустился во всю прыть на татарском бегуне. Пустынные овраги и непроходимые места видели его, летевшего с тяжелою своею ношею. Товкач боялся встреч и преследований, и хотя уже он был на степи, которой хозяевами более других могли считаться запорожцы, но тогдашние границы были так неопределенны, что каждый мог прогуляться на нехранимой земле, как на своей собственности. Он не хотел везти Тараса в его хутор, почитая там его менее в безопасности, нежели на Запорожье, куда он теперь держал путь свой. Он был уверен, что встреча с прежними товарищами, пирушки и новые битвы оживят его скорее и развлекут его. Он действительно не обманулся. Железная сила Тараса взяла верх, несмотря на то, что ему было шестьдесят лет; через две недели он уже поднялся на ноги. Но ничто не могло развлечь его. По-видимому, самые пиршества запорожцев казались ему чем-то едким. С ним неразлучно было то время, которому еще и двух месяцев не прошло, то время, когда он гулял с своими сыновьями, еще крепкими, свежими, исполненными сил, — и на этом дотоле ничем не колеблемом лице прорывалась раздирающая горесть, и он тихо, понурив голову, говорил: «Сын мой, Остап мой!»

Запорожцы собирались на морскую экспедицию. Двести челнов спущены были в Днепр, и Малая Азия видела их, с бритыми головами и длинными чубами, предававшими мечу и огню цветущие берега ее; видела чалмы своих магометанских обитателей раскиданными, подобно ее бесчисленным цветам, на смоченных кровию полях и плававшими у берегов. Она видела немало запачканных дегтем запорожских шаровар, мускулистых рук с черными нагайками. Запорожцы переели и переломали весь

виноград; в мечетях оставили целые кучи навозу; персидские дорогие шали употребляли вместо очкуров и опоясывали ими запачканные свои свитки. Долго еще после находили в тех местах запорожские коротенькие люльки. Они весело плыли назад; за ними гнался десятипушечный турецкий корабль и залпом из всех орудий своих разогнал, как птиц, утлые их челны. Третья часть их потонула в морских глубинах; но остальные снова собрались вместе и прибыли к устью Днепра с двенадцатью бочонками, набитыми цехинами. Но все это уже не занимало Тараса. Неподвижный, сидел он на берегу, шевеля губами и произнося: «Остап мой, Остап мой!» Перед ним сверкало и расстилалось Черное море; в дальнем тростнике кричала чайка; белый ус его серебрился, и слеза капала одна за другою.

Когда жид Янкель, который в то время очутился в городе Умани и занимался какими-то подрядами и сношениями с тамошними арендаторами, — когда жид Янкель молился, накрывшись своим довольно запачканным саваном, и оборотился, чтобы в последний раз плюнуть, по обычаю своей веры, как вдруг глаза его встретили стоявшего назади Бульбу. Жиду прежде всего бросились в глаза две тысячи червонных, которые были обещаны за его голову; но он тут же устыдился своей корысти и силился подавить в себе эту вечную мысль о золоте, которая, как червь, обвивает душу жида.

— Слушай, Янкель! — сказал Тарас жиду, который начал перед ним кланяться и запер осторожно дверь, чтобы их не видели. — Я спас твою жизнь, теперь ты сделай мне услугу!

Лицо жида несколько поморщилось.

— Какую услугу? Если такая услуга, что можно сделать, то для чего не сделать.

— Не говори ничего. Вези меня в Варшаву.

— В Варшаву? как в Варшаву? — сказал Янкель. Брови и плечи его поднялись вверх от изумления.

— Не говори мне ничего. Вези меня в Варшаву. Что бы ни было, а я хочу еще раз увидеть его, сказать ему хоть одно слово.

— Как можно такое говорить? — говорил жид, расставив пальцы обеих рук своих. — Разве пан не слышал, что уже...

— Знаю, знаю все: за мою голову дают две тысячи червонных. Знают же они, дурни, цену ей! Я тебе двенадцать дам. Вот тебе две тысячи сейчас, — при этом Бульба высыпал из кожаного гамана две тысячи червонных, — а остальные, как ворочусь.

Жид тотчас схватил полотенце и накрыл им червонцы.

— Славная монета! — сказал он, вертя один из них в своих пальцах и пробуя на зубах.

— Я бы не просил тебя. Я бы сам, может быть, нашел дорогу в Варшаву; но меня могут как-нибудь узнать и захватить проклятые ляхи. Ибо я не горазд на выдумки. А вы, жиды, на то уже и созданы. Вы хоть черта проведете. Вы знаете все штуки. Вот для чего я пришел к тебе! Да и в Варшаве я бы сам собою ничего не получил. Сей час запрягай воз и вези меня!

— А как же, вы думаете, мне спрятать пана?

— Да уж вы, жиды, знаете как: в порожнюю бочку или там во что-нибудь другое.

— Как можно в бочку? Всяк подумает, что горелка!

— Ну, что ж? То и хорошо.

— Как хорошо? Ах, боже мой! как можно эдакое говорить! Разве пан не знает, что бог на то создал горелку, чтобы ее всякий пробовал. Там все такие ласуны, что боже упаси. А особливо военный народ: будет бежать верст пять за бочкою, продолбит как раз дырочку, тотчас увидит, что не течет, и скажет: «Жид не повезет порожнюю бочку, верно, тут есть что-нибудь».

— Ну, так положи меня в воз с рыбою.

— Ох, вей мир! не можно, ей-богу, не можно! Там везде по дороге люди голодные, как собаки, раскрадут, как ни береги, и пана нащупают.

— Так вези меня хоть на черте, — только вези!

— Стойте, стойте! теперь возят по дорогам много кирпичу. Там строят какие-то крепости. Пан пусть ляжет на дне воза, а верх я закладу кирпичом. Пан здоровый и крепкий с виду, и потому ему ничего, что будет тяжеленько; а я сделаю в возу снизу дырочку, чтобы кормить пана.

— Делай как хочешь, только вези.

И через час воз с кирпичом выехал из Умани, запряженный в две клячи. На одной из них сидел высокий Янкель, и длинные курчавые пейсики его развевались из-под яломка, по мере того как он подпрыгивал на лошади.

8

В то время когда происходило описываемое событие, на пограничных местах не было еще никаких таможенных чиновников и объездчиков, этой страшной грозы предприимчивых людей, и потому всякий мог везти, что ему вздумалось. Если же кто и производил обыск и ревизовку, то делал это большею частию для своего собственного удовольствия, особливо если на возу находились заманчивые для глаз предметы и если его собственная рука имела порядочный вес и тяжесть. Но кирпич не находил охотников и въехал беспрепятственно в главные городские ворота.

Бульба в своей тесной клетке мог только слышать шум, крики возниц, и больше ничего. Янкель, подпрыгивая на своем коротком, запачканном пылью рысаке, поворотил, сделавши несколько кругов, в темную, узенькую улицу, носившую название Грязной и вместе Жидовской, потому что здесь действительно находились жиды почти со всей Варшавы. Эта улица чрезвычайно походила на вывороченную внутренность заднего двора. Солнце, казалось, не заходило сюда вовсе. Совершенно почерневшие деревянные домы со множеством протянутых из окон жердей увеличивали еще более мрак. Изредка краснела между ними кирпичная стена, но и та уже во многих местах превращалась совершенно в черную. Иногда только вверху ощекотуренный кусок стены, обхваченный солнцем, блистал нестерпимою для глаз белизною. Тут все состояло из сильных резкостей: трубы, тряпки, шелуха, выброшенные разбитые чаны. Всякий, что было только у него негодного, швырял на улицу, доставляя прохожим возможные удобства питать все чувства свои этою дрянью. Сидящий на коне всадник чуть-чуть не доставал рукою жердей, протянутых через улицу из одного дома в другой, на которых висели жидовские чулки, коротенькие панталонцы и копченый гусь. Иногда довольно смазливенькое личико еврейки, убранное потемневшими бусами, выглядывало из ветхого окошка. Куча жиденков, запачканных, оборванных, с курчавыми волосами, кричала и валялась в грязи. Рыжий жид с веснушками по всему лицу, делавшими его похожим на воробьиное яйцо, выглянул из окна, тотчас заговорил с Янкелем на своем тарабарском наречии, и Янкель тотчас въехал в один двор. По улице шел другой жид, остановился, вступил тоже в разговор, и когда Бульба выкарабкался наконец из-под кирпича, он увидел трех жидов, говоривших с большим жаром.

Янкель обратился к нему и сказал, что все будет сделано, что его Остап сидит в городской темнице, и хотя трудно уговорить стражей, но, однако ж, он надеется доставить ему свидание.

Бульба вошел вместе с тремя жидами в комнату.

Жиды начали опять говорить между собою на своем непонятном языке. Тарас поглядывал на каждого из них. Что-то, казалось, сильно потрясло его. На грубом и равнодушном лице его вспыхнуло какое-то сокрушительное пламя надежды, надежды той, которая посещает иногда человека в последнем градусе отчаяния. Старое сердце его начало сильно биться, как будто у юноши.

— Слушайте, жиды! — сказал он, и в словах его было что-то восторженное. — Вы все на свете можете сделать, выкопаете хоть из дна морского, и пословица давно уже говорит, что жид самого себя украдет, когда только захочет украсть. Освободите мне моего Остапа! Дайте случай убежать ему от дьявольских рук. Вот я этому человеку обещал двенадцать тысяч червонных, — я прибавляю еще двенадцать. Все какие у меня есть

дорогие кубки и закопанное в земле золото, хату и последнюю одежду продам и заключу с вами контракт на всю жизнь, с тем чтобы все, что ни добуду на войне, делить с вами пополам!

— О, не можно, любезный пан! не можно! — сказал со вздохом Янкель.

— Нет, не можно! — сказал другой жид.

Все три жида взглянули один на другого.

— А попробовать? — сказал третий, боязливо поглядывая на двух других. — Может быть, бог даст.

Все три жида заговорили по-немецки. Бульба, как ни наострял свой слух, ничего не мог отгадать. Он слышал только часто произносимое слово «Мардохай» и больше ничего.

— Слушай, пан! — сказал Янкель. — Нужно посоветоваться с таким человеком, какого еще никогда не было на свете. У, у! то такой мудрый, как Соломон, и когда он ничего не сделает, то уже никто на свете не сделает. Сиди тут! вот ключ! и не впускай никого!

Жиды вышли на улицу.

Тарас запер дверь и смотрел в маленькое окошечко на этот грязный жидовский проспект. Три жида остановились посредине улицы и стали говорить довольно азартно. К ним присоединился скоро четвертый, наконец и пятый. Он слышал опять повторяемое: «Мардохай, Мардохай». Жиды беспрестанно посматривали в одну сторону улицы. Наконец в конце ее, из-за одного дрянного дома, показалась нога в жидовском башмаке и замелькали фалды полукафтанья. «А! Мардохай! Мардохай!» — закричали все жиды в один голос. Тощий жид, несколько короче Янкеля, но гораздо более покрытый морщинами, с преогромною верхнею губою, приблизился к нетерпеливой толпе, и все жиды наперерыв спешили рассказывать ему, причем Мардохай несколько раз поглядывал на маленькое окошечко, и Тарас догадывался, что речь шла о нем. Мардохай размахивал руками, слушал, перебивал речь, часто плевал на сторону и, подымая фалды полукафтанья, засовывал в карман руку и вынимал какие-то побрякушки, причем показывал прескверные свои панталоны. Наконец все жиды подняли такой крик, что жид, стоявший на стороже, должен был давать знак к молчанию, и Тарас уже начал опасаться за свою безопасность, — но, вспомнивши, что жиды не могут иначе рассуждать, как на улице, и что их языка сам демон не поймет, он успокоился.

Минуты две спустя жиды вместе вошли в его комнату. Мардохай приблизился к Тарасу, потрепал его по плечу и сказал:

— Когда мы да бог захочет сделать, то уже будет так, как нужно.

Тарас поглядел на этого Соломона, какого еще не было на свете, и получил некоторую надежду. Действительно, вид его мог внушить некоторое доверие: верхняя губа у него была просто страшилище. Толщина

ее, без сомнения, увеличилась от посторонних причин. В бороде у этого Соломона было только пятнадцать волосков, и то на левой стороне. На лице у Соломона было столько знаков побоев, полученных за удальство, что он, без сомнения, давно потерял счет им и привык их считать за родимые пятна.

Мардохай ушел вместе с товарищами, исполненными удивления к его мудрости. Бульба остался один. Он был в странном, небывалом положении: он чувствовал в первый раз в жизни беспокойство. Душа его была в лихорадочном состоянии. Он не был тот прежний, непреклонный, неколебимый, крепкий как дуб: он был малодушен; он был теперь слаб. Он вздрагивал при каждом шорохе, при каждой новой жидовской фигуре, показывавшейся в конце улицы. В таком состоянии пробыл он, наконец, весь день; не ел, не пил, и глаза его не отрывались ни на час от небольшого окошка на улицу. Наконец, уже ввечеру поздно, показался Мардохай и Янкель. Сердце Тараса замерло.

— Что? удачно? — спросил он их с нетерпением дикого коня.

Но прежде еще, нежели жиды собрались с духом отвечать, Тарас заметил, что у Мардохая уже не было последнего локона, который хотя довольно неопрятно, но все же вился кольцами из-под яломка его. Заметно было, что он хотел что-то сказать, но наговорил такую дрянь, что Тарас ничего не понял. Да и сам Янкель прикладывал очень часто руку ко рту, как будто бы страдал простудою.

— О любезный пан! — сказал Янкель, — теперь совсем не можно! ейбогу, не можно! Такой нехороший народ, что ему надо на самую голову наплевать. Вот и Мардохай скажет; Мардохай делал такое, какого еще не делал ни один человек на свете, но бог не захотел, чтобы так было. Три тысячи войска стоят, и завтра их всех будут казнить.

Тарас глянул в глаза жидам, но уже без нетерпения и гнева.

— А если пан хочет видеться, то завтра нужно рано, так, чтобы еще и солнце не всходило. Часовые соглашаются, и один левентарь обещался. Только пусть им не будет на том свете счастья, ой, вей мир, что это за корыстный народ! и между нами таких нет. Пятьдесят червонцев я дал каждому, а левентару...

— Хорошо. Веди меня к нему! — произнес Тарас решительно, и вся твердость возвратилась в его душу.

Он согласился на предложение Янкеля переодеться иностранным графом, приехавшим из немецкой земли, для чего платье уже успел припасти дальновидный жид. Была уже ночь. Хозяин дома, известный рыжий жид с веснушками, вытащил тощий тюфяк, накрытый какою-то рогожею, и разостлал его на лавке для Бульбы. Янкель лег на полу на таком же тюфяке. Рыжий жид выпил небольшую чарочку какой-то настойки, скинул полукафтанье и, сделавшись в своих чулках и башмаках несколько

похожим на цыпленка, отправился с своею жидовкой во что-то похожее на шкаф. Двое жиденков, как две домашние собачки, легли на полу возле шкафа. Но Тарас не спал. Он сидел неподвижен и слегка барабанил пальцами по столу. Он держал во рту люльку и пускал дым, от которого жид спросонья чихал и заворачивал в одеяло свой нос. Едва небо успело тронуться бледным предвестием зари, он уже толкнул ногою Янкеля.

— Вставай, жид, и давай твою графскую одежду!

В минуту оделся он; вычернил усы, брови, надел на темя маленькую темную шапочку, — и никто бы из самых близких к нему казаков не мог узнать его. По виду ему казалось не более тридцати пяти лет. Здоровый румянец играл на его щеках, и самые рубцы придавали ему что-то повелительное. Одежда, убранная золотом, очень шла к нему.

Улицы еще спали. Ни одно меркантильное существо еще не показывалось в городе с коробкою в руках. Бульба и Янкель пришли к строению, имевшему вид сидящей цапли. Оно было низкое, широкое, огромное, почерневшее, и с одной стороны его выкидывалась, как шея аиста, длинная, узкая башня, на верху которой торчал кусок крыши. Это строение отправляло множество разных должностей. Тут были и казармы, и тюрьма, и даже уголовный суд. Наши путники вошли в ворота и очутились среди пространной залы, или крытого двора. Около тысячи человек спали вместе. Прямо шла низенькая дверь, перед которой сидевшие двое часовых играли в какую-то игру, состоявшую в том, что один другого бил двумя пальцами по ладони. Они мало обратили внимания на пришедших и поворотили головы только тогда, когда Янкель сказал:

— Это мы, слышите, паны, это мы.

— Ступайте! — говорил один из них, отворяя одною рукою дверь, а другую подставляя своему товарищу для принятия от него ударов.

Они вступили в коридор, узкий и темный, который опять привел их в такую же залу с маленькими окошками вверху.

— Кто идет? — закричало несколько голосов, и Тарас увидел порядочное количество гайдуков в полном вооружении. — Нам никого не велено пускать.

— Это мы! — кричал Янкель. — Ей-богу, мы, ясные паны!

Но никто не хотел слушать. К счастию, в это время подошел какой-то толстяк, который, по всем приметам, казался начальником, потому что ругался сильнее всех.

— Пан, это ж мы. Вы уже знаете нас, и пан граф еще будет благодарить.

— Пропустите, сто дьяблов чертовой матке! И больше никого не пускайте. Да саблей чтобы никто не скидал и не собачился на полу...

Продолжения красноречивого приказа уже не слышали наши путники.

— Это мы, это я, это свои! — говорил Янкель, встречаясь со всяким.

— А что, можно теперь? — спросил он одного из стражей, когда они наконец подошли к тому месту, где коридор уже оканчивался.

— Можно, только не знаю, пропустят ли вас в самую тюрьму. Теперь уже нет Яна: вместо его стоит другой, — отвечал часовой.

— Ай, ай, — произнес тихо жид, — это скверно, любезный пан!

— Веди! — произнес упрямо Тарас. Жид повиновался.

У дверей подземелья, оканчивавшихся кверху острием, стоял гайдук с усами в три яруса. Верхний ярус усов шел назад, другой прямо вперед, третий вниз, что делало его очень похожим на кота.

Жид съежился в три погибели и почти боком подошел к нему.

— Ваша ясновельможность! ясновельможный пан!

— Ты, жид, это мне говоришь?

— Вам, ясновельможный пан.

— Гм... а я просто гайдук! — сказал трехъярусный усач с повеселевшими глазами.

— А я, ей-богу, думал, что это сам воевода. Ай, ай, ай... — при этом жид покрутил головою и расставил пальцы. — Ай, какой важный вид! Ей-богу, полковник, совсем полковник! Вот еще бы только на палец прибавить, то и полковник. Нужно бы пана посадить на жеребца, такого скорого, как муха, да и пусть муштрует полки!

Гайдук поправил нижний ярус усов своих, причем глаза его совершенно развеселились.

— Что за народ военный, — продолжал жид, — ох, вей мир, что за народ хороший! Шнуречки, бляшечки... так от них блестит, как от солнца; а цурки, где только увидят военных... ай, ай!

Жид опять покрутил головою.

Гайдук завил рукою верхние усы и пропустил сквозь зубы звук, несколько похожий на лошадиное ржание.

— Прошу пана оказать услугу! — произнес жид. — Вот князь приехал из чужого края, хочет посмотреть на казаков. Он еще сроду не видел, что это за народ казаки.

Появление иностранных графов и баронов было в Польше довольно обыкновенно: они часто были завлекаемы единственно любопытством посмотреть этот почти полуазиатский угол Европы. Московию и Украйну они почитали уже находящимися в Азии. И потому гайдук, поклонившись довольно низко, почел приличным прибавить несколько слов от себя.

— Я не знаю, ваша ясновельможность, — говорил он, — зачем вам хочется смотреть их. Это собаки, а не люди. И вера у них такая, что никто не уважает.

— Врешь ты, чертов сын! — сказал Бульба, — сам ты собака! Как ты смеешь говорить, что нашу веру не уважают? Это вашу еретичную веру не уважают!

— Эге-ге! — сказал гайдук, — а я знаю, приятель, кто ты: сам из тех, которые уже сидят у меня. Постой же, я позову сюда наших.

Тарас увидел свою неосторожность; но упрямство и досада помешали ему подумать о том, как бы исправить ее. К счастию, Янкель в ту же минуту успел подвернуться.

— Ясновельможный пан! как же можно, чтобы граф да был казак? А если бы он был казак, то где бы он достал такое платье и такой вид графский?

— Рассказывай себе! — и гайдук уже растворил было широкий рот свой, чтобы крикнуть.

— Ваше королевское величество! молчите! Молчите, ради бога! — закричал Янкель. — Молчите! мы уж вам за это заплатим так, как еще никогда и не видели: мы дадим вам два золотых червонца.

— Эге! два червонца! Два червонца мне нипочем. Я цирюльнику даю два червонца за то, чтобы мне только половину бороды выбрил. Сто червонных давай, жид! — Тут гайдук закрутил верхние усы. — А как не дашь ста червонных, сейчас закричу!

— И на что бы так много? — горестно сказал побледневший жид, развязывая кожаный мешок свой. Но он счастлив был, что в его кошельке не было более и что гайдук далее ста не умел считать. — Пан! пан! уйдем скорее! Видите, какой тут нехороший народ! — сказал Янкель, заметивши, что гайдук перебирал на руке деньги, как бы жалея о том, что не запросил более.

— Что ж ты, чертов гайдук, — сказал Бульба, — деньги взял, а показать и не думаешь? Нет, ты должен показать. Уж когда деньги получил, то ты не вправе теперь отказать.

— Ступайте, ступайте к дьяволу! а не то я сию минуту дам знать, и вас тут... Уносите ноги, говорю я вам, скорее!

— Пан! пан! пойдем, ей-богу, пойдем! Цур им! Пусть им приснится такое, что плевать нужно, — кричал бедный Янкель.

Бульба медленно, потупив голову, оборотился и шел назад, преследуемый укорами Янкеля, которого ела грусть при мысли о даром потерянных червонцах.

— И на что бы трогать? Пусть бы, собака, бранился! То уже такой народ, что не может не браниться! Ох, вей мир, какое счастие посылает бог людям! Сто червонцев за то только, что прогнал нас! А наш брат: ему и пейсики оборвут, и из морды сделают такое, что и глядеть не можно, а никто не даст ста червонных. О боже мой! боже милосердый!

Но неудача эта гораздо более имела влияния на Бульбу. Она выражалась пожирающим пламенем в его глазах.

— Пойдем! — сказал он вдруг, как бы встряхнувшись. — Пойдем на площадь. Я хочу посмотреть, как его будут мучить.

— Ой, пан, зачем ходить? Ведь нам этим не помочь уже.

— Пойдем! — упрямо сказал Бульба, и жид, как нянька, вздыхая, побрел вслед за ним.

Площадь, на которой долженствовала производиться казнь, нетрудно было отыскать: народ валил туда со всех сторон. В тогдашний грубый век это составляло одно из занимательнейших зрелищ не только для черни, но и для высших классов. Множество старух, самых набожных, множество молодых девушек и женщин, самых трусливых, которым после всю ночь грезились окровавленные трупы, которые кричали спросонья так громко, как только может крикнуть пьяный гусар, не пропускали, однако же, случая полюбопытствовать. «Ах, какое мученье!» — кричали из них многие с истерическою лихорадкою, закрывая глаза и отворачиваясь, однако же простаивали иногда довольное время. Иной, и рот разинув, и руки вытянув вперед, желал бы вскочить всем на головы, чтобы оттуда посмотреть повиднее. Из толпы узких, небольших и обыкновенных голов высовывал свое толстое лицо мясник, наблюдал весь процесс с видом знатока и разговаривал односложными словами с оружейным мастером, которого называл кумом, потому что в праздничный день напивался с ним в одном шинке. Иные рассуждали с жаром, другие даже держали пари; но бо́льшая часть была таких, которые на весь мир и на все, что ни случается в свете, смотрят, ковыряя пальцем в своем носу. На переднем плане, возле самых усачей, составлявших городовую гвардию, стоял молодой шляхтич, или казавшийся шляхтичем, в военном костюме, который надел на себя решительно все, что у него ни было, так что на его квартире оставалась только изодранная рубашка да старые сапоги. Две цепочки, одна сверх другой, висели у него на шее с каким-то дукатом. Он стоял с коханкою своею, Юзысею, и беспрестанно оглядывался, чтобы кто-нибудь не замарал ее шелкового платья. Он ей растолковал совершенно все, так что уже решительно не можно было ничего прибавить. «Вот это, душечка Юзыся, — говорил он, — весь народ, что вы видите, пришел затем, чтобы посмотреть, как будут казнить преступников. А вот тот, душечка, что, вы видите, держит в руках секиру и другие инструменты, — то палач, и он будет казнить. И как начнет колесовать и другие делать муки, то преступник еще будет жив; а как отрубят голову, то он, душечка, тотчас и умрет. Прежде будет кричать и двигаться, но как только отрубят голову, тогда ему не можно будет ни кричать, ни есть, ни пить, оттого, что у него, душечка, уже больше не будет головы». И Юзыся все это слушала со страхом и любопытством.

Крыши домов были усеяны народом. Из слуховых окон выглядывали престранные рожи в усах и в чем-то похожем на чепчики. На балконах, под балдахинами, сидело аристократство. Хорошенькая ручка смеющейся, блистающей, как белый сахар, панны держалась за перилы. Ясновельможные паны, довольно плотные, глядели с важным видом. Холоп, в блестящем убранстве, с откидными назад рукавами, разносил тут же разные напитки и съестное. Часто шалунья с черными глазами, схвативши светлою ручкою своею пирожное и плоды, кидала в народ. Толпа голодных рыцарей подставляла наподхват свои шапки, и какой-нибудь высокий шляхтич, высунувшийся из толпы своею головою, в полинялом красном кунтуше с почерневшими золотыми шнурками, хватал первый с помощию длинных рук, целовал полученную добычу, прижимал ее к сердцу и потом клал в рот. Сокол, висевший в золотой клетке под балконом, был также зрителем: перегнувши набок нос и поднявши лапу, он, с своей стороны, рассматривал также внимательно народ. Но толпа вдруг зашумела, и со всех сторон раздались голоса: «Ведут! ведут! казаки!»

Они шли с открытыми головами, с длинными чубами. Бороды у них были отпущены; они шли не боязливо, не угрюмо, но с какою-то тихою горделивостию; их платья из дорогого сукна износились и болтались на них ветхими лоскутьями; они не глядели и не кланялись народу. Впереди всех шел Остап.

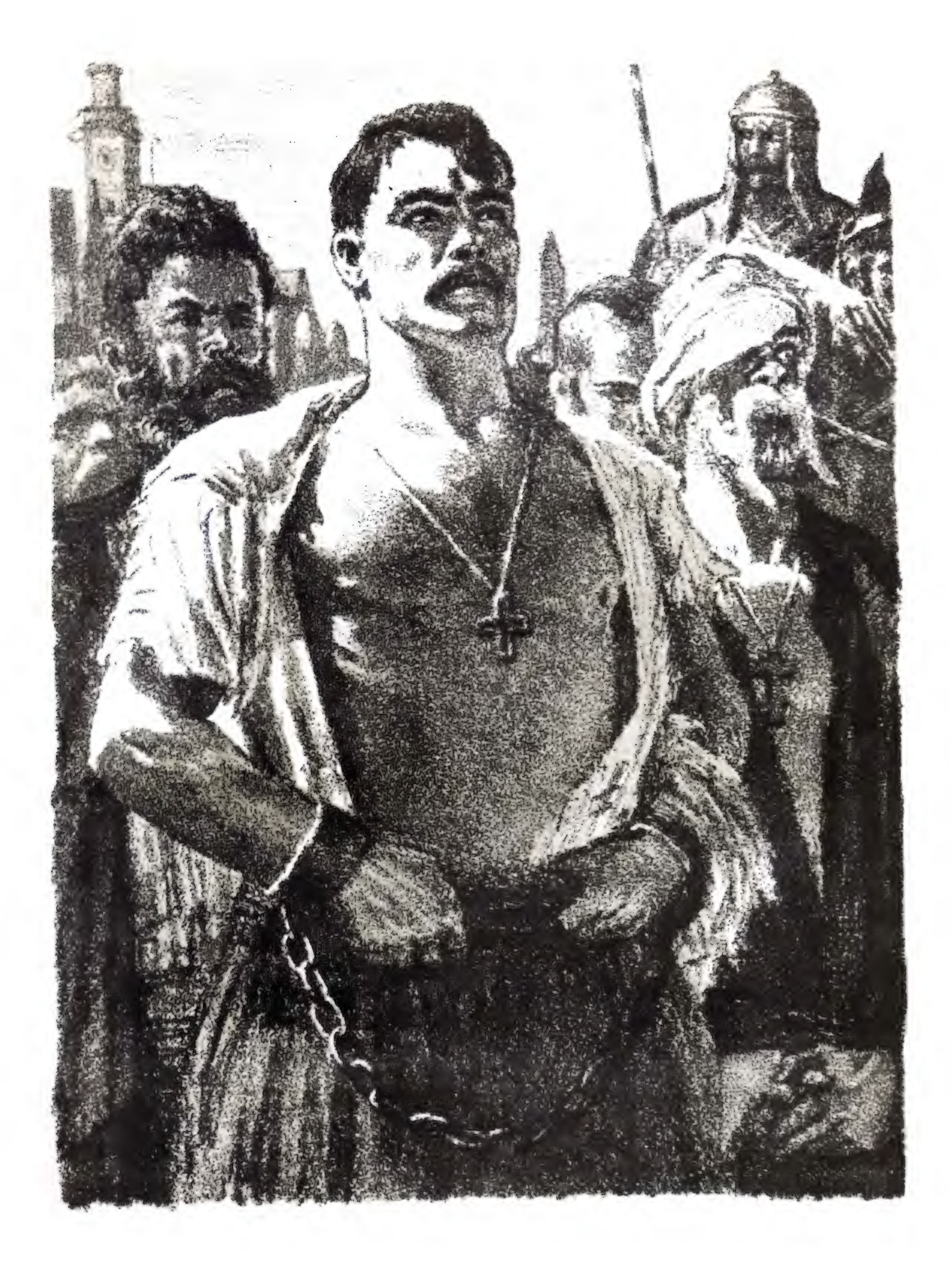
Что почувствовал старый Тарас, когда увидел своего Остапа? Что было тогда в его сердце? Он глядел в него из толпы и не проронил ни одного движения его. Они приблизились уже к лобному месту. Остап остановился. Ему первому приходилось выпить эту тяжелую чашу. Он глянул на своих, поднял руку вверх и произнес громко:

— Дай же, боже, чтобы все, какие тут ни стоят еретики, не услышали, нечестивые, как мучится христианин! чтобы ни один из нас не промолвил ни одного слова!

После этого он приблизился к эшафоту.

— Добре, сынку, добре! — сказал тихо Бульба и уставил в землю свою седую голову.

Палач сдернул с него ветхие лохмотья; ему увязали руки и ноги в нарочно сделанные станки и. . . я не стану смущать читателей картиною адских мук, от которых дыбом поднялись бы их волоса. Они были порождение тогдашнего грубого, свирепого века, когда человек вел еще кровавую жизнь одних воинских подвигов и закалился в ней душою до такой степени, что сделался глух для человеколюбия. Должно, однако ж, сказать, что король всегда почти являлся первым противником этих ужасных мер. Он очень хорошо видел, что подобная жестокость наказаний может только разжечь мщение казачьей нации. Но король не мог сделать ничего

против дерзкой воли государственных магнатов, которые непостижимою недальновидностью, детским самолюбием, гордостью и неосновательностью превратили сейм в сатиру на правление.

Остап выносил терзания, как исполин, с невообразимою твердостью, и когда начали перебивать ему на руках и ногах кости, так что ужасный хряск их слышался среди мертвой толпы отдаленными зрителями, когда панянки отворотили глаза свои, — ничто, похожее на стон, не вырвалось из уст его. Лицо его не дрогнулось. Тарас стоял в толпе с потупленною головою и с поднятыми, однако же, глазами и одобрительно только говорил: «Добре, сынку, добре!»

Наконец сила его, казалось, начала подаваться. Когда он увидел новые адские орудия казни, которыми готовились вытягивать из него жилы, губы его начали шевелиться.

— Батько! — произнес он все еще твердым голосом, показывавшим желание пересилить муки. — Батько! где ты? слышишь ли ты?

— Слышу! — раздалось среди всеобщей тишины, и весь миллион народа в одно время вздрогнул.

Часть военных всадников бросилась заботливо рассматривать толпы народа. Янкель побледнел как смерть, и когда они немного отдалились от него, он со страхом оборотился назад, но Тараса уже возле него не было: его и след простыл.

9

След Тарасов отыскался: тридцать тысяч казацкого войска показалось на границах Украйны. Это уже не был какой-нибудь отряд, выступавший для добычи или своей отдельной цели: это было дело общее. Это целая нация, которой терпение уже переполнилось, поднялась мстить за оскорбленные права свои, за униженную религию свою и обычай, за вероломные убийства гетманов своих и полковников, за насилие жидовских арендаторов и за все, в чем считал себя оскорбленным угнетенный народ. Верховным начальником войска был гетман Остраница, еще молодой, кипевший желанием скорее сбросить утеснительный деспотизм, наложенный самоуправием государственных магнатов, и очистить Украйну от жидовства, унии и постороннего сброда. Возле него был виден престарелый и опытный товарищ и советник его, Гуня. Сорок тысяч лошадей нетерпеливо ржали под седоками и без седоков. Восемь полков, из которых половина конных и половина пеших, в суконных алых, синих и желтых кафтанах, выступали браво и горделиво. Восемь опытных полковников правили ими и хладнокровным движением бровей своих ускоряли или останавливали нетерпеливый поход их. Одним из них начальствовал Бульба. Преклон-

ные лета, слава и опытность давали ему значительный перевес в совете; но неумолимая и свирепая жестокость его казалась ужасною даже для глубоко оскорбленных защитников. Его совет дышал только одним истреблением, и седая голова его определяла только огонь и виселицу.

Не буду описывать тех битв, где отличились казаки, ни постепенного хода всей великой кампании: это принадлежит истории. Там изображено подробно, как бежали польские гарнизоны из освобождаемых городов, как были перевешаны бессовестные арендаторы-жиды, как слаб был коронный гетман Николай Потоцкий с многочисленною своею армиею против этой непреодолимой силы, как, разбитый, преследуемый, перетопил он в небольшой речке лучшую часть своего войска, как облегли его в небольшом местечке Полонном грозные казацкие полки и как приведенный в крайность польский гетман клятвенно обещал полное удовлетворение во всем со стороны короля и государственных чинов и возвращение всех прежних прав и преимуществ; но казаки, наученные прежним вероломством, были неумолимы, и Потоцкий не красовался бы более на шеститысячном своем аргамаке, привлекая взоры знатных панн и зависть дворянства, если бы не спасло его находившееся в местечке русское духовенство. Торжественная процессия с образами и крестами и мольбы священника-старца тронули казаков, еще чувствовавших узы, привязывавшие их к королю. Гетман и полковники решились отпустить Потоцкого, не прежде, как заключивши трактат, обеспечивший бы во всем казаков.

Но непреклонный Тарас вырвал из белой головы своей клок волос, когда увидел такое, по словам его, бабье малодушие полковников.

— Не попущу, полковники, чтобы вы учинили такое дело! — вскричал он твердо. Но на этот раз совет его был отвергнут. — Эй, не верьте, паны, ляхам! — повторил он опять тем же голосом, помахивая нагайкою и хлестнувши ею по пушке. Когда же полковой писарь подал уже написанное условие подписать гетману, он махнул рукою и сказал: — Оставайтесь же себе, паны! Меня вы больше не увидите. Глядите, паны: вы вспомните меня! — и голос его имел в себе что-то пророческое. — Вы думаете, что купили этим спокойствие и будете теперь пановать, — увидите, что не будет сего! Сдерут с твоей головы, гетман, кожу! набьют ее гречаною половою, и долго будут видеть ее по ярмаркам! Да и у вас, паны, у редкого уцелеет голова! Пропадете вы в сырых погребах, замурованные в каменные стены, если не сварят вас живых в котлах, как баранов!

— А вы, хлопцы, хотите умирать? — продолжал он, обращаясь к своему полку. — Умирать так, как умирают честные казаки? А может быть, вы думаете еще пожить, да залечь дома на печь, да и лежать там, покамест не приберет враг? Что ж лучше, спрашиваю я вас, молодцы?

воротиться ли до дому, чтобы каждый день колотила вас жинка, и, напившись, пропасть где-нибудь под тыном, как собака; или всем, как верным лыцарям, как братьям родным, лечь вместе на поле и оставить по себе славу навеки?

— За тобою, пане полковнику! за тобою все! — отвечали передние в полку. — Веди! ей-богу, веди!

— Добре, паны молодцы! — сказал Тарас, взявши свою шапку в руки и потом опять надевши ее на голову. Глаза его сверкнули. — Вырежем все католичество, чтобы его и духу не было! Пусть пропадут нечестивые! Гайда, хлопцы!

Сказавши это, исступленный седой фанатик отправился с полком своим в путь. Другие казаки с завистью глядели на удалявшихся сотоварищей, и только одно строгое повиновение к полковникам, бывшее всегдашнею их добродетелию, препятствовало многим охотникам к ним присоединиться.

Гетман и полковники не остановили удалявшегося полка. Казалось, предсказание Тараса несколько смутило их, по крайней мере они сидели несколько времени молча и не глядя друг на друга. Скоро, однако же, пророческие слова Бульбы исполнились. Немного времени спустя, после вероломного поступка под Каневым, голова гетмана вздернута была на кол вместе со многими сановниками.

Но обратимся к нашей истории. Что ж делал Тарас с своим полком? А Тарас выжег восемнадцать местечек, около сорока костелов и уже доходил до Кракова. Напрасно небольшие отряды войск посылаемы были схватить его: он всегда почти разминался с ними. Он поступал неожиданно, скрывая свои намерения, и когда одно селение или небольшой городок ожидал с ужасом его прибытия, он вдруг переменял дорогу и нес гибель туда, где его вовсе не ожидали. Никакая кисть не осмелилась бы изобразить всех тех свирепств, которыми были означены разрушительные его опустошения. Ничто похожее на жалость не проникало в это старое сердце, кипевшее только отмщением. Никому не оказывал он пощады. Напрасно несчастные матери и молодые жены и девицы, из которых иные были прекрасны и невинны, как ландыш, думали спастись у алтарей: Тарас зажигал их вместе с костелом. И когда белые руки, сопровождаемые криком отчаяния, подымались из ужасного потопа огня и дыма к небу и растрепанные волосы сквозь дым рассыпались по плечам их, а свирепые казаки подымали копьями с улиц плачущих младенцев и бросали их к ним в пламя, — он глядел с каким-то ужасным чувством наслаждения и говорил: «Это вам, вражьи ляхи, поминки по Остапе!» — и такие поминки по Остапе отправлял он в каждом селении. Наконец польское правительство увидело, что поступки Тараса были несколько более, нежели обыкновенное разбойничество. И тому

же самому Потоцкому поручено было с пятью полками поймать непременно Тараса.

Тарас понял опасность и поворотил назад. Проселочными дорогами, ночью, скакал он с своими казаками во всю мочь, и одни только татарские кони, которых он имел обычай держать целый табун при своем войске, могли вынести необыкновенную быстроту его бегства. Но на этот раз Потоцкий был достоин возложенного на него поручения: он преследовал его с удивительною неутомимостью и наконец настиг на берегу Днестра, где Бульба занял для небольшого роздыха оставленную полуразвалившуюся крепость.

Крепость была на возвышенном месте и оканчивалась к реке такою страшною, почти наклоненною стремниною, что, казалось, ежеминутно готова была обрушиться в волны. Почти на двадцать сажен вниз шумел Днестр. Здесь-то облег его Потоцкий своими войсками с трех сторон, обращенных к полю и к оврагам неровных берегов. Тарас с помощью своей храбрости и упрямой воли мог сделать тщетными все усилия осаждающих; но он не имел в опустелой крепости никаких средств для прокормления, а казаки менее всего могли сносить голод, особливо когда видели, что он должен наконец окончиться медленною смертью. С рекою невозможно было иметь сообщения: одна только половина узкой дорожки висела вверху, остальная упала в волны с недавно отколовшеюся глыбою скалы, и вместо нее осталась стремнина.

Тарас решился оставить крепость, попробовать удачи прорваться сквозь ряды неприятелей и по берегу достигнуть такого места, с которого бы можно было кинуться на лошадях и пуститься с ними вплавь. Он стремительно вышел из крепости, и уже казаки пробрались сквозь неприятельские ряды, как вдруг Тарас, остановившись и нагнувшись в землю, сказал: «Стой, братцы! уронил люльку». В это самое время он почувствовал себя в дюжих руках, был схвачен набежавшим с тыла отрядом и отрезан от своих. Он двигнул своими членами, но уже не посыпались на землю, как бывало прежде, схватившие его гайдуки. «Эх, старость, старость!» — сказал он, почти что не заплакав. Ему прикрутили руки, увязали веревками и цепями, привязали его к огромному бревну, правую руку, для большей безопасности, прибили гвоздем и поставили это бревно рубом в расселину стены, так что он стоял выше всех и был виден всем войскам, как победный трофей удачи. Ветер развевал его белые волоса. Казалось, он стоял на воздухе, — и это, вместе с выражением сильного бессилия, делало его чем-то похожим на духа, представшего воспрепятствовать чему-нибудь сверхъестественною своею властью и увидевшего ее ничтожность. В лице его не было заметно никакой заботы о себе. Он вперил глаза в ту сторону, где отстреливались казаки. Ему с высоты все было видно как на ладоне.

— Занимайте, хлопцы, — кричал он, — занимайте, вражьи дети, говорю вам, скорее горку, что за лесом: туда не подступят они!

Но ветер не донес его слов.

— Вот пропадут, пропадут ни за что! — говорил он с бешенством и взглянул вниз, где блестел Днестр. Чувство радости сверкнуло в его глазах. Он увидел выдвинувшиеся из-за кустарника три кормы. Он собрал все усилия и закричал так, что едва не оглушил стоявших близ него:

— Хлопцы, к берегу! к берегу! Под кручею, где крепость, стоят челны! а за вами в двадцати шагах спуск к берегу. Да забирайте все челны, чтобы не было погони!

На этот раз ветер дунул с другой стороны, и все слова были услышаны казаками. Но удар обухом по голове за такой совет переворотил в его глазах все. Его опустили вместе с бревном ниже, чтобы он не мог более подавать своих наставлений.

Казаки поворотили коней и бросились бежать во всю прыть; но берег все еще состоял из стремнин. Они бы достигли понижения его, если бы дорогу не преграждала пропасть сажени в четыре шириною: одни только сваи разрушенного моста торчали на обоих концах; из недосягаемой глубины ее едва доходило до слуха умиравшее журчание какого-то потока, низвергавшегося в Днестр. Эту пропасть можно было объехать, взявши вправо; но войска неприятельские были уже почти на плечах их. Казаки только один миг ока остановились, подняли свои нагайки, свистнули, — и татарские их кони, отделившись от земли, распластались в воздухе, как змеи, и перелетели через пропасть. Под одним только конь оступился; но зацепился копытом и, привыкший к крымским стремнинам, выкарабкался с своим седоком.

Отряд неприятельских войск с изумлением остановился на краю пропасти. Начальствовавший ими полковник, молодой, неустрашимый до безрассудности (он был брат прекрасной полячки, обворожившей бедного Андрия), без дальнего размышления решился повторить и себе то же и, желая подать пример своему отряду, бросился вперед с конем своим; но острые камни изорвали его, пропавшего среди пропасти, в клочки, и мозг его, смешанный с кровью, обрызгал росшие по неровным стенам провала кусты.

Когда Бульба очнулся немного от своего удара и глянул на Днестр, он увидел под ногами своими казаков, садившихся в лодки. Глаза его сверкнули радостью. Град пуль сыпался сверху на казаков, но они не обращали никакого внимания и отчаливали от берегов.

— Прощайте, паны-браты, товарищи! — говорил он им сверху, — вспоминайте иной час обо мне. Об участи же моей не заботьтесь! я знаю свою участь; я знаю, что меня заживо разнимут по кускам и что кусочка моего тела не оставят на земле, — да то уже мое дело... Будьте

здоровы, паны-браты, товарищи! Да глядите, прибывайте на следущее лето опять! да погуляйте хорошенько!.. — удар обухом по голове пресек его речи.

Черт побери! да есть ли что на свете, чего бы побоялся казак? Не малая река Днестр; а как погонит ветер с моря, то вал дохлестывает до самого месяца. Казаки плыли под пулями и выстрелами, осторожно минали зеленые острова, хорошенько выправляли парус, дружно и мерно ударяли веслами и говорили про своего атамана.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Повесть Н. В. Гоголя „Тарас Бульба“

Среди памятников мировой литературы «Тарас Бульба» Гоголя занимает особое место. Это — величественное произведение, в котором ощутимо дыхание народного эпоса, героическая поэма о мужественных людях, о родине, о несокрушимой любви к свободе и подвиге народа. Словно литые из бронзы встают перед читателем ее легендарные герои.

Ни в одном из исторических романов, предшествовавших героической эпопее Гоголя, не слышался столь явственно голос народа. Так перенестись в другую эпоху, проникнуться помыслами и переживаниями людей иного душевного склада, иного сознания, передать подлинную героику событий, широкий размах характеров мог лишь писатель, глубоко понявший стихию народной жизни.

Борьбу украинского казачества за свою национальную независимость Гоголь показал как героический эпизод в развитии судеб народов. Украинский народ, Запорожская Сечь предстают в его эпопее как сила, спасшая Европу от набегов и завоеваний монгольских и турецких хищников, «грозивших, — по словам Гоголя, — поглотить Европу» (VIII, 46 [1]). Этим определяется и внутренний драматизм повести и ее высокий патриотический пафос.

* * *

Гоголь как писатель сложился в годы, последовавшие за первым подъемом освободительного движения. Революционный порыв декабристов поколебал устои самодержавно-крепостнического государства, показал

[1] Здесь и далее ссылки на издание — Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений. Т. I—XIV. М.—Л., Изд.-во АН СССР, 1937—1952 — даются в тексте: римскими цифрами — том, арабскими — страницы.

пример сознательной борьбы с самодержавием. Но декабристы выступали как дворянские революционеры, далекие от народа. В. И. Ленин в работе «Роль сословий и классов в освободительном движении»[2] писал о том, как все более демократизировалось в XIX веке освободительное движение, преодолевая ограниченность дворянских революционеров.

Гоголь не являлся ни революционером, ни последовательным идеологом демократического движения, во многом сохраняя политические иллюзии и предрассудки своей среды. Однако объективное значение критики самодержавно-крепостнического строя в его творчестве, его положительные идеалы в этот период шли навстречу чаяниям народных масс, способствовали укреплению передовых, демократических идей, что и позволило В. И. Ленину говорить об «идеях Белинского и Гоголя»[3]. С особенной полнотой проявилась эта демократическая тенденция в «Тарасе Бульбе», проникнутом пафосом освободительной борьбы за национальную независимость.

«Тарас Бульба» впервые был напечатан в сборнике «Миргород» (вышедшем в начале 1835 г.) и имевшем подзаголовок «Повести, служащие продолжением „Вечеров на хуторе близ Диканьки“». Однако «Миргород» был не только продолжением «Вечеров», но и новым этапом в творчестве писателя, уже отошедшего от «поэтических грез» своих первых повестей и серьезно, даже трагически взглянувшего на окружавшую его жизнь. Вместе с тем именно «Тарас Бульба», пожалуй, больше всех других произведений Гоголя связан с «Вечерами». И не только потому, что сюда входила такая повесть как «Страшная месть», в известной мере и по теме и по манере изображения предварявшая историческую эпопею Гоголя. Главное, что от «Вечеров» с их ярким и радостным изображением жизни народа, цельных и простых людей с их насмешливым юмором и высокой патетикой, — «Тарас Бульба» унаследовал и веру в народ, и ослепительную яркость красок, и богатство фольклорно-песенной стихии.

В литературе 20—начала 30-х годов понятие народности отождествлялось лишь с обращением к этнографическим и бытовым деталям. Для Гоголя народность в самом понимании жизни, в слиянии личности с коллективом, в выражении национального характера. Это понимание народности он сформулировал в статье «Несколько слов о Пушкине», помещенной в «Арабесках». Говоря о народном характере творчества Пушкина, Гоголь писал: «... истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа» (VIII, 51).

Повесть Гоголя возникла из неудовлетворенности писателя современностью. Не случайно появилась она в сборнике «Миргород» вместе

---

[2] В. И. Ленин. Сочинения, т. 19, стр. 294—296.
[3] В. И. Ленин. Сочинения, т. 18, стр. 286.

с таким произведением, как «Старосветские помещики», являвшимся одновременно и элегией по уходящей патриархальности и «пародией на человечество», как определил эту повесть Белинский [4]. Там же помещена была «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», в которой Гоголь со всей беспощадностью своей сатиры показал духовное вырождение и социальный распад паразитических классов. Миру мелких стяжателей, нравственных уродов, помещиков-тунеядцев. изображенных в других повестях «Миргорода», Гоголь в «Тарасе Бульбе» противопоставил сферу народной жизни, цельные, могучие характеры.

«Никогда не жаждали мы так порывов, воздвигающих дух, как в нынешнее время, когда наступает на нас и давит вся дробь прихотей и наслаждений, над выдумками которых ломает голову наш XIX век. . .», — писал Гоголь в статье «Скульптура, живопись и музыка» (VIII, 12). Жажда этой утраченной цельности, красоты и величия идеалов — таково настроение, владевшее писателем в период работы над «Миргородом».

Свободолюбие и радость жизни, чувство единства с «товариществом», непосредственная свежесть восприятия жизни, отличавшие казачество, и увлекали Гоголя, когда он, создавая «Тараса Бульбу», наносил удар по раздробленности и меркантилизму XIX века. Недаром он писал своему другу Н. Языкову: «Бей в прошедшем настоящее, и тройною силою облечется твое слово. . .» (XII, 421).

Героические образы представителей народа особенно ярко выступали в обстановке «холодно-ужасного эгоизма, силящегося овладеть. . . миром» (VIII, 12). В «Тарасе Бульбе» дано утверждение писателем того положительного идеала, который он увидел в героическом прошлом народа.

Такие исторические катаклизмы первой четверти века, как Отечественная война 1812 года, революционные события в Европе, восстание декабристов на Сенатской площади 14 декабря 1825 года, — все это на грани 30-х годов усиливало интерес к истории, ставило вопрос о путях развития России, о прошлом населявших ее народов.

В обращении к героическому прошлому украинского народа Гоголь был не одинок. Оно неоднократно привлекало внимание декабристов, обращавшихся к темам и образам из истории Украины. Так, на заре декабристского движения Ф. Глинка пишет роман «Зиновий Богдан Хмельницкий» (1819), в котором возвеличивает борьбу украинского народа за свою независимость. Однако сам Хмельницкий в этом романе показан не столько как борец за свободу народа, сколько как романтический герой, злоключения которого занимали основное место в романе. В бóльшей мере прошлое Украины отражено в поэзии К. Рылеева. «Войнаровский»,

---

[4] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. I, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 291. Далее всюду ссылки на это издание.

«Богдан Хмельницкий» — одни из значительнейших его произведений на эту тему. Но и у Рылеева на первом плане героическая личность, а народное движение остается историческим фоном. Лишь в незаконченной поэме о Наливайке Рылеев ближе подошел к изображению национального движения на Украине как борьбы народа за свое освобождение:

Уже давно узнал казак
В своих союзниках тиранов.
Жид, униат, литвин, поляк —
Как стаи кровожадных вранов,
Терзают беспощадно нас.
Давно закон в Варшаве дремлет,
Вотще народный слышен глас:
Ему никто, никто не внемлет...

После 14 декабря 1825 г. передовым людям становилось все более ясно, что не героические одиночки вершат судьбы истории, а народные массы. Решающую роль народа прозорливо показал уже Пушкин в «Борисе Годунове» и «Полтаве». Гоголь в этом отношении являлся продолжателем пушкинской традиции, разделяя его понимание главенствующей роли народа в историческом процессе.

Обращение Гоголя к героическому прошлому Украины, к событиям народных войн за национальную независимость само по себе свидетельствовало уже о тех принципах народности, которые определили единство идейного содержания и художественных особенностей его эпопеи.

В литературе о «Тарасе Бульбе» отмечалось, что борьба казаков против Польши «осмысляется Гоголем не только в плане темы национально-освободительного движения, но и как конфликт между двумя вековыми антагонистами: народом и угнетающим его феодально-помещичьим строем»[5]. И хотя не следует преувеличивать политической осознанности Гоголем этого социального разграничения, несомненна общая демократическая устремленность его повести, его сочувствие угнетаемым массам народа.

* * *

Центром «Тараса Бульбы» писатель делает не судьбы отдельных персонажей, а судьбу народа, воплощает в художественных образах его героические и свободолюбивые черты. Этим определяется и эпичность повести и своеобразие ее художественного метода, близость к народному творчеству.

---

[5] С. Машинский. Историческая повесть Гоголя. М., 1940, стр. 63.

Западноевропейский исторический роман к этому времени зашел в тупик: поставив в центре обособленную личность, отказываясь от изображения народных масс, он переносил исторические, социальные конфликты в узкий мир психологии героев. Стендаль в статье «Вальтер Скотт и «Принцесса Клевская» писал: «Эти два имени обозначают два противоположных типа романа. Описывать ли одежду героев, пейзаж, среди которого они находятся, черты их лица? Или лучше описывать страсти и различные чувства, волнующие их души? .. Легче описать одежду и медный ошейник какого-нибудь средневекового раба, чем движения человеческого сердца... персонажам шотландского романиста тем больше не достает смелости и уверенности, чем более возвышенные чувства им приходится выражать» [6].

Лишенный народно-героического содержания, западноевропейский исторический роман неизбежно пришел и к кризису формы, превратившись или в археологические описания одежды и обстановки, или обратившись к анализу психологии своих героев вне их роли в исторических событиях.

Уже Пушкин в высказываниях об исторической драме и романе наметил иную концепцию своего понимания историзма. Автору исторического произведения он предъявляет требование быть «беспристрастным, как судьба»: «Не он (т. е. не автор. — *Н. С.*), не его политический образ мнений, не его тайное или явное пристрастие должно было говорить в трагедии, — но люди минувших дней, их умы, их предрассудки. Не его дело оправдывать и обвинять, подсказывать речи. Его дело воскресить минувший век во всей его истине» [7]. Это глубокое определение историзма, как изображения прошлого во всем его конкретном своеобразии, сделало Пушкина зачинателем русского исторического романа, образец которого он дал в «Арапе Петра Великого» (1827—1828).

Пушкин выступил также против поверхностного изображения прошлого, против перенесения в прошлое современных представлений и понятий. «В наше время под словом *роман*, — писал Пушкин, — разумеем историческую эпоху, развитую в вымышленном повествовании. Вальтер Скотт увлек за собою целую толпу подражателей. Но как они все далеки от шотландского чародея! подобно ученику Агриппы, они, вызвав демона старины, не умели им управлять и сделались жертвами своей дерзости. В век, в который хотят они перенести читателя, перебираются они сами с тяжелым запасом домашних привычек, предрассудков и дневных впечатлений. Под *беретом*, осененным перьями, узнаете вы голову, приче-

---

[6] Стендаль. Собрание сочинений, т. IX. Л., 1938, стр. 316—319.

[7] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. XI. [М.—Л.], Изд-во АН СССР, 1949, стр. 181. Далее всюду ссылки на это издание.

санную вашим парикмахером; сквозь кружевную фрезу à la Henri IV проглядывает накрахмаленный галстук нынешнего dendy... Сколько несообразностей, ненужных мелочей, важных упущений! сколько изысканности! а сверх всего, как мало жизни!»[8]

Изображение жизни народа, «духа времени», исторического смысла событий и характера эпохи, а не отдельных событий или портретов тех или иных исторических деятелей — являлось и для Гоголя основной задачей историка-романиста. В отличие от Загоскина, Лажечникова и даже таких крупных мастеров исторического романа, как Виньи и Гюго, у которых на первое место выступали сюжетная интрига или психологические переживания героев, — Гоголь обращается к широкому историческому охвату жизни народа, к раскрытию его национального характера.

В статье «О преподавании всеобщей истории» он сформулировал свое понимание истории, свои принципы художника, положенные в основу «Тараса Бульбы»: «Все, что ни является в истории, — писал Гоголь, — народы, события — должны быть непременно живы и как бы находиться пред глазами слушателей или читателей, чтоб каждый народ, каждое государство сохраняли свой мир, свои краски, чтобы народ *со всеми своими подвигами* (курсив мой. — *Н. С.*) и влиянием на мир, проносился ярко, в таком же точно виде и костюме, в каком был он в минувшие времена» (VIII, 27). Это отнюдь не значит, что Гоголь стремился к археологически точному воспроизведению истории, наоборот, он требовал наиболее полно и ярко передать прежде всего жизнь и характер народа, его «подвиги». Преодолев кризис западноевропейского романа, Гоголь оживотворил его возвращением к народным истокам, к фольклору, к национальному эпосу.

В понимании задач исторического романа Гоголь близко соприкасался с Белинским, который дал развернутое обоснование художественных принципов исторического романа, его подлинного историзма. В рецензии 1835 г. на книгу «О жизни и произведениях Вальтера Скотта» Белинский выступил против Сенковского, отрицавшего законность исторического жанра вообще, видя в нем «незаконное детище», «плод» «прелюбодеяния истории с воображением». Указывая, что «жизнь историческая» может и должна стать «предметом поэтического представления», Белинский подчеркивал необходимость сочетания в историческом романе истины с поэтическим вымыслом писателя, изображающего не только исторические события, но и судьбы вымышленных персонажей.

«Мы, с своей стороны, — писал Белинский, — всегда думали, что поэт не может и не должен быть рабом истории, так же как он не может и не должен быть рабом действительной жизни, потому что, в том и другом

[8] А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., стр. 92.

случае он был бы списчиком, копиистом, а не творцом». Отрицая такой подход к истории, Белинский утверждал: «Поэт читает хроники, историю, поверяет, соображает, сдружается с избранною эпохою, с избранными лицами; изучение для него необходимо, но не это изучение составляет акт творчества... Ему нужны только некоторые мгновения из жизни героя, ему нужны только некоторые черты эпохи; он вправе делать пропуски, неважные анахронизмы, вправе нарушать фактическую верность истории, потому что ему нужна идеальная верность»[9].

Принцип подлинного историзма, а не мелочного, чисто внешнего следования за историческими фактами, положен был и в основу «Тараса Бульбы», в котором писатель осуществил «идеальную верность» истории. Раскрывая историческую эпоху, рисуя исторические события, Гоголь, прежде всего, показывал главные движущие силы эпохи.

Гоголь высоко ценил заслуги родоначальника исторического романа Вальтера Скотта. Полемизируя с Сенковским, он писал: «Вальтер Скотт, этот великий гений, коего бессмертные создания объемлют жизнь с такою полнотою...» (VIII, 160). Но следуя за Вальтер Скоттом в полноте изображения жизни, Гоголь идет своим особым путем.

В «Учебной книге словесности» Гоголь, характеризуя эпопею, как «полнейшее» и «многостороннейшее» создание, указывал, что эпопея «объемлет» «всю эпоху времени, среди которого действовал герой, с образом мыслей, верований и даже познаний... Весь мир на великое пространство освещается вокруг самого героя, и не одни частные лица, но весь народ» оживает перед читателем в таком виде, в каком «представляет только намеки и догадки история» (VIII, 478). Гоголь определил здесь и суть художественного метода своей повести. Основное в ней — показать «весь народ», раскрыть в художественно-обобщенных образах «намеки и догадки» истории.

Писатель не сразу пришел к созданию эпопеи о жизни украинского казачества. К 1830—1832 гг. относится его работа над известным нам лишь в отрывках историческим романом «Гетьман», события которого также относились приблизительно к середине XVII столетия, а главным героем должно было стать историческое лицо — нежинский полковник Степан Остраница, возглавивший борьбу казачества с панской Польшей. Однако здесь Гоголь еще полностью следовал принципам романтически-«неистовой» школы, увлекаясь описанием таинственных приключений и ужасов.

В романтическом плане изображал он казачество и в повести «Страшная месть», в известной мере предварявшей «Тараса Бульбу».

---

[9] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. II, 1953, стр. 132

Говоря об обращении Гоголя к исторической теме, следует иметь в виду также его усиленные занятия историей в 1831—1835 гг. (и прежде всего историей Малороссии), и работу над оставшейся незавершенной исторической драмой «Альфред». В «Альфреде» он пытался осуществить принцип шекспировской драматургии. Это — народная драма, во многом перекликающаяся с пушкинским «Борисом Годуновым», в которой показана тесная зависимость судеб страны от народного движения.

Эта взаимосвязь между историческими штудиями Гоголя и работой его над художественным произведением плодотворно сказалась в «Тарасе Бульбе». Однако писатель далеко не сразу создал свою повесть в том виде, в каком она известна теперь читателям.

«Тарас Бульба» в редакции 1835 г., помещенной в «Миргороде», еще далек от окончательной художественной завершенности и цельности. Первоначальная редакция изобилует романтическими эффектами, близка к патетике «Страшной мести». Тогда как в окончательном тексте 1842 г. романтическая патетика сочетается с реалистической силой и зрелостью художественного мастерства.

Следует иметь в виду, что уже после написания первой редакции «Тараса Бульбы» Гоголь познакомился с «Капитанской дочкой» Пушкина, появившейся в 1836 г. Он восхищался «чистотой и безыскусственностью» (VIII, 384) повести и несомненно учитывал пушкинский опыт при переработке «Тараса Бульбы» в 1841—1842 гг. Но решающую роль в этой переработке, в результате которой повесть стала более совершенной и исторически правдивой, сыграло развитие творчества самого писателя. Ведь вторая редакция «Тараса Бульбы» завершена была уже по написании «Ревизора» и первого тома «Мертвых душ» — вершин гоголевского реализма.

Во второй редакции «Тараса Бульбы» полнее и глубже сказалось и обращение Гоголя к народному творчеству как в лепке образов героев, так и в самом стиле повести. Была усилена патриотическая идея повести, ее образы стали более психологически углубленными и жизненными. В первой редакции Тарас — охотник до набегов и бунтов, в окончательном тексте — это борец за национальную независимость. В частности, в редакции «Миргорода» Тарас Бульба перессорился со своими товарищами из-за раздела добычи, в окончательной редакции Гоголь показывает, что он рассорился с теми, кто склонен был держать сторону панской Польши, называя их «холопами польских панов». Именно в редакции 1842 г. появляется и речь Тараса о товариществе. Гоголь убирает также многочисленные риторические и ходульно-романтические места и фразы, стремясь к жизненности своих образов. О второй редакции «Тараса Бульбы» Белинский писал: «Как великий поэт и художник, верный однажды избранной идее, певец Бульбы не прибавил к своей поэме ничего

такого, что было бы чуждо ей, но только развил многие уже заключавшиеся в ее основной идее подробности. Он исчерпал в ней всю жизнь исторической Малороссии и в дивном, художественном создании навсегда запечатлел ее духовный образ: так ваятель уловляет в мраморе черты человека и дает им бессмертную жизнь»[10].

* * *

Освободительная борьба украинского народа против феодально-панской Польши передана в «Тарасе Бульбе» с огромной полнотой и художественной яркостью. С восхищением рассказывает писатель о казачестве, рисует героические, эпически-обобщенные образы Тараса, Остапа и других рыцарей вольнолюбивой Сечи. Гоголь показал и неугасимую ненависть народа к своим угнетателям, тяжесть ига польских феодалов, беззаветный героизм лучших сынов казачества в длительной упорной борьбе за национальную независимость.

Панская Польша, учитывая важную роль казачества в борьбе с Крымом и Турцией, стремилась к захвату украинских земель и на протяжении XVI—XVII вв. неоднократно делала попытки подчинить Украину, поработить ее свободолюбивый народ. До 1569 г. Украина была объединена союзом с Литвой и Польшей, сохраняя свою политическую и экономическую самостоятельность. В 1569 г. в Люблине польским сеймом была провозглашена Люблинская уния, предусматривавшая подчинение Украины Польше. С этого времени начинается упорная борьба украинского народа против иноземного панства. На неоднократные попытки подчинить себе украинские земли украинское крестьянство отвечало бегством на Сечь, в низовья Днепра, увеличивая собой казачество и поднимаясь оттуда на борьбу. Многочисленные казацкие восстания под руководством Наливайки, Тараса Федоровича, Павлюка, Остраницы, Нечая — проходят через весь конец XVI и XVII века, свидетельствуя о вольнолюбии казачества, об упорном стремлении украинского народа к своей самостоятельности.

Борьба за национальную независимость была тесно связана с борьбой против крепостнического порабощения, которое несли иноземные феодалы и с борьбой против окатоличения. С помощью католицизма шляхта пыталась подчинить себе украинцев, оторвать от России. В борьбе с польскими магнатами украинский народ и казачество видели свой оплот и поддержку в России, и защита православия являлась поэтому формой политической борьбы за национальную самостоятельность.

Прошлое казачества, историю Украины Гоголь не отделял от России. В его повести судьбы украинского и русского народа нераздельны.

---

[10] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VI, 1955, стр. 661.

Казачество, Сечь — это образование, возникшее, — по словам Гоголя, — на окраине русского государства из вольнолюбивых элементов, бежавших из России от татарских набегов и боярских поборов, и крестьян Украины, боровшихся как с татарами и султаном, так и с польской шляхтой. Казаки бьются за «русскую землю», за землю, политую кровью русских и украинцев. В борьбе с «бусурманами», турками и крымскими татарами, и «католиками» — они ориентируются на Русь, в единстве России и Украины видя свое спасение: «Пусть же славится до конца века Русская земля!»

О таком понимании исторической роли и происхождения запорожского казачества пишет Гоголь и в своей статье «Взгляд на составление Малороссии»: «И вот выходцы вольные и невольные, бездомные, те, которым нечего было терять, которым жизнь — копейка, — писал он, — которых буйная воля не могла терпеть законов и власти... расположились и выбрали самое опасное место в виду азиатских завоевателей — татар и турков. Эта толпа, разросшись и увеличившись, составила целый народ, набросивший свой характер и, можно сказать, колорит на всю Украину, сделавший чудо — превративший мирные славянские поколения в воинственный, известный под именем казаков, народ, составляющий одно из замечательных явлений европейской истории, которое, может быть, одно сдержало это опустошительное разлитие двух магометанских народов, грозивших поглотить Европу» (VIII, 46).

В этих условиях складывался национальный характер, в котором Гоголь прежде всего отмечает черты свободолюбия, смелости, бесшабашной удали и товарищеского братства: «Это, однако ж, не были строгие рыцари католические: они не налагали на себя никаких обетов, никаких постов; не обуздывали себя воздержанием и умерщвлением плоти; были неукротимы, как их днепровские пороги, и в своих неистовых пиршествах и бражничестве позабывали весь мир» (VIII, 48). Для Гоголя казачество той поры — это вооруженный народ, героически защищающий свою родину и свободу. В условиях свободной жизни, независимой от князей и бояр, полной бранных тревог, с особенной полнотой сформировались эти черты народного характера.

Давая обобщенную картину борьбы казачества за свою независимость, раскрывая героический характер украинского народа, Гоголь не стремился к точному хронологическому приурочиванию фактов. Говоря в начале повести о Тарасе Бульбе, как об одном из тех характеров, «которые могли только возникнуть в грубый XV век», Гоголь отнюдь не относит действие повести к этому времени. Он упоминает и о XVI веке, а ряд фактических данных (обучение сыновей Бульбы в Киевской Академии, имена Потоцкого и Остраницы) позволяют отнести действие к половине XVII в. Наиболее конкретно упоминание в повести о казацком

восстании 1638 г. под руководством гетмана Остраницы и о страшной казни его.

Обращаясь к историческим источникам — таким, как «История Малой России» Д. Бантыша-Каменского, «Описание Украины» Боплана, а для второй редакции «Тараса Бульбы» и «История казаков Запорожских» кн. Мышецкого, — Гоголь узнает из них ряд фактических подробностей и отдельных штрихов тогдашнего быта и нравов, исторических сведений, позволивших ему придать своему повествованию более точный исторический характер и колорит. Но основной патриотический пафос повести, глубокое понимание народного характера борьбы казачества за свою независимость связаны с другими источниками — народными песнями, украинскими «думами», а также близкой к ним по духу «Историей Руссов», приписывавшейся в то время Георгию Конисскому.

В одном из писем, отрицательно оценив польские источники и летописи, писавшиеся казацкими старшинами, Гоголь выделил «Историю Руссов» как сочинение «с резкою физиономией, с характером» (X, 299)[11]. Рассказывая о вероломстве и жестокостях польских феодалов по отношению к казачеству и украинскому населению, об их угнетении, повесть Гоголя перекликается с соответствующими страницами «Истории Руссов».

Казаки у Гоголя — носители того цельного и простого отношения к жизни, которое утрачено в современном писателю обществе, основанном на наживе, корысти, себялюбивых и мелочных интересах. Рисуя могучие вольнолюбивые образы запорожцев, их бесшабашное, буйное веселье, их презрение к собственности, Гоголь изображает Запорожскую Сечь своеобразной республикой. «Эта странная республика, — говорит Гоголь, — была именно потребностию того века». В сцене вольной казацкой «рады», перевыборов кошевого, — особенно подчеркнуто это демократическое, «республиканское» устройство Сечи, когда вся казацкая масса вершит важные вопросы своей жизни. Каждый казак чувствует себя равным членом общества. Кошевой на собрании казачьего круга подчиняется решению казаков, заявляя: «Я слуга вашей воли».

Гоголя восхищает демократизм казацкого «товарищества», спаянного узами братства суровой боевой жизни. Вульгарные социологи писали о том, что писатель не понял противоречия интересов между рядовым казачеством и его верхушкой. Но для Гоголя важно было показать не это противоречие, а сплоченность, «естественную», демократическую сущность коллектива, объединение людей, равных в своей самоотверженности,

[11] «Историю Руссов» высоко ценил и Пушкин, писавший, что в ней автор «сочетал поэтическую свежесть летописи с критикой, необходимой в истории». См.: А. С. **Пушкин**. Полн. собр. соч., т. XII, 1949, стр. 18—19.

в своей преданности родине. Именно поэтому он всячески подчеркивает презрение казаков к собственности, к роскоши, простоту их нравов и образа жизни. Напомним встретившуюся Бульбе с сыновьями фигуру запорожца, лежавшего перед входом в Сечь: «В самом деле, это была картина довольно смелая: запорожец как лев растянулся на дороге; закинутый гордо чуб его захватывал на пол-аршина земли; шаровары алого дорогого сукна были запачканы дегтем для показания полного к ним презрения».

Гоголь хотел передать красоту человека в его «первозданных» проявлениях — в смелом пренебрежении опасностью и самой смертью, в высоком гуманизме «товарищества» и патриотической самоотверженности. Но, как верно отмечает С. М. Петров, «Гоголь не идеализирует Запорожскую Сечь, не допускает никаких моральных подчисток в дидактических целях, как это допускали в своих исторических романах Булгарин и Загоскин. Он показывает, что своеобразный общественный и культурно-бытовой уклад Запорожской Сечи содержал в себе и противоречивые, отрицательные стороны. В повести освещена не только сила, но и слабость патриархальной демократии Сечи, черты, которые явились источником ее исторической трагедии» [12]. Национальные и религиозные предрассудки, грубое отношение к женщине, отрицание культуры — все это черты подлинной исторической правды, которую Гоголь не прикрашивает.

Постоянная военная опасность, боевая, ратная жизнь казачества вырабатывали мужественные цельные характеры, чувство коллектива, определявшее нравственный «закон», сознание священных уз казацкого братства. Об этом говорит сам писатель и в статье «О малороссийских песнях»: «Везде проникает их, везде в них дышит эта широкая воля казацкой жизни. Везде видна та сила, радость, могущество, с какою казак ... упрямый, непреклонный... спешит в степи, в вольницу товарищей. Его жену, мать, сестру, братьев — все заменяет ватага гульливых рыцарей набегов. Узы этого братства для него выше всего, сильнее любви» (VIII, 91—92).

* * *

В «Тарасе Бульбе» индивидуальные судьбы и действия героев включаются в общность того национального, народного коллектива, к которому они принадлежат. Его герои неизменно чувствуют себя частью коллектива, их поступки вытекают из сознания этой общности. Отсюда и эпичность повести, близость ее к народному эпосу, героическая патетика ее стиля. В этом основа преодоления Гоголем романтического метода, утверждение им личности, тяготеющей к слиянию с миром, с утраченной ею

[12] С. М. Петров. Исторический роман в русской литературе. М., 1961, стр. 55.

гармонией. «Человек современного общества ничтожен и слаб, — так говорит всеми своими повестями Гоголь, — ибо он замкнут в ничтожной и бренной скорлупе своей индивидуальности. Наоборот, идеальный человек могуч и велик — так как он влит в стихийное единство коллектива, в „товарищество“. Поэтому-то Сечь рождает героев, эпос», — справедливо писал Г. Гуковский[13]. В этом был писательский подвиг Гоголя, то новое слово, которое он сказал в мировой литературе: «Гоголь ставит перед новой литературой всего человечества, — продолжает Г. Гуковский, — задачу, с такой силой, остротой и глубиной не поставленную еще никем до него, задачу, не понятую в полной мере ни его современниками, ни его потомками до конца XIX столетия, задачу создания конкретных образов не просто людей-личностей, а целостных единств людей, их жизней, их слиянных судеб»[14]. Именно этим Гоголь близок нашей эпохе, когда в литературе социалистического реализма осуществился в полной мере принцип изображения человека в его слиянности с массой. В этом перекличка «Тараса Бульбы» с такими произведениями, как «Железный поток» Серафимовича или «Молодая гвардия» Фадеева.

Подлинным героем гоголевского эпоса является народ и его судьбы. Тарас, Остап, Андрий и другие казаки — лишь выражают разные грани народной жизни, являются воплощением силы и слабости казачества. В основном — его силы, его здоровых демократических начал, его неугасимой любви к родине, героической самоотверженности. Потому-то казаки и наделены былинно-эпической мощью, прямотой характера, несгибаемым мужеством. Тогда как те немногочисленные, слабые души, которые отступились от борьбы, как Андрий, — стали отщепенцами своего народа и обречены на позорную гибель.

Герои Гоголя выражают чаяния и думы народа, при всех индивидуальных особенностях своих характеров. Гоголь ценил Вальтера Скотта в особенности за его шекспировское искусство развивать крупные черты характеров. Именно этот шекспировский принцип положен им и в основу изображения характеров в «Тарасе Бульбе». Сам Тарас Бульба предстает перед нами как обобщенный образ, в котором раскрываются лучшие черты национального характера.

Во всем — и в суровой простоте его быта, и в яркой талантливости и широте натуры, и в самом народном «изгибе» ума, Тарас плоть от плоти, кость от кости своего народа. Он никогда не отделяет себя от коллектива, от «товарищества» и только в нем видит смысл своей жизни и ту силу, которая определяет его могучую деятельность, неукротимую энергию.

---

[13] Г. А. Гуковский. Реализм Гоголя. М.—Л., 1959, стр. 158.
[14] Там же, стр. 159.

Тарас Бульба — яркая и крупная личность, самым решительным и активным образом влияющая на ход событий. Подобно тому, как Пугачев у Пушкина в «Капитанской дочке» является одновременно и выходцем из народных масс и талантливым их руководителем, так и Тарас Бульба вырастает в могучую фигуру национального героя, защитника и выразителя народных интересов. Благодаря этому, личность Тараса Бульбы приобретает эпическое величие, раскрывается писателем как единство индивидуального и народного, показана в теснейшей связи с борьбой народных масс, как типически обобщенное воплощение лучших национальных черт и вместе с тем живой, самобытный характер.

Историки литературы, говоря об образе Тараса Бульбы, неоднократно стремились отождествить его с конкретными историческими деятелями, найти исторический прототип. (Так, И. Каманин указывал на близость Тараса Бульбы к Богдану Хмельницкому, видя общность их в том, что Бульба и Хмельницкий выступали мстителями за смерть сына[15].) Однако эти сближения чрезвычайно шатки и случайны. В Тарасе Бульбе воплощены лучшие героические черты казачества, которые Гоголь увидел как в народных песнях и сказаниях, так и в исторических источниках и летописях.

Гуманизм Гоголя в утверждении ценности таких чувств и моральных качеств, которые определяют достоинство человека, смысл и назначение его жизни. Верность родине и товариществу, самоотверженность, душевное благородство, стойкость и мужество — таковы человеческие качества, которые близки писателю. В преодолении индивидуалистической ограниченности, эгоизма видит он основной пафос деятельности своих героев. Это качество гуманизма, столь характерное именно для русской литературы, сказалось в самоотверженности Тараса и Остапа, так естественно, ни на минуту не задумываясь, готовых пожертвовать жизнью во имя блага родины, во имя товарищества. Это не только вопрос о солидарности, — «нет уз святее товарищества», братства по оружию, — но это и вопрос морального облика человека, его поведения.

Тарас Бульба не знает раздвоения между личным чувством и долгом. Подобно героям шекспировских хроник, он целен в своих поступках и действиях, чужд сомнениям. Вместе с тем характер Тараса отнюдь не примитивен и не упрощен. Это богато и разносторонне одаренная натура. В нем соединились и широкое, государственное понимание задач, стоящих перед казачеством, и воинское умение, и несгибаемая воля, и глубокое отцовское чувство. Народность образа Тараса Бульбы отмечал Белин-

[15] И. М. Каманин. Научные и литературные произведения Гоголя по истории Малороссии — Сб.: «Памяти Гоголя». Научно-литературный сборник Общества Нестора-летописца. Киев, 1902, стр. 116.

ский: «Тарас Бульба является ... представителем этой жизни, идеи этого народа, апотеозом этого *широкого размета души* ... Он любил свою родную Украйну и ничего не знал выше и прекраснее удалого казачества, потому что чувствовал то и другое в каждой капле крови своей...»[16]

При внешней грубости образ Тараса Бульбы насыщен внутренней гуманностью. Бульба беспощаден к врагам, он суров, когда дело касается исполнения общественного долга, но всю свою жизнь он отдает делу борьбы за лучшее будущее народа. Тарас гневно осуждает тех, кто изменил «товариществу», национальным интересам во имя корысти, прельстившись чужеземной роскошью: «Знаю, подло завелось теперь в земле нашей; думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды да конные табуны их, да были бы целы в погребах запечатанные меды их. ...Милость чужого короля, да и не короля, а паскудная милость польского магната, который желтым чоботом своим бьет их в морду, дороже для них всякого братства». Сознание национального достоинства и своей общности с народом определяет моральный идеал Тараса, непримиримо относящегося к корыстолюбивым и продажным отщепенцам, изменившим общему делу.

С особенной полнотой проявляется непреклонный характер Тараса Бульбы в сцене казни им сына Андрия, являющейся самым драматическим эпизодом повести. Верность отчизне и любовь к ней Тарас ставит выше личной привязанности, кровного родства. Андрий, перешедший на сторону поляков, изменив родине и народу, нарушил самые священные обязанности человека, и Тарас не только вырывает из сердца любовь к нему, но и выступает судьею и мстителем, казнит своей рукою изменника. Казнь Андрия для Тараса — свершение суда народа, неизбежная мера в условиях жестокой борьбы. Родина и «товарищество» для Тараса больше чем родительское чувство, потому что именно любовь к отчизне и народу возвышает человека, отличает его любовь от инстинкта животного.

Речь Бульбы о товариществе накануне боя под Дубно проникнута этим глубоким патриотическим чувством, выражая идею всей повести: «Нет уз святее товарищества! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей»[17].

---

[16] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. III, 1953, стр. 440.

[17] Ср. речь Тараса с речью Богдана Хмельницкого к казакам, приводимую в «Истории Руссов»: «Я и окружающее меня товариство есть единокровная и единоверная ваша братия; интересы и пользы наши одни суть с пользами и нуждами вашими. Мы подняли оружие не для корысти какой или пустого тщеславия, а единственно на оборону оте-

Тарас не только суровый мститель, могучий исполин, олицетворяющий мощь народа. Гоголь делает его образ жизненным, художественно убедительным, полнокровным, находит такие краски и подробности, которые придают ему правдивость и естественность. Белинский, говоря о Тарасе Бульбе, указывал, что Гоголь умел в трагическом открыть комическое: «Это лицо совершенно трагическое, его комизм только в противоположности форм его индивидуальности с нашими — комизм чисто внешний. Вы смеетесь, когда он дерется на кулачки с родным сыном и пресерьезно советует ему тузить всякого, как он тузил своего батьку; но вы уже и не улыбаетесь, когда видите, что он попался в плен, потянувшись за грошовою люлькою; но вы содрогаетесь, только еще видя, что он в яростной битве приближается к оторопевшему сыну...» [18].

В самом деле сколько мягкого юмора в сцене встречи Бульбой сыновей, только что приехавших из Киевской бурсы; юмором проникнуты и его насмешливые замечания по поводу бурсацкой науки. Бульба умеет и схитрить, когда нужно, как это было с избранием в Сечи нового кошевого, и пошутить. Характерной деталью довершает его портрет Гоголь. В конце повести постаревший, но неукротимый в своей жажде мщения Бульба спасается от превосходящего его силы польского отряда. Он уже уходит от погони, но задерживается, чтобы поднять уроненную люльку, и попадает в руки врагов. Эта деталь, восходящая к фольклорным мотивам, также дополняет упрямый и безудержно смелый характер Бульбы.

Самая смерть его приобретает характер героического апофеоза, становится своего рода символом непреоборимого мужества. Вера в правоту своего дела, вера в победу народа наполняет уверенностью его сердце. Непобедим народ, защищающий свою родину: «Разве найдутся на свете такие огни и муки и сила такая, которая бы пересилила русскую силу!», — говорит Гоголь о гибели Тараса. Тарас понимает, что борьба не кончена и казаки еще вернутся как победители, что смерть его нужна для будущей победы. В этом исторический оптимизм повести Гоголя.

Богатырские черты отца унаследовал и Остап. Героический характер Остапа подчеркивает типичность, народность тех черт, которые нашли свое яркое выражение в Тарасе Бульбе. Остап такой же могучий воин, как и его отец, самозабвенно и преданно служит он родине, бесстрашен

чества нашего, жизни нашей, и жизни чад наших, а равно и ваших. Все народы, живущие во вселенной, всегда защищали и будут защищать вечно бытие свое, свободу и собственность и самые даже пресмыкающиеся по земле животные, каковы суть звери, скоты и птицы, защищают становища свои, гнезда свои и детища свои до изнеможения» («История Руссов». М., 1846, стр. 62). Вкладывая в речь Тараса известную полемику со словами Хмельницкого, Гоголь не отождествляет преданность родине у человека и животных, а противопоставляет их.

[18] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. III, стр. 440.

в бою. Трагическая сцена казни Остапа раскрывает величие его духа, его богатырское мужество.

Не только Тарас и Остап, но и остальные герои гоголевского эпоса сознают себя участниками общенародного дела, справедливой борьбы за национальную независимость, за права казачества. Именно в этом сознании общности с народом подлинный источник героических поступков и самоотверженности казаков. Любовь к родине, патриотическое чувство воодушевляют героев повести на их подвиги. В неравном бою погибают казачьи богатыри — Бовдюг, Балабан, Кукубенко. Но одна только дума у них: как можно дороже отдать свою жизнь за общее дело, за освобождение отчизны. И умирают они с гордой уверенностью в том, что их ратный подвиг послужил народу. Вот погибает в бою Балабан: «Поникнул он теперь головою, почуяв предсмертные муки, и тихо сказал: „Сдается мне, паны-браты, умираю хорошею смертью: семерых изрубил, девятерых копьем исколол, истоптал конем вдоволь, а уж не припомню, скольких достал пулею. Пусть же цветет вечно Русская земля!..“ И отлетела его душа». Мосий Шило, захваченный турками в плен, притворно приняв «бусурманскую веру», подымает мятеж и возвращается с победой на родину.

Сознание единства, общности товарищества объединяет и цементирует Сечь. В бою, в самых опасных положениях казаки выступают сплоченно, единым спаянным коллективом, тогда как их противники действуют в одиночку и их отвага имеет иные, авантюристические стимулы.

В судьбе Андрия показана участь отступника, изменника своему народу. Андрий — бурная и смелая натура. Казнив сына, Бульба говорит о нем как о «добром казаке». Вместе с тем он жертва безмерной любви к «прекрасной полячке», целиком им завладевшей, так что он не способен уже трезво расценивать свои поступки. Андрий изменил родине и «товариществу», противопоставив им личные интересы, свое чувство к «прекрасной полячке». Страсть, оказавшаяся сильнее уз товарищества, верности родине, семейных традиций и сыновней привязанности, оказалась преступна и губительна.

* * *

Характеры действующих лиц повести раскрываются в трагических коллизиях. Герои «Тараса Бульбы», как и герои шекспировских трагедий, выступают носителями могучих чувств и страстей. В «Тарасе Бульбе» сочетаются эпическое и драматическое начала. В этом своеобразие повести Гоголя, ее отличие от вальтерскоттовской традиции. Говоря об отсутствии резкой границы между родами литературы, Белинский писал: «Эпическое произведение не только ничего не теряет из своего до-

стоинства, когда в него входит драматический элемент, но еще много выигрывает от этого»[19]. Примером такого произведения Белинский считает «Тараса Бульбу», который показывает нам, как проникает драматический элемент в эпическое произведение, как эпическое повествование соединяется с трагическими коллизиями.

Гегель указывал на особый характер «драматического развертывания» в противоположность развитию действия в эпосе: «Собственно драматическое течение представляет собой неизменное *поступательное движение* к завершительной катастрофе», тогда как «форма эпической объективности» требует «замедленности в описании»[20]. В «Тарасе Бульбе» сочетаются оба эти принципа. Наряду с замедленно-эпическим повествованием, изобилующим описаниями (описания степи, Сечи, битвы под Дубно и др.), в повести отчетливо ощутимо движение к трагической катастрофе. Казнь Тарасом Андрия, гибель Остапа от руки палачей на площади Кракова и наконец смерть самого Тараса, сожженного врагами на костре, — три трагические «вершины» повести, определяющие напряженность ее действия, ее героическую патетику. И в то же время эти трагические эпизоды различны по своему содержанию и тональности. Сцена казни Андрия проникнута скорбным лиризмом, передает высшую правду и справедливость возмездия, настигающего отщепенца, порвавшего узы с отчизной и «товариществом». Вся сцена исполнена печали, трагической обреченности, полна горестью сожаления. Иначе воспринимается сцена казни Остапа. В ней ощутим протест, вызов, восхищение самоотверженностью старшего сына Бульбы, который во имя отчизны стоически выдерживает самые страшные пытки, полон мужества и презрения к врагу. Этот же мотив еще раз прозвучит со всей силой в конце повести в описании гибели Тараса, знаменуя торжество человеческого духа, бессмертие подвига, свершенного во имя народа.

В «Тарасе Бульбе» совместились, слились реалистические и романтические начала. Патетическая приподнятость, гиперболическая яркость и эмоциональная напряженность стиля связаны с поэтикой романтизма, тогда как типическая сила, эпически обобщенное изображение событий и героев свидетельствуют о реалистической основе повести. Единство обоих художественных принципов здесь не поддается механическому разложению.

Гоголь создает героические характеры, показывает типические образы в типических обстоятельствах, правдиво раскрывая историческое своеобразие эпохи. Этим утверждается реалистическая основа повести, жизненная полнокровность образов Тараса, Остапа и других персонажей.

---

[19] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. V, 1954, стр. 22.
[20] Гегель. Сочинения, т. XIV. М., 1958, стр. 339.

Однако реализм «Тараса Бульбы» — реализм особого типа. Он не только решительно противостоит рационалистической эстетике просветителей и наивному натурализму фактографичности, бытоописания нравоописательной литературы, но имеет и своеобразные черты, отличные от реализма «Ревизора» или «Мертвых душ». В этих произведениях дано критическое разоблачение действительности, в «Тарасе Бульбе» — представлены героические стороны народной жизни, положительный идеал автора, требовавшие для своего выражения иных художественных средств. Реализм Гоголя служит здесь созданию образов положительных героев и характеров, приобретает черты героической приподнятости. Пользуясь словами А. М. Горького, можно сказать, что Гоголь возвышает своего героя над действительностью, не отрывая его от нее[21]. Этим объясняются черты героической романтики в изображении характеров, которые, однако, не нарушают правдивости и жизненной цельности образа, а дополняют и обогащают его.

Создавая образ народного героя, Гоголь, естественно, не мог пользоваться теми же художественными средствами и приемами, какие были им применены в «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». В «Тарасе Бульбе» он, опираясь на фольклорные народно-поэтические источники, развивает принципы, осуществленные им ранее в «Вечерах на хуторе...» при изображении картин народной жизни.

Проницательно определив реализм Гоголя, как сочетание трагического и комического, Белинский показывает емкость и многогранность гоголевского реализма. В «Тарасе Бульбе» органически сочетаются черты героического и трагического с жизненными, бытовыми картинами и описаниями, проникнутыми сочным народным юмором. Героика повести не становится абстрактно-романтической, а вытекает из жизненных положений, сочетается с типичностью характеров, определенных исторической эпохой, с живописной яркостью, даже гиперболической мощью описаний.

«Сущность жизни всякого народа есть великая действительность, — говорил Белинский, — в „Тарасе Бульбе“ эта сущность нашла свое полнейшее выражение»[22]. Эта формула Белинского раскрывает основу реализма Гоголя в «Тарасе Бульбе», сочетание в нем подлинной народности и исторической правды. Верное понимание писателем основных особенностей жизни народа, его чаяний, его исторического бытия — позволило ему создать произведение исторически правдивое и вместе с тем высоко поэтическое.

Как отмечал в монографии о Гоголе М. Б. Храпченко, «реалистическое героико-эпическое изображение исторической действительности в

[21] М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах, т. 26. М., 1953, стр. 420.
[22] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. III, стр. 441.

„Тарасе Бульбе“ весьма своеобразно сочетается с романтическими тенденциями»[23].

У Гоголя народное, национальное, «общное» определяют и понимание исторического процесса и характеров, им порожденных. Представители романтической эстетики (в частности Август и Фридрих Шлегели) также призывали к раскрытию национального «духа», к обращению к народному творчеству как главному источнику искусства. Так, Август Шлегель провозгласил в своих «Чтениях о драматическом искусстве» принцип «органической формы», которая определяется содержанием художественного произведения и строит его материал «изнутри». Сочетание принципов народного эпоса с современным историческим романом, созданным Вальтер Скоттом, и явилось как бы «органической формой» повести Гоголя.

Учитель немецких романтиков Гердер, которого Гоголь высоко ценил, писал о песнях бардов и мейстерзингеров: «Как внимал им народ, чем была для него эта песня и что он сам видел в ней! Как благоговейно хранил он эти песни и рассказы, а вместе с ними — язык, образ мыслей, обычаи, подвиги, хранил и взращивал для будущего. В них слышался хоть и наивный, но могучий, трогательный, правдивый голос, подступавший прямо к сердцу. . .»[24] К этим высказываниям близки восторженные слова Гоголя об украинских песнях, как выражении народного характера. Если жизнь народа «была деятельна, разнообразна, своевольна, исполнена всего поэтического и он при всей многосторонности ее не получил высшей цивилизации, — писал Гоголь, — то весь пыл, все сильное, юное бытие его выливается в народных песнях» (VIII, 90).

Восходят к поэтике и эстетике романтизма также резкость и острота конфликтов, яркость национального колорита, гиперболизм, образная патетика стиля, вобравшего как фольклорно-песенные элементы, так и лирические, книжные; поэтическая, стиховая структура самой повествовательной манеры, эмоциональная насыщенность образов и стиля повести Гоголя, ее лирический, вернее лиро-эпический строй, и необычайная живописность словесных красок.

Однако восприняв идеи и художественные принципы романтизма, Гоголь по-своему их применил. Романтические тенденции, особенно наглядно сказавшиеся в описании Сечи, в сценах битвы под Дубно, в изображении действующих лиц повести (Андрия, панны), не ослабляли ее реалистической основы: «Определяющее значение имеет способ обрисовки исторических событий, эпохи в целом, сущности характеров. А здесь-то как раз и проявляются, — как справедливо замечает М. Б. Храпченко, — реалисти-

[23] М. Б. Храпченко. Творчество Гоголя. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 195.
[24] Гердер. Избранные сочинения. М.—Л., 1959, стр. 67.

ческие истоки „Тараса Бульбы“, сила реалистического мастерства писателя...»[25]

Повесть Гоголя кровно связана с жизнью, она дает характеры героев не в субъективной интерпретации автора-романтика, а в их исторической осознанности, типичности, жизненной полнокровности. Личность, индивидуальность у него не противопоставлены коллективу, массе. Он героизирует те свойства народного характера, которые свидетельствуют о вольнолюбии народных масс, о преданности их отчизне. Его герои выражают черты народного мировоззрения, ведущие силы исторического развития.

Эпическое начало, которое преобладает в повести, широкое изображение среды также знаменовали приход Гоголя к реализму.

Преодслев субъективизм романтиков, их отрыв от действительности, Гоголь создал произведение новаторское, принципиально отличавшееся от существовавших образцов и традиций, органически сочетавшее принципы романтизма и реализма.

«Тарас Бульба» — своего рода эпическая поэма в прозе, близкая народному эпосу. Гоголь не пошел здесь путем вальтерскоттовского романа, как это сделал, например, Загоскин в «Юрии Милославском». Ему чужды тщательно выписанный исторический фон, сюжетная усложненность романов Вальтера Скотта, его герой — обыкновенный, «средний» человек, попадающий волею случая в водоворот исторических событий. Необычайная мощь и монументальность образов, гиперболизм и изобразительная яркость и сила словесных красок — роднят повесть Гоголя с народным эпосом, со «Словом о полку Игореве», «Песнью о Ролланде», украинскими «думами», сербскими юнацкими песнями.

Белинский писал, что «„Тарас Бульба“ есть отрывок, эпизод из великой эпопеи жизни целого народа. Если в наше время возможна гомерическая эпопея, то вот вам ее высочайший образец, идеал и прототип!» Говоря так, критик имел в виду самую сущность повести Гоголя как народной эпопеи, изображающей судьбы народа, всего коллектива, ее героический характер: «Если говорят, что в „Илиаде“, — продолжал он, — отражается вся жизнь греческая в ее героический период, то разве одни пиитики и риторики прошлого века запретят сказать то же самое и о „Тарасе Бульбе“ в отношении к Малороссии XVI века? .. И в самом деле, разве здесь не все казачество, с его странною цивилизациею, его удалою, разгульною жизнию, его беспечностию и ленью, неутомимостью и деятельностию, его буйными оргиями и кровавыми набегами? .. Скажите мне, чего нет в этой картине? Чего недостает к ее полноте? Не выхвачено ли все это со дна жизни, не бьется ли здесь огромный пульс

[25] М. Б. Храпченко. Творчество Гоголя, стр. 195.

всей этой жизни»[26]. Белинский увидел эпичность «Тараса Бульбы» именно в выражении полноты народной жизни, в широте ее охвата, в том героическом пафосе, который и определяет эту эпичность.

С «Илиадой» Гомера повесть Гоголя сближают не только отдельные эпические приемы поэтической изобразительности, но прежде всего та непосредственность восприятия событий, душевная ясность, которая определила бессмертие древнегреческого эпоса. Жизнь казачества у Гоголя предстает в «младенческой» простоте, в ее наиболее героических и целостных проявлениях. Как и в античном эпосе, в «Тарасе Бульбе» раскрываются самоотверженные, могучие чувства, героизм цельных натур.

«Так вот она, Сечь! Вот то гнездо, откуда вылетают все те гордые и крепкие, как львы! вот откуда разливается воля и казачество на всю Украйну!» — таково патетическое восклицание автора при описании первого знакомства с Сечью сыновей Тараса Бульбы, готовящихся вступить в круг этого вольного товарищества. Здесь смысловой и эмоциональный ключ ко всей повести. Но Гоголь не только выражает свое восхищение. Полнокровные картины могучей удали казачества, предварившие живопись репинских «Запорожцев», встают в ослепительной яркости красок, в зримой телесности образов. Читатель заражается тем кипением неуемных жизненных сил, той широтой казацкой натуры, которая возникает из картин Сечи, нарисованных Гоголем. Обобщенным раскрытием этого казацкого характера является сцена бесшабашной удалой пляски подгулявшего запорожца, пляшущего в тяжелом овчином кожухе, так как он боится скинуть его, чтобы не пропить. Вокруг пляшущего собирается толпа и все, зараженные его лихой пляской, начинают «отдирать» «самый вольный» танец, в котором раскрывается душа народа. Эта сцена приобретает своего рода символический характер, не теряя изобразительной конкретности.

Как и в народно-фольклорных произведениях, в «Тарасе Бульбе» важную роль играют описания природы. Они составляют словно лирический аккомпанемент к действию повести. Вместе с тем в этих описаниях в полной мере сказался изумительный талант Гоголя-живописца, владеющего тайной словесной живописи. «Тарас Бульба» — это пиршество красок, передающих и героическую патетику повести и ее лирическое начало. Описание битвы, казачьей рады, польского войска и природы — все это выполнено могучей и яркой кистью художника, достигает предельной наглядности и зрительной рельефности.

Величественная, безбрежная ширь степей, их чудесная цветовая гамма, наполняющая читателя чувством предельной свободы и очарования воль-

[26] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. I, стр. 304—305.

ностью запорожской, казацкой жизни, — наглядно передает тот «разгул чувства», который увидел Белинский в описании степи, сделанном «широкой, размашистой кистью»[27]. Напомним великолепное описание степи утром: «Вся поверхность земли представлялась зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов. Сквозь тонкие, высокие стебли травы сквозили голубые, синие и лиловые волошки; желтый дрок выскакивал вверх своею пирамидальною верхушкою; белая кашка зонтикообразными шапками пестрела на поверхности; занесенный бог знает откуда колос пшеницы наливался в гуще». Иные краски, другие тона приобретает степь вечером: «Вечером вся степь совершенно переменялась. Все пестрое пространство ее охватывалось последним ярким отблеском солнца и постепенно темнело, так что видно было, как тень перебегала по нем, и она становилась темно-зеленою; испарения подымались гуще; каждый цветок, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовонием. По небу, изголуба-темному, как будто исполинскою кистью наляпаны были широкие полосы из розового золота; изредка белели клоками легкие и прозрачные облака...» Здесь сказалось пантеистическое пристрастие романтиков к лирическому изображению пейзажа. Но пейзаж Гоголя, в отличие от пейзажа у романтиков, не зыбок и условен, а напоен непосредственным чувством природы.

* * *

Как замысел повести, ее героико-патриотический пафос, так и самый стиль восходят к народным песням, чудесным украинским думам, этим «звонким летописям» минувшего, явившимся неиссякаемым источником для писателя. Страстный собиратель и знаток украинских песен, Гоголь еще в 1833 г., приступив к работе над историей Украины, писал своему другу М. А. Максимовичу: «Моя радость, жизнь моя! песни! как я вас люблю! Что все черствые летописи, в которых я теперь роюсь, пред этими звонкими, живыми летописями!» (X, 284). От песен и дум украинского народа шла прямая дорога к исторической эпопее, вобравшей их яркие словесные краски, их взволнованную героику.

Гоголь дал замечательную характеристику народных песен, раскрывающую и принципы его художественного метода как романиста. Говоря о песнях, как о «живой, говорящей, звучащей о прошедшем летописи», он указывал, что для историка они представляют драгоценнейший материал: «...песни для Малороссии — все: и поэзия, и история, и отцовская мо-

---

[27] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. I, стр. 307.

гила. Кто не проникнул в них глубоко, тот ничего не узнает о протекшем быте этой цветущей части России. Историк не должен искать в них показания дня и числа битвы или точного объяснения места, верной реляции; в этом отношении немногие песни помогут ему. Но когда он захочет узнать верный быт, стихии характера, все изгибы и оттенки чувств, волнений, страданий, веселий изображаемого народа, когда захочет выпытать дух минувшего века, общий характер всего целого и порознь каждого частного, тогда он будет удовлетворен вполне; история народа разоблачится перед ним в ясном величии» (VIII, 91).

Гоголь обращался не только к украинским думам, но и к великой эпопее русского и украинского народов, к «Слову о полку Игореве». Ему близок патриотический пафос «Слова», его героическая лирика. Сходство отдельных образов, близость поэтических метафор, весь тон и характер повествования от лица представителя народа, певца, — также сближают «Тараса Бульбу» со «Словом».

Неоднократно, как и автор «Слова», он сравнивает битву с нивой: «Так, как будто и не бывало половины Незамайковского куреня! как градом выбивает вдруг всю ниву, где, что полновесный червонец, красуется всякий колос, так их выбило и положило». Напомним описание битвы при Каяле: «С зарания до вечера, с вечера до света летят стрелы каленыя, гримлют сабли о шеломы, трещат копиа харалужныя в поле незнаеме, среди земли половецкыи. Чръна земля под копыты костьми была посеяна, а кровию польяна; тугою взыдоша по Руской земли». Напомним и уподобление битвы пиру: «...ту кровавого вина не доста; ту пир докончаша храбрий русичи: сваты попоиша, а сами полегоша на землю Рускую» [28]. У Гоголя старый Тарас «слышал ... только, что был пир, сильный, шумный пир; вся перебита вдребезги посуда; нигде не осталось вина ни капли, расхитили гости и слуги все дорогие кубки и сосуды...».

Повествование в «Тарасе Бульбе» приобретает характер эпического сказа, в котором голос автора сливается с голосами его героев на основе общности народного понимания и оценки событий. Поэтому такое большое значение приобретают лиро-эпические отступления, зачины и концовки, которые даже по своему ритмико-синтаксическому построению имеют песенно-былинный характер, подчеркивая и оттеняя действие повести. Здесь автор выступает как народный певец, «боян», воспевающий подвиги своих героев, передавая любовь, скорбь и радость народа.

Напомним и могучий патриотический призыв Тараса, проходящий своего рода рефреном, как основной лейтмотив через все описание боя:

---

[28] «Слово о полку Игореве». М., Изд. «Academia», 1934, стр. 68.

«А что, паны? — сказал Тарас, перекликнувшись с куренными. — Есть еще порох в пороховницах? не ослабела ли казацкая сила? не гнутся ли казаки? — Есть еще, батько, порох в пороховницах; не ослабела еще казацкая сила; еще не гнутся казаки!» И здесь самое строение фраз превращается в былинный сказ, переданный ритмической прозой.

Песенные рефрены придают стилю повести особо торжественный, величественный характер. Таково, например, окончание восьмой главы, предваряющее описание битвы запорожцев, закончившейся их поражением: «Как орлы, озирали они вокруг себя очами все поле и чернеющую вдали судьбу свою... далече раскинутся чубатые головы с перекрученными книзу усами; будут орлы, налетев, выдирать и выдергивать из них казацкие очи. Но добро великое в таком широко и вольно разметавшемся смертном ночлеге! не погибнет ни одно великодушное дело, и не пропадет, как малая порошинка с ружейного дула, казацкая слава. Будет, будет бандурист, с седою по грудь бородою, а может быть, полный зрелого мужества, но белоголовый старец, вещий духом, и скажет он про них свое густое, могучее слово. И пойдет дыбом по всему свету о них слава, и все, что ни народится потом, заговорит о них...».

Народность стиля подчеркивается и песенностью зачинов, интонацией, синтаксическим построением с обилием инверсий, фольклорностью эпитетов и сравнений. Вот идет речь о храбрецах, вызывавших под стенами осажденной крепости на поединок польских воинов: «Два казака выехали вперед из запорожских рядов. Один еще совсем молодой, другой постарее, оба зубастые на слова, на деле тоже не плохие казаки; Охрим Наш и Мыкыта Голокопытенко. Следом за ними выехал и Демид Попович, коренастый казак, уже давно маячивший на Сечи, бывший под Адрианополем и много потерпевший на веку своем: горел в огне и прибежал на Сечь с обсмаленною, почерневшею головою и сгоревшими усами. Но раздобрел вновь Попович, пустил за ухо оселедец, вырастил усы, густые и черные, как смоль; и крепок был на едкое слово Попович». Эпитеты и сравнения, синтаксические повторы идут здесь от народных песен, создавая впечатление повествования сказителя-бандуриста, поющего свою «думу» об удалых запорожцах («Следом за ними выехал и Демид Попович...», «Но раздобрел вновь Попович...», «И крепок был на едкое слово Попович»).

Гоголь широко прибегает к ритмико-интонационному, песенному построению фразы. Его проза приближается к стиху, к песне, она основана на каденциях, ритмико-синтаксических повторах и зачинах: «А уж упал с воза Бовдюг; прямо под самое сердце пришлась ему пуля; но собрал старый весь дух свой и сказал: „Не жаль расстаться с светом; дай бог и всякому такой кончины; пусть же славится до конца века Русская

земля!“» Весь синтаксический строй речи, организованный здесь в эпически-былинном ключе, звучит как стихи:

«...и выехал дюжий полковник...»
«И ударили со всех сторон казаки...»
«И выгнал коней далеко в поле...»
«...и долго бились они...»
«И много уже показал боярской богатырской удали...»
«И достал его ружейною пулею Кукубенко...»

и т. д.

Стремясь к максимальной выразительности и наглядности образа, Гоголь широко пользуется народно-эпическими эпитетами и метафорами. Он обращается к гиперболе, столь часто встречающейся в былинах и украинских «думах». Гиперболизм сравнений и образов достигает особой патетики в описании сражений: «...Кукубенко, взяв в обе руки свой тяжелый палаш, вогнал его ему (польскому пану. — *Н. С.*) в самые побледневшие уста. Вышиб два сахарные зуба палаш, рассек надвое язык, разбил горловой позвонок и вошел далеко в землю» и т. д. Гиперболы, идущие от былинных описаний, показались В. Брюсову слишком романтически-искусственными, противоречащими реализму [29]. Но ведь они являются лишь одним из выражений всего народно-эпического стиля повести, ее поэтики, основанной на фольклорных приемах, точно так же, как и постоянные эпитеты былинного эпоса; «побледневшие уста», «сахарные зубы», или сравнения: кровь хлынула «алая, как надречная калина».

Исследователем стиля и языка Гоголя проф. И. Мандельштамом было уже отмечено: «Как эпический писатель, он (т. е. Гоголь. — *Н. С.*) вносит такой элемент в язык описания, который в значительной мере приближает его к народному эпосу» [30]. Эта эпичность речи сказалась в самом строе сравнений и метафор, создаваемых по примеру народного эпоса. В них сочетается метафорическая смелость и живописная яркость словесных сопоставлений с развернутостью сравнений, чрезвычайной их конкретностью. Величественный народно-эпический образ дан при характеристике Тараса, оглушенного в неравном бою: «И грохнулся он, как подрубленный дуб, на землю. И туман покрыл его очи». Подобные народно-эпические формулы проходят через всю повесть, определяя ее стилевую тональность, придавая ей тот героический и эпический склад, который сказался и в ритмическом строении речи, и в фразеологии, и в лексике.

В «Тарасе Бульбе» два основных стилевых начала: одно идет от фоль-

---

[29] В. Брюсов. Испепеленный. СПб., 1910, стр. 17.

[30] И. Мандельштам. О характере гоголевского стиля. Гельсингфорс, 1902, стр. 153.

клора, от народно-песенной стихии, другое от книжно-романтической традиции. Народно-поэтическая система составляет основу эпического стиля, тогда как романтическая фразеология еще более подчеркивает это героически-народное начало яркими стилевыми красками.

В самом композиционном строении и стиле повести Гоголь передает столкновение двух различных культур: демократической, народной — казачества — и аристократической, феодально-рыцарской — польской шляхты. Через всю повесть проходит противопоставление шляхетской Польши, ее внешне блестящей, но поверхностной аристократической культуры — подлинному демократизму казачества. Представители польского панства, феодальной аристократии рисуются Гоголем жестокими, самовлюбленными, изнеженными и вероломными. Аристократы и шляхта ненавидят «холопов», украинский народ и с высокомерным презрением относятся к казакам.

Противопоставление внешней, рафинированной «культуры» панской Польши демократической простоте казачества осуществлено в самой системе образов, в стиле повести. Особенно наглядно оно в сценах осады Дубно. Здесь два войска — польское и казачье — показаны Гоголем не просто как военные противники. Это два разных мира, две культуры. Панство замкнуто в своей высокомерной гордости, презрении к «холопам», к народу. Самая военная тактика и стратегия польских военачальников основана на индивидуальном начале, на личной храбрости, на внешней эффектности и авантюризме. Даже во время вылазки из крепости «гордые шляхтичи» выступают каждый со своим отрядом, не заботясь о единстве действий. Тогда как казаки сильны не только беззаветной храбростью, но чувством коллектива, общностью действий, воинской умелостью и выносливостью. Вся стратегия казаков основана на взаимодействии, на выручке друг друга, на учете совместной силы коллектива. Они крепко стоят друг за друга, побеждают поляков, имея меньшую численность, благодаря своей коллективной тактике.

«Все высыпали на вал, и предстала пред казаков живая картина: польские витязи, один другого красивей, стояли на валу. Медные шапки сияли, как солнца, оперенные белыми, как лебедь, перьями. На других были легкие шапочки, розовые и голубые, с перегнутыми набекрень верхами. Кафтаны с откидными рукавами, шитые золотом и просто выложенные шнурками. У тех сабля и ружья в дорогих оправах, за которые дорого приплачивались паны, и много было всяких других убранств. Напереди стоял спесиво, в красной шапке, убранной золотом, буджаковский полковник. Грузен был полковник, всех выше и толще, и широкий дорогой кафтан насилу облекал его». Все краски, все эпитеты, вся образная ткань этого описания подчеркивают внешнюю нарядность, эффектность польских феодалов, их кичливость и спесь. Один другого красивей и

нарядней эти «витязи» в медных касках, украшенных белыми перьями, в ярких шелковых одеждах, вышитых золотом. Иной вид имеет казацкое войско: «Казацкие ряды стояли тихо перед стенами. Не было из них ни на ком золота только разве кое-где блестело оно на сабельных рукоятях и ружейных оправах. Не любили казаки богато наряжаться на битвах: простые были на них кольчуги и свиты, и далеко чернели и червонели черные черноверхие бараньи их шапки». Скромная внешность казачьего войска, противостоящая эффектности разнаряженной шляхты, подчеркивает простоту, суровую собранность вооруженного народа, не любящего хвастливой бравады.

Не случайно Андрий и прекрасная полячка обрисованы традиционно-книжным стилем. Их индивидуалистическая сущность, противопоставленность народу подчеркнуты этой стилистической трактовкой. Если Тарас, Остап и другие казаки показаны как народные богатыри эпическими чертами, и в то же время реалистически, то иной принцип стилевой характеристики применен в изображении Андрия и полячки, как, впрочем, и всего польского лагеря. Готика рыцарского замка, в котором происходит свидание Андрия с полячкой в осажденном казаками Дубно, романтическая искусственность и бесплотность красок, которыми обрисована гордая панна, разговор с нею Андрия — это не только влияние романтизма. Гоголь пользуется здесь средствами романтической поэтики, подчеркивая искусственную, внешнюю красивость польской аристократической культуры. Насколько жизненными, сочными и яркими чертами обрисованы казаки, в которых при всей героической эпичности образов все время чувствуется живая плоть и кровь, — настолько изысканными, книжными словами и образами нарисована панна: «Она потупила свои очи; прекрасными, снежными полукружьями надвинулись на них веки, охраненные длинными, как стрелы, ресницами». Кукольная, условная красота, внешняя эффектность и внутренняя опустошенность панны здесь переданы декоративным великолепием красок. Эта внешняя помпезность, отличающая представителей польского шляхетства, решительно противостоит подлинной красоте больших чувств, самоотверженного героизма казачества. Этим способом Гоголь подчеркивает искусственность, нежизненность такой красоты. Андрий «вознегодовал» на свою казацкую натуру, прельстился мишурной красотой аристократки-панны и отсюда его переход в стан врагов, его измена. Драматическая сцена свидания Андрия с польской панной, написанная в патетико-романтическом стиле, завершается как бы народным приговором: «И погиб казак! пропал для всего казацкого рыцарства! не видать ему больше ни Запорожья, ни отцовских хуторов своих, ни церкви божией!».

Лирические отступления, вернее непосредственно включенные оценки происходящего, данные от лица народа, проходят через всю повесть,

определяют ее идейное звучание. Автор говорит не от своего имени, а от имени народа, выражая его мнение, его отношение к событиям.

Заслуга Гоголя состояла в демократизации литературного языка, в сближении его с народной речью. Вместе с тем писатель не ограничивается одним каким-либо принципом повествования. В «Тарасе Бульбе» повествователь выступает то как летописец-историк, скупо и точно сообщающий о событиях, то как былинный сказитель, народный певец, с эпической силой воспевающий славные подвиги героев. В это эпическое повествование включаются и драматические сцены, основанные на диалогах героев. Однако и там, где он выступает с историческим «комментарием» событий, Гоголь сохраняет яркость и выразительность характеристик, образную силу речи.

В язык повести широко и свободно вливается украинское просторечие, усиливая ее народный характер, ее великолепное словесное цветение, придавая особую выразительность речи ее героев. В авторском повествовании осуществлено то единство народного сознания и миропонимания самого автора, которое и выражено в ослепительной, полифонической яркости стиля «Тараса Бульбы».

* * *

Героический характер эпопеи Гоголя, изображение им борьбы народа за свою национальную независимость сделали «Тараса Бульбу» одним из наиболее замечательных произведений во всей мировой литературе. В середине сороковых годов XIX века он уже был переведен на многие европейские языки. Героические образы повести Гоголя пробуждали народное самосознание в эпоху подъема национально-освободительного движения в Европе, в первую очередь в славянских странах — Чехии, Болгарии. «Тарас Бульба» вносил в мировую литературу то героическое начало, которое затем постепенно сменялось в ней духом неверия в силы народа и пессимизмом.

Непреходящее значение «Тараса Бульбы» в утверждении положительного идеала патриотизма, мужества, преданности коллективу, в том оптимистическом и героическом пафосе, которые объясняют его воздействие на последующее развитие русской литературы. Патриотический пафос повести Гоголя сказался и в эпопее Льва Толстого «Война и мир» и в особенности в таких выдающихся произведениях советской литературы, как «Железный поток» А. Серафимовича, «Тихий Дон» М. Шолохова, «Молодая гвардия» А. Фадеева. Это и понятно. Ведь в литературе социалистического реализма изображение народа и его судеб, героическое и народное начало приобретают особенно большое значение. Повесть Гоголя — высокий образец народной, героической эпопеи, созданной великим художником слова.

Н. СТЕПАНОВ

„Тарас Бульба“ в русской критике

В истории отношения русской критики к «Тарасу Бульбе» можно видеть несколько периодов. О повести то почти забывали, то она вновь занимала заслуженно почетное место в критической литературе о Гоголе. Это объяснялось, конечно, не личными вкусами критиков и рецензентов, а идейными позициями авторов, отношением их к новой реалистической эстетике. Не удивительно, что «Вечера на хуторе близ Диканьки» были встречены положительно критиками различных лагерей: мягкий юмор, некоторая «экзотичность» природы и характеров — все это привлекало читателей и критиков, стоявших на разных идейных позициях. Но дальнейшее творчество Гоголя, настойчивое введение простого человека в герои литературы, а значит — демократизация литературы, отказ от известной идилличности «Вечеров...» и переход к сатире, к критическому изображению «гнусной действительности», в целом, прямой и ясный переход от романтизма к реализму, — все это на долгие годы разделило критиков и читателей великого писателя на два противоположных, враждующих лагеря. Реакционные круги увидели в «Миргороде», в «Ревизоре», в «Мертвых душах» покушение на основы «изящного» — первостепенный, по их мнению, критерий художественной литературы, и при всех частных разногласиях между собой сплоченным фронтом выступили против Гоголя.

Демократический лагерь принял критический реализм писателя как оружие в борьбе с реакцией, с продажной литературой, стоявшей на позиции «официальной народности» и защиты самодержавия, в борьбе за литературу реалистическую, идейную, служащую интересам народных масс. Именно эта разница в подходе к творчеству писателя стала краеугольным камнем и в оценке повести «Тарас Бульба».

* * *

Выход в свет «Миргорода» (1835), где была опубликована первая редакция «Тараса Бульбы», вызвал немало откликов и в целом оценка повести была положительной. Позже (18 апреля 1837 г.) в письме к Жуковскому Гоголь писал, что «Старосветские помещики» и «Тарас Бульба» — «это те две счастливые повести, которые нравились совершенно всем вкусам и всем различным темпераментам» (XI, 98).

Не сразу поняв то новое, что появилось в творчестве Гоголя, многие критики вначале рассматривали миргородские повести как простое продолжение «Вечеров. . .», тем более, что и на титульном листе «Миргорода» значилось, что это — «Повести, служащие продолжением „Вечеров на хуторе близ Диканьки“». Так, С. П. Шевырев писал, что в «Тарасе Бульбе» Гоголю особенно удались картины привольных украинских степей, глубоко и поэтично передано материнское горе, интересны воспоминания двух молодых казаков о Киевской бурсе и что даже в сценах казни Андрия и пыток Остапа слог писателя полон силы и красоты [1]. Однако знаменательно, что этой оценке «Тараса Бульбы» критик предпослал такое рассуждение о природе комического вообще и о специфике гоголевского юмора: «Безвредная бессмыслица — вот стихия комического, вот истинно смешное»; Гоголь же «имеет от природы чудный дар схватывать эту бессмыслицу в жизни человеческой и обращать ее в неизъясняемую поэзию смеха» [2]. Продолжая писать о смехе Гоголя, Шевырев, считавший себя одним из ближайших друзей писателя и претендовавший на понимание его творчества, не заметил, что действительно веселый, беззлобный смех «Вечеров. . .», безобидное обыгрывание комических нелепостей или несколько необычных для русской читающей публики украинских бытовых привычек и поверий, заменился в «Миргороде» тем, что Белинский впоследствии назвал «комическим одушевлением, всегда побеждаемым глубоким чувством грусти и уныния» [3].

[1] «Московский наблюдатель», 1835, март, кн. 2, стр. 396—411.

[2] Называя эту рецензию Шевырева лучшей из его статей, напечатанных в «Московском наблюдателе», Белинский тем не менее считал неверными ни общее определение Шевыревым комического, ни его характеристику гоголевских повестей (см.: В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. II, 1953, стр. 138). Заметим, что в наброске заметки о Гоголе, явно возражая Шевыреву, В. Ф. Одоевский писал: «Когда вы в самом деле, так сказать на яву ее [бессмыслицу] услышите — она рассмешит вас и только; но в мире искусства другие законы — здесь бессмыслица остается просто бессмыслицею» (см.: «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», т. 1. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1936, стр. 223).

[3] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. I, 1953, стр. 290. Чернышевский также писал позднее о том, что в повестях «Миргорода» «есть нечто, кроме смешного и веселого; кажется, что каждая из этих повестей, в своем целом, производит впечатление нимало не водевильное: „Тарас Бульба“ — чисто трагическое, остальные — глубоко гру-

В том же номере «Московского наблюдателя» было помещено «Письмо из Петербурга» М. П. Погодина, состоящее в основном из патетических восклицаний: «Какое разнообразие! Какая поэзия! Какая верность в изображении характеров! Сколько смешного и сколько высокого, трагического. О! на горизонте русской словесности восходит новое светило, и я рад поклониться ему в числе первых» [4].

О «Тарасе Бульбе» писали в то время и другие газеты и журналы. Так, небольшая заметка О. И. Сенковского [5] представляла собой несколько общих фраз, предваряющих пространную (на две с половиною страницы) цитату из повести; краткими репликами откликнулись на выход повести П. М-ский (Юркевич) [6], некто А. в. м. л.[7], анонимный автор в «Русском инвалиде» [8] и некоторые другие. В этих отзывах также признавалось мастерство Гоголя, увлекательность рассказа, яркость красок, свежесть образов и характеров, в последнем из них писалось даже, что Гоголь — «один из гениальных наших прозаических писателей» — однако ни один из этих отзывов не содержал в себе анализа произведения, раскрытия характера его героев, истолкования идейного смысла повести и места ее в развитии русской литературы. Интересно, что издатель «Телескопа» Н. И. Надеждин заметил, например, что пьяный казак из «Тараса Бульбы» ознаменован какою-то неизъяснимою, очаровательною прелестью» и что «народность и в этом ограниченном, грязном смысле, пройдя чрез горнило вдохновения может иметь доступ в литературу» [9].

«К числу самых необыкновенных явлений в нашей литературе» [10] отнес Белинский в своей краткой рецензии («Молва», 1835, № 15) новые произведения Гоголя, вошедшие в сборник «Миргород», а Пушкин в информационной заметке о втором издании «Вечеров...» заметил, что начало «Тараса Бульбы» «достойно Вальтер Скотта» [11].

Однако Белинский не ограничился краткой заметкой и в сентябре 1835 г. в журнале «Телескоп» (кн. 7 и 8) опубликовал статью «О русской повести и повестях г. Гоголя», содержащую и развернутую оценку «Тараса Бульбы». Критик восторженно отозвался здесь о повести как народной эпопее, очерке героической жизни украинского народа, назвал «Та-

стное. Ученый критик нимало не заметил этого». (Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. III. М., Гослитиздат, 1947, стр. 115).

[4] «Московский наблюдатель», 1835, март, кн. 2, стр. 445.

[5] «Библиотека для чтения», 1835, т. 9, отд. VI, стр. 30—34.

[6] «Северная пчела», 26 апреля 1835 г., «Новые книги».

[7] «Литературные прибавления к „Русскому инвалиду"», 1835, № 33, стр. 262—263.

[8] «Русский инвалид», 1836, № 58, «Новые книги».

[9] «Телескоп», 1836, ч. XXXI, № 2, стр. 256.

[10] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. I, стр. 174.

[11] «Современник», 1836, кн. 1; ср.: Пушкин. Полн. собр. соч., т. XII, 1949, стр. 27.

раса Бульбу» картиной, достойной Гомера [12]. Как в «Илиаде», писал он, отражена вся жизнь греков в героический период их истории, так и «Тарас Бульба» по глубине идеи, по серьезности выбранного сюжета, по широте охвата событий представляет нам жизнь целого народа в грозную и бурную эпоху его становления как нации. Белинский раскрывает всю сложность образа главного героя повести — Тараса, в характере которого слились воедино и подлинный драматизм, и народная склонность к шутке, и высокая патетика любви к отчизне, и жгучая ненависть к врагам ее. Несколько позже, в рецензии на «Повести и рассказы» В. Владиславлева (1838), Белинский вновь возвращается к мысли о гомеровском характере повести: Тарас напоминает ему Аякса-Теламонида и железной мощью характера и яркостью своей индивидуальности; читатель и смеется над пьяным расходившимся казаком, и содрогается от ужаса, видя Тараса — палача своего сына [13]. Наконец, в рецензии на «Горе от ума» Грибоедова (1840) великий критик видит основную идею «Тараса Бульбы» в стремлении казаков наполнить деятельностью свою праздную жизнь, и, естественно, что в тот полудикий век эта деятельность проявлялась или в кровавых сечах и воинском удальстве, или в бешеной гульбе — там, где наиболее полно мог быть виден «широкий размет души». И Тарас Бульба был для Белинского представителем этой идеи: «У этого человека была идея, которою он жил и для которой он жил..., он не пережил ее, он умер вместе с нею... Для нее убил он собственною рукою милого сына, для нее он умер и сам». Белинский особо подчеркивает своеобразие трагической коллизии, сложившейся в повести и связанной с казнью Андрия отцом: дело здесь не в кровавой развязке, а в идее необходимости, неизбежности ее. Еще до того, как Тарас убил сына, Андрий был уже наказан тем, что из-за любви к полячке вынужден был предать родину, товарищей, отца, поднять на них руку. Поэтому встреча с отцом на поле боя и смерть — это даже не наказание для Андрия, а единственный выход, спасение от совершенного преступления: это был «акт нравственного закона, отмщающего за свое нарушение» [14].

Это выступление Белинского способствовало более глубокому пониманию читающей публикой той подлинно патриотической идеи, которая лежала в основе «Тараса Бульбы». Как вспоминает Анненков, сам писатель «был доволен статьей, и более чем доволен: он был осчастливлен статьей» [15].

Годы 1835—1842 — это годы роста Гоголя как художника, становления его реалистической эстетики. В это время создаются «Ревизор»,

[12] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. I, стр. 298, 304—305.
[13] Там же, т. II, стр. 487.
[14] Там же, т. III, 1953, стр. 439—441, 445—446.
[15] П. В. Анненков. Литературные воспоминания. М., 1960, стр. 175.

«Петербургские повести» и вершина творчества писателя — «Мертвые души». В эти же годы Гоголь возвращается к повести «Тарас Бульба», вторая редакция которой выходит в свет в составе «Сочинений Николая Гоголя» (1842).

Белинский, пристально следивший все эти годы за развитием Гоголя-художника, восторженно приветствует новую редакцию повести. Еще до выхода издания в свет, он печатает заметку «Библиографическое известие» [16], в которой «спешит известить русскую читающую публику» о скором выходе собрания сочинений Гоголя в четырех томах и, в частности, сообщает, что здесь будет опубликован «Тарас Бульба», «совершенно переделанный, чуть не вдвое обширнее прежнего». Сведения об этом еще не вышедшем издании Белинский имел самые точные: как писал Н. Я. Прокопович, редактор этого издания, Белинский помогал ему читать корректуры [17].

Вслед за этим сообщением, Белинский посвящает изданию большую рецензию, в которой вновь возвращается к мысли о том, что «Тарас Бульба» есть блестяще развернутое историко-героическое полотно, охватывающее жизнь целого народа, всей старинной Малороссии. Во второй редакции повести, пишет критик, Гоголь, как «великий поэт и художник», остался верен своей «однажды избранной идее» и сумел «в дивном художественном создании» навсегда запечатлеть духовный образ своей родины. Называя «особенно замечательными» новые подробности в сценах битвы казаков с поляками под Дубно и в рассказе о любви Андрия к прекрасной полячке, Белинский подчеркивает, что вся повесть приобрела теперь «еще более возвышенный тон, проникнулась лиризмом», в результате чего ее смело можно назвать «*великим* созданием» [18].

Но такая высокая оценка повести Белинским не разделялась теперь даже теми критиками и рецензентами, которые когда-то положительно оценивали первую редакцию «Тараса Бульбы». Против «нового» Гоголя — критика современного общества и певца свободолюбивых стремлений народа, против новой редакции его «Тараса Бульбы» резко выступили Сенковский [19], Полевой [20], Массальский [21] и др. В ответ на эти выступления Белинский вновь и вновь возвращался к «Тарасу Бульбе» и подвер-

[16] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VI, 1955, стр. 349.

[17] В. И. Шенрок. Материалы для биографии Гоголя, т. IV. М., 1898, стр. 54.

[18] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VI, стр. 661. Отметим, что почти одновременно в «Литературной газете» появилась небольшая рецензия на новое издание Гоголя, в отношении «Тараса Бульбы» не только по мысли, но и в отдельных фразах повторяющая слова Белинского (ср.: «Литературная газета», 1843, № 11, и В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VI, стр. 349, 661).

[19] «Библиотека для чтения», 1843, т. LVII, отд. VI, стр. 23.

[20] «Русский вестник», 1842, № 5—6, стр. 36.

[21] «Сын отечества», 1842, № 6, отд. VI, стр. 2.

тал уничтожающей критике своих противников. Так, в «Литературных и журнальных заметках» («Отечественные записки», 1843, № 4)[22] он высмеивает Полевого и Сенковского, в частности, мнение последнего, что переработкой повести Гоголь испортил ее; а в статье «Ответ „Москвитянину“» («Современник», 1847, № 11)[23] критик ставит Гоголя в один ряд с величайшими писателями мира, утверждая, что только «Дон Кихот» Сервантеса дает нам пример такого же как в «Тарасе Бульбе» («и то не вполне») слияния трагичности характера главного героя и комичности сцен и ситуаций, в которых он действует, ничтожности и пошлости жизни и всего великого и прекрасного, что есть в ней.

* * *

В 1852 г. Гоголь умер. Но борьба вокруг его творчества не утихала. Если реакционные круги объявляли его «лакейским писателем», то демократическая критика, прежде всего в лице Н. Г. Чернышевского, поставила Гоголя даже выше Пушкина, назвав его именем целый период развития русской литературы. «Давно уже не было в мире писателя, который был бы так важен для своего народа, как Гоголь для России», — писал Чернышевский в своей замечательной работе «Очерки гоголевского периода русской литературы» («Современник», 1855, № 12; 1856, № 1, 2, 4, 7, 9, 10, 11, 12), выступая с решительными возражениями на выпады реакционеров против Гоголя, с разъяснением и утверждением взглядов Белинского. Рассматривая проблемы реализма и демократизации литературы и связанные с этим вопросы о роли и месте Гоголя в развитии русской литературы, Чернышевский писал, что идея патриотизма, беззаветной любви к родине была главной идеей творчества Гоголя. Она породила то обличительное направление, которое стало основным в русской литературе со времени Гоголя; она же лежала, в частности, и в основе «Тараса Бульбы» — героической эпопеи о борьбе украинского народа за свою свободу и национальную независимость. Поэтому-то, замечает Чернышевский, так высоко была оценена Белинским эта повесть.

В те же годы не умолкали голоса реакционной критики[24]. В частности, в 1858—1861 гг. с резко отрицательной оценкой украинских повестей Гоголя выступил П. А. Кулиш[25], обвинявший писателя в плохом знании

[22] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VII, 1955, стр. 41—42.
[23] Там же, т. X, 1956, стр. 244.
[24] См.: Н. Герсеванов. Гоголь пред судом обличительной литературы. Одесса, 1861; И. И. Давыдов. О значении Гоголя в русской словесности. — «Известия II отд. имп. Академии наук», 1852, лист 18; рецензия А. Р-ва (А. И. Рыжова) в «Библиотеке для чтения», 1855, т. 133, отд. III—IV, стр. 2 и др.
[25] См.: П. А. Кулиш. Черная рада. Хроника 1663 г. М., 1857, стр. 231—253; «Основа», 1861, № 4, 5, 9, 11—12.

Украины и в нарушении историко-этнографических деталей в его произведениях. Кулиш решительно отвергал статьи Белинского о Гоголе и полностью солидаризировался с выступлениями Сенковского, Полевого и подобных критиков. Кулишу возражал Максимович[26], совершенно справедливо утверждавший, что судить по художественному произведению о знании писателем истории просто нельзя, так как он выступает здесь не как историк, а как художник. Его дело — не абсолютная точность исторических реалий, а образная передача духа эпохи.

Эстетическая безграмотность и националистическая ограниченность высказываний Кулиша были хорошо поняты в анонимной статье — отклике на дискуссию между Кулишом и Максимовичем, опубликованной во «Времени»[27]. Автор ее писал, что по произведениям Гоголя русский читатель полюбил Украину и сроднился душой с ее замечательным народом. В статьях же Кулиша, написанных якобы в защиту Украины от искажения ее Гоголем, чувствуется обратное: желание оторвать украинскую жизнь от русской, противопоставить один народ другому. Почему же так получилось, спрашивает автор статьи и отвечает: это результат «бессилия критики, не озаренной ни талантом, ни даже критическим тактом! Таково действие прикосновения к художественному произведению грубой рукой простого собирателя этнографических материалов».

После этой полемики около 25 лет о «Тарасе Бульбе» почти ничего не писали, за исключением отдельных упоминаний в общих работах о Гоголе[28].

Некоторое оживление интереса к «Тарасу Бульбе» в конце 80-х годов связано с опубликованием Н. С. Тихонравовым в 1887 г. неизвестных ранее глав черновой переработки первой редакции повести[29] и с выходом в свет в 1889 г. первого и пятого томов так называемого десятого издания сочинений Гоголя под ред. Н. С. Тихонравова[30]. В этих томах были опубликованы первая и вторая редакции повести с подробным сводом рукописных (черновых) и печатных вариантов и обширным комментарием, содержащим результаты изучения источников, которыми пользовался Гоголь в работе над «Тарасом Бульбой», историю написания и публикации повести и другие сведения, необходимые при изучении творческой истории повести. Выход в свет этого издания был горячо встречен современниками и составил, как писали рецензенты, «эпоху», «новую эру» изучения

[26] «Русская беседа», т. 1, кн. 9, отд. III, стр. 13—27; «День», 1861, № 3, 5, 6, 9; 1862, № 13.

[27] «Время», 1862, январь, стр. 99—108.

[28] Специально посвященной повести, была, например, брошюра: К. Хоцянов. Опыт разбора повести Гоголя «Тарас Бульба». СПб., 1883.

[29] «Русская старина». 1887, март, стр. 711—731; апрель, стр. 95—128.

[30] Сочинения Гоголя, под ред. Н. С. Тихонравова. Изд. 10. М., т. 1—5, 1889; т. 6—7, 1893. В дальнейшем это издание обозначается: Гоголь, изд. 10, том, стр.

Гоголя [31]. Однако вскоре были обнаружены серьезные недостатки издания Тихонравова. Дополнительное изучение рукописей, бывших в его распоряжении, показало, что многие существенные варианты остались им неучтенными, неточным было чтение некоторых мест рукописей и т. п.[32] Но самый главный недостаток издания Тихонравова заключался в том, что он, отвергая прижизненные издания Гоголя как испорченные редакторами — Прокоповичем, Шевыревым, Лихониным, — нередко, для большей логичности речи, вводил в последний авторский текст отдельные слова и даже фразы из черновых рукописей писателя, казавшиеся ему необходимыми. В результате в текст вошло многое из того, что было «самим Гоголем сознательно выброшено в интересах большей сжатости стиля, к которой он настойчиво стремился» [33]. В своем комментарии к «Тарасу Бульбе» Тихонравов, например, утверждал, что появившееся во второй редакции повести рассуждение Тараса о товариществе окрашено Гоголем в «религиозный оттенок» и совпадает с тем советом, который Гоголь дает «Русскому помещику» в «Выбранных местах из переписки с друзьями» [34].

В статьях о Гоголе, опубликованных в те годы, критика не сумела пойти дальше повторения уже известных положений и не внесла нового в историю изучения творчества Гоголя [35]. Больше того, в эти же годы поднимает голову и махровая реакционная критика, пытающаяся изобразить Гоголя как «гениального безумца», ненавидевшего человечество; на первое место в творчестве писателя выводятся «Выбранные места из переписки с друзьями», а его художественное творчество отвергается [36].

[31] См. рецензии: А. Пыпина — «Вестник Европы», 1888, ноябрь; 1889, июнь—сентябрь; 1890, февраль; К. Бестужева-Рюмина — «Журнал министерства народного просвещения», 1890, апрель, июль; Е. Петухова — «Киевская старина», 1896, июль и др. Так же: В. Шенрок. Гоголь в период «Арабесок» и «Миргорода». — «Вестник Европы», 1892, июль, август.

[32] См.: Г. П. Георгиевский. Гоголевские тексты. — В сб.: «Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя», вып. II. СПб., 1908; вып. III. СПб., 1909.

[33] Н. И. Коробка. Судьба гоголевского текста и принципы настоящего издания. — В изд.: Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений. Под ред. Н. И. Коробки, т. 1. СПб., [1912], стр. 7.

[34] См.: Гоголь, изд. 10, т. 1, стр. 670—672.

[35] См.: А. Скабичевский. Очерки литературного движения после Белинского и Гоголя. — «Русская мысль», 1888, март, стр. 36—62; его же. Наш исторический роман в прошлом и настоящем. — Сочинения, т. 1. СПб., 1890, стлб. 653—794 и другие работы. В эти годы вышел также ряд работ, имеющих характер учебных пособий: С. Н. Браиловский. Н. В. Гоголь. Чтение и разбор его произведений. «Тарас Бульба». «Филологические записки», 1894, вып. 2, 3; С. З. Бураковский. «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя. Разбор повести для учащихся. Новгород, 1894.

[36] См.: В. Розанов. Легенда о великом инквизиторе. СПб., 1891; А. Волынский. Литературные заметки. — «Северный вестник», 1893, № 1; его же. Белинский. — Там же, № 10—12.

* * *

В 1902—1909 гг. — в период между пятидесятилетием со дня смерти и столетним юбилеем со дня рождения писателя, — выходит масса изданий произведений Гоголя, критических статей и исследований его творчества, написанных в основном представителями либерально-буржуазной критики[37]. В своих статьях они нередко ссылались на Белинского, — но Белинского, понятого ими с либерально-буржуазных позиций. Принижая сатирическое направление в творчестве Гоголя, они создавали легенду о поэте-мученике, запутавшемся в противоречиях.

Неверно, упрощенно, односторонне трактуется некоторыми критиками из буржуазно-либерального лагеря и идейное содержание «Тараса Бульбы». Даже в таких работах, в которых имелись и верные замечания и интересные наблюдения[38], критики прежде всего подчеркивали романтичность, гиперболичность образов гоголевской повести, всячески затушевывали или даже просто отвергали реалистические тенденции ее и вовсе не рассматривали «Тараса Бульбу» как героико-эпическое полотно, отражающее борьбу украинского народа за свою свободу и независимость. Нельзя не согласиться с Н. Коробкой, который писал, что в подобных отзывах о писателе критики «развенчивают Гоголя гораздо суровее, чем Кулиш, не менее односторонне, чем последний, и гораздо более холодно и рассудочно»[39].

Характерно, что в это же время Гоголя объявили «стилистическим» предтечей и идеологи символизма. Даже В. Брюсов[40] отказался считать Гоголя реалистом, верно и точно отразившим в своих произведениях украинскую действительность, и видел в нем всего лишь мечтателя, романтика, написавшего «Тараса Бульбу» не на основе исторически достоверных материалов о борьбе казачества с польской шляхтой, а как некую параллель гомеровской «Илиаде».

Много внимания в это время уделялось анализу «Тараса Бульбы» как исторической повести. Безусловно отвергая этнографизм Кулиша, такие ученые как проф. Д. Багалей, А. Ефименко и др.[41] показали, что Гоголь

---

[37] См.: Н. Коробка. Итоги гоголевской юбилейной литературы. — «Журнал министерства народного просвещения», 1904, апрель, май.

[38] См. например: Д. Н. Овсянико-Куликовский. Гоголь в его произведениях. М., 1905; Н. Котляревский. Н. В. Гоголь. СПб., 1902.

[39] Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, т. 2. СПб., [1912], стр. 7—8.

[40] В. Брюсов. Испепеленный. М., 1909.

[41] Д. Багалей. Эволюция художественного творчества Н. В. Гоголя. — «Вестник Европы», 1909, июль; А. Ефименко. Малорусское казачество по Гоголю. — «Журнал для всех», 1902, № 2. Ср.: О. Мончаловский. Украинофильство Гоголя. — «Научно-литературный сборник», Львов, 1904; В. Н. Мочульский. Малороссийские и петербургские повести Н. В. Гоголя. Одесса, 1902; И. М. Каманин. Научные и литературные произведения Гоголя по истории Малороссии. — В сб.: «Памяти Гоголя».

умело использовал небогатый материал, которым располагала в то время наука. «Тарас Бульба» — историческая повесть, в которой чисто исторический элемент в общем незначителен, однако здесь много исторически верных черт в изображении Запорожья, а главное — «верно очерчен, или, точнее, угадан дух и колорит эпохи — ее нравы, обычаи и даже характеры», в результате чего герои «Тараса Бульбы» становятся национальными малорусскими героями.

С большой и интересной статьей «Писатель-гражданин» в 1902 г. выступил С. А. Венгеров [42], утверждавший, что Гоголь был сознательным творцом, что сфера его интересов — всегда массовая, социальная, что коллективное всегда поглощает у него индивидуальное и даже в «Тарасе Бульбе», несмотря на яркость и колоритность образа главного героя, основное впечатление оставляет вся казачья масса, казачество в целом.

С очень эклектичными статьями о Гоголе выступает в эти годы Н. И. Коробка. Так, в работе «Н. В. Гоголь» он пишет, что в «Тарасе Бульбе» писатель «доходит до широкого художественного обобщения, доступного только очень крупным талантам, — до создания *национального типа*». Однако значение этого очень верного и важного наблюдения снижается оговорками об ошибках Гоголя в исторических фактах, об идеализации им в повести истории Украины, о том, что талант писателя в «Тарасе Бульбе» все еще остается в области, чуждой его истинному характеру и т. п.[43] Полной противоречий оказывается и его вступительная статья ко второму тому подготовленного им издания сочинений Гоголя. Здесь Коробка, с одной стороны, признает, что оценки Кулиша «грешат эстетической близорукостью», а с другой — считает все же правильными его замечания об ошибках Гоголя [44]; он соглашается с Котляревским, что «Гоголь не создал новых путей в развитии исторического романа», но осуждает его мнение о том, что «Тарас Бульба» не открыл в русской литературе «новых горизонтов»; он признает, что психологическая правдивость повести важнее точности отдельных ее исторических деталей, но считает, что «Тарас Бульба», как и весь «Миргород» в целом, — «проникнут одним чувством

Научно-литературный сборник Общества Нестора-летописца. Киев, 1902; Б. Катранов. Гоголь и его украинские повести. Воронеж, 1910.

[42] С. А. Венгеров. Писатель-гражданин. — «Русское богатство», 1902, № 2, 3, 4; то же. Очерки по истории русской литературы. Изд. 2. СПб., 1907, стр. 165—244.

[43] «История русской литературы XIX века» под ред. Д. Н. Овсянико-Куликовского, т. 2. М., 1911, стр. 286—287.

[44] Интересно, что еще в 1902 г. Н. И. Коробка опубликовал статью «Кулиш о малорусских повестях Гоголя», в которой находил «очень интересными» замечания Кулиша и недостатком его статей считал только то, что историческим и фактическим промахам Гоголя Кулиш «придал слишком большое значение», объясняемое «несколько сентиментальным украинофильством» его в 60-е годы и «увлечением новыми тогда теориями о реализме в искусстве» («Вестник литературы», 1902, т. III, кн. I, стр. 85).

романтической идеализации старины, грусти о ней», представляет собой только восторженный гимн прошлому, и ничем не связан с современной Гоголю российской действительностью и т. д.[45]

Наконец, заканчивая обзор отзывов дореволюционной русской критики о «Тарасе Бульбе», следует указать, что незадолго до революции была сделана попытка рассмотреть творчество Гоголя с новых — историко-социологических позиций. В. Ф. Переверзев в книге «Творчество Гоголя» (1914) попытался установить связи между положением Гоголя в современной ему социальной иерархии и его творчеством, определить пути и характер влияния мировоззрения писателя на его творческий метод. Попытка эта не дала положительных результатов, так как правильное марксистское положение о классовой ограниченности мировоззрения писателя и влиянии его на художественное творчество было понято исследователем в упрощенной, огрубленной форме. В результате для В. Переверзева главным, решающим в оценке творчества Гоголя стало определение той социальной среды, в которой родился и вырос художник, и утверждение невозможности для него выйти из-под влияния идеологии этой среды, встать над нею и правдиво отразить современную ему социальную действительность: принадлежа к мелкопоместной среде, писатель не смог подняться до аристократии духа и вынужден был спуститься вниз, к примитивной казачьей среде; но и эта попытка ему не удалась, а коренные противоположности этих двух социальных слоев наложили печать на все творчество Гоголя и погубили «Тараса Бульбу» как художественное произведение.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция начала новую эпоху в изучении творчества Гоголя. Отбрасывая старые, реакционные и буржуазно-либеральные измышления о творческом наследии великого художника, советские литературоведы стремились объективно оценить творчество писателя, понять его идейные позиции, вскрыть кричащие противоречия в его творчестве.

Однако советские ученые не сразу пришли к правильному объяснению творчества писателя; в течение некоторого времени еще чувствовалось влияние старой буржуазной науки. Так, например, одной из первых советских работ о Гоголе была книга В. В. Гиппиуса «Гоголь» (1924), отдельная глава которой посвящена анализу исторических взглядов художника. В. Гиппиус подчеркивает особое влияние народных украинских песен и предшествующей «вертепно-анекдотической традиции» (в сценах кулачного боя отца и сына, в образе Янкеля и т. п.), идейно-художественного же анализа повести в книге нет.

---

[45] Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч. [Под. ред. Н. И. Коробки], т. 2, стр. 2—10.

С другой стороны — влияла имеющая внешние признаки марксистской, но крайне вульгаризирующая марксизм методология Переверзева, привлекавшая классовостью анализа. Но вместо широкого и всестороннего понимания проблемы взаимоотношения мировоззрения и метода в творчестве художника, в первых советских исследованиях о Гоголе нередко искажался облик писателя, огрублялись и извращались противоречия в его творчестве. В ряде работ почти не видно Гоголя-реалиста, сатирика, сумевшего с величайшей художественной силой вскрыть пошлость и никчемность существования современного ему дворянского общества — и наряду с этим воспевшего мужество и героизм лучших сынов народа, беззаветно сражавшихся с врагами за независимость и свободу своей отчизны.

Такой упрощенно-социологический характер имела, например, работа Н. К. Пиксанова «Украинские повести Гоголя» [46]. Автор считает, что его предшественники оценивали Гоголя с неправильных позиций, замалчивали отрицательные черты в «Тарасе Бульбе». Для Пиксанова Гоголь — среднепоместный дворянин с тяготением к крупнопоместному панству; Тарас — не просто казак, а «казак-дворянин, аристократ, феодал» и только этим могут объясняться симпатии художника к своему герою. Вместе с тем следует отметить, что первые четыре главки работы, говорящие о состоянии украинской культуры в первой половине XIX в., содержат большой фактический материал и не потеряли своего значения и до наших дней.

В многочисленных и бурных дискуссиях начала 30-х годов вульгаризаторские извращения марксистско-ленинской науки о литературе потерпели поражение; была выяснена принципиальная ошибочность идейно-художественных концепций вульгарных социологов. И хотя рецидивы такого отношения к художественному наследию прошлого встречались иногда и в дальнейшем [47], все же общее направление советской науки о литературе встало на марксистские рельсы. Так, вышедшая в 1936 г. книга М. Б. Храпченко о Гоголе [48], при некоторых ошибках вульгарно-социологического толка, уже правильно показывала, что существо повести состоит в утверждении идеи непримиримой борьбы народных масс с захватчиками, за счастье своей родины. Именно это дало Гоголю возможность создать образы людей большой воли и больших стремлений, поэтизировать не только их личности, но и военные подвиги их, с волнением и пафосом писать об их отваге и победах.

---

[46] Н. Пиксанов. Украинские повести Гоголя. — В изд.: Н. В. Гоголь. Собрание сочинений, т. 1. Приложение к «Красной Ниве» за 1931 г.; то же в дополн. виде в сб.: Н. Пиксанов. О классиках. М., 1932, стр. 43—148.

[47] См.: В. А. Десницкий. Задачи изучения жизни и творчества Гоголя. — В сб.: «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», т. 2, 1936; М. Храпченко. Гоголь и дворянское общество. — «Октябрь», 1934, № 5; Н. Пиксанов. Между двух миров. Писательская драма Гоголя. — «Смена», Л., 1934, № 75 и др.

[48] М. Храпченко. Н. В. Гоголь. М., 1936.

В 1937 г. начало выходить (последний том вышел в 1952 г.) первое полное академическое собрание сочинений Гоголя в 14 томах — новый, серьезнейший вклад в изучение текстов писателя. Редакцией издания было проведено критическое изучение всех сохранившихся источников текста, тщательно собраны рукописные и печатные варианты, дающие широкую картину творческой жизни писателя, все произведения были научно прокомментированы [49].

Однако академическое издание вызвало и немало серьезных возражений, прежде всего, за то, что в борьбе за подлинно гоголевские тексты редакторы, с недоверием относясь к печатным текстам, провели через все издание принцип предпочтения рукописных текстов печатным. Это полностью касалось и «Тараса Бульбы», против чего совершенно справедливо и решительно возражали рецензенты [50]; не во всем точным, а подчас и искажающим историю создания повести был и комментарий к «Тарасу Бульбе» [51].

В частности, идейной эволюцией Гоголя в сторону славянофильства объясняет комментатор появление во второй редакции повести речи Тараса о товариществе, в которой якобы усиленно подчеркиваются особые свойства «русской души», «русского чувства» (II, 725—726).

В последующие годы все чаще и чаще появляются новые статьи, посвященные разработке отдельных элементов формы и содержания «Тараса Бульбы». Большое внимание уделяется рассмотрению фольклорных элементов в повести, влиянию украинской народно-поэтической традиции на сюжет, типажи, ситуации, язык и стиль «Тараса Бульбы» [52]. Повесть рассматривается как величественная эпопея народной борьбы, «поэма о любви к родине и о ненависти к захватчикам» [53]. Наиболее яркой работой этого времени была статья Н. Замошкина «Неузнанный Гоголь». Автор резко выступает против неверных оценок повести в прошлом и подчеркивает значение для советского читателя «Тараса Бульбы» как одного из лучших высокопатриотичных произведений в русской литературе. «В том

---

[49] См.: Б. В. Томашевский, Г. М. Фридлендер. Академическое издание сочинений Н. В. Гоголя. —«Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1952, т. XI, вып. 1.

[50] А. Л. Слонимский. О редакторском произволе. — «Литературная газета», 10 января, 1952 г.; Е. Покусаев. Академическое издание сочинений Н. В. Гоголя. — «Советская книга», 1952, № 2, А. Л. Слонимский. Вопросы гоголевского текста. — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1953, т. XII, вып. 5, и др.

[51] О фактических неточностях и ошибках комментария к повести см. далее, в текстологическом комментарии к настоящему изданию.

[52] В. Чапленко. Фольклор в творчестве Гоголя. — «Литературная учеба», 1937, № 12; С. Машинский. Гоголь и народная историко-поэтическая традиция. — «Литературная учеба», 1938, № 3 и др. (ср. стр. 214).

[53] В. Жданов. Героическая эпопея «Тарас Бульба». — «Литературный критик», 1938, № 4, стр. 42.

и заключается величие классического наследства, — утверждает Н. Замошкин, — что полнота его содержания вскрывается только в наше освобожденное социалистическое время» [54].

Такое толкование замысла «Тараса Бульбы» объяснялось не только тем, что советские литературоведы овладели методом марксистского анализа художественой литературы. Жизнь вмешивалась в литературоведение, требовала нового понимания классических произведений, рождала новые оценки и взгляды. За рубежами нашей страны уже гремели залпы второй мировой войны; фашизм открыто готовился к нападению на нашу родину; страна мобилизовала все свои силы для жестокой битвы. В этих условиях и произведения русской классической литературы, глубоко патриотичные по своей идее, приобретали новое звучание, вскрывался новый смысл книг, давно и хорошо известных. И героическая эпопея «Тарас Бульба», с ее глубоко патриотической идеей беспощадной борьбы за счастье народа и величие отчизны, воспевая подвиги наших предков, их героизм и мужество в борьбе с врагами, звучала как актуальнейшее произведение современности.

Итогом изучения «Тараса Бульбы» в советском литературоведении предвоенных лет была первая и пока единственная монография С. Машинского «Историческая повесть Гоголя» (1940). Автор работы рассматривает повесть на широком фоне русской исторической прозы 20—30-х годов XIX столетия, развитие которой, в свою очередь, понимается им как результат обострившегося внимания к судьбам России, характерного для настроения декабристской поры. Поэтому исследователь видит в бессмертной исторической повести своеобразную реакцию на современность: героическое прошлое украинского народа, его национально-освободительная борьба особенно контрастировала с душной, затхлой атмосферой самодержавно-полицейского государства.

С. Машинский подробно рассматривает исторические и фольклорные источники повести, приводит сопоставления, подчеркивая, что дело не в простом заимствовании Гоголем материалов из этих источников, а в самом характере использования им этого материала, в переосмыслении его.

* * *

Новый этап всестороннего изучения творчества Гоголя наступил после войны. В 1952 г. исполнилось сто лет со дня смерти писателя, и по решению Всемирного совета мира эта дата широко отмечалась не только в СССР, но и во всем мире. К юбилейным дням и вскоре после них вышел ряд новых книг о Гоголе, авторы которых рассматривали творчество великого писателя в самых разнообразных идейно-художественных и историко-культур-

[54] Н. Замошкин. Неузнанный Гоголь. — «Знамя», 1938, № 4, стр. 257.

ных аспектах, стремясь прежде всего определить роль и место гоголевского творчества в нашей современности[55].

Характерной особенностью новейших работ о Гоголе является синтетичность анализа, монографичность исследования всего творчества Гоголя, в котором «Тарас Бульба» занимает значительное место.

Среди советских ученых уже давно нет споров о роли и месте повести в творчестве художника, в истории русской литературы, о значении ее для современного читателя, — это вопросы выясненные и бесспорные. Но все же каждый из исследователей находит свой поворот темы, свой угол зрения, свое решение важнейших проблем, встающих при анализе повести.

Так, особенно большое место уделено «Тарасу Бульбе» в монографии М. Б. Храпченко «Творчество Гоголя»[56]. Исследователь привлекает очень большой материал — не только художественное, публицистическое и эпистолярное наследие Гоголя, но и мемуары его современников, критическую литературу о Гоголе, источники, которыми пользовался писатель, и т. п. Многое впервые выявлено, по-новому прочтено, своеобразно раскрыто и объяснено. Исследователь подчеркивает, что в национально-освободительной борьбе, которую рисует в повести Гоголь, важное место занимают причины социального характера: народ вступает в борьбу, оскорбленный не только в национальных или религиозных чувствах, но и возмущенный социально-экономическим гнетом, принесенным захватчиками и усиленным теми из «своих», которые изменили народу и перешли на сторону врага. И величие образа Тараса состоит именно в том, что он звал на борьбу не только за веру и свободу, но и против экономического ига польских магнатов и их ставленников, против «притеснений арендаторов» и против «прибавки новых пошлин с дыма».

В юбилейном литературно-критическом очерке «Н. В. Гоголь» В. Ермилов развивал положение о глубоком оптимизме повести, основанном на вере народа в свою силу, в свою окончательную победу. Поэтому даже несмотря на трагическую гибель главных героев и других верных сыновей своей отчизны, «Тарас Бульба» — «одно из самых светлых произведений мировой литературы. . .»[57].

Своеобразно расценивается повесть Г. Н. Поспеловым в книге «Твор-

---

[55] См.: Е. И. Покусаев. Юбилейная литература о Гоголе. — «Советская книга», 1952, № 8; ср.: С. Машинский. Гоголь. М., 1951; М. Храпченко. «Тарас Бульба». — «Октябрь», 1952, № 3; Н. Онуфриев. Н. В. Гоголь. М., 1952; В. Ермилов. «Тарас Бульба» и Петербургские повести Н. В. Гоголя. — «Знамя», 1952, № 3; В. А. Жданов. Н. В. Гоголь. Очерк творчества. М., 1953; И. И. Антонец. Повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». Диссертация. Киев. 1954; М. Я. Ермакова. «Тарас Бульба». Гоголя как исторический роман-эпопея. Диссертация. Горький, 1956.

[56] М. Б. Храпченко. Творчество Гоголя. М., 1954; изд. 3. М., 1959.

[57] В. Ермилов. Н. В. Гоголь. М., 1952; 2-е дополн. изд. М., 1953, стр. 122.

чество Н. В. Гоголя»[58]. Автором выдвинут тезис о романтизме творчества Гоголя, а глава, посвященная «Тарасу Бульбе», так и названа: «Романтическая история». Исследователь утверждает, что в повести Гоголь по-своему продолжает традиции русского прогрессивного романтизма, приближаясь этим к идейным традициям декабристской поэзии. Думается, что автор здесь не совсем прав: несомненно, что романтическая струя в повести очень сильна, но это определяется романтикой самой жизни героев, полной борьбы и подвигов во имя высоких светлых идеалов. В основе же своей повесть реалистична, ее герои — живые, типические образы, ее идеи — народны, ее содержание — исторически достоверная борьба народа за свободу и национальную независимость. Поэтому правильнее было бы говорить не о романтизме повести, а о том, что в ней реалистические черты романтически заострены, а романтические описания насыщены массой реалистических деталей; и все это вместе дает то, что в реалистическом методе мы называем героической повестью, эпопеей.

Н. Л. Степанов в своей книге «Н. В. Гоголь. Творческий путь» уделяет большое внимание установлению и анализу непосредственнных связей между историческими взглядами Гоголя-преподавателя и его художественно-историческими произведениями. В связи с этим исследователь отмечает одно существенное различие между двумя редакциями повести: если в первой борьба казачества с польской шляхтой рассматривалась только как местная борьба украинского народа со своими угнетателями, то во второй редакции писатель смотрит на эту борьбу с гораздо более широких позиций: он видит в ней единство стремлений и интересов двух братских народов — украинского и русского, борющихся не ради добычи, а за единую для них «русскую землю». Поэтому писатель и не стремился в повести к изображению деятельности конкретных казачьих атаманов и реальных исторических героев: «Его привлекала история *народа*, героизм *всей массы* казачества», — пишет Степанов[59].

Тщательно и широко проанализированы Н. Степановым художественные особенности повести; наиболее интересны его наблюдения о двух стилевых тенденциях, свойственных изображению двух враждующих сил — простого казачества и польской шляхты.

Одной из последних работ, глубоко и своеобразно рассматривающих повесть «Тарас Бульба», является книга Г. А. Гуковского «Реализм Гоголя»[60]. Исследователь считает, что образный и идейный стержень повести — идея товарищества, массовости, коллектива. Именно поэтому-то, по его

---

[58] Г. Н. Поспелов. Творчество Н. В. Гоголя. М., 1953.

[59] Н. Л. Степанов. Н. В. Гоголь. Творческий путь. М., 1955; изд. 2. М., 1959, стр. 175.

[60] Г. А. Гуковский. Реализм Гоголя. М.—Л., 1959. Книга писалась во второй половине 40-х годов и осталась незаконченной.

мнению, в повести такое значительное место занимает описание Сечи и ее обычаев: сборов на раду, выбора кошевого атамана, общего совета казаков о том, как поступить в том или ином случае, и т. п. Сечь как коллектив является у Гоголя главным героем повествования.

Как и другие исследователи, Г. Гуковский понимает, что демократизм Сечи Гоголем идеализирован. Однако в отличие от большинства своих предшественников, ученый считает, что это — не ошибка, не социальная слепота художника, а сознательное проведение им своей идеи. Прекрасно разбираясь в вопросах социальной структуры казацкого общества, Гоголь не уделил внимания его феодальной иерархии, так как рисовал свой идеал вольного народного сообщества, героизации которого мешали бы черты феодальной структуры.

Исходя из этого, Г. Гуковский выводит свое понимание идейного смысла повести: дело «не в историческом идеале прошлого, а в гражданском идеале настоящего» (стр. 141). Поэтому историческая по тематике повесть всем своим содержанием откликалась на современные Гоголю явления окружающей жизни, ставила не исторические, а «скорей этические и даже публицистические» задачи (стр. 165), при решении которых героический эпос повести «ясно повертывается укором современности, картина свободы — укором миру рабства» (стр. 162).

Анализ «Тараса Бульбы», сделанный Г. Гуковским, может быть, одно из наиболее интересных исследований повести.

* * *

Таким образом, судьба повести «Тарас Бульба» в русской критике сложна и противоречива.

Белинский первый увидел глубокую патриотичность всего гоголевского творчества и оценил повесть как героическую эпопею народной жизни и борьбы. Опираясь на его наследие, советские ученые в своих работах показали непреходящую ценность гениальных произведений писателя, дали исторически правильное истолкование реализма в творчестве Гоголя.

За сто с лишним лет, прошедших со дня написания «Тараса Бульбы», многое изменилось в нашей стране; былая окраина России — Малороссия — стала Украиной, самостоятельной республикой в великом Союзе республик. Украинский и русский народы вместе, плечом к плечу, отстаивали свою общую свободу и независимость в ожесточенной борьбе с иноземными захватчиками.

И для всех народов нашей Родины «Тарас Бульба» является произведением, великие патриотические идеи которого будут жить в веках.

Е. ПРОХОРОВ

Исторические и фольклорные источники „Тараса Бульбы“

(К творческой истории повести)

Обращение к теме исторической повести из прошлого Украины не было для Гоголя чем-то неожиданным. Уже в одном из первых писем к матери из Петербурга от 30 апреля 1829 г. он просит присылать ему сведения о жизни и быте украинского народа, особенно подчеркивая: сведения «самые древние», описания одежды, носившейся к старину, «до времен гетманских» и т. п. (X, 141). В другом письме он просит записывать «нравы, обычаи, поверья», собирать древние монеты, «стародавние старопечатные книги», «антики», записки, «веденные предками какой-нибудь старинной фамилии, рукописи стародавние про времена гетманщины» и т. д. (X, 166—167).

Через два года в альманахе «Северные цветы на 1831 год» появляется глава из исторического романа «Гетьман» — первый опыт Гоголя на историческую тему. В феврале 1834 г. в «Библиотеку для чтения» Гоголь сдает отрывок «Кровавый бандурист. Глава из романа», но не пропущенный цензурой, он остается неопубликованным и только в 1835 г. начало этой главы, под названием «Пленник. Отрывок из исторического романа», появляется в «Арабесках».

Наконец, уже после смерти Гоголя в его бумагах обнаруживают «Несколько глав из неоконченной повести» о прошлом Украины и отрывок «Мне нужно видеть полковника...», написанные в 1831—1832 гг., относимые современными исследователями к тому же роману «Гетьман» (III, 711—713).

Не удовлетворенный художественной разработкой темы из истории Украины (Гоголь писал, что первая часть романа «Гетьман» была

им сожжена, «потому что сам автор не был ею доволен» [1]), писатель одновременно с этим обращается к научной разработке истории Украины: в конце 1833 г. он задумывает историю Украины «в шести малых, или в четырех больших томах» (X, 297). В январе 1834 г. через газеты обращается с просьбой к читателям присылать ему материалы для «Истории малороссийских казаков» (в другом варианте объявления — «Истории Малороссии») [2], для которой им собрано уже много материалов, а многое даже написано. Следы этой работы над историей Украины прежде всего можно видеть в статьях «Взгляд на составление Малороссии» и «О малороссийских песнях», опубликованных в «Журнале министерства народного просвещения» (1834 г., апрель).

Примерно к этому же времени относится начало работы Гоголя над «Тарасом Бульбой». Хронологическая близость первой редакции «Тараса Бульбы» и статей по истории Украины подтверждается также местом чернового автографа повести в записной тетради Гоголя: повести непосредственно предшествуют отрывки статьи «Взгляд на составление Малороссии» и набросок «Мне нужно видеть полковника» (II, 703).

В печати уже отмечалось [3], что «Гетьман» был тем зерном, из которого вырос «Тарас Бульба»: атаман в «Нескольких главах...», полковник в отрывке «Мне нужно...», Глечик в «Главе из исторического романа» являются портретными прообразами Тараса Бульбы, из образа жены казака Пудько вырос образ матери Остапа и Андрия, жены Тараса, усач-гайдук в «Тарасе Бульбе» напоминает командира польского кавалерийского отряда из «Кровавого бандуриста» и т. д. (III, 716). Отдельные сцены, только набросанные в «Гетьмане», позже превратились в «Тарасе Бульбе» в яркие и точные по своей выразительности описания (например, картина, висящая в светлице Остраницы, на которой изображен запорожец с бочонком водки, и к ней подпись: «Козак, душа правдивая, сорочки не мае», сразу напоминает сцену встречи Тараса и его сыновей с загулявшим запорожцем при въезде на Сечь). Можно обнаружить и прямую перекличку между «Гетьманом» и «Тарасом Бульбой», особенно заметную, естественно, в первой редакции повести. Таково, например, описание светлицы Остраницы и светлицы Тараса.

---

[1] Н. Гоголь. Арабески, ч. 1. СПб., 1835, стр. 43; см. также замечание Чернышевского о причинах отказа Гоголя от продолжения романа; Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. III. М., Гослитиздат, 1947, стр. 541.

[2] См.: «Северная пчела» от 30 января 1834 г.; «Молва», 1834, № 8, стр. 118 (ср.: IX, 625).

[3] См., например, замечание Чернышевского, называвшего «Гетьмана» «отрывком из неизвестной повести»: Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III, стр. 538—541; В. Шенрок. Гоголь в период «Арабесок» и «Миргорода». — «Вестник Европы», 1892, июль, август.

«Гетьман»	*«Тарас Бульба», I ред.*
«Весь пол в комнате был тоже вымазан глиною, но так был чисто выметен, что на нем можно было лечь, не опасаясь запылить платья. В углу комнаты, у дверей, находилась огромная печь и занимала почти четверть комнаты; сторона ее, обращенная к окнам, была покрыта белыми изразцами. . .; другая сторона состояла из зеленых гладких изразцов. Окна были невелики, круглы; матовые стекла, пропуская свет, не давали видеть ничего происходящего на дворе. . . Подалее висело несколько турецких саблей, ружье и разной величины пистолеты. . .» (III, 293—294).	«Все было чисто, вымазано глиною. Вся стена была убрана саблями и ружьями. Окна в светлице были маленькие, с круглыми матовыми стеклами, какие встречаются ныне только в старинных церквах. . . Липовые скамьи вокруг всей комнаты и огромный стол посреди ее, печь, разъехавшаяся на полкомнаты, как толстая русская купчиха, с какими-то нарисованными петухами на изразцах» (*наст. изд., стр. 99*).

Характерно также, что некоторые описания, имевшиеся в «Гетьмане», нашли в какой-то мере отражение только во второй редакции «Тараса Бульбы». Как известно, это была характерная черта творческого метода Гоголя, который при переработке своих произведений нередко возвращался к образам, картинам и даже отдельным фразам, отброшенным на предшествующих этапах работы (ср. стр. 241).

* * *

Вместе с тем, приступив непосредственно к работе над «Тарасом Бульбой», Гоголь обращается и к тщательному изучению исторических источников. Так, в начале 1834 г. в письме к И. Срезневскому он сообщает, что у него есть почти все печатные работы по истории Украины, которыми пользовался Д. Н. Бантыш-Каменский в своей «Истории Малой России», что он знает уже, в частности, летописи Конисского, Шафонского, Ригельмана (X, 299—300). Однако в первой редакции, как показывают результаты изучения этих источников, оставило свои следы, пожалуй, только чтение «Истории Руссов» и «Описания Украйны» Боплана.

Приписывавшаяся во времена Гоголя перу архиепископа Белоруссии Георгия Конисского «История Руссов или Малой России» [4] была, как показали позднейшие исследования, составлена Г. А. Полетикой, одним из образованнейших деятелей екатерининского времени, депутатом мало-

[4] «История Руссов или Малой России». Сочинение Георгия Конисского, архиепископа Белорусского. М., 1846.

российского шляхетства в комиссии по составлению нового Уложения [5]. Обнаруженная в 1828 г., «История» была издана в 1846 г., но еще ранее распространялась в списках и была хорошо известна образованным людям того времени. Пушкин, например, очень высоко оценивал «Историю» как документ и как произведение, написанное «кистию великого живописца», полное горячей и искренней любви к родине [6].

Именно эти качества «Истории» — высокий патриотизм, эмоциональность изложения и яркий своеобразный характер самого автора — привлекли к «Истории Руссов» внимание Гоголя. В письме к М. П. Погодину он писал, что и его собственная «малороссийская история... чрезвычайно бешена, да иначе, впрочем, и быть ей нельзя. Мне попрекают, что слог в ней слишком уже горит, не исторически жгуч и жив; но что за история, если она скучна!» (X, 294). Этим дорог ему и автор «Истории Руссов» — не бесстрастный летописец, а убежденный человек, страстный патриот своей родины.

Для первой редакции Гоголь использовал отсюда в основном историко-политические факты, которыми прежде всего была богата «История». Таковы рассказы казаков о бесчинствах поляков на Украине в период введении Унии, об аренде евреями православных церквей, о казни казачьих полководцев и т. д.

«История Руссов»	*«Тарас Бульба», I ред.*
«Духовенство римское, разъезжавшее с триумфом по Малой России для надсмотра и понуждения к униатству, вожено было от церкви до церкви людьми, запряженными в их длинные повозки...» (стр. 40). Евреи помечали пасхи «угольными своими метами или значками» (стр. 52). Поляки «утварь церковную, как-то: потиры, дискосы, ризы, стихари и все другие вещи распродали и пропили тем же жидам, кои из серебра церковного поделали себе посуду и убранство, а ризы и стихари перешили на исподницы жидовкам» (стр. 56).	— «Так вы не слышали и про то, что уже христианину и пасхи не можно есть, покамест рассобачий жид не положит значка нечистою своею рукою? — Ничего не слышали! — кричала толпа, подвигаясь ближе. — И что ксендзы ездят из села в село в таратайках, в которых запряжены... просто православные христиане... Вы, может быть, не слышали и об том, что уже из поповских риз жидовки шьют себе юбки?» (*наст. изд., стр. 116—117*).

[5] Исследователями предполагается участие в составлении «Истории Руссов» также сына Г. А. Полетики — В. Г. Полетики. См.: Л. Н. Майков. Историко-литературные очерки. СПб., 1895, стр. 274—282; Ю. И. Масанов. В мире псевдонимов, анонимов и литературных подделок. М., 1963, стр. 94—98.

[6] Пушкин. Полн. собр. соч., т. XII, 1949, стр. 18—19.

Из «Истории Руссов» почерпнуты, по-видимому, Гоголем и сведения о казни гетмана и полковников (в «Истории Руссов» — гетмана Наливайко и его сподвижников Лободы, Мазепы и Кизима) в медном быке (стр. 39), о том, что головы и руки казненных развозили по украинским городам и селам (стр. 56) и т. д. Именно к «Истории Руссов» близко и описание в «Тарасе Бульбе» пленения гетмана Потоцкого (в «Истории Руссов» — Лянцкоронского) в Полонном.

«История Руссов»

После битвы казаки, «управившись с похоронами и корыстьми, погнались за гетманом Лянцкоронским и, настигнув его в местечке Полонном, ожидающего помощи из Польши, тут атаковали его, запершегося в замке. Он, не допустив казаков штурмовать замка, выслал против их навстречу церковную процессию со крестами, хоругвами и духовенством русским, кои, предлагая мир от гетмана и от всея Польши, молили и заклинали богом гетмана Остряницу и его войско, чтобы они преклонились на мирные предложения. По долгом совещанию и учиненных с обеих сторон клятвах, собрались в церковь высланные от обеих гетманов чиновники и, написавши тут трактат вечного мира и полной амнистии, предающей забвению все прошедшее, подписали его с присягою на Евангелии о вечном хранении написанных артикулов и всех прав и привилегий казацких и общенародных» (стр. 54—55).

«Тарас Бульба», I ред.

В летописях изображено, «как слаб был коронный гетман Николай Потоцкий с многочисленною своею армиею против этой непреодолимой силы... как облегли его в небольшом местечке Полонном грозные казацкие полки, и как приведенный в крайность польский гетман клятвенно обещал полное удовлетворение во всем со стороны короля и государственных чинов...». Не поверили было ему казаки, но «спасло его находившееся в местечке русское духовенство. Торжественная процессия с образами и крестами и мольбы священника-старца тронули казаков... Гетман и полковники решились отпустить Потоцкого, не прежде, как заключивши трактат, обеспечивший бы во всем казаков» (*наст. изд., стр. 146*).

Другим историческим источником, давшим Гоголю сведения по военно-бытовым вопросам, было «Описание Украйны» Гильома ле Вассера де Боплана[7]. Автор этой книги, французский военный инженер, провел около 17 лет на службе польским королям в звании «старшего капитана артиллерии и королевского инженера». Он много ездил по Украине, был свидетелем столкновений казаков с татарами и поляками, слышал много рассказов о казацких походах, об их жизни и быте. Наблюдения Боплана — опытного военного и много видевшего и знавшего человека —

[7] Описание Украйны. Сочинение Боплана. СПб., 1832.

представляли для Гоголя значительный интерес. Не лишена основания догадка некоторых исследователей[8], видящих в образе «французского артиллериста и инженера, служившего в польских войсках, большого знатока военного дела» («Тарас Бульба», I ред., гл. VI) — самого Боплана.

Это именно он писал, например, что «казаки наиболее показывают храбрость и проворство в *таборе*, огороженные телегами» (стр. 8; ср. в «Тарасе Бульбе», I ред., гл. VI), что среди запорожцев есть люди «с познаниями высшими, нежели каких можно было бы ожидать от простолюдинов» (стр. 6; ср. в «Тарасе Бульбе», I ред.: на Сечи «были и те, которые знали, что такое Гораций, Цицерон и римская республика») и т. д.

В издании 1832 г. текст Боплана сопровождался также комментариями переводчика Ф. Г. Устрялова, и Гоголь многое почерпнул из этих комментариев (см. стр. 137 о походах на Турцию; стр. 140 — о трезвости в походах; стр. 141 — об аренде церквей евреями; стр. 153 — о выборе атаманов для похода и т. д.).

Безусловно, кроме этих двух источников, Гоголь был знаком и с рядом других. Так, в письме от 23 декабря 1833 г. он сообщал Пушкину: «Порадуйтесь находке: я достал летопись без конца, без начала об Украйне, писанную, по всем признакам, в конце XVII-го века» (X, 291). Исследователи[9] указывали также, что писателю были известны и «Летописец Малые России», напечатанный Ф. Туманским в «Российском магазине», 1793, кн. II, и «Историческое известие о возникшей в Польше Унии» Н. Н. Бантыш-Каменского (М., 1805), и «История Малой России» Д. Н. Бантыш-Каменского (1 изд., т. 1—4. М., 1822; 2 изд., т. 1—3. М., 1830).

Наконец, Гоголь хорошо знал два выпуска «Запорожской старины» И. Срезневского, о которой он в восторге писал составителю (X, 298) и из которой использовал все, что мог, в частности — возражения Срезневского на «Описание Украины» Боплана. Приводя, например, утверждение Боплана, что «в стране запорожской» «женщины прядут лен и волну, ткут для своего употребления полотна и сукна. Все казаки умеют пахать, сеять, жать, косить, печь хлебы, приготовлять яства» и т. д., Срезневский пишет: «Откуда могли появиться там женщины? ... Запорожцы вели там жизнь холостую...» и если что-то умели — то никогда этим не занимались: «на это были у них особенные люди, приходившие в Запорожье из Украины»[10]. Об этом же говорит и напечатанное Срезневским «Сказа-

[8] См., например: И. М. Каманин. Научные и литературные произведения Гоголя по истории Малороссии. — В сб.: «Памяти Гоголя». Научно-литературный сборник Общества Нестора-летописца. Киев, 1902.

[9] См.: Гоголь, II, 717—718; Гоголь, изд. 10, т. 1, стр. 570.

[10] И. Срезневский. Запорожская старина, ч. 1, вып. II, Харьков, 1833, стр. 42—43.

ния, откуду козаки запорожане и чем славни»: казаки «бяху от сих воинского чина во бранных делех упражняхуся, а не работным промыслом живяще»[11]. Все это было учтено Гоголем, который писал, что предместье Сечи было полно «людьми всех наций» и оно «одевало и кормило Сечу, умевшую только гулять да палить из ружей».

* * *

Но в работе над народно-героической эпопеей Гоголь не мог, естественно, ограничиться только историческими источниками: «Я к нашим летописям охладел, — писал он в том же письме И. Срезневскому, — напрасно силясь в них отыскать то, что хотел бы отыскать. Нигде ничего о том времени, которое должно бы быть богаче всех событиями... И потому-то каждый звук песни мне говорит живее о протекшем, нежели наши вялые и короткие летописи, если можно назвать летописями не современные записки, но поздние выписки, начавшиеся уже тогда, когда память уступила место забвению» (X, 298—299).

И Гоголь обращается к народной песне. Исследованием С. А. Красильникова «Источники собирания украинских песен Н. В. Гоголя»[12] установлено, что Гоголь был знаком со всеми известными тогда печатными и рукописными сборниками народных украинских песен и дум: Максимовича, Срезневского, Цертелева, Вацлава, Доленги-Ходаковского и др. На этом материале он пишет свою статью «О малороссийских песнях», которая, пожалуй, лучше всего объясняет значение народно-песенных источников для творческой истории «Тараса Бульбы». Статья эта писалась Гоголем как рецензия на сборники песен Максимовича и Срезневского, однако она не содержала никаких конкретных сведений о самих сборниках: это тоже была своего рода лирическая песнь о песнях. И в ней, хотя и в зачаточной форме, можно проследить те мотивы народных песен, которые потом зазвучали в «Тарасе Бульбе». «Песни малороссийские, — пишет Гоголь, — могут вполне назваться историческими, потому что они не отрываются ни на миг от жизни и всегда верны тогдашней минуте и тогдашнему состоянию чувств ... козак бросает тишину и беспечность жизни домовитой, чтобы вдаться во всю поэзию битв, опасностей и разгульного пиршества с товарищами... Сверкает Черное море; вся чудесная неизмеримая степь от Тамана до Дуная — дикий океан цветов колышется одним налетом ветра; в беспредельной глубине неба тонут лебеди и журавли; умирающий козак лежит среди этой

---

[11] Там же, стр. 18.

[12] См.: «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», т. II. М., Изд-во АН СССР, 1936, стр. 377—406.

свежести девственной природы и собирает все силы, чтоб не умереть, не взглянув еще раз на своих товарищей... Выступает ли козацкое войско в поход с тишиною и повиновением; извергает ли из самопалов потоп дыма и пуль; кружает ли вольно мед, вино; описывается ли ужасная казнь гетмана, от которой дыбом подымается волос, мщение ли козаков, вид ли убитого козака, с широко раскинутыми руками на траве, с разметанным чубом, клекты ли орлов в небе, спорящих о том, кому из них выдирать козацкие очи: все это живет в песнях и окинуто смелыми красками» (VIII, 91—92). В этом лирико-патетическом высказывании Гоголя — не только пересказ тематики народных песен: здесь слышатся отчетливо звучащие мотивы и даже отдельные сочетания слов, которые появятся позже в первой и особенно во второй редакции «Тараса Бульбы» как наглядное свидетельство народно-песенной первоосновы повести. Использовав исторические источники, которые однако не давали ему яркого и непосредственного отражения жизни и героической борьбы украинского народа за свою свободу и независимость, Гоголь именно в песнях нашел то, что искал: «Это народная история, живая, яркая, исполненная красок, истины, обнажающая всю жизнь народа», и далее: «Кто не проникнул в них глубоко, тот ничего не узнает о протекшем быте этой цветущей части России» (VIII, 90—91).

Беря из летописных источников лишь исторические факты, сведения, характеризующие общую военно-политическую обстановку, реальные детали событий, Гоголь именно в народных песнях, сказаниях и думах находил черты, отражающие дух времени, дух народа, его мечты, стремления и надежды, народные, а не бесстрастно официальные оценки событий и поступков героев.

Основными печатными источниками украинских народных песен, которыми по всей вероятности пользовался Гоголь, являются опять-таки «Запорожская старина» И. Срезневского и сборник М. Максимовича «Малороссийские песни». Например, в первой из этих работ были опубликованы две думы о Тетеренке: «Отступник Тетеренко» и «Убиение Тетеренка» и дума «Подвиги Саввы Чалого», сюжетные линии которых могли сказаться в развитии темы предательства Андрия; эпизод с потерей люльки Тарасом мог быть навеян песней про поход Сагайдачного, опубликованной там же, или известной по еще более ранней публикации песней про казака Вакулу Чмыра, который «ишов з корчмы» и «згубыв люльку, чубук, губку и тютюн з гамана»:

«Був як козак
Тепер харпак
Сором до господы.
. . . .

Була люлька,
Чубук, губка
Нічым не журывся,
А тепера
Ся потеря
Збыла з пантелыку...» [13]

Однако следует заметить, что прямую связь между конкретными фольклорно-песенными источниками и первой редакцией повести установить достаточно трудно: Гоголь использовал здесь еще только отдельные слова и выражения, отдельные детали и черты, не вводя их глубоко в идейно-сюжетную ткань произведения.

* * *

Приступив в годы своего нового увлечения историей Украины (1838—1839) к работе над второй редакцией повести, Гоголь наряду с известными ему ранее источниками привлек новые. Прежде всего здесь должно быть названо сочинение кн. Мышецкого — «История о казаках запорожских...» [14] Хотя «История» была опубликована впервые значительно позже (первая публикация — в «Чтениях Общества истории и древностей российских», 1847, № 6), она, как и «История Руссов», широко ходила по рукам в списках, была известна близким друзьям Гоголя — историкам Погодину, Бодянскому, Максимовичу и от них могла стать известной и ему. Кроме того, с «Историей» Мышецкого Гоголь мог быть знаком по вышедшей в Париже еще в 1788 г. и хорошо известной ему книге «Annales de la Petite-Russie...» Шерера, являющейся в первой своей части довольно подробным пересказом книги Мышецкого. Во всяком случае среди бумаг Гоголя, найденных после его смерти, обнаружено было несколько листков бумаги с выписками, правда, не имеющими прямого отношения к «Тарасу Бульбе», но сделанными, как установил Н. С. Тихонравов, из второй части книги Шерера [15].

Книга Мышецкого была насыщена огромным количеством интереснейших историко-бытовых деталей, и Гоголь довольно широко использовал их в повести, например:

Мышецкий	*«Тарас Бульба», II ред.*
«Рада у них чинится... таким образом... ...А как пробьет [довбыш] дробь три раза, то кошевой с палицею, в которой ко-	«...Литавры грянули... и после третьего боя показались, наконец, старшины: кошевой с палицей в руке, знаком своего до-

[13] А. Павловский. Грамматика малороссийского наречия. СПб., 1818, стр. 94, 101.

[14] «История о казаках запорожских, как оные из древле зачалися, и откуда свое происхождение имеют, и в каком состоянии ныне находятца...». Одесса, 1852.

[15] Гоголь, изд. 10, т. 1, стр. 629—630.

шевого вся честь состоит, а судья с войсковою печатью, писарь с чернильницею, есаул с малою палочкою придут...

А ежели же хотят кошевого и прочую старшину переменять, то чинится у них тако:

Скажут кошевому, чтоб он положил свое кошевье, почему оный должен палицу свою принести ко знамю, положить на свою шапку, и потом, поклонясь всему войску, должен благодарить, и пойдет в свой курень; и по нем судья, писарь и асаул такожде чинят. И ежели из них не захотят кого скидывать, то все закричат, чтобы своего старшинства не скидывал, чего для оный принужден стоять на своем месте» (стр. 37—38).

стоинства, судья с войсковою печатью, писарь с чернильницею и есаул с жезлом. Кошевой и старшины сняли шапки и раскланялись на все стороны казакам...

— Что значит это собранье, чего хотите, панове? — сказал кошевой. Брань и крики не дали ему говорить.

— Клади палицу! клади, чертов сын, сей же час палицу! не хотим тебя больше...

Кошевой хотел было говорить, но, зная, что разъярившаяся своевольная толпа может за это прибить его насмерть... поклонился очень низко, положил палицу и скрылся в толпе.

— Прикажете, панове, и нам положить знаки достоинства? — сказали судья, писарь и есаул и готовились тут же положить чернильницу, войсковую печать и жезл.

— Нет, вы оставайтесь, — закричали из толпы...»

«...выбираются у них новая старшина таким образом:

...и как сговорятся и положат на том, кто им надобен кошевой, то и пойдут человек десять да и более самых грубых пьяниц в курень тот, где он живет, и будут просить ево, дабы он принял на себя такую честь. Ежели он добровольно не пойдет, то его по два человека ведут под руки, а двое или трое сзади пихают, и в шею толкают и ругательно бранят... Оному хотя не весьма охотно, однако принужден иттить, и как придет в раду, и всему войску будет угоден, то и палицу ему в руки давать будут, токмо тот новоизбранный их кошевой, по их древнему обыкновению, не принимает палицу в руки два раза, и как в третий раз ему подадут и будут ему говорить: чтобы он

«Человек десяток казаков отделилось тут же из толпы; некоторые из них едва держались на ногах — до такой степени успели нагрузиться, — и отправились прямо к Кирдяге объявить ему о его избрании...

— Иди, тебя выбрали в кошевые!

— Помилосердствуйте, панове! — сказал Кирдяга, — где мне быть достойну такой чести!...

— Ступай же, говорят тебе! — кричали запорожцы. Двое из них схватили его под руки, и как он ни упирался ногами, но был, наконец, притащен на площадь, сопровождаемый бранью, подталкиваньем сзади кулаками, пинками и увещаньями: — Не пяться же, чертов сын! принимай же честь, собака, когда тебе дают ее!

Таким образом введен был Кирдяга в казачий круг...

был им старшиною... то он принужден принять... Некоторые из оного народа, старые казаки, землею, ежели в ту пору случиться быть дождю или какому ненастью, то и грязью его голову мажут» (стр. 38—39).

...Один из старшин взял палицу и поднес ее новоизбранному кошевому. Кирдяга, по обычаю, тотчас же отказался. Старшина поднес в другой раз; Кирдяга отказался и в другой раз и потом уже, за третьим разом, взял палицу... Тогда выступило из средины народа четверо самых старых, седоусых и седочупрынных казаков... и, взявши каждый в руки земли, которая на ту пору от бывшего дождя растворилась в грязь, положили ее ему на голову» (*наст. изд., стр. 24—26*).

«Главная у них вина почитается, ежели казак казака убьет до смерти; то убийцу живого кладут во гроб убиенного и обеих землею засыплют...» (стр. 56-57).

«Но более всего произвела впечатление на Андрия страшная казнь, определенная за смертоубийство. Тут же, при нем, вырыли яму, опустили туда живого убийцу и сверх него поставили гроб, заключавший тело им убиенного, и потом обоих засыпали землею» (*наст. изд., стр. 23*).

У Мышецкого же заимствует Гоголь сведения о роли куренных (стр. 53), о выделении каждому куреню места для рыбной ловли (стр. 36), о внешнем виде предместья (форштадта — стр. 51, 53), о праздниках и гуляньях (стр. 54), о съестных припасах (стр. 52—53).

Вместе с тем Гоголь, видимо, заново перечитал и «Историю Руссов» и Боплана. Так, к «Истории Руссов» в какой-то мере восходит иное объяснение причин расхождения Тараса Бульбы с другими полковниками. В I редакции причиной был материальный расчет; теперь же причина имеет принципиальный характер.

«История Руссов»

«Чиновное шляхетство малороссийское, бывшее в воинских и земских должностях, не стерпя гонений от поляков и не могши перенесть лишения мест своих, а паче потеряния ранговых и нажитых имений, отложилось от народа своего и разными происками, посулами и дарами, закупило знатнейших урядников польских и духовных римских, сладило и задружило с ними и, мало по малу, согласилось первее на Унию потом обратилось совсем в католичество

«Тарас Бульба», II ред.

«Тогда влияние Польши начинало уже оказываться на русском дворянстве. Многие перенимали уже польские обычаи, заводили роскошь, великолепные прислуги, соколов, ловчих, обеды, дворы. Тарасу было это не по сердцу. Он любил простую жизнь казаков и перессорился с теми из своих товарищей, которые были наклонны к варшавской стороне, называя их холопьями польских панов (*наст. изд., стр. 9—10*).

римское. В последствии сие шляхетство, соединяясь с польским шляхетством свойством, родством и другими обязанностями, отреклось и от самой породы своей русской, а всемерно старалось, изуродовав природные названия, приискивать и придумывать к ним польское произношение и называть себя природными поляками» (стр. 41).

— Знаю, подло завелось теперь в земле нашей: думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды, да конные табуны их, да были бы целы в погребах запечатанные меды их; перенимают черт знает какие бусурманские обычаи; гнушаются языком своим; свой с своим не хочет говорить... Милость чужого короля, да и не короля, а паскудная милость польского магната, который желтым чеботом своим бьет их в морду, дороже для них всякого братства» (*наст. изд., стр. 68*).

Точно так же появились во второй редакции новые реминисценции из Боплана:

Боплан

«Я видел казаков, которые, чтобы избавиться от лихорадки, разводили в чарке пенного вина ползаряда пороха, выпивали смесь сию, ложились спать, и на утро вставали в добром здоровье... Часто видал я, как казаки, уязвленные стрелами, по недостатку хирургов, сами покрывали свои раны небольшим количеством земли, растертой на руке со слюною: сие простое средство вылечивало их не хуже драгоценного бальзама» (стр. 82).

«Тарас Бульба», II ред.

— «Если цапнет пуля или царапнет саблей по голове или по чему-нибудь иному, не давайте большого уваженья такому делу: размешайте заряд пороху в чарке сивухи, духом выпейте, и все пройдет — не будет и лихорадки; а на рану, если она не слишком велика, приложите просто земли, замесивши ее прежде слюною на ладони, то и присохнет рана» (*наст. изд., стр. 32*).

Интересно, что среди бумаг Гоголя, найденных после его смерти, сохранился ряд заметок, сделанных при чтении «Описания Украины» Боплана и датируемых Тихонравовым 1839 г.[16] Иногда это почти буквальные выписки из книги, а некоторые представляют собой художественные переработки. Например, Боплан описывает снаряжение польского воина:

Боплан

«...к поясу прицеплены были шило, нож, полдюжины серебряных ложек в красной сафьяновой сумке, огниво — для до-

Заметка Гоголя

«Распоряжение полковника: Смотрите же, не так одевайтесь, как ляхи, которые как навешают около себя и веревок, и точил, и

[16] См.: Гоголь, изд. 10, т. 1, стр. 625.

бывания огня, также для точения ножа и сабли; за поясом заткнут был пистолет. Сверх того парадный платок, гибкая кожаная баклага величиною в топин для черпания воды в походе, калита, или большая красная суконная сума с письмами, бумагами, гребенками, деньгами; ременная нагайка и две или три сажени шелкового шнура, толщиною в мизинец, для вязания пленников... К седлу, с правой стороны, привязана была деревянная баклага величиною в полведра для поения коня» (стр. 117).

ложек, и платков, еще и сумку с гребенками и с бельем, и чарок, да еще к седлу и баклагу привяжут в ведро величиною. Ничего не рубите[17] кроме пик, веревок не нужно; нечего вязать пленного, только времени трата» (IX, 80).[18]

Эти примеры также убеждают в том, что у Боплана и Мышецкого Гоголь брал чисто фактические данные, дающие ему возможность реалистически достоверно и наглядно обрисовать эпоху и быт, нравы и обычаи людей того времени, а «История Руссов» являлась для него прежде всего идейно-политическим подспорьем.

Еще более широко использовал Гоголь во второй редакции фольклорные источники. Нельзя, конечно, сводить использование фольклорных материалов Гоголем в процессе создания «Тараса Бульбы» к текстовым параллелям, словесным совпадениям, перекличке мотивов, сюжетов и т. п. Однако следует обратить внимание на то, что в отличие от первой редакции, где очень трудно выделить примеры прямого заимствования Гоголем образов и тем из фольклора, вторая редакция оказывается густо насыщенной народно-песенным материалом. Приведем примеры:

Лукашевич[19]

Ой на славный Украине кликне, покликне
Филоненко, корсунский полковник, —
На долину Черкень гуляти,

«Тарас Бульба», II ред.

«...стоило только есаулам пройти по рынкам и площадям всех сел и местечек и прокричать во весь голос, ставши на те-

[17] Видимо описка: следует «берите».

[18] Заметим, что в повести ни в одном из распоряжений кошевого этот текст не использован, но собранные здесь сведения рассыпаны по всей повести (ср.: описание польских шляхтичей в гл. VII, трофеи, снятые Бородатым с убитого шляхтича: «черенок с червонцами», «сумка с тонким бельем, дорогим серебром и девическою кудрею», «шелковый шнур для вязания пленных», взятый Остапом с седла сбитого им хорунжего, и т. п.). У Тихонравова приведен также ряд других выписок Гоголя из различных источников по истории Украины (см.: Гоголь, изд. 10, т. 1, стр. 626—633).

[19] [П. Лукашевич]. Малороссийские и червонорусские народные думы и песни. СПб., 1836.

Славы войску рыцарства достати,
За веру християнскую одностайно стати:
— «Которые козаки, то и мужики,
Не хотят по роле спотикати,
За плугом спины ломати,
Жовтого сафьяна каляти,
. . . .
То эсаулы у города ся засылали
По улицам пробегали,
На винники, на лазники словами
промовляли:
— Вы грубники, вы лазники,
Вы броварники, вы винники:
Годе вам у винницах горелок курити,
По броварнях пив варити,
По лазнях лазень топити,
По грубам валятися, —
Товстым видом мух годовати.
(*«Ивас Коновченко», стр. 36—37*).

легу: «Эй, вы, пивники, броварники! Полно вам пиво варить, да валяться по запечьям, да кормить своим жирным телом мух! Ступайте славы рыцарской и чести добиваться! Вы, плугари, гречкосеи, овцеводы, баболюбы, полно вам за плугом ходить да пачкать в земле свои желтые чеботы, да подбираться к жинкам и губить силу рыцарскую! пора доставать казацкой славы!» (*наст. изд., стр. 9*).

В другой редакции этой же думы есть строки, полностью взятые Гоголем в его замечательном лирическом отступлении.

«Дума про Коновченка» [20]

У городі у Глухові
Ревнулі гарматі —
Не по одному козаченьку
Заплакала маті.
. . . .
То вона од сна прочинала,
На базар вихожала,
Старого козака и молодого
Про свого сина питала.
Перва сотня и друга наступае
Вдова сина не видае.

«Тарас Бульба», II ред.

Не по одному казаку взрыдает старая мать, ударяя себя костистыми руками в дряхлые перси; не одна останется вдова в Глухове, Немирове, Чернигове и других городах. Будет, сердечная, выбегать всякий день на базар, хватаясь за всех проходящих, распознавая каждого из них в очи, нет ли между них одного, милейшего всех: но много пройдет через город всякого войска, и вечно не будет между ними одного, милейшего всех» (*наст. изд., стр. 70*).

К фольклорным же источникам восходят не только развернутые сцены и ситуации, но и отдельные выражения в тексте повести.

[20] В. Чапленко. Фольклор в творчестве Гоголя. — «Литературная учеба», 1937, № 12, стр. 84.

Максимович [20а]	*«Тарас Бульба», II ред.*
«Отцёва й матчина молитва... на поле й на море на помочь помагае». («*Черноморская буря*», стр. 18).	«Молитва материнская и на воде и на земле спасает».
«Пропаде, мов порошина з дула, тая козацкая слава, Що по всёму свету дыбом стала». («*Поход на поляков*», стр. 28).	«Не погибнет ни одно великодушное дело и не пропадет, как малая порошинка с ружейного дула, казацкая слава... И пойдет дыбом по всему свету о них слава».
«Тогди козаки шаблями суходол копали, Шапками, приполами персть выймали». («*О Федоре Безродном*», стр. 7).	«Палашами, копьями копали могилы; шапками, полами выносили землю».
«Тогди орлы налетали, з лобу очи высмыкали». («*Побег трех братьев из Азова*», стр. 12)	«Пусть же, хотя и будет орел высмыкать из твоего лоба очи...» [21]
«Будем драти, паны-молодци, з китайки онучи». («*Песня о Железняке*», стр. 124).	«...пошли тот же час драть китайку и дорогие оксамиты себе на онучи».

Нет необходимости увеличивать количество таких примеров: в исследовательской литературе рассмотрены и эти и многие другие фольклорные источники, которыми пользовался Гоголь [22]. Кроме того, и другие авторы того времени использовали в своих произведениях фольклорный материал, даже прямо цитировали в тексте народные песни и думы. Например, в романе Булгарина «Мазепа» цитируются украинские песни: «Ой, кто в лісі, отзовися», «Чи не той-то хмель, що коло тичин вьется?», «Жалься, боже, Украины»; в романе П. Голоты «Иван Мазепа» — «Ой, выйду я за порожец», «Ой, внадився журавель», «Циганочка да волошечка» и др., но здесь все эти песни имели чисто служебно-этнографическое значение для создания couleur locale. Использование же Гоголем фольклорных источников не носит служебного характера. Поэтому ограничиваясь установлением формального сходства между народными песнями и текстом «Тараса Бульбы», дореволюционные исследователи

[20а] М. Максимович. Украинские народные песни. М., 1834.

[21] Вариант автографа. В печатном тексте: «выклевывать» и «из твоего лба».

[22] См.: И. М. Каманин. Научные и литературные произведения Гоголя по истории Малороссии. В сб.: «Памяти Гоголя». Научно-литературный сборник Общества Нестора-летописца. Киев, 1902; Н. И. Петров. Южно-русский народный элемент в ранних повестях Гоголя. — Там же; Г. И. Чудаков. Отражение мотивов народной словесности в произведениях Н. В. Гоголя. Киев, 1909; В. Н. Перетц. Гоголь и малорусская литературная традиция. СПб., 1902 и др.

сами лишали себя возможности вскрыть характер и цель использования Гоголем фольклорного материала, упускали из виду идейно-творческое отношение писателя к народно-песенным источникам.

Лишь в советские годы исследователи[23], не отрицая давно установленных фактов заимствования Гоголем из фольклора некоторых сюжетных деталей, мотивов, ситуаций, создания на фольклорной основе некоторых образов, использования им народно-поэтической формы в лирических отступлениях и т. д., обратились к выявлению не формального, а идейно-смыслового влияния фольклора на Гоголя. Это чрезвычайно обогатило наше представление об идейном содержании повести и позволило по-иному взглянуть на эти «заимствования». Оказалось, что очень часто фольклорный материал был для Гоголя только каким-то лейтмотивом сцены или ситуации, а идейно-смысловое наполнение их всецело принадлежало самому писателю. Иногда казалось бы небольшое изменение Гоголем какой-либо детали фольклорного рассказа меняло весь смысл ситуации. Так, уже отмечалась[24], что вставная новелла о подвигах казака Мосия Шила имеет своей первоосновой думу о Самойле Кишке — запорожском гетмане, попавшем в плен к туркам и через 54 года сумевшем вернуться на Запорожье[25]. У Гоголя, попав в плен, Мосий Шило отказался от своей веры и, войдя в доверие к паше, стал ключником на галере. А когда турки начали пировать, он достал 64 ключа, отпер все кандалы и цепи и, перебив турок, с товарищами вернулся на Сечь. В думе о Самойле Кишке «потурчився, побусурманився» не Самойло Кишка, а «лях Бутурлак», ставший за это «ключником галерским»; Кишка же, в ответ на предложение: «веру христьянску под нозе подтопчи, хрест на собе поломни», заявил:

«Ой, ляше Бутурлаче, недоверку християнский!
Бодай же ты того не дождав,
Щоб я веру християнскую под нозе топтав!
Хоч буду до смерти беду да неволю пріймати».

---

[23] С. Машинский. Историческая повесть Гоголя. М., 1940; В. Жданов. Героическая эпопея «Тарас Бульба». — «Литературный критик» 1938, № 4; В. Чапленко. Указ. соч.; О. А. Державина. Мотивы народного творчества в украинских повестях и рассказах Н. В. Гоголя. — «Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина», 1954, т. XXXIV, кафедра русской литературы, вып. 3; В. С. Бобкова. Гоголь і народна поэтична творчість. — В сб.: «Гоголь і украіньска література XIX ст.». Київ, 1954; И. Антонец. Повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» и устное народное творчество. — «Наукови записки» Запорізького державного педагогичного інституту, 1957, т. IV, філологічний збірник, и другие работы.

[24] См.: С. Машинский. Указ. соч., стр. 196—197.

[25] [П. Лукашевич]. Указ. соч., стр. 15—27.

Когда турки стали пировать, Бутурлак, «добрый и верный ключник», тоже «так напився, що с ног свалився». Тогда Кишка вынул у него из под подушки 84 ключа,

«...козаки один другого отмыкали,
Кайданы из рук и из ног не кидали,
Полуночнои години ожидали».

В полночь казаки перебили турок, и на их галере отправились к Днепру, но на острове Тендре сторожевые казаки приняли их галеру за турецкую и обстреляли. Чтобы спасти товарищей, Кишка —

«Червоныи, хрещатыи, давнiи корогвы
из кишени вынимав
Роспустив...
До воды похилив....
Сам низенько уклонив».

Сторожевые казаки, увидев православную хоругвь на галере, хранившуюся у Кишки все 54 года плена, поняли, что это свои казаки, а сам Самойло Кишка ушел после этого в монастырь, где и умер.

Таким образом Гоголем изменена не только ситуация, но и вся концепция эпизода: спасение приносит казакам не случай, а личная находчивость и смелость Шила, совершенно отброшена сцена с хоругвью, особо подчеркнутая в примечаниях издателя к думе: «предводитель их [казаков] успел однако спасти от поругания корогвы, или знамена... священные залоги славы и свободы...», спасти «от святотатных рук мусульман». А сам герой уже не уходит в монастырь: он остается бравым казаком, погибающим в борьбе с врагами.

Совершенно иначе разработал Гоголь в повести и тему предательства, которая составляла основную тенденцию песни «Подвиги Савы Чалого» [26] дум о Тетеренке, давших писателю материал для создания образа Андрия. В песне поется:

«Ой, не схотив та пан Сава
Козакам служити:
Вин пiйшов до ляшенькив
Славы залучити».

---

[26] И. Срезневский. Запорожская старина, ч. 1, вып. I, стр. 60—73.

Когда казаки собрались, чтобы обсудить будущие походы, отец Савы Чалого на раду не пришел:

«Ой, чего ж та мини, панове,
У Раду ходити?
Що хочете мого сына Саву
На вики згубити.

Казак Игнат Голый дал раде обещание наказать Саву за измену, но когда казаки поймали Саву, он начал их уговаривать:

«Ой, панове запорожьци,
Хиба ж то вам слава,
Що в кайданы та залитый
Лежить у вас Сава?
Як бы вы его об волю
З кайданив пустили
Славу б соби найбильшую
От сим залучили».

Казаки простили предателя и даже благодарили его за подвиги:

«Ой, и дали волю Сави
В поход выступали,
Та богатырю Сави
Барзо дьяковали».

Гоголь же прежде всего гораздо глубже психологически обосновал причину измены Андрия: это не мелкое честолюбие, не просто погоня за славой, а настоящая, большая любовь. С обоснованием этой причины и связано, собственно, значительное, почти вдвое, расширение во второй редакции повести сцены встречи Андрия с красавицей-полячкой. Но Гоголь не оправдывает измену: если отец Савы Чалого не приходит на раду, так как ему жаль своего сына, то Тарас Бульба первым решает, что предатель должен погибнуть, и он гибнет от руки отца как враг казачества.

Таким образом, говоря о влиянии на Гоголя произведений народного устно-поэтического творчества, следует прежде всего анализировать причины и характер переосмысления Гоголем фольклорного материала в плане, который соответствовал гоголевскому творческому замыслу, его идейно-художественной концепции. Именно так, беря из фольклора все нужное ему и по-своему переосмысляя взятый материал, иногда даже от-

талкиваясь от него, Гоголь сливает свой идейный замысел с духом народной поэзии и на этой основе строит подлинную народно-героическую эпопею.

Подводя итоги изучению источников, которыми пользовался Гоголь в работе над первой и второй редакциями повести «Тарас Бульба», мы можем сказать словами Белинского, что работа над новой редакцией, привлечение новых источников, в первую очередь, — фольклорных, привела к тому, что Гоголь развил в ней «многие подробности, о которых в первом издании только слегка было намекнуто»[27] в результате чего еще богаче и ярче стало идейно-художественное содержание повести.

Е. ПРОХОРОВ

---

[27] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VI, 1955, стр. 349.

Библиография переводов повести „Тарас Бульба“ на иностранные языки

Албанский язык

Taras Bulba. [Fragment]. — „Rinia“, 1952, 5/III.

Taras Bulba. [Fragment]. — „Miqësia“, 1952, № 2, f. 17—18.

Vdekja e Tarasit. [Fragment]. E përktheu E. Fico. — „Zeri i Popullit“, 1952, 4/III.

Taras Bulba. E përktheu Bujar Doko. Tiranë, Ndërmarrja Shtetërore e Botimeve, 1958. 115 p., ill.

Английский язык

Taras Boolba. — В кн.: Gogol N. Cossack tales. Transl. from the original Russian by George Tolstoy. London, Blackwood, [1860], p. 68—245.
„Introduction“, p. V—XV.

Taras Bulba. Transl. by Isabel F. Hapgood. New York, Lovell, 1886. 295 p. („Lovell's library“, № 1016).

То же. New York, Crowell, 1886. 295 p., portr.

То же. London, Maxwell, [1887]. 295 p., portr.

То же. New York — London, Harper, 1915. 284 p. („The continental classics“, v. 1).

То же. New York, Knopf, 1915. („Borzoi pocket books“).

То же. 1916.

То же. With an introduction. New York, Knopf, 1917. 284 p.
„Introduction“, p. 7—30.

То же. 1931. („Pocket edition“).

Taras Bulba. — В кн.: Gogol N. V. Taras Bulba. Also St. Johns eve, and other stories. London, Vizetelly, 1887, p. 5—112. („Vizetelly's Russian novels“).

То же. London, Vizetelly, 1889.

Taras Bulba. A story of the Dnieper cossacks. Transl. by B. C. Baskerville. With numerous illustrations. London — New York, Scott, 1907. XII, 296 p., ill.
"Introduction", p. VII—XII.

Taras Bulba. — В кн.: G o g o l N. Taras Bulba and other tales. New York, Dutton, 1917.
То же. London, Dent, 1918. („Every man's library").
То же. London, Dent, 1930. („Every man's library", № 740).
То же. New York, Dutton, 1930.
То же. London, Dent; New York, Dutton, 1952, p. 1—135. („Every man's library", № 740). J. C o u r n o s. Introduction, p. VII—XVI.
Taras Boolba. Transl. by C. Garnett. — В кн.: G o g o l N. Works. [In 6 vols]. Vol 5. Mirgorod. London, Chatto and Windus, 1929.
То же. — В кн.: G o g o l N. Mirgorod. Popular edition. London, Chatto and Windus, 1930.
Taras Bulba. Transl. from the Russian. Ill. by A. Kanevsky. Designed by E. Krivinskaya. — В кн.: G o g o l N. Mirgorod. Being a continuation of Evenings in a village near Dikanka. Moscow, Foreign languages publ. house, 1958, p. 41—183. („Classics of Russian literature").
Taras Boolba. Transl. by D. Magarshack. В кн.: G o g o l N. Tales of good and evil. London, Lehmann, 1949. („The Chiltern library").
Taras Bulba. Transl. from the Russian by O. A. Gorchakov. Designed by D. Bisti. Moscow, Foreign languages publ. house, 1955. 146 p. („Classics of Russian literature"). „About this book", p. 5—6.
То же. Transl. completely rev. by Rodney Forwood. London, New English library, 1963. 127 p. (Four square books).
Taras Bulba. Transl. by Andrew Mac Andrew. — В кн.: G o g o l N. V. The diary of a madman. The nose. The carriage. The overcoat. Taras Bulba. New Vork, New American library, 1961.
Taras Bulba. — В кн.: G o g o l N. V. Taras Bulba and other stories. Transl. from the Russian bu C. J. Hogarth and B. G. Guerney. London, Dent, 1962. (Everyman's library).

Арабский язык

[Тарас Бульба]. Пер. Халиль Бейдас. Газ. „Любнан", Бейрут, 1900.
[Тарас Бульба, герой освобождения русской Украины]. Пер. Махмуда Фати Амара и Абд эль Азиза Атика. Каир, Мактабит Альнадах Альмисриа, 1956.
Тарас Бульба. Пер. Садыка Рашида. Каир, Аль Дар аль Кавмийа леб-Тиба ва аль Наср, 1959. 153 с.

Язык бенгали

[Тарас Бульба]. Пер. Н. Бумик. М., Изд. лит-ры на иностр. яз., 1958. 182 с.

Болгарский язык

Тарас Булба. Повест. Прев. Н. Бончев. Браила, 1872. 110 с. (Притурка към Периодическо списание на Българското книжовното дружество, 1871, кн. VII—IX).
То же. Ново издание. Средец, Българско книжовно дружество, 1882. 113 с.

Тарас Булба. Прев. Иван Андрейчин. Варна, Евстатиев, 1901. 171 с.
Тарас Булба. София, Атанасов, [б. г.]. 188 с.
Тарас Булба. [София], Щабът на действ. армия, 1917. 190 с. („Походна войнишка библиотека", № 13).
Тарас Булба. Повест. Прев. Д. Божков. София, Паскалев, [1920]. 160 с.
То же. Издание 2. [1925]. 204 с.
Тарас Булба. Повест. Прев. от оригинала Иван Калчев. София, 1936. 160 с. (Библиотека „Световни писатели", № 5).
То же. 1939.
Тарас Булба. Прев. Георги Караславов. София, Игнатов, [1937]. 167 с. („Библиотека за всички", № 59).
Тарас Булба. Пълен прев. от Христо Радевски. София, Маджаров, [1938]. 151 с.
Тарас Булба. Ред. и прев. В. Каратеодоров. — В кн.: Гогол Н. Съчинения. Пълно събрани в 6 тома. Т. 2. Миргород. София, Завети, 1943.
Тарас Булба. Прев. Георги Константинов. София, Чипев. 1945. XXII, 144 с.
То же. 1946. („Славянска библиотека").
Тарас Булба. Прев. Здравко Сребров. София, Народна култура, 1947. 176 с.
То же. Издание 2. 1951. 160 с.
Тарас Булба. Повест. Прев. Здравко Сребров и Георги Константинов. — В кн.: Гогол Н. В. Събрани съчинения. В 6 тома. Т. 2. Миргород. София, Български писател, 1953, с. 30—148.
Тарас Булба. Повест. Прев. Здравко Сребров и Георги Константинов. София, „Народна култура", 1955. 174 с.
  „Тарас Булба", с. 5—8.
То же. Изд. 2, 1961, 174 с.

Венгерский язык

Az utósó czaporog. Orosz történeti regény. Két szakaszban utójátékkal. Viardot után irta: Khern Ede. Budapest, Brassó, 1860. [2], 226 l.
A czaporogok és a szecs. Rajz. Ford. Ilondar. — „Növilág", 1863, № 5, l. 33—35. [Részlet a Bulyba Tárászbol].
Tarasz Bulyba. Regény. Ford. Fincicky M. — „Athenaeum", 1874, k. VIII.
Bulyba Tárász. Beszély. Ford. Almási László [Csopey Laszló]. Budapest, Franklin, 1878. 168 l. („Olcsó könyvtár", 61).
То же. 2. kiadás. 1895. („Olcsó könyvtár". Uj sorozat. 135—137).
Bulyba Tárász. Regény. Ford. Bene B. Wien, Vernay, 1920. 32 l. („Regényfüzet", 3).
Bulyba Tárász. Regény. Ford. Trószanyi Zoltán. Budapest, Dante, 1924. IV, 207 l. („Halhatatlan könyvek").
То же. 2. kiadás. 1930.
То же. 3. kiadás. 1945.
То же. 4. kiadás. 1947. 214 l.

То же. 5. kiadás. 1949. 214 l.

То же. 6, 7 kiadás. 1950. 214 l.

Bulyba Tárász. Ford. Kiss D. — В кн.: Gogol N. Mirgorod. Budapest, Franklin, 1926.

То же. Uj kiadás: 1948.

Bulyba Tárász. Regény. Ford. Kiss D. Budapest, Franklin, 1930. 215 l. (Êlö könyvek. II. „Külföldi klasszikusok". 27).

То же. Uj kiadás. 1948. 160 l. („Külföldi regényírók").

A legvitézebb kozákkapitány. Tárász Bulyba rendkivüli élete. Budapest, Rekord kiadó, 1938. 96 l.

Tárász Bulba. Ford. Áprily L. Ill. E. Kibrik. Budapest, Szikra, 1952. 89 l.

Tárász Bulba. Ford. Drávai Gizella. Киев — Ужгород, „Радянська школа", 1957. 148 с.

Голландский язык

Taras Bulba, de hetman der kozakken. Vert. door W. P. Kops. Amsterdam, Rössing, 1888. [2], 180 blz.

Tarass Boulba, de kozakken — hoofdman. Amsterdam, Munster, 1929. 132 blz. („Opgang — bibliotheck". XI).

Taras Boulba. Vert. door G. Wronsky en J. Mertens. — В кн.: Gogol N. Mirgorod. Amsterdam, Wereldbibliotheck, 1937.

Taras Boeljba. Uit de bundel van Mirgorod 1835. Vert. door. J. D. W. Steennuisen. Ingeleid: Theun de Vries. Houtgravures van Nico Bulder. Amsterdam, Contact. 1948. 187 blz. (De Onsterfelijken).

То же. 2-е druk. 1959. XVI, 179 blz.

Греческий язык

Taras Bulba. Metafrasi: G. Tsoncalas. Athinai, Morphtiki etairia, 1954. 136 p.

Язык гуджарати

Тарас Бульба. Пер. Батук Вора. Бомбей, Вора, 1960. IV, 76 с.

Датский язык

Kosackhøvdingen. Fortaelling. Overs. af Frederik Schaldemose. Kjøbenhavn, Jordan, 1847. [2], 262 s.

Taras Bulba, hetman ved kosakkerne. Overs. af L. Kragballe. Kjøbenhavn, Hagerup, 1886. [2], V, 7—200 s.
„Forord", s. I—V.

То же. — В кн.: Gogol N. Taras Bulba. — Ukrainske fortaellinger. København, Mega, 1957, s. 7—128.

Taras Bulba. Kosakobersten. Ny overs. ved S. Lihme. Kjøbenhavn, Kristel. Dagblad, 1910. 214 s.

Taras Bulba. Udg. af J. Wolff. København, 1936. 64 s. („Pioner—Bøgerne", № 2).

Taras Bulba. Overs. af E. Horskjaer. København, Anderson, [s. a.]. 174 s. („Verdensliteraturens mesterromaner").

Taras Bulba. København, Ark, 1951. 66 s. („Verdensromanen", 2. årg.; „Klassikerserien", № 7).

Иврит

[Тарас Бульба]. Пер. Йесгаяни Левит. Тель-Авив, Га-сифрийа га-Йисрэлит, 1952. 171 с., илл.

Индонезийский язык

Tarass Boulba, pahlawan bangsa kosak. Transl. Hassan Amin. Djakarta, Balai Pustaka, 1951. 148 s.

Испанский язык

Tarass Boulba. Narración rusa. Madrid, 1880. 168 p. („Biblioteca universal. Collección de los mejores autóres antiguos y modernos, nacionales y extranjeras". T. 59). Breves indicaciones acerca de los principales novelistas rusos, p. 144—168.

То же. 1906.

Tarass Bulba. Narración rusa. [S. l.], Donemech, [s. a., до 1906]. („Collección Donemech").

Taras Bulba. Trad. de T. Enco de Valero. — В кн.: Taras Bulba y Nochebuena. Buenos Aires, Espasa Calpe, 1941. 171 p.

То же. Mexico, Espasa Calpe, 1949. („Collección Austral", 173).

Taras Bulba. Buenos Aires, Tor, 1943. 192 p.

Taras Bulba. La Plata, Colomino, [194?]. („Libres de un peso").

Tarás Bulba. Trad. por Sevi. Barcelona, Reguera, 1948.

Taras Bulba. Trad. por Irene Tchernova. — В кн.: Gogol N. V. Obras completas. Madrid, Aguilar, 1951.

То же. 2-a edición. 1955.

Tarás Bulba. Madrid, Dolar, 1953. 160 p.

Taras Bulba. Trad. del ruso por Luis A. Vargas. Presentacion de D. Bisti. Moscu, Ed. en lenguas extranjeras, 1955. 170 p. („Obras clásicas de la literatura rusa"). «Notas para la novela „Taras Bulba" de N. V. Gogol», p. 166—168.

То же. 1961. 164 p.
«Notas para la novela „Taras Bulba" de N. V. Gogol», p. 160—162.

Taras Bulba. Trad. por Alexis Marcoff. Barcelona, Edición G. P., 1956. 224 p.

Taras Bulba. Trad. de J. M. Barcelona, Plaza y Janés, 1961, 126 p.

Итальянский язык

Taras Bulba. Romanzo. Milano, Lombarda, 1877. 208 p.
То же. Milano, Brigola, 1882. 208 p.
То же. Milano, Sonzogno, 1930. 208 p.
Tarass Bulba: romanzo. Milano, Treves, 1921. VIII. 220 p. („Biblioteca amena“, № 946).
Tarass Bulba. Trad. di F. Verdinois. — В кн.: Gogol N. Mirgorod. Lanciano, Carabba, 1923. („Scrittori italiani e stranieri“, № 208).
Taras Bulba. Milano, Bietti, 1925. 287 p.
Tarass Bulba. Versione integrale e conforme al testo ruso con note di L. Ginzburg. — В кн.: Gogol N. Mirgorod. Torino, Slavia, 1927.
Taras Bulba. Romanzo. Trad. dal francese. Milano, Sonzogno, 1927. 207 p.
Tarass Bulba. Trad. di Boris Jakovenco. Milano, Morreale, 1929. 276 p.
То же. 1930.
Taras Bulba. Trad. di Nicola Festa. — В кн.: Gogol N. Taras Bulba. Piccolo mondo antico e altri racconti. Milano, Mondadori, 1932. („Biblioteca romantica“).
Taras Bulba. Trad. di Nicola Festa. Milano — Verona, Mondadori, 1950. 182 p.
То же. 1959. 223 p., ill.
Taras Bulba. Trad. di A. Recanati. — В кн.: Gogol N. Taras Bulba. Il capotto. Torino, A. B. C., 1932. („Collana Resurgo“, № 12).
Taras Bulba. Trad. di I. Diliberto. Palermo, Cappugi e Mori, 1933. 194 p.
Taras Bulba. Trad. di E. Carafa Capecelatro. — В кн.: Gogol N. Taras Bulba. — Il pastrano. Torino, Utet, 1937.
Tarass Bulba. Trad. di Alfredo Fabietti. Milano, Cibelli, 1953. 151 p.
Taras Bulba. Trad. di Dante Virgili. Bologna, Ediz. G. M. „Nettuno Omnia“, 1954. 130 p., ill.
Taras Bulba. — В кн.: Gogol N. V. Tutti i raconti. Roma, Casini, 1957.
Tarass Bulba. Trad. di Laura Simoni Malavasi. Milano, Rizzoli, 1961, 180, [4] p. (Biblioteca universale Rizzoli, 1724—1725).

Китайский язык

[Тарас Бульба]. Пер. Ши Хэн. 1931.
[Тарас Бульба]. Пер. Мын Ши-хуана. — В кн.: [Гоголь Н. Избранные произведения]. Т. 2. [Б. м.], 1936.
То же. Издание 6. Шанхай — Чунцин, „Культура и жизнь“, 1949.
[Тарас Бульба]. — В кн.: [Гоголь Н. Миргород]. Шанхай, 1936.

Корейский язык

[Тарас Бульба]. Пер. Дон Ван. Сеул, Янгмунса, 1960. 164 с.

Македонский язык

Тарас Бульба. Прев. Емануел Чучков. — В кн.: Гоголь Н. В. Одбрана проза. Скопје, „Култура“, 1953. („Библиотека на светски класици“, 2).

Язык малаялам

[Тарас Бульба]. Пер. Т. Н. Кришна Пилла. Козхикоде, Прабхатам, 1959. II, 262 с.

Немецкий язык

Die Saporoger Kosaken oder Taras Bulba. — В кн.: Europa. Chronik der gebildeten Welt. Hrsg. von A. Lewald. 1844, Bd. 3.

Die Saporoger Kosaken, oder Taras Bulba. — В кн.: Russische Geschichten. Hrsg. von August Lewald. 1 Teil. Hannover, Kius, 1846, S. 1—150.

Tarass Bulba, der Kosacken — Häuptling. Nach L. Viardot übertr. von H. Bode. — В кн.: Gogol N. Russische Novellen. 1 Teil. Leipzig, Klemm, 1846, S. 3—223.

Taras Bulba, der Kosakenhetman. Aus dem Russischen von Wilhelm Lange. Leipzig, Reclam, [1878]. 179 S. („Reclams Universal — Bibliothek", № 997—998).

То же. 1929. 211 S.

Tarass Bulba. — В кн.: Gogol N. Russische Novellen. Mit einer Einleitung von F. Bodenstedt. Stuttgart, Spemann, 1881, S. 1—132. („Collection Spemann", Bd. 6).
F. Bodenstedt. Einleitung, S. V—VIII.

Tarass Bulba. Eine Erzählung. Übers. von Eugenie Chmelnitzky. — В кн.: Gogol N. Sämmtliche Werke. In 8 Bden. Hrsg. von Otto Buek. Bd. 4. Mirgorod. München und Leipzig, Müller, 1910, S. 41—240.
„Vorrede des Herausgebers", S. VII—XV.

Kosakenblut. Nach Nikolaus Gogols „Taras Bulba" erzählt von H. Hakenberg. Mit Bildern von A. Brandt. Berlin, Kranz Verl., [1910]. 116 S. („Kranzbücher", 1).

Taras Bulba. Novelle. Übertr. von K. Nötzel. Leipzig, Insel, 1916. 110 S. („Inselbücherei", № 270).

То же. 1919.

Taras Bulba. Deutsch von K. Holm. — В кн.: Die schönsten Kosaken-geschichten. München, Langen, [1918]. („Langens Auswahl—Bände", Bd. 5).

Taras Bulba. Deutsch von K. Noetzel. — В кн.: Gogol N. Mirgorod. Potsdam, Kiepenheuer, 1921. („Das neue Buch").

То же. 1924.

Taras Bulba. Übertr. von Rudolf Kässner. Mit 30 Holzschnitten von Karl Rössing. Wien — Leipzig — München, Rikola Verl., 1922. 151 S., ill.

Taras Bulba. Ein Kosakenroman. Deutsche Fassung von Franz Herwig. Regensburg, Kosel und Pustet, 1924. 195 S.

Taras Bulba der Kosakenhäuptling. Deutsche Ausgabe von Erich Otto. Ill. von Müller—Münster. Berlin, Flemming und Wiskott, 1924. 139 S., ill. („Flemmings Saatbücher").

То же. Leipzig, Anton, [1935]. 144 S.

Taras Bulba. Engels, Deutscher Staatsverl., 1941. 155 S.

Taras Bulba. Übers. von H. Glaser. Zeichnungen von W. Behrens. Wien, Wiener Verl., 1946. 270 S.

Taras Bulba. Übertr. vod I. Krämer. Basel, Schwabe, 1946. 208 S. („Sammlung Klosterberg, Europäische Reihe").
Taras Bulba. Übers. von Bruno Goetz. — В кн.: Gogol N. Meistererzählungen. Zeichnungen: Walter Roshardt. Zürich, Manesse Verl., 1949, ill.
Taras Bulba. Übers. von Sigismund von Radecki. — В кн.: Gogol N. Erzählungen. Vaduz, Liechtenstein Verl., 1949.
Taras Bulba. Deutsch von Karl Noetzel. Neu bearb. von Noa Kiepenheuer. Mit Textzeichnunden von Rolf Reimann. — В кн.: Gogol N. Mirgorod. Weimar, Kiepenheuer, 1951, S. 39—177.
То же. 1952, S. 39—175.
Taras Bulba. Deutsch von Korfiz Holm. — В кн.: Gogol N. Gesammelte Werke in 5 Bden. Bd. 2. Berlin, Aufbau-Verl., 1952, S. 47—226.
Ritt in den Tod. Wien—Mödling, St. Gabriel. Verl., 1954. 32 S.
Отрывки из повести „Тарас Бульба".
Taras Bulba. Übers. von Xaver Franz Schaffgotsch. — В кн.: Gogol N. Werke. München, Desch, 1955.
Taras Bulba. Köln, Athena-Verl., 1955. 189 S.
Taras Bulba. Aus dem russischen von Hilde Angarowa. Buchschmuck von D. Bisti. Moskau, Verl. für fremdsprachige Literatur, 1955. 176 S., ill. („Klassiker der russischen Literatur").
„Vom Verlag", S. 173—174.
Taras Bulba. Köln, Atlas-Verl., 1956. 178 S.
Taras Bulba. Übers. von Waldemar Tiedge. Leipzig, Jugendbuchverl. E. Wunderlich, 1956. 171 S.
То же. 2. Aufl. Leipzig, Prisma-Verl., 1958. 171 S., ill.
Taras Bulba. Übers. Von Karl Noetzel. — В кн.: Gogol N. W. Erzählungen. (Taras Bulba. Der Wij. Wie sich Iwan Iwanowitsch mit Iwan Nikiphorowitsch verfeindete). München, Goldmann, 1958.
Taras Bulba. Übers. von Josef Hahn. — В кн.: Gogol N. Sämtliche Erzählungen. München, Winkler, 1961.
То же. Darmstadt, Wissenschaft. Buchgeselschaft, 1961.

Персидский язык

[Тарас Бульба]. Пер. Шафи Мадани. Тегеран, Афшари, 1945.
[Тарас Бульба]. Пер. К. С. Тегеран, Гутамберг, 1955. 214 с.
[Тарас Бульба]. Пер. Г. Симонян. [Б. м.], 1959. 221 с.

Польский язык

Taras Bulba. Powieść zaporoska. Przeł. Piotr Głowacki (Federowicz). Lwów, 1850.
Taras Bulba. — В кн.: Gogol N. W. Pisma wybrane. Opowiadania. Warszawa, „Czytelnik", 1956.

Румынский язык

Taras Bulba. Istorie căzăcească. — „Timpul“, 1876, iulie — 17 sept., № 72—127.
Taras Bulba. Roman istoric din viața republiceĭ cazacilor. București, Typographia Națională, 1883. VII, 216 p.
Taras Bulba. — „Constituționalul“, 1892, 27 mai — 22 iulie.
Taras Bulba. Roman istoric din viața republicei cazacilor. — „Epoca“, 1898, 25 april— 12 iunie.
Taras Bulba. — „Protestarea“, 1906, 20 febr. — 13 april.
Taras Bulba. Nuvela. Trad. din franțusește de Gr. Tăușan. București, Edit. „Biroului Universul“. A. I. Nițeanu, 1908. 156 p.
Taras Bulba. Roman din viața cazacilor. Trad. din rusește de Luca Brîndză. — „Tribuna romana“, Vol. 1, 1908, 30 mart. — 27 april.
Taras Bulba. Roman din viața căzăcească. Trad. din rusește de L. L. Brîndză. Vol. 1—2. București, „Minerva“, 1908—1909. (Biblioteca „Minerva“, № 16—17).
То же. Vol. 1—2. București, „Cartea romînească“, [1922]. 196 p. (Biblioteca „Minerva“ № 16—17).
Taras Bulba. Roman. București, „Cultura poporului“, [1937]. 164 p.
Taras Bulba. Roman. În romînește de Ion Hodoș. București, Lăzărescu, [1942]. 143 p.
Taras Bulba—В кн.: Gogol N. Moș Ene. Taras Bulba. Povestiri din viața zaporogilor ucrainieni după N. Gogol — prelucrata. București 1943. („Biblioteca bucuria capiilor“).
Taras Bulba. Cu o prefață de Al. Philippide. Trad. de Dan Faur. Gravuri de Th. Kiriakoff—Suruceanu. București, „Cārteā rusă“, 1946. X, 158 p., il. („Clasicii ruși“).
Moartea lui Taras. [Trad. revăzută de Xenia Stroe]. — „Înainte“ (Craiova), 1952, 4 mart.
Taras Bulba. [Fragmente]. — „Romînia liberă“, 1952, 4 mart.
Taras Bulba. Trad. din limba rusă de C. Ignătescu. [Ilustrațiile reproduse dupa E. Chibric]. București, „Cārteā rusă“, 1952. 184 p., ill.
То же. Cuvânt înainte de Cezar Petrescu. București, Ed. de stat pentru literatura și ārtă, 1952. 224 p. („Biblioteca pentru toți“).
Taras Bulba. Trad. de Al. Teodoreanu și Xenia Stroe. — В кн.: Gogol N. V. Opere in 6 volume. Vol. 2. Mirgorod. București, „Cārteā rusă“, 1955, p. 31—149. Taras Bulba. Redāctiā „Mirgorod“, 1835, p. 239—306.
Taras Bulba. Trad. revăzută de Al. O. Teodoreanu și Xenia Stroe. Ed. a 2-a. București, Cārteā rusă, 1956. 200 p. („Biblioteca pentru toți“).

Сербско-хорватский язык

Тарас Буљба. Прев. Н. Бегович. — „Невен“, 1855, № 48—52; 1856.
То же. — „Српске новине“, 1857, № 56—89.
Тарас Буљба. Историјска приповетка. Прев. Милован Б. Глишич. — „Српске новине“, 1876, № 259—280.

То же. Београд, 1876. 180 с.
То же. Београд, 1882.
То же. (С 25 слика у тексту). Београд, Држ. штамп. Краљевине Србије, 1902. XXXIX, 146 с. („Српска књижевна задруга", 77).
J. М. Продановић. Никола Васильевић Гоголь, с. III—XXXIX.
Taras Bulba. Prev. Milovan Glisić. Sarajevo, Narodna prosvjeta, 1954. 150 s.
То же. Beograd, Mlado pokolenje, 1959. 156 s., ill.
То же. Subotica — Beograd, Minerva, 1959. 175 s., ill.
То же. Beograd, Rad, 1960. 143 s.
То же. Sarajevo, Svjetlost, 1961, 119 с.
Taras Bulba. Prev. Janko Vislavski. Ruski Kerestur, „Bratstvo—Edinstvo", 1950. 134 s.

Словацкий язык

Taras Bulba. Povest'. Prel. Jozef Škultéty. Turč. Sv. Martin, Izák, 1883. 177 s. („Románová bibliotéka", Diel. 1, sv. 1).
Taras Bul'ba. Prel. Zora Jesenská. — В кн.: Gogol N. Mirgorod. Liptovský Sv. Mikuláš, Tranoscius, 1944.
То же. 1946. („Tvorba Tranoscia", Sv. 35).
То же. Il. J. Kibrik. Bratislava, Slovenské naklad. detskej knihy. 1953. 120 s., ill.
Taras Bul'ba. V preklade V. Smiešku. Turč. Sv. Martin, Matica Slovenská, 1945. 152 s. (Most. Sv. 1).

Словенский язык

Taras Bulba. Davnega ukrajinskega života obraz. Poslovenil L. Gorenjec — Podgoričan. — В кн.: Letopis Maticy Slovenskej. T. 3, 1872, s. 120—209.
Taras Buljba. Povest. Prev. V. Levstik. Ljubljana, Dezman, 1910. 206 s.

Тамильский язык

[Тарас Бульба]. Пер. Ранга Дурайвелян. Мадрас, Стар Прасурам, 1956. 220 с.

Язык телугу

[Тарас Бульба]. Пер. Шриниваса Чакраварти. Виджаявада, Наводая паблишерс, 1957. 207 с.

Турецкий язык

Taras Bulba. Çevir. Sirecettin Hasini Oglu. Istambul, Hilmi Kitabevi, 1937. XII, 219 s., ill.
Taras Bulba. Transiz dan çevir. Nurullah Ataç — „Ulus", 1945.
То же. 2. ed. Istanbul, Varlik Yaymevi, 1954. 128 p.

То же. 3. ed. Istanbul, Varlik Yaymevi, 1959. 112 p.
Taras Bulba. Transiz Nurullah Ataç. Sofya, Nar. prosveta, 1959. 202 p.

Язык урду

[Тарас Бульба]. Пер. Халик Анджум. Дели, Мактаба Шахрах, 1957. 164 с.
[Тарас Бульба]. Пер. Забира Зайди. М., Изд. лит-ры на иностр. яз., 1958. 241 с.

Финский язык

Taras Bulba. Wenäjan kielestä suom. Samuli S[uomalainen]. Helsingissä, Suomalaisen Kirjallisuuden seuran kirjapainossa, 1878. 142 s. („Uusiromaani—jakso", 3 voosikerta, 2).
Taras Bulba. Kertomus kasakkavallan mahtavuuden ajoilta. Suom. J. A. Halonen. Hämeenlinna, Kustantaja Arvi A. Karisto, 1913. 186 s. („Kariston 50 pennin romaaneja", № 25).
Taras Bulba suomennos. Petroskoi, Karjalais — Suomalaisen SNT:n. Valtion kustannusliike, 1940. 184 s.
То же. 1952. 122 s., ill.
Taras Bulba. Suom. G. ja K. Salo. Helsinki, Tammi, [1946]. 188 s.
Taras Bulba. Suom. Ulla—Liisa Heino. Helsinki, Otava, 1959. 173 s., ill.
Taras Bulba. — В кн.: Gogol N. Valitut teokset. V. 1. Porvoo—Helsinki, Söderström, 1959.

Фламандский язык

Taraas Boulba. Tournai, Casterman, 1957. 109 p. ill.

Французский язык

Tarass Boulba. Trad. française publiée par Louis Viardot. — В кн.: Gogol N. Nouvelles russes. Paris, Paulin, 1845, p. 1—177.
[Préface], p. 1—4.
Tarass Boulba. Trad. du russe par Louis Viardot. Paris, Hachette, 1853. [4], IV, 215 p. („Bibliothèque des chemins de fer", 4-e série. Littératures anciennes et étrangères).
То же. 1872. („Bibliothèque des meilleurs romans étrangères").
То же. 1874.
То же. 1882.
То же. 1892.
Tarass Boulba. Trad. du russe par Louis Viardot. Ouvrage illustré de 27 gravures d'après les dessins d'A. Paris. Paris, Hachette, 1892. 189 p. („Bibliothèque des écoles et des familles").
То же. 2-e édition. 1893.
То же. 3-e édition. Illustré de 30 gravures par A. Paris. 1896.
То же. 4-e édition. 1902.
То же. 5-e édition. 1908.

То же. 1936. („Bibliothèque de la jeunesse").
Tarass Boulba. Trad. par Louis Viardot. Préface: Paul Reboux. Dessins et eaux-fortes: P. Areangioli. Nice, Edition d'art des Emeraudes, 1949. 203 p.
Taras Boulba. Trad. par Louis Viardot. Paris, Les compagnons du livre, 1949. 297 p.
То же. Paris, Les éditions du temps, 1959. 141 p., ill.
Tarass Boulba. — В кн.: Frout de Fontpertuis A. Etudes de littérature étrangère. Le Puy, Jacquet-Chauve, 1859, p. 37—76.
Пересказ с переводом отдельных мест и оценками.
Tarass Boulba. Moeurs des cosaques zaporogues. Trad. du russe par B. Tseytline et E. Jaubert. Ill. de Gil Baer. Paris, Legène et Oudin, 1889. 239 p. („Nouvelle bibliothèque de vulgarisation").
„Introduction", p. 7—10.
То же. 1890.
То же. 1892.
Taras Boulba. Nouvelle. Trad. inédite de Michel Delines. Paris, Flammarion, 1891. 243 p. („Auteurs célèbres", t. 197).
Taras Boulba. Paris, Librairie illustrée, 1892. 96 p., ill. („Chefs d'oeuvres du siècle illustrés", № 6).
Tarass Boulba. Moeurs des cosaques zaporogues. Trad. par J. Priel. Ill. de Alexandra Potozki-Stchekotikhina. Paris, L'Enseigne du Pot Cassé, 1927. 215 p., ill.
То же. Eaux-fortes de A. Grinevsky. Paris, „La Pléiade", 1931. 245 p., ill.
То же. Paris, Emile—Paul frères, 1935. 224 p.
То же. Paris, Simon, [s. a.]. 222 p.
То же. Paris, Editions G. P., 1957. 256 p., ill.
Tarass Boulba. Texte russe intégral avec trad. française de H. de Witte en regard. Paris, Payot, 1930. 350 p. (Collection: „Les deux textes").
То же. Paris, Plon, [1936]. 251 p. („Bibliothèque reliée Plon", № 213).
Tarass Boulba. Adaptation de B. Jérome. Ill. de M. Lecoultre. Paris, Delagrave, 1932. 235 p., ill.
То же. 1952. 255 p.
То же. 1958. 192 p., ill.
Tarass Boulba. Trad. par Marie Alexandre. Paris, Gründ, 1937. 233 p. („La bibliotthèque précieuse").
Tarass Boulba. Trad. intégral de A. Chedel. Génève, Ed. de Rhône, 1944. IV, 240 p.
Taras Boulba. Ill. de Rith. Paris, Gassner, 1945. 178 p., ill. („Jeunesse de France illustrée").
Tarass Boulba. Paris, Ed. de Montsouris, 1946.
Tarass Boulba. Trad. de Henri Mongault. — В кн.: Gogol N. Mirgorod. Paris, Librairie univ. de France, 1947.
Tarass Boulba. Trad. de Ch. Trémel. Paris, Ed. du Chêne, 1947. 221 p.
Tarass Boulba. Trad. de Madeleine et Michel Eristov. Paris, Editions Garamond, 1948. 192 p. („Bibliothèque de poche").

Tarass Boulba. Trad. par M. Semenoff. Paris, Hatier, 1949. 221 p. („Le cercle d'or").
Tarass Boulba. Présentation de D. Bisti. Moscou, Ed. en langues étrangères, 1956. 164 p. („Les classiques russes").
„Notice", p. 160—161.
То же. 1958.
Taras Boulba. Trad. par Pierre Servais. Paris, Casterman, 1957. 109 p.
То же. Ill de Fred Funcken. Paris, Casterman, 1961, 109 p., ill.
Tarass Boulba. Trad. de M. V. Voutchkovitch. Verviers, Marabout, 1960. 185 p.

Чешский язык

Taras Bulba, Ataman Zaporožcův. Obraz kozáckého života v 16 stoleti. Přel. K[arel Wladislaw] Z[ap]. — „Kvety", 1839, № 16—25.
Taras Bulba. Obraz starého Kozáctwa na Ukrajině. Z ruského přel. Karel Wladislaw Zap. Praha, Pospíšil, 1846. [2], 202 s.
То же. — В кн.: Gogol M. Zábawné spisy. Sv. 1. Praha, Pospíšil, 1847, s. 1—202.
Taras Bulba. Historická kozácká pověst. Přel. Josef Koněrza. Brno, Barvič, 1892. 148 s. („Besedy Slovanské", Sv. 1).
Taras Bulba. Přel. Ignác Hošek. Překl. red. J. Hruby. — В кн.: Gogol N. V. Spisy. Sv. 3. Mirgorod. Novelly a arabesky. Praha, Otto, 1893, s. 29—151. („Ruská knihovna", 16).
Taras Bulba. Přel I. Hošek. Praha, Otto, 1918. 189 s. („Svetová knihovna", № 1322/1326).
То же. 1927.
Taras Bulba. Přel. Borivoj Prusík. — В кн.: Gogol mládeži. Výbor z děl N. V. Gogola. Uspoř. F. S. Procházka. Praha, Vilímek, 1909.
То же. 2 vyd. 1921.
Taras Bulba. Přel. St. Minařík. — В кн.: Gogol N. Spisy. Sv. 2. Mirgorod. Povídky, ktere jsou pokracováním Večeru na dědince nedaleco Dikaňky. Praha, Minařik, 1931. („Minaříkova knihovna", Sv. 41).
Posledni vyprává Tarasa Bulby. Přel. F. Pata. Praha, Hokr, 1935. 80 s., il. („Knihovnička mladi", Sv. 32).
Taras Bulba. Přel. Žofie Pohorecká. Doslov naps. Jiří Weil. Ilustr. V. Rada. Praha, Evropský literárni klub, 1947. 223 s. („Život", Sv. 4).
Taras Bulba. Přel. Petr Křička. Ilustr. Václav Fiala. Praha, Morávek, 1947. 192 s.
То же. Kresby František Tröster. Praha, Prace, 1947. 34 s. („Románové novinky", Sv. 16).
То же. — В кн.: Gogol N. V. Výbor z díla. 1. Praha, „Svoboda", 1949, s. 204—295.
Taras Bulba. Přel. Petr Křička. Doslov naps. Jaromíra Mazáková. Ilustr. Kukryniksy. Praha, „Mladá fronta", 1950. 166 s., il. („Kvetnice", Sv. 5).
J. Mazáková. Doslov, s. 163—166.
То же. Praha, SNDK, 1952. 129 s.

То же. 2-e vyd. 1959. 124 s., il.

То же. Praha, „Naše vojsko", 1955. 152 s., il.

Taras Bulba. Přel. a pro mládez upr. Petr Denk. Ilustr. Vera Nemotová. Praha, Státní naklad., 1948. 135 s.

То же. Praha, SNDK, 1952. 192 s.

Taras Bulba. Přel. Jiří F. Franek. — В кн.: Gogol N. Vybor z dila. Dil 1. Praha, Svoboda, 1949. („Klasikové", Sv. 2).

То же. 2-e vyd. 1952.

Шведский язык

Taras Bulba. Öfvers. från ryskan af Alfred Jensen. — В кн.: Kulturbilder i novellform valda skildringar ur olika länders och tiders lif i öfversättning från Nutidens bästa författare jäte deras biografier och porträtt utgifna af Frans von Schéele. Andra Samlingen. Stockholm, Skoglund, 1883, s. 9—103. На доп. тит. листе: Ryska bilder. Två noveller af N. Gogol.

Taras Bulba. Roman. Övers. av J. Hemmer. Stockholm, Åhlen och Åkerlund, 1924. VIII, 213 s. („Klassiska romaner").

Taras Bulba. Övers. av C. E. Svenning. — В кн.: Gogol N. Taras Bulba och den Förfärliga hämnden. Stockholm, Folket i Bild, 1946. („FIB Världbibliotek", № 1).

Японский язык

[Старый воин]. Пер. Токутами. — Газета „Кокумин-Симбун", 1895.

[Тарас Бульба]. — В кн.: [Гоголь Н. В., Чехов А. П. и Горький А. М. Произведения]. Токио. 1928.

[Тарас Бульба]. Пер. Оно. — В кн.: [Гоголь Н. Собрание сочинений. Т. 2. „Миргород"]. Токио, 1934.

[Тарас Бульба]. Пер. Хироши Умеда. Токио, Довашунюша, 1950. 238 с.

[Тарас Бульба]. Пер. Хаиме Хираи. Токио, Кадокава сётен, 1951. 193 с.

[Тарас Бульба]. Пер. Хисайхиро Хара. Токио, Согей-ша, 1953. 226 с.

[Тарас Бульба]. Пер. Масао Ёнекава. — В кн.: [Гоголь Н. Полное собрание сочинений]. Т. 1—2, Токио, Каваде шобо, 1954.

[Тарас Бульба]. — В кн.: [Гоголь Н. Избранные сочинения]. Токио, Шудо-ша, 1959.

Список библиографических источников, использованных при составлении библиографии[1]

Горожанский Я. Библиографический указатель литературы о Н. В. Гоголе. 1829—1882. — „Русская мысль", 1883, кн. 5, прил., с. 1—24; кн. 6, прил., с. 25—45. Оттиск: М., Типо-лит. И. Н. Кушнерева и К°, 1883. 45 с. (Прил. к журн. „Русская мысль").

---

[1] Национальные библиографии отдельных стран в настоящем списке не учтены.

Долинина А. А. Гоголь в арабской литературе. — В кн.: Гоголь. Статьи и материалы. Л., Ленинградск. гос. ун-т, 1954, с. 331—345.

Заболотский П. Гоголь в славянских переводах. (Библиогр. заметка). — „Известия Отд-ния русского языка и словесности имп. Акад. наук", т. XVI, 1911, кн. 2, с. 42—63.

Оттиск. СПб., Тип. имп. Акад. наук, 1911. 22 с.

Кораблев В. Гоголь у болгар. — „Лит. вестник", т. 3, 1902, кн. 3, с. 269—271.

Кораблев В. Гоголь у сербов. — „Лит. вестник", т. 3, 1902, кн. 4, с. 383—387.

[Кораблев В. Н.]. Гоголь у словаков. — „Славянские известия", 1909, № 5, с. 726—727. Подп.: К—в В.

Лямбек Э. Э. Гоголь у немцев. — „Лит. вестник", т. 3, 1902, № 4, с. 373—382.

Мазинг Л. К. Переводы сочинений Гоголя. — „Ученые записки имп. Юрьевск. ун-та", 1904, № 5, „Сборник в память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского, изд. имп. Юрьевск. ун-том", с. 132—155.

Михайлов М. С. Гоголь в Турции. — „Труды Моск. ин-та востоковедения", вып. 7, 1953, с. 175—188.

Морщинер М. С. и Пожарский Н. И. Библиография переводов на иностранные языки произведений Н. В. Гоголя. Под ред. М. П. Алексеева. М., 1953. 112 с. с портр. и табл. (Всесоюз. гос. б-ка иностр. лит-ры).

Московский Публичный и Румянцевский музеи. Указатель выставки по поводу 100-летнего юбилея Н. В. Гоголя. 1809—1909. М., 1909. 75 с.

Пинус Е. М. Гоголь и русская классическая литература в Японии. — В кн.: Гоголь. Статьи и материалы. Л., Ленинградск. гос. ун-т, 1954, с. 346—355.

Францев В. Н. В. Гоголь в чешской литературе. (К истории славянского литературного общения в XIX ст.). — „Сборник Отд-ния русского языка и словесности имп. Акад. наук". Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. Вып. 1. 1907, с. 52—88.

Оттиск. СПб., Тип. имп. Акад. наук, 1907. 37 с.

Еттінгер П. Гоголь в чужоземних і закордонних ілюстрованих виданнях останнього десятиліття. — „Бібліол. вісті", 1927, № 3 (16), с. 35—41.

Ene-Filipescu C. şi Protopopescu N. Gogol în literatura romînă. 1860—1960. Bucureşti, 1961. 87 p. ill. (Bibl. Acad. Republicii Populare Romîne. Seria de bibliografii retrospective. 2).

Nikolaj Vasiljevič Gogol. (Ke stému výročí jeho úmrtí, 4.3. 1952). — „Bibliografícky katalog ČSR. Česká kniha. 1952". Zvl. sešit 2. Zvl. čislo 21, s. 1—32.

Переводы на чешский и словацкий языки, с. 8—13.

Index translationum. Vol. 1—14. [1948—1961]. Paris, UNESCO, 1949—1963.

Б. Кандель

Текстологические комментарии

Источники текста

Рукописные:

РЛ — черновой автограф первой редакции повести. Находится в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), шифр — Собр. автографов. Н. В. Гоголь. № 1.

*РМ*1 — наброски переработки 4—6 глав первой редакции повести. Находятся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, шифр — ф. 74, карт. II, №№ 12—20.

РК — автограф второй редакции повести. Находится в Публичной библиотеке АН УССР (Киев), шифр — Гог. 5. (Н. 64).

*РМ*2 — авторизованная писарская копия второй редакции повести. Находится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, шифр — ф. 74, карт. II, № 21.

Печатные:

М — «Миргород. Повести, служащие продолжением «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. Гоголя», ч. I. СПб., 1835, стр. 57—224.

П — «Сочинения Николая Гоголя» [под ред. Н. Я. Прокоповича], т. II. СПб., 1842, стр. 55—303.

Тр — «Сочинения Гоголя» [под ред. Н. П. Трушковского], т. II. СПб., 1855, стр. 47—216 (остальная часть — стр. 217—264 — не является источником текста).

Источником основного текста второй редакции, в соответствии с результатами изучения истории текста, избран *П*. В основном тексте учтена авторская правка девяти глав повести, дошедшая до нас в *Тр*; исправления ошибок и опечаток даны по *РК*, *РМ*2 и в одном случае — по *М* (перечень исправлений см. дальше).

Первая редакция печатается по *М* с исправлениями по *РЛ*.

* * *

До наших дней дошло много рукописных источников текста повести: черновой автограф первой редакции, черновые наброски переработки отдельных глав первой редакции, беловики глав и отрывков текста этой переработки, превращенные в процессе работы в черновики, беловой автограф большинства глав второй редакции с многочисленными исправлениями, полная писарская авторизованная копия второй редакции (см. стр. 234). Однако изучение истории создания позволяет предполагать, что были и другие рукописи, не дошедшие до нас.

Черновой автограф первой редакции «Тараса Бульбы» (*РЛ*) находится в записной тетради Гоголя; расположение его в этой тетради позволило исследователям датировать начало работы над повестью мартом-апрелем 1834 г. (II, 683—684, 703).

Повесть написана почти без перерывов: только в сцене свидания Андрия с полячкой (видимо, не сразу давшейся Гоголю) после слов: «Клянусь богом и всем, что есть на земле...» оставлена чистая страница, а затем начата новая глава. Черновая рукопись написана крайне небрежно, мелким, очень неразборчивым почерком, многие слова пропущены, недописаны. Поэтому есть основание думать, что с этого автографа писарская копия не снималась, а он был перебелен самим Гоголем. Этот беловик первой редакции до нас не дошел.

Как всегда в процессе переписывания, Гоголь, видимо, не механически перебелял текст, а исправлял его; возможно, с этого беловика и была снята копия для цензуры; наконец, Гоголь сам читал корректуры «Миргорода» (см. X, 341, 351). Всем этим объясняются отличия между черновым автографом и печатным текстом, где повесть разбита на главы, добавлены некоторые подробности и эпизоды, уточнена хронология (но не по всей повести) и т. п.

В черновой рукописи (*РЛ*) особенно обращают на себя внимание три места, переработанных или исключенных из печатного текста. Так, в *РЛ* имеется фраза: «...Бульба присовокупил еще одно слово, которого однако же цензора не пропускают в печать и хорошо делают», замененная в печатном тексте другой: «...Бульба ~ слово, которое в печати несколько выразительно и потому его можно пропустить» (см. стр. 98).

Далее, в печатном тексте отсутствует имеющееся в *РЛ* после слов «...носит название казачка» (стр. 111) лирическое отступление о народной музыке и танцах: «Только в одной музыке есть воля человеку. Он в оковах везде. Он сам себе кует еще тягостнейшие оковы, нежели налагает на него общество и власть везде, где только коснулся жизни. Он — раб, но он волен только потерявшись в бешеном танце, где душа его не боится тела и возносится вольными [прыжками?], готовая завеселиться на вечность».

Наконец, имеющееся в *РЛ* в речи кошевого описание внутреннего убранства церкви в Сечи: «Николай, угодник божий, сердега, в таком платье, в каком нарисовал его маляр, и до сих пор даже и серебряной рясы нет на нем. Варвара великомученица только то и получила, что уже в духовной отказали иные казаки» дано в печатном тексте в несколько иной редакции: «Хотя бы серебряную рясу кто догадался им выковать. Они только то и получили, что отказали в духовной иные казаки» (стр. 115).

В литературе уже высказывалось мнение, что в этих трех случаях переработка текста для издания была вызвана «вероятно, цензурными условиями» (II, 703—704) [1]. Разделяя мысль о *возможности* в этих случаях автоцензурной правки Гоголя или прямого цензурного вмешательства, мы не считаем допустимым без достаточно убедительных доказательств вносить в печатный текст варианты *черновой* рукописи, тем более, что в первом и третьем из рассмотренных выше примеров печатный текст 1835 г. без каких-либо изменений воспроизведен во второй редакции повести (1842 г.), а во втором примере не вошедшая в печатный текст 1835 и 1842 гг. фраза о музыке осталась в *РЛ* недостаточно отделанной (пропущено слово «прыжками»).

Текст первой редакции печатается в настоящем издании по сборнику «Миргород» (вышел в свет в начале 1835 г., цензурное разрешение от 29 декабря 1834 г., цензор В. Семенов) с следующими необходимыми исправлениями:

Стр.	Строка	Чтение *М*	Исправлено	Источник исправления
101	23	расчищая	размахивая	*РЛ*
103	39	он	она	*РЛ*
109	19	летали	летели	*РЛ*
111	17	крикнул	крякнул	*РЛ*
118	15	елмках	яломках	*РЛ*
118	40	представлявшемся широким раздолье	представлявшимся широким раздольем	по смыслу
130	36	лучше	краше	*Тр*
132	18	главных	славных	*РЛ*
132	36	атаки	тактики	*РЛ*
140	32	количество	количество гайдуков	*РЛ*
145	3	направления	на правление	*РЛ*
145	38	восемь тысяч	восемь	*РЛ*

Своеобразное написание ряда слов («Сечь» и «Сеча», «асаул» вм. «есаул») нами сохраняется, так как оно, по-видимому, отражает гоголевское словоупотребление.

Свод черновых вариантов первой редакции повести опубликован в академическом полном собрании сочинений Гоголя (II, 596—677).

[1] В общей форме о возможности вмешательства цензуры говорил еще Н. С. Тихонравов, см.: Гоголь, изд. 10, т. 5, стр. 621.

* * *

В 1839—1842 гг. Гоголь подверг повесть очень значительной переработке, в результате чего объем ее вырос с девяти глав до двенадцати и она «сделалась вдвое обширнее и бесконечно прекраснее» [2], как писал Белинский.

При переработке повести 1 глава первой редакции [3] была дополнена реально-историческими сведениями о возникновении и составе запорожского казачества; 2 глава почти не претерпела изменений; в 3 главу введены новые материалы о Сечи и ее обычаях (в частности, написана сцена выбора нового кошевого атамана, отсутствовавшая в первой редакции), в результате чего 3 глава была разделена на две — III и IV; 4 глава явилась лишь канвой для глав V и VI. В ней расширено описание боевого быта казаков под Дубном, часть главы (описание осажденного города и встреча Андрия с полячкой) была выделена в самостоятельную VI главу, ставшую одним из поворотных этапов в развитии сюжета всей повести (возможно, что в описании архитектуры осажденного города и внутреннего убранства костела сказались итальянские впечатления Гоголя); из переработанных 5 и 6 глав образовались три новых главы — VII, VIII и IX. Здесь появились новые сцены и эпизоды: прежде всего, это огромное батальное полотно, рисующее битву казаков с поляками; расширены рассказ Янкеля о переходе Андрия к полякам и сцена обсуждения казаками вопроса о погоне за татарами; упоминание о трусости Андрия в битве исключено, а сцена его гибели перенесена в конец IX главы, став завершающим аккордом грандиозной битвы; иначе была изложена причина поражения казацкого войска; главы 7, 8 и 9 первой редакции были исправлены значительно меньше и составили главы X, XI и XII второй редакции.

Как видим, основное внимание Гоголь уделил главам 4, 5 и 6 первой редакции, составляющим идейно-смысловое ядро повести.

Время переработки первой редакции установить очень трудно, поскольку ни в переписке Гоголя, ни в воспоминаниях о нем современников не сохранилось об этом никаких достаточно определенных сведений; Тихонравов определил дату написания первых набросков очень ориентировочно: осень 1839—лето 1840 гг.[4]

Переработка повести шла не систематически; поэтому сохранившиеся наброски представляют собой отрывки, часто не связанные между собой.

Сохранившиеся и дошедшие до наших дней черновые автографы переработки показывают, что между первой и второй редакциями существовало по меньшей мере три этапа работы над главами 4—6 (или V—IX), прежде чем была окончательно создана вся вторая редакция повести.

---

[2] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VI, 1955, стр. 660—661.

[3] В целях упрощения ссылок на главы двух редакций повести здесь и в тексте гла́вы первой редакции нумеруются арабскими цифрами, а второй — римскими.

[4] Гоголь, изд. 10, т. 1, стр. 624—625, 636—638. По мнению И. Я. Айзенштока, дату начала работы Гоголя над второй редакцией «Тараса Бульбы» следует перенести на конец 1840 г., но его доводы не кажутся нам убедительными (II, 708—709).

Первый этап переработки представлен четырьмя отрывками, относящимися к 4—6 главам первой редакции[5]. Были ли в это время переработаны первые три главы — сказать нельзя, так как черновые автографы переработок этих глав до нас не дошли, а беловики их были сделаны уже в Москве.

Отрывок первый охватывает всю 4 главу от слов: «Скоро весь польский запад...» до слов: «и скоро оба очутились в совершенной темноте». Далее стоит цифра «V» и начинается новая глава от слов: «Андрий едва двигался в узком земляном коридоре...» до слов: «...отворила дверь в другую комнату, откуда блеснул свет огня» (II, 368—390 и 356—361; т. 1, стр. 577—590). Весь отрывок содержит текст V и части VI глав. Текст отрывка довольно близок к окончательному. Отсутствует только упоминание о том, что Товкач, пришедший под Дубно с полком Тараса Бульбы, привез Остапу и Андрию благословение от матери и кипарисные образки из Межигорского киевского монастыря.

Отрывок второй содержит более краткую, но без существенных пропусков, редакцию сцены встречи Андрия с полячкой в осажденном Дубно. Он начинается словами: «Он услышал шопот...», и продолжается до конца 4 главы, или главы VI второй редакции (II, 361—364; т. 1, стр. 590—593).

Отрывок третий начинается словами: «Большое движение происходило в запорожском таборе...», не имеющими соответствия в первой редакции, продолжается сценой разговора Тараса с Янкелем об Андрие из 5 главы и заканчивается описанием битвы казаков с поляками, отсутствующим в первой редакции (до слов: «...часовой, озиравший все пропадавшее вдали поле»). Текст отрывка охватывает таким образом главу VII и очень близок к окончательному (II, 391—421; т. 1, стр. 594—608).

Отрывок четвертый содержит текст от слов: «Еще солнце не дошло середины неба...» до слов: «...чувствовали они все, что важная минута...», т. е. с начала до середины 6 главы, и соответствует тексту VIII главы второй редакции (II, 422—442; т. 1, стр. 608—615).

По возвращении в Рим (в сентябре 1840 г.) Гоголь принялся за обработку этих отрывков, набрасывая на тех же или других листах бумаги новые дополнения и исправления. Так, к первому отрывку относится одна приписка на том же листке (II, 360; т. 1, стр. 590) и один набросок на отдельном листе бумаги, содержащий описание ночного поля, на котором расположился табор запорожцев под Дубно: «по полю раскиданы были телеги...» до слов: «...небо, которое вновь виднелось пред ним, как только отлетала неверная дремота» (II, 377—379; т. 1, стр. 619). Ко второму отрывку — три приписки на том же листке, что и отрывок (II, 365—367; т. 1, стр. 593—594), и четыре наброска на отдельных листках (т. 1, стр. 621—623): набросок первый — лирическое воскли-

[5] В академическом полном собрании сочинений Гоголя эти отрывки и рассматриваемые далее приписки к ним вместе со сводом черновых вариантов напечатаны в сведенном в главы виде (II, 356—454). Отдельно отрывки и приписки опубликованы в изд.: Гоголь, изд. 10, т. 1, стр. 577—624. Далее в тексте в скобках дается сначала ссылка на страницы первого из названных изданий, затем — второго.

цание автора: «И погиб казак, пропал для славы и своей и всего рыцарства» до слов: «...и час тот, в который породил такого сына»; набросок второй — «Бросила она прочь от себя платок...» до слов: «...и не мало горя и бед претерпевали, все они были в моей власти»; набросок третий — продолжение монолога полячки: «Не лютый ли палач ты мой, горькая судьба!» до слов: «...и укоряла бы тебя, прости, пречистая святая матерь»; набросок четвертый — «И когда затихла она...» до слов Андрия: «...и разве уже мертвого меня разлучат от тебя». К третьему отрывку приписок нет, а к четвертому сделано шесть приписок (II, 434—435, 439—440, 442—443; т. 1, стр. 615—618) и один набросок на отдельном листке бумаги (II, 425—427; т. 1, стр. 623—624). Набросок содержит краткое изложение сцены казачьей рады, решающей вопрос о погоне за татарами: «Вот за каким делом собирались запорожцы на великую раду...» до слов Тараса: «Так вы хотите, чтобы мы оставили товарищей умереть лютою смертью, что...».[6] Всего таким образом насчитывается 10 отдельных листков бумаги с отрывками и набросками текста, объединяемых нами одним шифром PM_1[7].

Таков был второй этап переработки повести.

В ноябре—декабре 1840 г. Гоголь приступил к сведению этих набросков в одно целое, совместив собственноручную чистовую переписку их в пять тетрадей светло-голубой бумаги с новой переработкой текста; этим к октябрю 1841 г. закончился третий этап переработки повести, нашедший свое отражение в нижнем слое текста в *РК*.

Начав осенью 1841 г. в Москве подготовку первого издания своих сочинений, Гоголь усиленно занялся новой обработкой текста, переписанного в эти тетради. Тогда же он переписал на листы желтоватой бумаги те части глав I, III и IV, которые были им особенно сильно переправлены, и всю главу IX, причем в переделанном конце главы IX вместо Закрутыгубы главным действующим лицом вставного эпизода стал Мосий Шило. В результате *РК* имеет сейчас такой вид: на л. 1—8 переписано начало I главы до слов: «...и пришел усталый от своих забот»; на л. 13—19 об. текст III главы от слов: «Сечь состояла из шестидесяти с лишком куреней...» до конца и текст IV главы с начала до слов: «Позвольте, панове запорожцы, речь держать» — «Держи!»; на л. 21—22 об. отрывок из IV главы от слов: «Все с совета всех старшин...» до конца

---

[6] По каталогу рукописей Гоголя, выпущенному Библиотекой им. В. И. Ленина, эти листочки с отрывками и набросками имеют следующую нумерацию: отрывок первый — № 2, набросок к нему — № 6; отрывок второй — № 3, наброски к нему — № 8, 9, 10, 11; отрывок третий — № 4; отрывок четвертый — № 5, набросок к нему — № 12 (см. «Рукописи Н. В. Гоголя. Каталог». М., 1940, стр. 26—28).

[7] Одиннадцатым из числа набросков, обозначенных шифром PM_1, является отдельная страничка из тетради светло-голубой бумаги (см. ниже), позже вырезанная оттуда и попавшая в число автографов, хранящихся в Москве (по «Каталогу» Библиотеки им. В. И. Ленина этот листок имеет № 7). Она содержит переписанное набело первоначальное окончание VI главы второй редакции повести от слов: «Скажи же мне одно слово! сказал Андрий...» до слов: «...и то едва одному из целой тысячи...» (т. 1, стр. 620—621).

главы; на л. 25—37 — вся V глава; на л. 38—50 — вся гл. VI (ошибочно помеченная как V); на л. 51—65 об. — вся глава VII (VIII); на л. 66—75 об. — вся глава VIII (IX); на л. 75а—90 — глава IX (X) с начала до слов: «...кто бы поднял на него дубину, помня его прежние заслуги»; на л. 91—93 — глава X с начала до слов: «Сын мой, Остап мой!»; на л. 93 об. — 94 — отрывок X главы со слов: «Он уходил в луга и степи...» до слов: «Тарас вошел в светлицу. Жид...». Кроме того, в той же рукописи на л. 97—110 идет переписанная набело вся глава IX, а на л. 112 об. — черновой набросок к гл. IX от слов: «Все, все пришли в ярость казаки...» до слов: «И зажмурил ослабшие глаза и поник головою».

Таким образом, *РК* не дает полного текста повести и можно предположить, что пропущенные части: главы I (от слов: «Ну, дети, теперь надобно спать...» до конца главы), вся II глава, III главы (с начала до слов: «...то удалые разбивали их лавочки и брали всегда даром»), IV главы (от слов: «Вот в рассуждении того теперь идет речь...» до слов: «Теперь уже все хотели в поход, и старые и молодые»), X главы (от слов: «Запорожцы собирались на морскую экспедицию...» до слов: «Но все это уже не занимало Тараса» и от слов: «...молился, накрывшись своим довольно запачканным саваном» до конца главы) и целиком главы XI и XII отсутствуют в *РК* потому, что текст их был выправлен на экземпляре «Миргорода». Поэтому и слова, которыми кончается *РК*: «Тарас вошел в светлицу. Жид...», были приписаны, по-видимому, позже, как указание переписчику для перехода на другой источник — правленный текст *М*, где шли слова, прямо продолжающие оборванную фразу: «...[Жид] молился, накрывшись...» и т. д.

Так сложилась вторая редакция повести, дошедшая до нас в виде верхнего слоя текста в *РК*.

Следует отметить, что рассмотренные выше три этапа переработки повести не охватывают всей работы Гоголя над текстом: это только те этапы, которые мы можем выявить на основании известных нам рукописных источников текста. Вместе с тем, если верхним слоем РК закончилась работа по созданию второй редакции «Тараса Бульбы», то работа над текстом повести продолжалась и дальше. До нас дошел рукописный источник, свидетельствующий об этой последующей авторской правке текста — полная писарская копия второй редакции повести — $РМ_2$ [8].

* * *

До сих пор считалось, что $РМ_2$ является прямой копией с *РК*, а в некоторых частях — с *М* (II, 710 [9]).

В самом деле, ряд признаков указывает, что некоторые части $РМ_2$ действительно копировались с исправленного Гоголем текста *М*: типично украинские выражения

---

[8] $РМ_2$ переписана тем же писцом, который готовил последние девять глав цензурной копии «Мертвых душ». Этот факт дал Тихонравову возможность утверждать, что $РМ_2$ была создана не ранее января 1842 г. (Гоголь, изд. 10, т. 1, стр. 657).

[9] Ср.: Гоголь, изд. 10, т. 1, стр. 657.

«качались по траве» и «точил из бочки горелку» есть и в *М* (стр. 80 и 99) и в *РМ*₁ (л. 15 и 26), в *П* же они заменены русскими литературными словами «валялись», «цедил»; слова «шлефовались», «елмка» и многие другие написаны в *РМ*₂ точно так же, как были напечатаны в *М*; ошибочно пропущенное в *М* слово: «Тарас увидел порядочное количество ⟨гайдуков⟩ в полном вооружении» (стр. 196), отсутствует и в *РМ*₂ (л. 136). Таких примеров, показывающих непосредственный переход от *М* к *РМ*₂, можно привести гораздо больше. Отметим также, что в *РМ*₂ (л. 45 об.) оставлено место для неразобранного слова во фразе: «Бедный... оратор», в то время как в *М* (стр. 124) это слово есть — «высокий». Поскольку прочесть печатный текст было нетрудно, можно предполагать, что здесь была какая-то поправка Гоголя, не понятая писцом.

Все эти случаи относятся к частям текста, отсутствующим в *РК*, но едва ли есть основание думать, что такова же связь между *РМ*₂ и *РК*. Конечно, и тут есть примеры совпадений, но характерны в данном случае именно несовпадения. Например, в *РК* (л. 45) было написано: «Душевные движенья и чувства, которые дотоле как будто кто-то удерживал тяжкою уздою, теперь почувствовали себя освобожденными»; потом эта фраза была зачеркнута и отчетливо, густо-черными чернилами написана новая: «Все, что дотоле удерживалось какою-то тяжкою уздою, теперь почувствовало себя на свободе», а в *РМ*₂ (л. 71 об.) переписана именно зачеркнутая Гоголем фраза, которую довольно трудно разобрать после вычерка. На л. 45 об. *РК* было написано: «С неизъяснимым наслаждением глядел Андрий», потом зачеркнуто и написано: «Андрий приникнул духом и только глядел», — однако в *РМ*₂ оказался переписанным именно первый, зачеркнутый вариант [10]; в *РК* (л. 16 об., 17, 17 об., 18) совершенно отчетливо, без поправок, написано «Кирдюг», а в *РМ*₂ (л. 36 об., 37, 37 об., 38) также без поправок «Кирдяга»; но зато на л. 28 об., — в самом начале повести, которое переписывалось с исправленного текста «Миргорода» — стоит старое имя — «Кирдюг» [11]; на л. 62 *РК* было «налетел на него сзади красноносый хорунжий, уже два раза сбитый им из седла», а в *РМ*₂ стало: «... уже раз сбитый...» (л. 90); на л. 109 *РК* совершенно отчетливо написано: «Я, сынку, — сказал Тарас, кивнувши головою», а в *РМ*₂ — просто: «Тарас кивнул головой» (л. 121) и т. д.

Все эти примеры заставляют думать, что *РК не являлась* оригиналом для *РМ*₂. Невозможно предположить, что эти исправления писарь самовольно внес в текст, а пропуски некоторых неразобранных слов говорят о том, что *РМ*₂ не создавалась под

---

[10] Редактор академического издания пишет, что переписчик «не разобрался в авторских исправлениях» (II, 710). Но, как видно из прилагаемых факсимиле, разобраться здесь было совсем нетрудно (см. факсимиле л. 45 и 45 об. *РК*). И. Айзеншток утверждал также, что там, где «переписчику [*РМ*₂] приходилось иметь дело с запутанною и исчерканною рукописью [*РК*], появляются довольно частые описки: „Пидсышок" вм. „Пидсыток"» (II, 710). Но в *РК* вообще нет текста, содержащего имя „Пидсыток": это место в *РМ*₂ переписывалось с *М*!

[11] См. факсимиле л. 16 об. *РК* и л. 36 об. *РМ*₂.

АВТОГРАФ ПОВЕСТИ «ТАРАС БУЛЬБА» л. 45 (уменьшено)

Библиотека Академии наук УССР

на волю и уже хотела вылететь в пусту-
же потемки слов, как вдруг красавица
оборотясь к татарке беспокойно спросила
А мать?.. Ты отнесла ей?
— Она спит.
— А отцу?
— Отнесла, он сказал что придет сам бла-
годарить Рыцаря.
Она взяла хлеб и поднесла его ко рту
Андрий проникнулся духом и только
~~С невыразимым наслаждением~~ глядел Андрий
как она ломала его блистающими пальцами
своими и ела. ~~[illegible]~~ И вдруг вспом-
нил о бесновавшемся от голода, который
испустил дух в глазах его проглотивши кусок
хлеба. Он побледнел и схватив ее за руку
закричал „Довольно! не ешь более! ты так
долго не ела, тебе хлеб будет теперь ядовит!"
И она опустила тут же свою руку, поло-
жила хлеб на блюдо и как покорный ребе-
нок смотрела ему в очи. ~~[illegible]~~
И пусть бы ~~[illegible]~~ выразило какое-нибудь слово ... не властны
~~[illegible]~~
~~[illegible]~~ ... не пять той ~~[illegible]~~
выразить ~~[illegible]~~ ни резец, ни кисть, ни слово вы-
соко-могучее слово, того что видится иной
раз в ~~[illegible]~~ открытых взорах девы
~~[illegible]~~

АВТОГРАФ ПОВЕСТИ «ТАРАС БУЛЬБА», л. 45 об. (уменьшено)

Библиотека Академии наук УССР

— Кукубенка выбрать! — кричала часть.

— Не хотим Кукубенка! — кричала другая! — Рано ему: еще молоко не обсохло. —

— Шило пусть будет Атаманом! — кричали одни — Шила посадить в кошевые! —

В спину тебе, шило! — кричала с бранью толпа — Что он за козак, когда прокрался, собачий сын, как татарин. К чорту в мешок пьяницу Шила!

— Бородатого, Бородатого посадим в кошевые —

— Не хотим Бородатого! к нечистой матери Бородатого! —

— Кричите Кирдюга, шепнул Тарас Бульба иным которым.

— Кирдюга, Кирдюга! — кричала толпа. Бородатого, Бородатого! Кирдюга, Кирдюга! Шила! К чорту с шилом! Кирдюга! —

Все кандидаты услышавши произнесенными свои имена тотчас же вышли из толпы, чтобы не подать никакого повода думать, будто бы они помогали личным участием своим в избрании.

— Кирдюга, Кирдюга! раздавалось сильнее прочих — Бородатого! — Дело принимало дока-

АВТОГРАФ ПОВЕСТИ «ТАРАС БУЛЬБА», л. 16 об. (уменьшено)

Библиотека Академии наук УССР

— Бородатаго, бородатаго посадимъ въ кошевые!

— Нехотимъ бородатаго! къ нечистой матери бородатаго!

— Кричите Кирдягу! — шепнулъ Тарасъ Бульба нѣкоторымъ.

— Кирдягу! Кирдягу! — кричала толпа. — Бородатаго, бородатаго! Кирдягу, Кирдягу! Шила! къ чорту съ Шиломъ! Кирдягу!

Всѣ кандидаты услышавши произнесенными свои имена, тотчасъ же вышли изъ толпы, чтобы не подать никакого повода думать, будто бы они помогали личнымъ участiемъ своимъ въ избранiи.

— Кирдягу! Кирдягу! — раздавалось сильнѣе прочихъ, — бородатаго! — Дѣло принялись доказывать кулаками, и Кирдяга восторжествовалъ.. —

— Ступайте къ за Кирдягой! — закричали. Человѣкъ десятокъ казаковъ отдѣлилось тутъ же изъ толпы; нѣкоторые изъ нихъ едва держались на ногахъ — до

ПИСАРСКАЯ КОПИЯ ПОВЕСТИ «ТАРАС БУЛЬБА», л. 36 об. (уменьшено)

Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина

диктовку Гоголя. Видимо *РК*, на многих листах очень сильно исправленная Гоголем [12], была им перебелена (может быть — не полностью), и уже с этого, не дошедшего до нас беловика (назовем его условно *РБ*), списывалась *РМ2*.

Вместо неразобранных слов переписчик *РМ2* оставил в копии 20 пустых мест. В одиннадцати случаях в копии они так и остались незаполненными: «Бедный ... оратор» (л. 45 об); «гущина звезд, составлявшая млечный путь... поясом переходившая небо» (л. 56; в *РК* на месте пропущенного слова: «и косвенным», л. 31 об.); «Несколько мужчин, прислонясь у колонн и..., на которых возлегали боковые своды» (л. 64 об.; в *РК* — «пилястр», л. 39 об.); «один только... куренной атаман Кукубенко» (л. 78; в *РК* — «Незамайковский», л. 51 об.); Кто «продаст казаку хоть один... сивухи» (л. 80; в *РК* — «кухоль», л. 53 об.); Кукубенко, взяв палаш, «...ему в самые побледневшие уста» (л. 89 об.; в *РК* — «вогнал его», л. 61 об.); Как ястреб «вдруг останавливается... на одном месте» (л. 90 об.; в *РК* — «распластанный», л. 62 об.) [13]; «Только один казак Максим... вырвался» (л. 94 об.; в *РК* — «Голодуха», л. 66); «не раз... очкуров набивали все чистыми цехинами» (л. 100; в *РК* — «череши у штанных», л. 71 об.); «скачет к нему на коне...» (л. 121 об.; в *РК* — «Голокопытенко», л. 109 об.); «увязал в лубки и при... веревками к седлу» (л. 124; в *РК* — «присвиснувши», л. 92) [14].

В девяти же случаях пропуски писца были заполнены, судя по почерку, Гоголем: «после сего... [сегодняшнего] почета» (л. 86) [15]; «на дела тоже [неплохие] казаки» (л. 86); «раздобрел [вновь] Попович» (л. 86 об.); «пустил [за ухо] оселедец» (л. 86 об.); «крепок был [на едкое] слово» (л. 86 об.); «не прикрывши [прилично] наготы твоей» (л. 87); «увязан туго [засмоленными] веревками» (л. 103); «за веру» [загомонели] все» (л. 104 об.); «гордый [гоголь] быстро несется» (л. 152 об.) [16].

Но в копии есть более 20 мест, в которых, по сравнению с *РК*, отсутствуют отдельные слова, но пробелов для них не оставлено, т. е. слова эти пропущены в *РМ2* не потому, что писец их не разобрал, а по какой-то другой причине; нет этих слов и в *П*. Например, *РК* — «Не к добру повела корысть *казака*; отскочила могучая голова, и упал обезглавленный труп, далеко *вокруг* оросивши землю»; «И все казаки до последнего

---

[12] Хотя часть глав I, III, IV и целиком главы VI и IX выглядят как переписанные набело со сравнительно небольшим числом исправлений, главы V, VII и VIII представляют собой типичные черновики с многочисленными исправлениями, иногда в два-три слоя, приписками на полях и поправками карандашом.

[13] У Тихонравова неверно указано, что в этой фразе пропущены слова: «среди воздуха», которых вообще нет ни в *РК*, ни в *РМ2* (Гоголь, изд. 10, т. 1, 658, 686, 707).

[14] В *П* во всех этих случаях, кроме первых трех, напечатаны те же слова, что были в *РК*; в последнем случае вместо «присвиснувши» (*РК*) — в *П* «прикрепивши»; возможно, что так было уже и в *РБ*.

[15] Писец написал «сего» и не понял окончания слова, а Гоголь написал снова «сегодняшнего».

[16] Все эти поправки учтены в *П*.

в поле выпили последний глоток *в ковших* за славу и всех христиан...». Возможно, что подчеркнутые слова были вычеркнуты Гоголем еще в *РБ*.

Просматривая копию, Гоголь не только восполнил некоторые пробелы, но и внес новые исправления в текст: вм.: «ничего не знал сказать на это Андрий» — «...не умел...»; вм.: «...то им хоть и есть нечего...» — «...хоть им...»; вм.: «не печалься...» — «Не печалься, друзьяка...» (возвращение к раннему варианту, зачеркнутому в *РК*); вм.: «Уж и не сказали казаки...» — «Да уж...» (также возвращение к зачеркнутому в *РК*); вм.: «Оставляйте прочие ворота...» — «...все прочие...»; вм.: «...такие муки и такая сила» — «...такие огни, муки...» и др. Кроме того, в последней фразе (после слов: «...пересилила русскую силу») Гоголем в $РМ_2$ приписана была еще одна фраза: «Нет, черт побери всех прислужников черта, не найдутся такие огни, муки и такая сила...» но, судя по цвету чернил, эти слова были тогда же вычеркнуты самим автором.

Задумав выпустить первое издание сочинений, Гоголь со всеми своими рукописями приехал в Петербург, к Прокоповичу. Договорившись обо всех технических вопросах издания, Гоголь выехал в Рим, оставив Прокоповичу все необходимые материалы, и в том числе автограф повести «Тарас Бульба» (*РК*) и копию с автографа.

Какую же копию оставил Гоголь Прокоповичу? Н. С. Тихонравов [17] считал, что именно $РМ_2$; с ним был согласен и редактор «Тараса Бульбы» в академическом издании сочинений Гоголя — И. Я. Айзеншток (II, 711—712).

На самом деле это неверно. Ведь давно известно, что копия $РМ_2$ поступила в Румянцевский музей в 1877—1879 гг. по завещанию С. А. Иванова, архитектора, брата великого русского художника А. А. Иванова [18], который жил долгое время в Риме и был одним из немногих близких Гоголю людей. Среди большого количества писем и бумаг художника в Музей были переданы сохранившиеся у него некоторые бумаги Гоголя, частью подаренные ему автором, частью оставленные у него на хранение в Риме, отрывки из «Мертвых душ», наброски первой редакции «Шинели», отрывки из «Тараса Бульбы» (то, что теперь мы называем $РМ_1$) и полная копия всей повести ($РМ_2$)[19].

Но после 1842 г. Гоголь с Прокоповичем не встречался; у нас нет никаких сведений о том, что Прокопович пересылал эту копию в Рим; Прокопович не был знаком с А. А. Ивановым и не мог передать ему копию. Известно также, что Прокопович умер 1 июня 1857 г., а уже в 1858 г. его наследники продали гр. Г. А. Кушелеву-Безбородко имевшиеся у них рукописи Гоголя, в том числе автограф второй редакции «Та-

---

[17] Гоголь, изд. 10, т. 1, стр. 657—659.

[18] См.: «Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1879—1882 г.», М., 1884, стр. 43—49.

[19] См., например, замечание об этом в статье А. Л. Слонимского «Вопросы гоголевского текста»: «Копия, поступившая в Ленинскую библиотеку из бумаг А. А. Иванова, была, несомненно, у Гоголя с собой за границей, как и все прочие его рукописи из бумаг А. А. Иванова» («Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1953, т. XII, вып. 5, стр. 403).

раса Бульбы» (*РК*); никакой другой рукописи «Тараса Бульбы», в том числе и в копии, у наследников Прокоповича в это время не было [20].

Из этого можно сделать вывод, что PM_2 никогда не была у Прокоповича, он ее не правил и *не с нее набирался и печатался текст «Тараса Бульбы»*. Поэтому неверным является утверждение Тихонравова, что PM_2 «до передачи в типографию была внимательно прочтена, конечно, Прокоповичем», который отметил «карандашом слова и обороты, употребленные Гоголем неправильно, своеобычно» (Гоголь, изд. 10, т. 1, стр. 659). Карандашные подчеркивания в тексте действительно есть, но они также никакого отношения к Прокоповичу не имеют и, по-видимому, гораздо более позднего происхождения. Неверны и все 11 примеров поправок Прокоповича, которые тут же приводит Тихонравов, например, слово «ломтями» («Она уже успела нарезать ломтями принесенный рыцарем хлеб...») вовсе не прибавлено Прокоповичем, как утверждает Тихонравов, а имеется уже в PM_2 (см. л. 71 об.); в остальных случаях Тихонравов указывает лишь те примеры, когда слово подчеркнуто карандашом и действительно изменено в *П*, но в PM_2 гораздо больше таких примеров, когда слово подчеркнуто тем же карандашом, но в *П* не изменено («с которыми *угрожала* такая скорая разлука», л. 7 об; «*Любопытно*, что это говорил тот же самый Тарас Бульба», л. 16 об. и другие примеры. Всего подчеркнуто и отчеркнуто в PM_2 31 место). Более того, на л. 11 об. подчеркнуто карандашом действительно неверно написанное слово («сборище *безжизненных* рыцарей»), но в *П* оно не исправлено.

Что же такое PM_2? Это копия, снятая в Москве для Гоголя, его личный, рабочий экземпляр, увезенный им за границу, а не наборная копия для издания.

Для издания же, по-видимому, была снята другая, недошедшая до нас цензурная копия (назовем ее условно *РЦ*)[21], которую Гоголь не только прочел, но внес в нее свои, в некоторых случаях довольно существенные поправки, и об этой копии, а не об PM_2, писал он Прокоповичу из Гастейна: «При корректуре второго тома прошу тебя действовать как можно самоуправней и полновластней: в «Тарасе Бульбе» много есть погрешностей писца. Он часто любит букву «и»; где она не у места, там ее выбрось; в двух-трех местах я заметил плохую грамматику и почти отсутствие смысла... Если где частое повторение одного и того же оборота периодов, дай им другой, и никак не сомневайся и не задумывайся, будет ли хорошо, — все будет хорошо. Да вот что самое главное: в нынешнем списке слово: слышу, произнесенное Тарасом пред казнью Остапа, заменено словом: чую. Нужно оставить попрежнему, т. е.: «Батько, где ты? Слышишь ли ты это?» — «Слышу». Я упустил из виду, что к этому слову уже привыкли читатели и потому будут недовольны переменою, хотя бы она была и лучше» (XII, 84—85).

Однако если существовал еще один источник текста — *РЦ*, и этот источник отражал последний этап гоголевской правки, то мы не можем, как это делалось до сих пор,

---

20 См.: Н. В. Гербель. О рукописях Гоголя, принадлежащих лицею кн. Безбородко. — «Время», 1861, апрель, стр. 606—614.

21 О существовании этой недошедшей до нас цензурной копии пишет и А. Л. Слонимский в упомянутой выше статье «Вопросы гоголевского текста», стр. 403.

все разночтения между PK и PM_2, с одной стороны, и $П$ — с другой, относить только за счет правки текста Прокоповичем. А такая тенденция есть. Например, Н. С. Тихонравов утверждал, что Прокопович «позволял себе делать совершенно ненужные поправки в слоге вверенных ему для напечатания произведений» [22]. Полностью разделял это мнение о Прокоповиче как «исказителе» Гоголя и редактор «Тараса Бульбы» в академическом издании — И. Я. Айзеншток, писавший. «Всего в тексте „Тараса Бульбы“ Прокоповичем сделано свыше 600 поправок» (II, 712). Среди этих поправок им была названа, например, замена слова «били татарву» на «били татаров» (II, 712). Автор одной из более поздних работ, Н. В. Третьякова, опираясь на это утверждение И. Я. Айзенштока, пишет даже, что «замена Прокоповича почти уничтожает экспрессию, вложенную Гоголем в эти слова Тараса Бульбы» [23], хотя к этому исправлению Прокопович не имеет никакого отношения: «татаров» есть уже в PM_2 (см. л. 6). Айзеншток утверждает также, что «имя кошевого „Кирдюг“ Прокопович почему-то переделал на „Кирдяга“» (II, 712), хотя уже в PM_2, на лл. 36 об., 37, 37 об., 38 более десяти раз написано совершенно отчетливо «Кирдяга» и т. д. и т. п.[24]

Наконец, недостаточно выяснен был до сих пор вопрос о том, какова же взаимосвязь между PM_2 и недошедшей до нас $PЦ$.

Казалось бы, вопрос этот решается просто: PM_2 снята для Гоголя с $PБ$ в начале 1842 г., а $PЦ$ для печати с того же автографа в середине 1842 г.[25] Этим, например, как будто можно объяснить, почему в $П$ вместо оставленных в PM_2 пробелов — исправный текст, за исключением двух случаев («косвенным» и «пилястр»): просто переписчик $PЦ$ лучше прочел $PБ$, чем переписчик PM_2, однако и он также не разобрал этих двух слов, но, по-видимому, не оставил для них пробелов. В результате фраза PM_2: «Гущина звезд, составлявшая млечный путь... поясом переходившая небо, вся была залита в свету» приобрела в $П$ следующий вид: «Гущина звезд, составлявшая млечный путь, поясом переходившая по небу, вся была залита светом». Дополнительная правка окончания этой фразы была произведена Гоголем, возможно, при чтении $PЦ$, но пропуска он не заметил.

Но такое решение не объясняет, почему, например, все гоголевские правки в PM_2 (о них говорилось выше) оказались учтенными в $П$? Ведь как было доказано, PM_2 не была в руках Прокоповича при подготовке издания. Здесь приемлемо только одно объяснение: $PЦ$ снималась не с автографа, а с PM_2, а пробелы, имевшиеся в PM_2 и, следова-

[22] «Известия книжных магазинов т-ва М. О. Вольф», 1902, № 4—5, стр. 41.

[23] Н. П. Третьякова. Работа Гоголя над языком и стилем «Тараса Бульбы». — В изд.: «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. III. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 69.

[24] В отделе вариантов академического издания почти *в ста* случаях Прокоповичу приписываются исправления, впервые появившиеся в PM_2, а не в $П$ (см. ниже).

[25] 26 мая 1842 г. Гоголь приехал в Петербург договариваться с Прокоповичем об издании, а 5 июня уехал за границу.

тельно, повторенные в *РЦ*, Гоголь заполнил в этой рукописи, которую внимательно прочел.[26]

Таким образом, подводя итоги анализа источников текста, мы приходим к выводу, что кроме известных ныне двух рукописей *РК* и *РМ*$_2$ — существовали еще две — автограф беловой *РБ* и цензурная рукопись *РЦ*.

Кроме того, как уже говорилось, Гоголь часть своих поправок нанес на печатный текст «Миргорода». Этот экземпляр нам неизвестен, но писец, переписывавший *РМ*$_2$, ориентировался не только на *РБ*, по-видимому, также не полную, как и *РК*, но и на этот экземпляр. Далее Гоголь прочел *РМ*$_2$, кое-что в этой рукописи исправил (ошибки писаря, вставил неразобранные слова), и с нее была снята *РЦ*, которую Гоголь опять читал и уже значительно выправил, вписал некоторые слова, вычеркнул другие и т. д. Например, ни в *РК*, ни в *РМ*$_2$ не было подчеркнутых слов, а они появились только в *П*, т. е. с нашей точки зрения, были вписаны Гоголем в *РЦ*: «Как плавающий в небе ястреб ~ вдруг останавливается распластанный *среди воздуха* на одном месте...», «...причем ехавший с ними отряд, *состоявший* из десяти казаков» и др. Отсутствие этих слов не мешало пониманию смысла, и они не требовались по правилам грамматики, поэтому вставка их может объясняться только авторской работой над текстом. В *РМ*$_2$ было: «...повергла бедного бурсака в еще большее смущение», в *П* стало: «...большее еще...», было: «пусть их все передохнут, собаки», стало: «пусть их, собаки, все передохнут». Невозможно допустить, что эти поправки сделаны Прокоповичем, который скорее приглаживал бы текст, чем вводил такие инверсии. Наконец, в *П* оказались исключенными подчеркнутые слова, имеющиеся в *РК* и *РМ*$_2$: «Он с любопытством рассматривал эти земляные стены, *напомнившие ему киевские пещеры*», передняя «была наполнена ~ и прочей дворней, необходимою для показания сана польского вельможи, *как военного, так и владельца собственных поместьев*». Отсутствующие в *П* слова также могли быть исключены только Гоголем при чтении *РЦ*[27]. Вместе с тем нельзя, разумеется, думать, что Прокопович, имея прямую просьбу Гоголя, касающуюся текста именно «Тараса Бульбы», не вносил в текст какие-то свои грамматические поправки, однако выявить их сейчас не представляется возможным.

Так выработался текст, дошедший до нас в издании 1842 г. Конечно, это пока только гипотеза, в которой не все можно документально обосновать, но она, как нам кажется, близка к истине.

---

[26] *РМ*$_2$ изготовлялась в Москве, после чего Гоголь уехал в Петербург, а оттуда, не заезжая в Москву, — за границу, куда увез и *РМ*$_2$. Значит, *РМ*$_2$ была с ним в Петербурге, где снималась *РЦ*, с которой велся набор.

[27] А. Л. Слонимский в статье «Вопросы гоголевского текста», приведя реплику Подколесина («Женитьба»), имевшуюся в рукописи и отсутствующую в печатном тексте издания 1842 г., замечает: «Вымарку эту нельзя приписать Прокоповичу потому... что *во всем издании не имеется примеров аналогичных редакторских сокращений*», и считает, что «она по тем или иным соображениям вычеркнута была самим Гоголем в недошедшей до нас цензурной копии» (стр. 405, курсив мой. — *Е. П.*).

* * *

В 1851—1852 гг., готовя второе издание своих сочинений, Гоголь прочитал корректуру девяти листов второго тома[28]. Таким образом, авторизованной является только часть повести «Тарас Бульба» (кончая словами: «Подобно тому, в один миг» на стр. 216 второго тома). Остальная часть тома допечатана уже после смерти Гоголя с издания 1842 г. издателем его сочинений Н. П. Трушковским, и она не является источником текста. Перепечатка была сделана довольно точно, разночтения между текстами минимальные.

Готовя новое издание, Гоголь проделал довольно значительную работу над текстом: он выправлял фразы, которые не удовлетворяли его, отдельные слова и т. д Например, вместо: «и за каждый кусочек которых, за каждую каплю крови она отдала бы все»; стало: «а за каждую каплю крови их она отдала бы себя всю»; вместо: «быстрая молния сжимаемой травы показывала бег их» стало: «струя сжимаемой травы показывала след их быстрого бега» и т. д. Особенно сильно было исправлено окончание I главы, начало V главы повести и др. Внося в текст *П* поправки, Гоголь вместе с тем пропускал некоторые явные опечатки («нанове» вм. «панове», «кореня» вм. «куреня» и др.). Но все это не дает оснований говорить о «случайности поправок», о «стилевой направленности многих из них, отличной от всего текста повести», о «незаконченности» правки и «неполной автентичности» ее и т. д. (II, 715).

Для текстолога из рассмотрения работы Гоголя над текстом «Тараса Бульбы» в 1851—1852 гг. существенным и важным являются два момента: прежде всего, вопреки мнению предшествующих исследователей (Н. С. Тихонравова — изд. 10, т. 1, стр. IX—X, XVIII, И. Я. Айзенштока — II, 681 и др.), отвергавших текст издания 1842 г., как якобы искаженный самовольными поправками Прокоповича, нельзя не учитывать, что готовя в 1851—1852 гг. новое издание своих сочинений, Гоголь в основу его положил текст издания 1842 г., а не свои автографы, правил этот текст, т. е. активно авторизовал его. Значит, текст 1842 г. является полноценным и авторизованным источником текста повести.

С другой стороны, следует помнить, что готовя в 1851—1852 гг. новое издание, Гоголь не закончил чтения корректур всей повести. Следовательно, в издании 1855 г. текст авторизован в той лишь части, которая занимает первые девять листов второго тома этого издания.

Поэтому в основу настоящего издания положен текст издания 1842 г., но учтена вся правка, сделанная Гоголем на корректурных листах в 1851—1852 гг. и дошедшая до нас в издании 1855 г.

До последнего времени в литературе о тексте «Тараса Бульбы» не встречалось упоминаний о цензурных (или автоцензурных) искажениях во второй редакции повести. Считалось, что она прошла цензуру безболезненно.

Однако сличение источников текста показывает, что в рукописях есть три места, в исключении которых из текста *П* можно предполагать вмешательство цензуры. На-

---

[28] См.: «Сочинения Гоголя», т. V. М., 1856, стр. 1.

пример: когда Мосий Шило попал в плен к туркам, он «истоптал ногами святой закон, скверною чалмой обвил грешную голову» и стал «старшим над всеми невольниками. Много опечалились оттого бедные невольники; ибо знали, что если свой продаст веру и пристанет к угнетателям, то тяжелей и горше быть под его рукой, *чем под всяким другим нехристом*». Можно предполагать, что подчеркнутые слова отсутствуют в *П* не по художественным соображениям: скорее, наоборот, по художественным соображениям после слов «тяжелей и горше» нужно сравнение с чем-то, что легче. Такое сравнение и было дано в вычеркнутой фразе.

Далее, Мардохай, обещая Бульбе помощь, говорит: «Когда мы *да бог* захочем сделать, то уже будет так, как нужно». Подчеркнутые слова в *П* отсутствуют, хотя именно в такой форме они были в PM_2 и в несколько иной: «... мы да бог захочет...» — в печатном тексте *М*. Думается, здесь возражение цензуры могло вызвать то, что слова «мы да бог» принадлежат еврею.

Наконец, в *П* (и в *Тр*) полностью отсутствует фраза, имеющаяся в *РК* и PM_2: «Мы не годимся быть твоими рабами; только небесные ангелы могут служить тебе». Можно думать, что исключение этих слов также связано с цензурными требованиями: ведь, например, в 1835 г. цензор В. Семенов получил строгий выговор даже за то, что пропустил в «Сыне отечества» выражение, в котором одна святая названа «представительницею слабого пола» [29].

Однако, как и в первой редакции повести, мы оперируем в этих трех случаях только предположениями и не имеем никаких более или менее объективных и убедительных доказательств цензурного вмешательства в гоголевский текст (или автоцензурной правки Гоголя). Поэтому мы и здесь не видим основания для воспроизведения этих исключенных слов или фраз в основном тексте повести.

Но анализ основного текста «Тараса Бульбы» показывает, что он, как и все другие источники, — не безупречен: в нем есть различного рода ошибки и искажения. Кроме обычных опечаток (например: «Токвач» вм. «Товкач», «втесте» вм. «вместе» и др.), здесь есть и такие ошибки, которые можно выявить только в результате сличения всех источников текста и анализа полученных разночтений. Поэтому в основной текст нами внесены следующие исправления:

Стр.	Строка	Чтение *П*	Исправлено	Источник исправления
7	13	подвижное	надвижное	*РК*, PM_2
8	5	веником	вишняком	*РК*
9	11	строптивый	сторожевой	*РК*
11	12	безжизненных	безженных	*М*
18	1	летали	летели	*РЛ*

[29] А. В. Никитенко. Дневник, т. 1. М., 1955, стр. 166.

Стр.	Строка	Чтение *П*	Исправлено	Источник исправления
26	15	Ободрительный	Одобрительный	по смыслу
37	16	Обнаженный	Обложенный	*РК*, PM_2
39	9	матери	Марии	*РК*, PM_2
60	10	вечером	вечерять	*РК*
60	28	в кучу	в круги	*РК*, PM_2
63	15	остальная	атаман	*РК*
63	19	то приставало	та приставала	*РК*, PM_2
67	8	погибает	погибнет	по смыслу
68	28	скудную	паскудная	*РК*
73	36	гнулись	погнулись	*РК*
74	39	палашом	плашмя	*РК*
79	13	поехал	подъехал	*РК*, PM_2

Написания фамилий и названия куреней унифицированы: Хайвалох вм. Хайвальх. Метелыця вм. Метелица или Метелиця, Невелычкий вм. Невымзкий, Балабан вм. Балан. Черевыченко вм. Червыченко, Дядькивский вм. Дядьнивский или Дядьковский, Тымошевский вм. Тунношевский или Тимошевский, Каневский вм. Коневский, Стебликивский вм. Стебликовский, Чигирин вм. Чигрин.

Кроме того, по современным правилам орфографии исправлены написания таких слов как «корридор», «баттарея», «анучи», «олтарь», «ксенз» и др. Вместе с тем в тексте сохранены те написания, которые, по-видимому, составляют специфику языка или словоупотребления Гоголя: «зачервонила», «диравая», «лезвеем», и др.

* * *

Характер и назначение данного издания не дают возможности включить в его состав полного свода вариантов первой и второй редакции повести, а также черновиков переработки первой редакции во вторую.

Как было сказано выше, свод черновых вариантов первой редакции и черновики переработки первой редакции во вторую опубликованы почти полностью, за небольшими исключениями и неточностями прочтения, во втором томе академического полного собрания сочинений Гоголя: варианты — стр. 596—677, черновики переработки — стр. 356—454 (ср. стр. 236 и 238—239 наст. изд.).

Что же касается вариантов второй редакции повести, то свод их, опубликованный в том же томе, стр. 476—540, содержит большое число пропусков и ошибок, серьезно искажающих картину творческой истории произведения.

Так, в отделе вариантов не отмечены довольно многочисленные пропуски и описки Гоголя в *РК* и переписчика в *РМ*₂. Например, в *РК* в одном случае Гоголь описался и назвал «Остапа» «Осипом» (см. наст. изд., стр. 26, строка 29); пропустил слова «ястреба» (стр. 36, строка 27), «тенью» (стр. 42, строка 1), «губу» (стр. 48, строка 1), «любовь мою» (стр. 48, строка 25) и т. п., слова «такое слово», имеющиеся в *РК*, *П* и *Тр*, пропущены переписчиком в *РМ*₂ (стр. 6, строка 25) и т. п. Далее, отсутствуют указания, что слово «раскидано» появилось впервые в *Тр* и его нет в *РК*, *РМ*₂ и *П* (стр. 8, строка 42), что в *П* и *Тр* напечатано «говорить», а в *РМ*₂ — «продолжать» (стр. 12, строка 26); что в *РК* и *РМ*₂ было «сопроводив его тем», а в *П* и *Тр* стало «с тем» (стр. 49, строка 24) и т. д.

Всего пропущено более 350 отдельных вариантов второй редакции повести.

Кроме того, в большом числе случаев варианты даны неточно. Выше уже говорилось и приводились примеры, когда почти в ста случаях правке Прокоповича приписаны исправления, которые впервые появились не в *П*, а еще в *РМ*₂. Кроме этого, есть еще около ста ошибочно приведенных вариантов и среди них даже такие, которых просто не существует. Так, в академическом издании варианты по *Тр* приводятся до конца повести. хотя после страницы 143, строки 29 академического издания (стр. 75, строка 10 наст. изд.) их уже нельзя приводить, так как после слов «Подобно тому, в один миг» *Тр* является уже не источником текста, а простой перепечаткой. Более того, после стр. 150, строки 11 академического издания (стр. 79, строка 36 наст. изд.) уже невозможно приводить варианты со ссылкой на *РК*, так как текст *РК* оканчивается словами: «Тарас вошел в светлицу. Жид». Однако в академическом издании ссылка на варианты *РК* продолжается и дальше, т. е. даются варианты несуществующего в *РК* текста.

Кроме уже приведенных выше в настоящем комментарии ошибок, в вариантах можно указать следующие: вместо «Гущина звезд» *Тр* (II, 499) следует «Густота звезд»; вместо «и яства *РК*; *РМ*₂ *П*, *Тр* — *нет* (II, 509) следует «и яства *РК*; и яствы *РМ*₂; *П*, *Тр* — *нет*»; вместо «губу *П*, *Тр*; *РК*, *РМ*₂ — *нет* ⟨*пропуск в рукописи*⟩» (II, 511) следует «губу *РМ*₂, *П*, *Тр*; *РК* — *нет* ⟨*пропуск в автографе*⟩»; вместо «распластанный *РК*, *РМ*₂» (II, 519) следует «распластанный *РК*; *РМ*₂ — *нет* ⟨*пропуск в копии*⟩» и т. п.

Все эти пропуски и ошибки показывают, что практически для изучения творческой лаборатории Гоголя, его работы над текстом «Тараса Бульбы» отделом вариантов второго тома академического издания, относящимся к повести, пользоваться нельзя. Недаром в упоминавшейся выше статье Н. П. Третьяковой «Работа Гоголя над языком и стилем „Тараса Бульбы“» и в ряде других исследований, построенных на материалах отдела вариантов второго тома академического издания, очень многие наблюдения, замечания и выводы совершенно не соответствуют действительности, так как исследователи опирались на искаженный источник.

Необходимо новое издание текста повести с полным сводом вариантов, а до выхода его — исследователи должны пользоваться только первоисточниками.

Изучение черновых и печатных вариантов повести — это очень поучительный пример работы великого художника слова над произведением. Как известно, Гоголя нередко обвиняли в корявости языка: еще Белинский отмечал, что язык Гоголя «точно неправи-

лен, нередко грешит против грамматики» и поэтому эти обвинения «не совсем безосновательны»[1]. Собственно с этим соглашался и Гоголь, когда писал: «Я до сих пор, как ни бьюсь, не могу обработать слог и язык свой, первые необходимые орудия всякого писателя: они у меня до сих пор в таком неряшестве, как ни у кого даже из дурных писателей» (VIII, 427).

И вот работа Гоголя над текстом «Тараса Бульбы» является замечательным примером неустанной работы писателя над языком повести. Изучение последовательности правки, особенно наглядно проявляющейся в полном своде вариантов, позволяет видеть некоторую систему гоголевской правки для изданий 1842 и 1852 гг. (вышедшего уже в 1855 г.). Так, прежде всего, он настойчиво отказывался от украинизмов. Например, в «Миргороде» (1835) Остап перед казнью восклицает: «Батько, где ты? Слышишь ли ты?» и Тарас отвечает «Слышу». Видимо при переработке первой редакции во вторую (эта часть текста не дошла до нас ни в одном из набросков переработки, нет ее и в *РК*) Гоголь исправил «слышишь» на «чуешь», и этот текст известен нам из *РМ*2: «Батько, где ты? Чуешь ли ты все это?» — «Чую». Но уже уехав за границу, Гоголь пишет Прокоповичу, что следует возвратиться к первоначальному варианту (см. стр. 244 наст. изд.). В дальнейшем Гоголь все больше и больше отказывается от украинизмов: в *РК* и *РМ*2 — «старый собака», в *П* и *Тр* — «старая...»; в *РК* и *РМ*2 — «кади», в *П* и *ТР* — «кадки»; в *РК* и *РМ*2 — «качались на росистой траве», в *П* и *Тр* — «валялись»; в *РК* и *РМ*2 — «точил горелку», в *П* и *Тр* — «цедил»; в *РК* и *РМ*2 — «ему навпереймы», в *П* и *Тр* — «за ним в погоню» (правда, в другом месте осталось «наперeймы»); «Сичь» заменена на «Сечь», но сохранена форма «Сеча» и т. п. Больше того, многое, не выправленное в 1842 г. при чтении *РЦ*, было исправлено в 1852 г. при чтении корректур *Тр*: «еломок» на «ермолка», «овражки» на «суслики», «краканье» — на «стрекотанье», почти во всех случаях «Сеча» заменена на «Сечь» и т. п.

Далее, для первого периода творчества Гоголя очень характерны были инверсии, и изучение различных источников текста повести показывает, что Гоголь, начиная с *РЦ*, целеустремленно стремился к ликвидации инверсий: *РК*, *РМ*2 — «могли только возникнуть в тяжелый XV век», *П* и *Тр* — «могли возникнуть только в тяжелый...»; *РК*, *РМ*2 — «казачьи черные шапки», — *П*, *Тр* — «черные казачьи шапки»; *РК*, *РМ*2 — «будет поле... покрыто торчащими их белыми костями», *П*, *Тр* — «...их белыми торчащими костями» и т. д. Особенно большая правка такого рода была проделана Гоголем при чтении корректур *Тр*: *РК*, *РМ*2, *П* — «наехала почти на него колымага», *Тр* — «на него почти наехала колымага»; *РК*, *РМ*2, *П* — «стекла с головы его мокрая земля», *Тр* — «мокрая земля стекла с его головы»; *РК*, *РМ*2, *П* — «заключало обдуманное устройство во время битвы», *Тр* — «заключало устройство, обдуманное для времени битвы»; *РК*, *РМ*2, *П* — «и перекинулись с обеих сторон все бывшие позадорнее бойкими словами», *Тр* — «и все бывшие позадорнее перекинулись с обеих сторон бойкими словами» и т. д.

[1] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. IX, 1955, стр. 229.

Наконец, заметен, особенно в *Тр*, отказ Гоголя и от некоторой романтической приподнятости или неточности в описаниях: «Вся музыка, наполнявшая день» (*РК*, PM_2, *П*) — «... звучавшая днем» (*Тр*); «все это... доходило до слуха гармоническим» — «... убаюкивало дремлящий слух»; «с жаром фанатика» — «беззаботно»; «все... разбегалось в сей нестройный, изумительно беспечный век» — «все разбегалось по обычаю этого нестройного, беспечного века»; «воздвигнулся» — «стал»; «Андрий приникнул духом и только глядел» (*РК*, PM_2) — «С неизъяснимым наслаждением глядел Андрий» (*П*, *Тр*).

Здесь приведены только отдельные примеры правки Гоголем текста «Тараса Бульбы», но уже и они показывают поучительность, необходимость изучения черновых и печатных вариантов повести всеми, кто хочет по-настоящему знать это одно из замечательнейших произведений русской литературы.

Примечания

К последней редакции

I

[1] *Киевская академия* — высшее духовное учебное заведение, основанное в 1615 г. В академии преподавались богословские науки, латинский и греческий языки, философия и другие науки.

[2] *бейбас* (правильнее — бельбас) — балбес.

[3] *пундик* — лакомство.

[4] *Уния* — объединение православной и католической церквей с подчинением первой главе католической церкви — папе римскому, провозглашенное в 1596 г. на церковном соборе в Бресте. Уния привела к усилению закабаления украинского населения польскими помещиками-католиками и духовенством; ликвидирована в 1839 г.

[5] *гречкосей* — здесь: земледелец, хлебопашец.

[6] *байрак* — овраг, буерак, а не «пригорок», как у Гоголя.

[7] *рейстровые казаки* — казаки, занесенные в списки (реестры) и составлявшие регулярные войска. Набирая в реестровые войска главным образом зажиточных казаков, поляки освобождали их от налогов, давали им дополнительные наделы и платили жалованье, стремясь этим внести разложение в казачью массу.

[8] *охочекомонные казаки* — добровольные казачьи отряды, присоединявшиеся к регулярным войскам.

[9] *пивники* — пивовары.

[10] *броварники* — пивовары, здесь: винокуры.

[11] *очкур* — шнурок, которым затягивался пояс шаровар.

II

[12] *бурса* — общежитие при Киевской духовной академии (первая в России бурса).

[13] *Адам Кисель* — политический деятель на Украине в первой половине XVII в., сторонник польской ориентации.

[14] *консул* — старший из воспитанников бурсы, выбиравшийся для наблюдения над поведением остальных бурсаков.

[15] *ликтор* — воспитанник бурсы, обязанностью которого было наказывать розгами провинившихся товарищей.

[16] *шемизетка* — род женской накидки.
[17] *волошки* — васильки.
[18] *дрок* — растение с желтыми цветами, иначе называется «душица», «душмянка».
[19] *крамарь* — торговец.
[20] *ятка* — базарная палатка с навесом.

III

[21] *саламата* (правильнее — соломаха) — жидкое тесто из гречневой муки, вскипяченное в масле.
[22] *довбиш* — литаврщик.
[23] *турбан* (правильнее — торбан) — народный струнный инструмент.

IV

[24] *Натолия* — Анатолия, северная прибрежная часть Турции.
[25] *клейтух* — пыж из пакли, загоняемый в ствол старинного ружья.
[26] *церкви святые ~ у жидов ~ на аренде* — в исторических документах не сохранилось никаких сведений о фактах аренды церквей евреями; однако в «Истории Руссов» есть сообщение об этом. И в старинных казачьих летописях и в «Истории» сведения эти играли определенную агитационно-политическую роль в национально-освободительной борьбе казаков с Польшей.
[27] *китайка* — бумажная ткань.
[28] *оксамит* — бархат.

V

[29] *городовое рушение* — городское ополчение.
[30] *картезианский монах* — монах католического ордена картезианцев, основанного в XI веке.
[31] *бодяк* — чертополох.
[32] *Герардо della notte* — голландский художник Герардо (Жерардо) Гонтгорст (1590—1656), прозванный «ночным» (della notte) за частое изображение в его картинах ночных сцен: людей освещенных факелами, светильниками и т. п.

VII

[33] *кухоль* — глиняная кружка.
[34] *далибуг* — ей богу.

VIII

[35] *паволока* —дорогая шелковая ткань, затканная золотыми или серебряными нитями.
[36] *череш* (черенок) — кошелек, привязанный к очкуру, поясу.

IX

[37] *Трапезонт* — Трапезунд, турецкий городок на берегу Черного моря.
[38] *габа* — турецкое белое сукно.
[39] *киндяк* — бумажная кумачевая ткань.
[40] *одесную* — справа.

X

[41] *корчик* — большой ковш.
[42] *гаман* — кошелек.

XI

[43] *левентарь* — искаженное от «региментарь», командир регимента (полка). Здесь: начальник охраны.
[44] *ой, вей мир* — о, горе мне.
[45] *цурка* — дочка, девушка.

XII

[46] *псяюхи* — собаки.
[47] *ячанье* — крик лебедя.
[48] *гоголь* — дикая утка из семейства нырковых.
[49] *курухтан* (турухтан) — дикая утка из семейства бекасовых.

К редакции 1835 г.

I

[50] *спис* — копье.

II

[51] *овражки* — суслики.

IV

[52] *кобеняк* — суконный плащ с капюшоном.

V

[53] *акшамет* — верхняя одежда из бархата (искаженное польское aksamit).

Список иллюстраций

(вклейки)

Содержание

Николай Васильевич Гоголь

Тарас Бульба

Утверждено к печати Редколлегией серии литературные памятники Академии наук СССР

Редактор издательства *М. Я. Блинчевская* Художник *Н. А. Липин*
Технический редактор *В. Г. Лаут* Корректор *Е. А. Хайтс*

Сдано в набор 27/VII 1963 г. Подписано к печати 2/XII 1963 г. Формат 70×90 1/16. Печ. л. 16,00+7 вкл. (0,88 печ. л.). Уч.-изд. л. 17, 9 (17,1+0,8 вкл.). Тираж 5500 экз. Изд. № 1933. Тип. зак № 518
Цена 1 р. 27 к.

Издательство Академии наук СССР, Москва,
К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография Издательства АН СССР, Ленинград, В-34, 9 лин., д. 12

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
199	20 сн.	к старину	в старину
219	14 сн.	bu C. J. Hogarth	by C. J. Hogarth
224	16 сн.	Kosaken-geschichten	Kosakengeschichten

Н. В. Гоголь. Тарас Бульба

Н.В. ГОГОЛЬ

ТАРАС БУЛЬБА

Н.В. ГОГОЛЬ — ТАРАС БУЛЬБА

